

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

VESTNIK NSUEM

2019

№ 1

Novosibirsk

2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

ВЕСТНИК НГУЭУ

2019
№ 1

Новосибирск
2019

The journal was founded in 2008.

The journal appears 4 times a year.

The Editor in Chief

Vladimir V. Glinskiy, Doctor of sciences, Professor

Editorial Council:

Valery V. Kuleshov, Doctor of sciences, Professor, Academician of RAS

Yury I. Shokin, Doctor of sciences, Professor, Academician of RAS

Viktor I. Suslov, Doctor of sciences, Professor, corresponding member of RAS

Andrey P. Avrov, PhD, Professor (Almaty, Kazakhstan)

Sofija Adzic, Doctor, Professor (Subotica, Republic of Serbia)

Vladimir N. Afanasyev, Doctor of sciences, Professor (Orenburg)

Yury P. Voronov, PhD, Professor

Eduard Gerhard, Professor (Coburg, Germany)

Anatoly I. Gretchenko, Doctor of sciences, Professor (Moscow)

Yury V. Gusev, Doctor of sciences, Professor

Oleg A. Donskikh, Doctor of sciences, Professor

Davar Ezra, Doctor of sciences, Professor (Netanya, Esrael)

Victor P. Ivanitsky, Doctor of sciences, Professor (Yekaterinburg)

Hans Kaminski, PhD, Professor (Oldenburg, Germany)

Alexander A. Kiselnikov, Doctor of sciences, Professor

Yusuf Karodia, PhD, Professor (Durban, SA)

Mikhail N. Kulapov, Doctor of sciences, Professor (Moscow)

Lyudmila I. Nivorozhkina, Doctor of sciences, Professor (Rostov-na-Donu)

Yury G. Odegov, Doctor of sciences, Professor (Moscow)

Svyatoslav V. Ponurov, PhD (Moscow)

Viktor I. Samarukha, Doctor of sciences, Professor (Irkutsk)

Vyacheslav E. Seliverstov, Doctor of sciences, Professor

Gennady N. Chebotaryov, Doctor of sciences, Professor (Tyumen)

Vladimir V. Shcherbakov, Doctor of sciences, Professor (St. Petersburg)

Gyula Horvath, Professor (Hungary)

Marian Cingula, Professor (Croatia)

Editorial Board:

Alexander V. Novikov, Doctor of sciences, Professor

Leonid K. Bobrov, Doctor of sciences, Professor

Sergey A. Smirnov, Doctor of sciences, Professor

Svetlana A. Ilyinykh, Doctor of sciences, Professor

Executive secretary

Lyudmila K. Serga, PhD, Associate Professor of Statistics

Editor

Svetlana M. Pogudina

Translator

Sergey P. Suhov

Журнал основан в 2008 г.

Выходит 4 раза в год.

Главный редактор

Глинский Владимир Васильевич, докт. экон. наук, профессор

Редакционный совет:

Кулешов Валерий Владимирович, докт. экон. наук, профессор, академик РАН

Шокин Юрий Иванович, докт. физ.-мат. наук, профессор, академик РАН

Суслов Виктор Иванович, докт. экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН

Авров Андрей Петрович, канд. экон. наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Аджич София, доктор, профессор (Суботица, Сербия)

Афанасьев Владимир Николаевич, докт. экон. наук, профессор (Оренбург)

Воронов Юрий Петрович, канд. экон. наук

Герхард Эдуард, профессор (Кобург, Германия)

Гретченко Анатолий Иванович, докт. экон. наук, профессор (Москва)

Гусев Юрий Васильевич, докт. экон. наук, профессор

Донских Олег Альбертович, докт. филос. наук, профессор

Давар Эзра, докт. экон. наук, профессор (Нетания, Израиль)

Иваницкий Виктор Павлович, докт. экон. наук, профессор (Екатеринбург)

Камински Ханс, PhD, профессор (Ольденбург, Германия)

Кисельников Александр Андреевич, докт. экон. наук, профессор

Кародиа Юсуф, PhD, профессор (Дурбан, ЮАР)

Кулапов Михаил Николаевич, докт. экон. наук, профессор (Москва)

Ниворожкина Людмила Ивановна, докт. экон. наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Одегов Юрий Геннадьевич, докт. экон. наук, профессор (Москва)

Понуров Святослав Владимирович, канд. экон. наук (Москва)

Самаруха Виктор Иванович, докт. экон. наук, профессор (Иркутск)

Селиверстов Вячеслав Евгеньевич, докт. экон. наук, профессор

Чеботарев Геннадий Николаевич, докт. юрид. наук, профессор (Тюмень)

Щербаков Владимир Васильевич, докт. экон. наук, профессор (Санкт-Петербург)

Хорват Дьюла, профессор (Венгрия)

Цингула Мариан, профессор (Хорватия)

Редакционная коллегия:

Новиков Александр Владимирович, докт. экон. наук, профессор

Бобров Леонид Куприянович, докт. техн. наук, профессор

Смирнов Сергей Алевтинович, докт. филос. наук, профессор

Ильиных Светлана Ивановна, докт. социол. наук, профессор

Ответственный секретарь

Серга Людмила Константиновна, канд. экон. наук, доцент

Редактор

Погудина Светлана Максимовна

Переводчик

Сузов Сергей Павлович

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-30505

CONTENT

SOCIETY AND ECONOMY: PROBLEMS OF DEVELOPMENT

<i>Pyatov M.L.</i> Dilettantism and Economic Life in a Contemporary Context	10
<i>Amelchenko A.V., Mikhailov Y.I.</i> Goal-Setting in the System of Strategic Management	29
<i>Sumskaya T.V.</i> The Main Aspects of Formation of Localself-Governments' Budgets in the Russian Federation	44
<i>Balikoev V.Z.</i> Specifics of the Research Methodology of Certain Economic Subjects	60
<i>Svistunov A.V.</i> Formation of an Effective Mechanism for Socially Responsible Investment in the Comprehensive Modernization of the Municipal Infrastructure	74

STATISTICS AND ECONOMIC DIMENSION

<i>Chistyakova N.O., Tatarnikova V.V.</i> To the Question of Own Revenues Influence Level on the Socio-Economic Development Indicators of Municipalities	90
<i>Vasilyeva N.S.</i> Study of the Methods of Bankruptcy Prediction and Revelation of the Signs of Deliberate Business Bankruptcy	103
<i>Zaykov K.A.</i> To the Question of the Assessment of the Russian Federation Regions Innovative Potential Level	134

FINANCE, ACCOUNTING AND ANALYSIS

<i>Anokhin N.V., Popova T.A., Protas N.G.</i> Modern Trends of the Financial Market	152
<i>Kashchina Z.E.</i> Personalization of Corporate Reporting as the Course of Development of its Practice	161
<i>Bortsov D.B.</i> The Switch of Insurance Companies to Industrial Accounting Standards and Unified Chart of Accounts: Financial Result and Taxable Income	174
<i>Skorobogatov A.S.</i> The Method of Application, Review and Implementation of Engineering Proposals for Cost Reduction at an Engineering Company	182

FACTS, APPRAISALS, PERSPECTIVES

<i>Shvetsov Y.G., Suntsova N.V., Koreshkov V.G.</i> Which Will Occur with the Commercial Banks in the Digital Economy	192
<i>Dolbnya A.A.</i> The Development of the Financial Monitoring System of the Russian Federation	205
<i>Lyateva M.G., Karzanova I.V.</i> Development of the Food Industry of Bulgaria in the Conditions of International Integration	223
<i>Rumyantsev A.S.</i> Regional Differentiation of Socio-Economic Indicators on the Example of the Siberian Federal District and Novosibirsk Region	231

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

<i>Пятов М.Л.</i> Дилетантизм и экономическая жизнь в условиях современности	10
<i>Амельченко А.В., Михайлов Ю.И.</i> Целеполагание в системе стратегического управления	29
<i>Сумская Т.В.</i> Основные аспекты формирования бюджетов органов местного самоуправления в Российской Федерации	44
<i>Баликов В.З.</i> Особенности методологии исследования конкретных экономических дисциплин	60
<i>Свистунов А.В.</i> Формирование эффективного механизма социально ответственного инвестирования комплексной модернизации коммунальной инфраструктуры	74

СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

<i>Чистякова Н.О., Татарникова В.В.</i> К вопросу о влиянии уровня собственных доходов на индикаторы социально-экономического развития муниципальных образований	90
<i>Васильева Н.С.</i> Исследование методик прогнозирования вероятности и выявления признаков преднамеренного банкротства организации	103
<i>Зайков К.А.</i> К вопросу оценки уровня инновационного потенциала субъектов Российской Федерации	134

ФИНАНСЫ, БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И АНАЛИЗ

<i>Анохин Н.В., Попова Т.А., Протас Н.Г.</i> Современные тренды финансового рынка	152
<i>Кащина Ж.Е.</i> Персонализация корпоративной отчетности как направление развития ее практики	161
<i>Борцов Д.Б.</i> Переход страховых организаций на отраслевые стандарты бухгалтерского учета и единый план счетов: финансовый результат и налогооблагаемая прибыль	174
<i>Скоробогатов А.С.</i> Методика подачи, рассмотрения и внедрения конструкторско-технологических предложений по снижению себестоимости на машиностроительном предприятии	182

ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Швецов Ю.Г., Сунцова Н.В., Корешков В.Г.</i> Что произойдет с коммерческими банками в цифровой экономике?	192
<i>Долбня А.А.</i> Развитие системы финансового мониторинга Российской Федерации	205
<i>Лятева М.Г., Карзанова И.В.</i> Развитие пищевой промышленности Болгарии в условиях международной интеграции	223
<i>Румянцев А.С.</i> Региональная дифференциация социально-экономических показателей на примере Сибирского федерального округа и Новосибирской области	231

BUSINESS INFORMATICS

- Pestunov A.I., Kovalev V.A.* Estimating the Critical Selling Price
of a Technological Device at the Equipment Market from a Buyer Position 240

SOCIOLOGY

- Blokhin V.N.* Possibilities of Intensification of Socio-Economic Development
of Rural Communities 247

THEORETICAL SEARCH AND OFFERS

- Kulay S.V.* Monoprofile Municipal Formation (Monocity): Specifics of the Russian
and Foreign Conceptual Framework 262
- Ryndach M.A.* Design of the Spatial and Planning Decisions of Tourism
and Recreation Activities Adjusted for Accessible Environment 275

БИЗНЕС-ИНФОРМАТИКА

- Пестунов А.И., Ковалев В.А.* Определение критической цены продажи
технологической машины на рынке оборудования с позиции покупателя 240

СОЦИОЛОГИЯ

- Блохин В.Н.* Возможности интенсификации социально-экономического
развития сельских сообществ 247

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

- Кулай С.В.* Монопрофильное муниципальное образование (моногород):
особенности российского и зарубежного понятийного аппарата 262
- Рындач М.А.* Проектирование пространственно-планировочных решений
туристско-рекреационной деятельности с учетом доступной среды 275

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

УДК 657

ДИЛЕТАНТИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Пятов М.Л.

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: m.pyatov@spbu.ru

Статья посвящена рассмотрению вопросов динамики экономического поведения субъектов социальных отношений, связанной с изменениями технологической (инструментальной) среды нашего существования, характерными для начала XXI в. – цифровизацией, интернет-технологиями, развитием поисковых алгоритмов, социальными сетями. Определяются возможные изменения в самоидентификации участника экономической деятельности в его взаимодействии с информационным полем, формируемым интернет-технологиями. Предлагается новое понимание феномена дилетанта и его роли в современных социально-экономических отношениях. Тема рассматривается в свете концепции «третьего мира» К. Поппера, положений теории инструментальной эволюции М. Маклюэна, теории постсовременности Э. Гидденса и идей «плоского мира» Т. Фридмана.

Ключевые слова: дилетант, дилетантизм, эволюция, технологии, информация, экономика, человек, современность, восприятие.

DILETTANTISM AND ECONOMIC LIFE IN A CONTEMPORARY CONTEXT

Pyatov M.L.

Saint Petersburg State University
E-mail: m.pyatov@spbu.ru

The article considers the issues of dynamics of economic behavior of the parties to social relations related to changes in the technological (instrumental) environment of our existence, typical for the beginning of the 21st century – digitalization, Internet technologies, development of the search algorithms, social media. Possible changes in self-identification of the participant of economic activity in his interaction with the information field formed by the Internet technologies are being revealed. A new understanding of the dilettante phenomenon and his role in modern social and economic relations is offered. The subject is considered in the light of the K. Popper's [three worlds] concept, provisions of the M. McLuhan's instrumental evolution theory, A. Giddens' postmodernity theory and T. Friedman's 'flat world' ideas.

Keywords: dilettante, dilettantism, evolution, technologies, information, economy, man, modernity, perception.

В последние годы самым широким образом обсуждаются вопросы влияния развития технологий на социальную жизнь. В части определения социально-экономических последствий проходящей на наших глазах технологической революции основными направлениями дискуссии служат, с одной стороны, оценка тех возможностей, которые появляются у участников общественных отношений благодаря использованию новых инструментов, а с другой – прогнозы относительно возможных изменений в распределении благ в связи с роботизацией хозяйственной деятельности [18]. Что же касается оценки влияния технологических новаций на изменение внешней среды нашего существования, то здесь дискуссия, как правило, ведется относительно прогнозов динамики когнитивных способностей человека и переходит в область, скорее относящуюся к предмету нейрофизиологии и т.п. [см., например, 8].

Однако, если принять во внимание утверждение о том, что «все социальные перемены суть последствия внедрения новых технологий ... и их проникновения в нашу чувственную, сенсорную жизнь» [9, с. 7], можно прийти к выводу о недостаточном внимании, уделяемом в этом обсуждении происходящим под воздействием динамики технологической среды изменениям в экономическом поведении участников хозяйственных отношений.

Этого вопроса – о возможном новом в экономическом поведении человека, обусловленном динамикой технологической среды его существования в XXI в. – и попробуем коснуться в этой статье. При этом считаем необходимым уже здесь обратить внимание читателя на то обстоятельство, что возможные в рамках рассмотрения этой темы вопросы психологии, нейрофизиологии, нейробиологии, психиатрии и прочих областей знания, безусловно, стоят далеко за рамками нашего изложения этой темы. Более того, данный материал отнюдь не претендует на законченное исследование в соответствующей области, но может рассматриваться как попытка постановки проблемы, проблемы, по нашему мнению, существующей и актуальной для современного социально-экономического знания.

ТЕХНОЛОГИИ И МЫ

Та часть социальной жизни, которая связана с передачей и получением информации, за последние годы изменилась до неузнаваемости. С ней, впрочем, изменилась и вся социальная жизнь в целом. В течение буквально мгновения на временной линейке истории в мире произошла информационная революция, сделавшая окружающее нас смысловое пространство таким, каким человечество не знало его никогда.

Цифровизация небывалого объема данных, интернет, открывший и революционно упростивший наш к этим данным доступ, социальные сети, кардинально изменившие формат человеческого общения, став при этом одним из основных инструментов современной социализации, – это те вещи, благодаря которым наш мир уже никогда не будет прежним. Препятствиями никогда уже не будем и мы сами, ведь технологии как инструмент нашей адаптации к условиям окружающей среды, будучи инструментом реализации наших мыслей и чувств, являются в то же время неотъемлемой частью нас самих. По определению К. Поппера (K.R. Popper; 1902–1994),

«инструменты – это в некотором роде экзосоматические органы» [14, с. 30]. Технологии, такие как лопата, нож, прирученная лошадь, подзорная труба, поезд, самолет, смартфон – это ничто иное, как формы нашей эволюции – это, если хотите, мы сами.

«Человек, – писал М. Маклюэн (М. McLuhan; 1911–1980), – робот не только в личных рефлексках, но и в культурном поведении, и во всех реакциях на продолжение тела, которые мы называем технологиями. Продолжения человека [инструментальные], со всеми их окружениями, суть очевидные области проявления процесса эволюции» [9, с. 23].

Распространение данных форм эволюции человечества как вида, безусловно, прогрессивно для него в целом, вызывает страх, неприятие, гнев у отдельных его представителей, отражая возникающую в связи с технологическим развитием внутривидовую конкуренцию.

«Когда кого-то ранит новая технология, когда частное лицо или корпоративная организация обнаруживает, что его своеобразие подвергается опасности физической или психической перемены, – они огрызаются в ярости самозащиты. Когда наше самосознание под угрозой, мы уверены, что у нас есть право на войну. Старый образ должен быть сохранен любой ценой» [9, с. 114]. «Новая технология разрушает образ, частный или корпоративный, любого общества, причем настолько радикально, что в сердцах людей поселяются страх и тревога и начинаются новые поиски идентичности. Никто никогда не изучал, какая мера информации необходима, чтобы расшатать образ индивида или общества. В наше время, во всяком случае, объем инноваций намного превосходит все, что было создано нового во всех культурах прошлого во всем мире. ... [и] Когда новая технология поражает общество, наиболее естественная реакция – вцепиться обеими руками в непосредственно предшествующий период, обнаруживая в нем знакомый и комфортный образ» [9, с. 143–144].

Однако именно обладание новыми технологиями как продуктом эволюции вида в целом делает его отдельных представителей победителями в конкурентной борьбе, обеспечивающей общий прогресс человечества. В этом утверждении можно увидеть отсылку к идеям Д. Морриса (D.J. Morris) о поведении его «голых обезьян» [11]. Однако в части, относящейся к нашему экономическому поведению, здесь следует, скорее, отослать читателя к работам Р. Френка (R.H. Frank) и его «дарвиновской экономике» [19].

Социодинамическая (в контексте идей А. Моля (A.A. Moles; 1930–1992) [10]) роль новых технологий, помимо прочего, состоит и в том, что выступая, с одной стороны, частью нас самих, они, с другой стороны, формируют окружающую нас как биологические единицы среду, нами определенным образом воспринимаемую и нас определенным образом меняющую. Здесь мы можем наблюдать как очевидные физиологические изменения представителей вида (изменение качеств (характеристик) среднестатистического человека под воздействием использования технологий), так и динамику механизмов восприятия нами сигналов окружающей среды.

По утверждению М. Маклюэна, «Дарвин и Маркс проигнорировали искусственную окружающую среду в своих теориях эволюции» [9, с. 42]. Но, «поскольку новые информационные окружающие среды суть прямые расширения нашей нервной системы, они состоят в значительно более тесной

связи с условиями человеческого существования, нежели былая «естественная» окружающая среда» [9, с. 44]. При этом «всякая контролируемая окружающая среда, всякая рукотворная окружающая среда выступает как фактор приспособляемости» [9, с. 81].

Если изменения первого рода становятся идентифицируемыми лишь в течение относительно длительного периода времени, то механизмы (схемы) работы процессов восприятия в последние годы подвергаются небывалой за историю человечества трансформации.

Однако в силу отмеченных выше причин первичной реакции общества на создаваемые им же новые технологии, «сотворенная человеком среда всегда игнорируется им в период, когда она только создается ... когда ее сменяет другая среда, она сразу становится зримой» [9, с. 21]. Именно поэтому оценка современности, необходимо предполагающая в определенной степени разрыв идентификации с нею, – это сложно выполнимая, но чрезвычайно актуальная задача, решение которой способно обеспечить по возможности адекватную оценку ее (современности) вероятных последствий. В частности, именно в настоящее время мы можем говорить об актуальности попыток оценить влияние развития технологий, формирующих современную нам искусственную окружающую среду, на изменение наших механизмов восприятия этой среды как поступающих нам информационных сообщений. Эти изменения соответственно способны повлечь за собой модификацию механизмов принятия нами решений, в том числе и в области нашей экономической деятельности.

ДОВЕРИЕ ПРОФЕССИОНАЛУ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Безусловно, стремительное развитие технологий – это черта социальной жизни, свойственная отнюдь не только XXI в. «Механистический процесс, начавшийся в XVIII столетии и обернувшийся возникновением новой сервисной среды – пресса, шоссе и почтовые маршруты, – быстро получил подкрепление с открытием парового двигателя и изобретением железных дорог. К середине XIX века уровень сервисов, доступных фабричным рабочим в индустриальном обществе, уже намного превосходил по масштабу сервисы, которые мог монополизировать частный капитал» [9, с. 9]. Вместе с тем формируемая этими технологическими новациями искусственная окружающая среда воспринималась участниками общественных отношений посредством взаимодействия с профессионалами в соответствующих областях знания. И (может быть заново) сложившийся еще в средние века способ коммуникации с отдельными областями «мира благ и знания о них» через посредничество профессионалов в соответствующих областях и доверия к их действиям, до определенного момента только усиливался с развитием технологий. Здесь можно утверждать, что эти процессы достигли своей кульминации в XX в.

Именно указанное выше обстоятельство позволило Э. Гидденсу (A. Giddens) утверждать, характеризуя социум конца XX в., что «природа современных институтов глубоко связана с механизмами доверия к абстрактным системам, особенно к экспертным системам» [7, с. 212].

Экспертные системы представлены профессионалами в различных областях деятельности, «личные обязательства [которых] находятся в сильной зависимости от того, что может быть названо манерой вести себя представителям или операторам системы. Мрачная рассудительность судьи, формальный профессионализм доктора или стереотипная веселость команды самолета, обслуживающей пассажиров, все это подпадает под эту категорию. Все участники понимают, что уверенность необходима и что это уверенность двоякого вида: в надежности отдельных вовлеченных индивидов и в (по необходимости скрытых) знаниях или навыках, к которым обычный человек фактически не имеет доступа» [7, с. 214–215].

Как тут не вспомнить строки из сочинения Р. Бэкона (R. Bacon; ок. 1214 – после 1292) «О тайных деяниях искусства и природы и о ничтожности магии», где он давал советы по поведению медикам-профессионалам: «Однако следует учесть и то, что опытный врач, да и любой, кто должен воодушевить [другого], может с пользой употреблять заклинания и заговоры, пусть даже и пустые И это не потому, что сами магические формулы и заклятия делают нечто, но для того, чтобы пациент воодушевился, более охотно и с большим желанием принимал лекарство, больше уповал, надеялся [на выздоровление] и пребывал в хорошем расположении духа, поскольку когда он воодушевлен, его душа может многое восстановить в своем теле, так что он выздоровеет благодаря доверию и хорошему расположению духа» [3, с. 423].

«Пациенты, – продолжает Гидденс, – вероятно не доверяли бы медицинским работникам так безоговорочно, если бы имели полную осведомленность об ошибках, которые были сделаны в больничных палатах и на операционном столе» [7, с. 216]. «Коды профессиональной этики, в некоторых случаях поддерживаемые правовыми постановлениями, образуют тот способ, при помощи которого доверительность коллег или партнеров управляется изнутри» [7, с. 216].

Более того, подчеркивает Гидденс, «в большинстве современных систем образования обучение наукам всегда начинается с «первых принципов», а знание рассматривается, в той или иной степени, как не подлежащее сомнению. Только если кто-то продолжает изучать науку еще некоторое время, то она или он, вероятно, столкнется со спорными вопросами или же станет полностью осведомлен о потенциальной ошибочности всех положений научного знания» [7, с. 219].

«Наука, таким образом, имеет давно поддерживаемый образ надежного знания, который перетекает в установку уважения к большинству форм технической специализации. ... [Отсюда, можно утверждать, что] ... Потребность в доверии возникает лишь там, где есть неведение. ... Популярные представления о научной и технической экспертизе по преимуществу ставятся в один ряд с установками враждебности или страха... На профессии, чье требование к специальному знанию видится в основном как “закрытое предприятие”, а обладание внутренней терминологией кажется изобретенным для защиты от “людей с улицы” – как это имеет место с юристами и социологами, – обычно смотрят особенно подозрительно» [7, с. 219]. В этой связи «уважение к техническому знанию сочетается с прагматиче-

ской установкой в отношении абстрактных систем, в основе которой лежит либо скептицизм, либо почтение» [7, с. 220].

Таким образом, приходит к заключению Гидденс, «вера, которая поддерживает доверие к экспертным системам, включает блокировку незнания обычного человека в случае встречи с утверждениями экспертизы; но осознание областей незнания, с которыми сталкиваются сами эксперты в качестве индивидуальных деятелей и применительно ко всеобщим областям знания, может ослабевать или подрывать эту веру со стороны обычных людей» [7, с. 269].

Последствия доверия профессионалам со стороны членов общества, не являющихся специалистами в соответствующих областях знания, прекрасно охарактеризовал Ф. фон Хайек (F.A. Hayek; 1899–1992), который подчеркивал, что «отдельный человек не в состоянии усвоить все то количество фактов, от которых зависит успех деятельности в обществе. И вся наша цивилизация, таким образом, неизбежно покоится на нашей доверии к вещам, истинность которых мы не в состоянии знать в картезианском смысле» [21, с. 31]. Отсюда «член [современного] цивилизованного общества отличается не столько большим объемом знаний, сколько огромными возможностями извлекать пользу из знаний других людей, что и определило его способность преследовать бесконечно более широкий круг целей, чем необходимо для удовлетворения его самых настоятельных материальных потребностей» [21, с. 33]. Таким образом, писал он, «важнейшей характеристикой нашей цивилизации является то, что мы все получаем выгоду от знаний, которыми сами не располагаем. И один из способов, с помощью которых цивилизация позволяет нам обойти ограниченность объема индивидуального знания, заключается в преодолении неведения не методами умножения объема индивидуальных знаний, а за счет использования знаний, рассеянных среди членов общества» [21, с. 34].

Однако развитие и усложнение всей системы знаний человечества – этого третьего мира К. Поппера [14, с. 47–78], необходимо привело к положению, отмеченному Гидденсом и способствовавшему тем процессам изменения авторитета специального знания, о котором речь пойдет ниже: «Никто не может, – писал Гидденс, – стать экспертом, как в смысле овладения полноценным экспертным знанием, так и должных формальных обязательств, более, чем в нескольких маленьких областях весьма сложных систем знания, существующих на сегодняшний день. Однако, никто не может взаимодействовать с абстрактными системами без овладения некоторыми элементарными знаниями о принципах, на которых они основаны» [7, с. 286].

ОТ ДОВЕРИЯ К «САМОСОТРУДНИЧЕСТВУ»

Развитие технологий обработки и хранения данных позволило создать не поддающиеся воображению информационные ресурсы (хранилища информации), доступ к которым был обеспечен через интернет. Сложилась небывалая для истории человечества ситуация. Любой пользователь персонального компьютера, подключенного к интернету, получил свободный доступ к гигантской «всемирной библиотеке», любая страница сокровищ которой могла быть открыта им, что называется, в «один клик».

Единственным необходимым действием в поиске нужных данных стал набор соответствующего запроса в Google или иной поисковой системе. Очень скоро это действие стало доступно практически в любой точке земного шара. Интернет тем самым обеспечил непрерывное подключение любого желающего к некоему «мировому разуму» – «третьему миру» К. Поппера. Чрезвычайно быстрое развитие алгоритмизации поиска «нужных» данных, снятие проблем с переводом соответствующих данных на «нужный» пользователю язык, максимально упростили этот и так чудовищно упрощенный по историческим меркам процесс добычи информации.

Пользование значительной (если не большей) частью ставших таким образом доступными каждому данным всегда предполагало необходимость определенных профессионального образования и навыков. В содержании таких данных ничего не изменилось. Они остались «профессионально ориентированными», но если раньше (в доинтернетовскую эпоху) и поиск этих данных был доступен во многом лишь профессионалам, то теперь это ограничение было снято. Любой человек получил возможность познакомиться с информацией, десятилетиями, а то и веками рассматривавшейся в каком-то смысле как привилегия профессионалов в той или иной области.

Эта революционная трансформация «ритуалов доступа» к профессионально ориентированным данным чрезвычайно быстро изменила впечатления от результатов знакомства с ними у широких масс пользователей интернет-ресурсами. В сверхкороткие сроки изменились границы иллюзии понятности предоставляемых интернетом данных, иными словами, объемы данных, кажущихся их потребителю (пользователю интернета) понятными, возросли до небывалых масштабов. По всей видимости, здесь сработал целый ряд факторов, сформировавших такой вот кумулятивный эффект.

Прежде всего, это отмеченное еще Аристотелем стремление человека к ощущению понимания чего-либо. «Все люди от природы стремятся к знанию» – с этих слов начинается «Метафизика» [2, с. 5]. Всем нам нравится ощущение понимания, оно доставляет нам удовольствие, и, наоборот, непонимание, его признание – это источник негативных эмоций для нас. Вспомним слова Ф. Бэкона (F. Bacon; 1561–1626): «всякое знание и удивление (которое является зерном знания) сами по себе доставляют удовольствие» [4, с. 88].

Однако здесь также можно вспомнить и знаменитый диалог Нунана и Валентина из «Пикника на обочине» братьев Стругацких:

«Ну а как насчет того, что человек, в отличие от животных, существо, испытывающее непреодолимую потребность в знаниях? Я где-то об этом читал.

– Я тоже, – сказал Валентин. – Но вся беда в том, что человек, во всяком случае массовый человек, с легкостью преодолевает эту свою потребность в знаниях. По-моему у него такой потребности и вовсе нет. Есть потребность понять, а для этого знаний не надо. Гипотеза о боге, например, дает ни с чем не сравнимую возможность абсолютно все понять, абсолютно ничего не узнавая... Дайте человеку крайне упрощенную систему мира и толкуйте всякое событие на базе этой упрощенной модели. Такой подход не требует никаких знаний. Несколько заученных формул плюс так называемая ин-

туция, так называемая практическая сметка и так называемый здравый смысл» [16, с. 173].

Чрезвычайное упрощение ритуала доступа к данным сформировало ощущение и чрезвычайной простоты их понимания. А раз понять что-то просто, то мы готовы это понять, т.е. поверить в то, что мы это поняли. С другой стороны, в условиях отсутствия у нас доступа к данным, которыми владеет профессионал, мы необходимо испытываем ощущение конкурентного проигрыша ему в сфере его профессиональной деятельности. Мы слабы перед ним, мы не можем с ним конкурировать, и это касается даже вопросов нашей бытовой повседневности. Мы не специалисты в области, предположим, строительных работ, кулинарии, медицины, сантехники, юриспруденции, обслуживания транспортных средств и т.п. Чрезвычайное упрощение доступа к профессиональной информации делает нас потенциальными участниками этого конкурентного соперничества с профессионалами, как бы выравнивая наши потенциальные возможности.

Как еще в 2005 г. писал Т. Фридман (T.L. Friedman), «никогда прежде в истории планеты у такого огромного количества людей не было возможности **самостоятельно** (выделено автором) добыть столько информации о стольких вещах, событиях и людях. ... [любому] открывается тот же самый базовый доступ к поисковой информации, что и всем остальным. Возникает ситуация абсолютного равенства» [20, с. 198].

Говоря о социальной роли компании Google, Фридман писал тогда, в уже далеком от сегодняшнего дня 2005 г., что ей удалось «организовать громадное, кажущееся беспредельным количество доступной в Сети информации, причем организовать **конкретно для Вас** (выделено нами. – М.П.)» [20, с. 199]. Эта иллюзия фактически персональной организации поисковика для его конкретного пользователя сыграла очень важную роль в формировании обсуждаемого нами феномена.

Успех Google, согласно Фридману, «измеряется тем, насколько сильно людей притягивает эта возможность – иметь все знание мира на кончиках своих пальцев. Нет более радикального выравнивателя, чем идея сделать все мировое знание, или хотя бы солидную его часть, доступным любому человеку в любое время и в любом месте» [20, с. 199].

Самостоятельный поиск данных в Сети Фридман определил как новый вид сотрудничества человека – «**самосотрудничество**». Собственно, сам этот термин, согласитесь, уже звучит убийственно для идеи доверия профессионалу. «К какой ипостаси сотрудничества можно отнести интернет-поиск? – пишет Фридман. – Я называю ее «ин-формированием». Ин-формирование – персональный аналог использования открытого доступа к информации (опен-сорсинга), аутсорсинга, инсорсинга, возможности организации цепочек поставок и оффшорного рабочего места для отдельного человека. Ин-формирование – это способность строить и разворачивать вашу собственную сеть снабжения: информацией, знаниями, развлечениями. Ин-формирование – это “самосотрудничество”, превращение вас в вашего собственного уполномоченного исследователя, редактора и отборщика развлечений, которому нет необходимости зависеть от библиотеки, кино и телеканалов» [20, с. 200].

Фридман определил последствия вхождения интернета в повседневность как «демократизацию информации». Ссылаясь на слова соучредителя Yahoo! Джерри Йенга, он писал, что «демократизация информации оказывает глубочайшее воздействие на общество. Сегодняшние потребители намного более эффективны в этом своем качестве; информацию, товары, услуги они раздобудут быстрее с помощью поисковой машины, нежели пользуясь традиционными средствами. Они, – уверял нас в 2005 г. Фридман, – лучше осведомлены обо всем, что касается работы, здоровья, досуга и т.п.» [20, с. 201]. «Мы знаем тех, кто с помощью Google находил симптомы инфаркта и после этого звонил в службу 911» [20, с. 202].

Удивительно интересно, в каком контексте тогда, в начале двухтысячных, характеризовал возможности, предоставляемые Google, исполнительный директор компании Э. Шмидт: «поиск – такая индивидуальная вещь, что обладание сверхэффективным поисковым инструментом расширяет возможности людей как ничто иное. Это антитеза к указаниям и поучениям, – это накачка потенциалом – потенциалом делать то, что ты считаешь наилучшим, с информацией, которая тебе нужна. И это намного отличается от всего предшествующего опыта. Радио работало по принципу “одно для многих”. Телефон работал по принципу “один на один”. Интернет-поиск – окончательное выражение мощи отдельного человека, использующего компьютер, смотрящего на мир и находящего то, что ему нужно, – ведь в этом ни один человек не похож на другого» [20, с. 204].

ДИЛЕТАНТИЗМ И ВНУТРИВИДОВАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Именно эта, подаренная человеку интернет-технологиями иллюзия полной и, главное, ни от кого иного, кроме конкретного пользователя, не зависящей власти над информационным пространством, над «третьим миром» нашего существования, иллюзия даже не выигрыша в конкурентной борьбе с себе подобными, а вовсе отсутствия этой конкурентной борьбы, иллюзия не то чтобы победы над авторитетом, но его полного исчезновения в обезличенном информационном пространстве – безусловно, сделала поиск информации своеобразным источником наслаждения наших современников, стремительно превращая их в дилетантов, вдохновленных ощущением абсолютного господства над своей собственной информационной вселенной.

Конечно, тема конкуренции с обладателями авторитета, статуса профессионала, знатоками в той или иной области знаний, мудрецами – отнюдь не нова. Внутривидовая конкуренция – это основа эволюции человечества. Отсюда этот аспект нашей жизни имманентен всей его истории.

Здесь, с одной стороны, можно вспомнить убеждение Аристотеля в том, что «мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять, и не он должен повиноваться другому, а ему – тот, кто менее мудр» [2, с. 9]. С другой – указать на наставления Сенеки, согласно которым: «взрослому же и сделавшему успехи стыдно срывать цветочки изречений, опираясь, как на посох, на немногие расхожие мысли, и жить заученным на память. Пусть стоит на своих ногах и говорит сам, а не запоминает чужое. Стыдно старому или пожилому набираться мудрости из учебника. – “Так сказал Зенон”. –

А ты сам? – “А это сказано Клеанфом”. – А ты-то кто? До каких пор будешь под началом у других? Командуй сам, скажи слово, достойное памяти. Изреки что-нибудь из себя. На мой взгляд, все эти не создатели, а толкователи, прячущиеся в чужой тени, не обладая ни каплей благородства, век не осмелятся сделать то, чему так долго учились. Они поднаторели запоминать чужое. Но одно дело помнить, другое знать! Помнить – значит сохранить в памяти порученное тебе другими, а знать – это значит делать и по-своему, не упершись глазами в образец и не оглядываясь всякий раз на учителя. – “Так сказал Зенон, это сказано Клеанфом”. – Не становись второю книгой! До каких пор ты будешь учиться? Учи других, пора! Зачем мне слушать то, что я и сам могу прочесть?» [15, с. 116].

Можно также обратиться к удивительно дипломатичному высказыванию Р. Бэкона: «имя авторитета достойно благожелательного отношения. А потому наши предшественники достойны почитания, независимо от того, обладают ли они истинным авторитетом или же [только] кажущимся, который является авторитетом вождей толпы. А против использования кажущегося авторитета подходят не только советы и заповеди, данные Богом, святыми, философами и всеми мудрыми, но и все то, что могло быть сказано истинными авторитетами против пороков человеческой слабости, может быть равным образом [обращено против] тех, кто пользуется ложным авторитетом. А потому, если у нас есть советы и заповеди против недостатков истинных авторитетов, то куда большими средствами [мы располагаем в борьбе] против тех, кто злоупотребляет [именем авторитета]» [3, с. 63].

С другой стороны, уместным здесь будет и высказывание его не менее знаменитого однофамильца Ф. Бэкона: «едва ли возможно одновременно и преклоняться перед авторами и превзойти их» [4, с. 63], «и пусть ни величие авторитета древних, ни огромные фолианты современных ученых не мешают никому острым умом проникать в неизведанное» [4, с. 156].

Уже гораздо ближе по времени к нашей с вами современности, М. Вебер (М.С.Е. Weber; 1864–1920) писал: «в наши дни мода и литературные склонности породили уверенность, что можно обойтись без специалиста или свести его роль к вспомогательной деятельности на службе “созерцателя”, интуитивно воспринимающего действительность. Почти все науки обязаны кое-чем дилетантам, часто даже весьма ценной постановкой вопросов. Однако возведение дилетантизма в научный принцип было бы концом науки. Пусть тот, кто ищет созерцаний, отправляется в кино» [5, с. 16].

Тема эта безгранична, и стремление человека превзойти тех, кто по существу является его явным или косвенным соперником за место победителя во внутривидовой конкуренции, тысячелетия остается неизменным. Но никогда за эти тысячелетия, технологические (инструментальные) новации не дарили каждому желающему столь сладостной иллюзии достижения этой победы одним лишь кликом на своем гаджете.

Здесь характерно, что продолжая восторгаться возможностями новых технологий, Фридман буквально на следующей странице после утверждения о том, что в поиске информации в интернете «ни один человек не похож на другого» [20, с. 204], пишет: «потребители информации все больше превращаются в ее производителей, все больше *привыкают* (выделено нами. – **М.П.**) формировать окружающее пространство по *своему* (выделе-

но автором) выбору – находить его тогда, там и так, когда, где и как им этого хочется» [20, с. 206]. «В эпоху сверхэффективного поиска, – продолжает Фридман, как бы не замечая противоречия с предшествующими утверждениями, – знаменитостью становится каждый: Google ровняет информационное поле, классовые и образовательные перегородки рушатся под его напором. “Если я умею работать с Google, я найду все, что угодно”, – сказал мне А. Козн, вице-президент компании “Эйр-спейс”, торгующей беспроводными технологиями. – Он как Бог: обходится без проводов, всюду присутствует, все видит. И любой вопрос, который у вас возникает, вы адресуете ему» [20, с. 207].

ИЛЛЮЗИИ УПРОЩЕНИЯ

Однако доступность данных не изменила наших умственных способностей, оставшихся в целом такими же, какими они были и в XX в. Даже если среднестатистический человек пожелает стать профессионалом во всех областях, данными о которых он интересуется в интернете сегодня, он будет попросту не в состоянии этого сделать из-за своих совершенно естественных ограничений как представителя вида.

Данная ситуация очень быстро сформировала запрос массового пользователя данных на максимальное упрощение формата и содержания предоставляемой ему информации, ее максимальной схематизации, визуализации, уменьшения объемов использования специальной терминологии, максимальный уход от «академичности» предлагаемых материалов и т.п. И этот запрос стремительно был удовлетворен, и эта тенденция максимального упрощения подачи данных продолжает набирать обороты. Его удовлетворению чрезвычайно способствовало и то обстоятельство, что интернет стал самым обширным полем рекламы в современном мире.

Как здесь вновь не вспомнить «Метафизику» Аристотеля, который, прощая мысль о стремлении к знанию как природном свойстве человека, отмечал, что «доказательством тому – влечение к чувственным восприятиям: ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих, и больше всех зрительные восприятия, ибо видение, можно сказать, мы предпочитаем всем остальным восприятиям» [2, с. 5]. А Ф. Бэкон писал в связи с этим, что «не воспринимает невежда слов науки, если не сказать прежде то, что заключено в его сердце» [4, с. 69].

Весьма наглядным примером здесь является получившая огромную популярность в последние годы система рейтингования «всего и вся» в самых разных областях социальной активности. Рейтингуются вузы, медицинские учреждения, футбольные клубы, школы, рестораны, авиакомпании и т.д. и т.п. Какие бы критерии не были заложены в конкретную процедуру рейтингования, его результат будет казаться понятным любому. Что может быть очевиднее утверждения о том, например, что компания X занимает 27-е место в списке 100 ведущих компаний отрасли?! Все остальное – т.е. все примененные критерии отбора, выбор количества мест в списке и т.д. – кажется как минимум второстепенным и воспринимается как уже не значимое. На нас производит впечатление максимальная наглядность данных рейтинга.

Рассматриваемое положение, с одной стороны, стало приводить к стремительному обесцениванию социального статуса профессионального образования и профессиональных навыков, с другой – создало широчайшие новые возможности для манипуляции впечатлениями и действиями потребителей соответствующих данных. Наша индивидуальность в сети фантастически иллюзорна, ведь «заходя в Сеть, мы движемся по сценарию, написанному кем-то другим. Мы следуем алгоритмам, которые мало кто мог бы понять, даже если бы увидел исходные коды. Когда мы ищем информацию с помощью Google или другой поисковой машины, то следуем сценарию. Когда мы изучаем продукт, рекомендуемый нам Amazon или Netflix, мы следуем сценарию. Когда мы выбираем значения из списка категорий для того, чтобы описать себя на странице в Facebook, мы следуем сценарию» [8, с. 224].

Вместе с тем именно небывалая доступность колоссального объема данных, характеризующих самые разные стороны нашей жизни, в том числе и нашей повседневности, в сочетании с отсутствием у их пользователей необходимых профессиональных навыков во многом и сформировали известный эффект «скольжения по информационной поверхности» «серфинга информации», широко обсуждаемый в настоящее время.

«ПРОФЕССОРУ СМОТРИТЕ В РОТ И ПОВТОРЯЙТЕ, ЧТО ОН ВРЕТ»

Далее, сложившаяся ситуация поставила в определенный тупик формиовавшиеся веками схемы образовательного процесса на всех его уровнях – от начальной школы до верхних ступеней высшего образования. Преподаватели стали терять роль носителей знания, все больше уступая ее поисковым алгоритмам, при этом не всегда будучи готовыми к роли трактующих огромное разнообразие доступной информации.

Процитированные выше слова Сенеки «Зачем мне слушать то, что я и сам могу прочесть?» – стали как никогда актуальны, приобретя новое звучание. Пророческими здесь можно признать слова М. Маклюэна о влиянии на образование телевидения, как в определенном смысле предшественника интернет-медиа или интернета как медиа: «телевидение представляет собой окружающую среду. ... Дети из Уоттса (Калифорния) правы, когда спрашивают: “Почему мы должны ходить в школу только ради того, чтобы прерывать наше обучение?” Телевидение – не утвержденный курс лекций по какому бы то ни было предмету, но оно совершенно определенно соответствует характеристикам естественной среды, в которой ребенок кормится и ищет свой путь, как делал всякий индеец, выходя из вигвама» [9, с. 79–80].

Относительно недавно у нас в университете (СПбГУ) с гостевой лекцией выступал профессор М.И. Кутер, рассказывавший студентам о своих исследованиях архивных материалов, раскрывающих содержание итальянских бухгалтерских книг XIV в. Когда затем я стал спрашивать студентов об их впечатлениях от услышанного, комплименты лектору можно было объединить в следующий тезис: «это было очень интересно, так как он рассказывал то, чего мы потом, заинтересовавшись, не смогли найти в интер-

нете», иными словами, то, что рассказывал М.И. Кутер, нельзя было «погуглить» и найти без того, чтобы проводить время в аудитории.

Сегодня также можно наблюдать стремительное обесценение статуса авторства публикации и, соответственно, статуса именно автора, а не предложившего тебе данный текст поискового алгоритма как авторитета и источника знаний.

В последние примерно пять – шесть лет ради своеобразного эксперимента, давая индивидуальные задания в рамках небольшого курса, который я читаю студентам бакалавриата третьего года обучения, я перестал инициативно советовать источники по соответствующей теме до того момента, как такая просьба не поступит от самого учащегося. С каждым годом, отмечу, количество студентов, самостоятельно спрашивающих об источниках для подготовки, снижается. Более того, все чаще на слайдах доклада по теме, отражающих использованные источники, студенты стали помещать только ссылки на интернет-ресурсы. При этом буквально «классической» становится такая сцена: студенту задается уточняющий вопрос по сделанному сообщению, на который он затрудняется ответить, и далее следует примерно следующий диалог:

«Какими источниками Вы пользовались?» – спрашиваю я. «Статьями по теме», – следует ответ. «А как Вы искали эти статьи?» «Погуглил тему задания». «А кто автор статьи, по которой Вы готовились?» «Я не помню», – следует очень распространенный ответ. «А почему Вы выбрали именно этого автора?» «Статья выпала в первых строчках ответа на запрос».

При этом часто в ответ на объяснения, в той или иной степени противоречащие утверждениям из найденного источника, следует реакция искреннего удивления – «Но ведь это написано в опубликованной статье!».

Общение с коллегами свидетельствует, что описанная выше ситуация отнюдь не является уникальной. Более того, ее нельзя назвать и новой. Как тут не вспомнить известный разговор Мефистофеля со студентом:

«О нет, собьетесь со стези!
Наука эта – лес дремучий.
Не видно ничего вблизи.
Исход единственный и лучший:
Профессору смотрите в рот
И повторяйте, что он врет.
Спасительная голословность
Избавит вас от всех невзгод,
Поможет обойти неровность
И в храм беспорочности введет» [6, с. 70].
«Но более всего режим
Налаженный необходим.
Отсидкою часов учебных
Добьетесь отзывов хвалебных.
Хорошему ученику
Нельзя опаздывать к звонку.
Заучивайте на дому
Текст лекции по руководству.

Учитель, сохраняя сходство,
Весь курс читает по нему.
И все же с жадной быстротой
Записывайте мысли звенья.
Как будто эти откровенья
Продиктовал вам дух святой» [6, с. 69].

Однако современное нам положение дел специфично тем, что технологии интернет-поиска лишили того, «кому нужно смотреть в рот», имени и фамилии, поставив на его место, с одной стороны (фактически), поисковую систему, а с другой (иллюзорно) – пользователя предлагаемой сетью информации.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВЕДЕНИИ ДИЛЕТАНТА

Значимо усилило обсуждаемые здесь процессы и стремительное развитие технологий индивидуализации поисковых алгоритмов, «обучающихся» в процессе обработки запросов пользователя Сети. Здесь, пожалуй, самым ярким примером (как по наглядности, так и по степени влияния на обсуждаемые нами процессы) может служить индивидуальная лента новостей, формирующаяся в социальных сетях, на основе «подписок» потребителя информации. Этот выбор источников информации, сегодня уже во многом формируемый предложениями Сети, создает устойчивую иллюзию не только понимания поступающей информации, но и управления ее потоками, некой псевдовласти над поступающими к тебе данными.

Безусловно, с момента возникновения практики информирования широкого круга лиц (хотя бы с помощью глашатаев), восприятие поступающей информации и реакция на нее формировалась определенной степенью к ней доверия. Однако общий характер поступающих данных (одинаковых для всех) не мог формировать того впечатления, которое способна создать их «индивидуализированная» подача. При этом последняя сочетается с максимальной доступностью и максимальной упрощенностью входящей информации, могущей ограничиваться, например, просто определенным изображением, призванным сформировать строго определенное впечатление потребителя.

И вот с потребителем предоставляемых «поисковыми машинами» данных стали происходить небывалые в истории человечества вещи. Рискну предположить, что примером здесь может служить каждый читатель этой статьи, ровно, как и ее автор. Скажите, кто из нас в последние годы, собираясь к врачу и имея определенные жалобы на свое состояние, не искал своих симптомов в Google или Яндекс и не сформировал уже определенное суждение о своем возможном заболевании. А кто хоть раз по этим основаниям не почувствовал хотя бы легкого сомнения в поставленном нам специалистом диагнозе?

Сказанное выше свидетельствует о том, что мы являемся современниками обусловленного развитием технологий значительного изменения роли дилетанта как участника общественных отношений. Дилетанта не того как того, кто «занимается наукой или искусством без специальной подготов-

ки, обладая только поверхностными знаниями» [13, с. 147], но и как того, кто выносит суждения об использовании (потреблении) продуктов соответствующих наук и искусства, опираясь на такие «поверхностные» знания, заменяющие ему суждения специалиста в соответствующей области.

Именно информационные технологии позволили, таким образом, во многом реализоваться чертам представителя «радикализованной современности», сформулированным Э. Гидденсом еще в 1990 г. следующим образом: «рассматривает “Я” как нечто большее, чем пространство пересечения различных сил; благодаря современности становится возможным активный процесс формирования рефлексивной “самоидентичности”; “рассматривает повседневную жизнь как активный комплекс реакций на абстрактные системы, включающий как усвоение, так и отказ от чего-то”; “определяет постсовременность как возможные трансформации, выводящие за рамки институтов современности”» [7, с. 292–293].

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Все обсуждаемые в данной статье процессы имеют самое непосредственное отношение к экономической жизни общества, не развивающейся, как известно, изолированно от прочих («неэкономических») аспектов существования социума, а, наоборот, будучи тесно вплетенной в практически любые стороны его развития. Изменение роли дилетанта в принятии экономических решений сдвигает границы доверия как основы экономической деятельности. В определенной степени доверие профессионалу, профессиональному институту, «абстрактной экспертной системе» (Гидденс) трансформируется в доверие алгоритму поиска информации и себе как ее пользователю. В рамках общей тенденции чрезвычайного упрощения и формы и содержания предоставляемых пользователю данных, такое положение наблюдается и в практике работы с экономической информацией.

То, что уже давно произошло в сфере маркетинга, формирующего способности рекламного воздействия на потребителя товаров, начинает происходить сегодня и в области данных, характеризующих корпоративных субъектов хозяйственных отношений.

Характерен здесь пример современной корпоративной отчетности, в практике которой наблюдается значимое расширение объемов, представляемых заинтересованным лицам нефинансовых данных, развитие способов визуализации информации, упрощение ее подачи через отказ от «избыточной» профессионализации и т.п. Иллюстрациями здесь могут служить такие новые виды корпоративной отчетности, как интегрированная, об устойчивом развитии, социальная, экологическая.

Отсутствие должной детализации правил формирования, (как следствие) сложность проверки представляемых данных, неприменимость логически обоснованных методов анализа к содержащимся в такой отчетности данным, – компенсируется чрезвычайной наглядностью, псевдопонятностью, «дружелюбностью» подачи, ориентацией на *любого* заинтересованного пользователя и т.д.

Здесь характерны результаты работы последних международных конгрессов бухгалтеров 2014 и 2018 г. Конгресс 2014 г. в Риме фактически

сформулировал требование общественности к профессионалам в области формирования и аудита корпоративной отчетности сделать ее «понятнее» «простому» пользователю – непрофессионалу [23]. А на конгрессе 2018 г. в Сиднее среди ключевых докладчиков и вовсе не нашлось места для профессионалов в области учета и корпоративных финансов [24].

Как и во всех сферах общественной жизни, рассматриваемые тенденции в экономике также отнюдь не новы. Более того, они характерны для экономической деятельности чуть ли не в первую очередь. Так, например, по словам Ф. Найта (F.H. Knight), «на практике есть огромная разница между распространением среди населения правильных идей в сфере человеческих отношений и в области механики. ... Когда речь идет о результатах, связанных с неживой материей, малосущественно, верят ли вообще люди в глубине души в то, что энергию можно производить из ничего, или в то, что пушечное ядро, погрузившись в воды океана, застрянет на полпути ко дну и останется там в подвешенном состоянии, или еще в какую-нибудь фундаментальную нелепость. Здесь, по крайней мере, существует исторически сложившаяся традиция, признающая значимость знаний и профессионального обучения, так, что можно убедить невежду прислушаться к суждениям знающих людей. В случае естественных наук широкие массы охотно берут, используют и сами конструируют разные приспособления, научные основы функционирования которых им неведомы и безразличны. Обычно можно устроить скромную демонстрацию возможностей таких приспособлений и буквально поразить воображение людей “результатами”. Но в области социальных наук, к счастью или к несчастью, такие приемы не проходят. Вся сложившаяся традиция склоняет нас к той точке зрения, что “Том, Дик и Гарри” обладают в этой сфере такими же познаниями, как и любой “высокотехнологичный”; тут уж невежда не станет прислушиваться к мнению знатока, а при отсутствии добровольного желания выслушать нет возможности устроить объективную демонстрацию. Если наша социальная наука хочет пожать плоды в виде улучшения качества жизни людей, – заканчивал Найт, – эту науку, прежде всего, нужно в значительной части “продать” массам. Тем самым налицо необходимость создания не просто точной и убедительной, но и, насколько это возможно “элементарной” литературы» [12, с. 24–25].

«Продажа» «элементарных» данных невежде, согласитесь, это то, что удается благодаря современным технологиям поиска информации просто блестяще. Как отмечают лауреаты Нобелевской премии по экономике Д. Акерлоф (G.A. Akerlof) и Р. Шиллер (R.J. Shiller), нам и до появления нашей «персональной новостной ленты» в сети, было свойственно, «слушая новостную программу (или читая газету) ... принимать за чистую монету все, что слышим (или читаем), и при этом неважно, что именно нам пытаются преподнести. Где-то глубоко в нашем мозгу вертелась мысль, что редакторы отсортировали те новости, которые, с их точки зрения, наилучшим образом соответствуют “реальным” интересам их зрителей и слушателей. Они действуют как наши новостные опекуны» [1, с. 90].

«Предприниматели проявляют чудеса изобретательности, чтобы внушить нам мысль о необходимости приобрести их продукты, вместо того, чтобы заняться выпуском того, в чем мы действительно нуждаемся. ... Никому не хочется быть ограбленным, и все же нас грабят даже при совер-

шении самых продуманных покупок в жизни» [1, с. 19] – эти утверждения принято связывать со сферой частного (конечного) потребления. Вместе с тем очевидно, что так как вся экономика формируется ничем иным, как действиями людей, определенная степень иррациональности необходимо присуща всем ее сферам [17, 22]. И вот как рекламный продукт начинает действовать и корпоративная отчетность, и «когнитивные простакки [и здесь] исходят из информации, которая преднамеренно сфальсифицирована, чтобы ввести их в заблуждение. Примером простаков этого типа могут служить акционеры компании Enron, экономический подъем которой основывался на использовании неадекватного (а впоследствии мошеннического) бухгалтерского учета» [1, с. 16]. Отсюда эффект дилетантизма в принятии экономических решений может в ближайшем будущем приобрести, без преувеличения, колоссальные размеры.

Вместе с тем этот тезис в настоящее время (в условиях современного уровня развития технологий оценки поведения человека) совершенно не может быть научно ни доказан, ни опровергнут. Экономические решения, по-прежнему, будут приниматься людьми, обладающими определенными размерами капитала. Сам факт прав собственности на их состояние в совокупности с наличием дееспособности будет давать им право принимать соответствующие экономические решения по распоряжению этими средствами и совершать соответствующие этим решениям сделки. И для самого осуществления этих сделок, и для их действительных последствий в виде динамики прав и обязательств, связанных с их (сделок) предметом, доли «дилетантизма» и «профессионализма» как мотивов принятия того или иного решения не будут иметь абсолютно никакого значения (вне, конечно, юридических оснований признания той или иной сделки действительной).

И вот именно эта «строгая недоказуемость» степени влияния дилетантизма как характеристики поведения, формирующей восприятие окружающей действительности участниками социально-экономических отношений, способна превратить его в один из самых серьезных (неисчисляемых или сверхсложно исчисляемых) рисков экономической деятельности ближайшего будущего.

В качестве средств минимизации этого риска как характеристики современной экономической жизни потенциально могут служить этика и социальная ответственность ее участников, просвещение самых широких слоев общества и нормативно-правовое регулирование хозяйственной деятельности.

Литература

1. *Акерлоф Д., Шиллер Р.* Охота на простака. Экономика манипуляций и обмана. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 320 с.
2. *Аристотель.* Метафизика. М.: Из-во «Э», 2016. 448 с.
3. *Бэкон Р.* Избранное. М.: Издательство францисканцев, 2005. 479 с.
4. *Бэкон Ф.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1977. 567 с.
5. *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 656 с.
6. *Гете И.В.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1976. 510 с.

7. *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с.
8. *Карр Н.* Пустьшшка. Что интернет делает с нашими мозгами. М.: BestBusinessBooks, 2012. 253 с.
9. *Маклюэн М.* Война и мир в глобальной деревне / Маршалл Маклюэн, Квентин Фиоре; пер. с англ. И. Летберга. М.: АСТ: Астрель, 2012. 219 с.
10. *Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 406 с.
11. *Моррис Д.* Голая обезьяна. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 848 с.
12. *Найт Ф.Х.* Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003. 360 с.
13. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 816 с.
14. *Поппер К.Р.* Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. М.: Издательство «ЛКИ», 2008. 256 с.
15. *Сенека Л.А.* Нравственные письма к Луцилию. М.: Эксмо, 2010. 576 с.
16. *Стругацкий А.Н.* Пикник на обочине / Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. М.: Издательство «АСТ», 2018. 256 с.
17. *Талер Р.* Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Издательство «Эксмо», 2018. 368 с.
18. *Форд М.* Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 430 с.
19. *Френк Р.* Дарвиновская экономика: Свобода, конкуренция и общее благо. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. 352 с.
20. *Фридман Т.* Плоский мир: краткая история XXI века. М.: АСТ, 2006. 601 с.
21. *Хайек Фридрих Август фон.* Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
22. *Шиллер Р.* Иррациональный оптимизм. Как безрассудное поведение управляет рынками. М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. 420 с.
23. WCOA 2014, Rome, November 10–13, 2014. 208 p.
24. <https://wcoa2018.sydney/>

Bibliography

1. *Akerlof D., Shiller R.* Ohota na prostaka. Jekonomika manipuljacija i obmana. М.: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. 320 p.
2. *Aristotel'.* Metafizika. М.: Iz-vo «Je», 2016. 448 p.
3. *Bjekon R.* Izbrannoe. М.: Izdatel'stvo franciskancev, 2005. 479 p.
4. *Bjekon F.* Sochinenija v dvuh tomah. T. 1. М.: Mysl', 1977. 567 p.
5. *Veber M.* Izbrannoe: Protestantskaja jetika i duh kapitalizma. М.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2013. 656 p.
6. *Gete I.V.* Sobranie sochinenij. V 10 t. T. 2. М.: Hudozhestvennaja literatura, 1976. 510 p.
7. *Giddens Je.* Posledstvija sovremennosti. М.: Izdatel'skaja i konsaltingovaja grupa «Praksis», 2011. 352 p.
8. *Karr N.* Pustyshka. Chto internet delaet s nashimi mozgami. М.: BestBusinessBooks, 2012. 253 p.
9. *Makljujen M.* Vojna i mir v global'noj derevne / Marshall Makljujen, Kventin Fiore; per. s angl. I. Letberga. М.: AST: Astrel', 2012. 219 p.
10. *Mol' A.* Sociodinamika kul'tury. М.: Progress, 1973. 406 p.
11. *Morris D.* Golaja obez'jana. М.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2018. 848 p.
12. *Najt F.H.* Risk, neopredelennost' i pribyl'. М.: Delo, 2003. 360 p.
13. *Ozhegov S.I.* Slovar' russkogo jazyka. М.: Russkij jazyk, 1984. 816 p.
14. *Popper K.R.* Znanie i psihofizicheskaja problema: V zashhitu vzaimodejstvija. М.: Izdatel'stvo «LKI», 2008. 256 p.
15. *Seneka L.A.* Nravstvennye pis'ma k Luciliju. М.: Jeksmo, 2010. 576 p.

16. *Strugackij A.N.* Piknik na obochine / Arkadij Strugackij, Boris Strugackij. M.: Izdatel'stvo «AST», 2018. 256 p.
17. *Taler R.* Novaja povedencheskaja jekonomika: pochemu ljudi narushajut pravila tradicionnoj jekonomiki i kak na jetom zarabotat' M.: Izdatel'stvo «Jeksmo», 2018. 368 p.
18. *Ford M.* Roboty nastupajut. Razvitie tehnologij i budushhee bez raboty. M.: Al'pina non-fikshn, 2016. 430 p.
19. *Frenk R.* Darvinovskaja jekonomika: Svoboda, konkurencija i obshhee blago. M.: Izd. Instituta Gajdara, 2013. 352 p.
20. *Fridman T.* Ploskij mir: kratkaja istorija XXI veka. M.: AST, 2006. 601 p.
21. *Hajek Fridrih Avgust fon.* Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nyh principov spravedlivosti i politiki. M.: IRISJeN, 2006. 644 p.
22. *Shiller R.* Irracional'nyj optimizm. Kak bezrassudnoe povedenie upravljaet rynkami. M.: AL'PINA PABLISHER, 2013. 420 p.
23. WCOA 2014, Rome, November 10–13, 2014. 208 p.
24. <https://wcoa2018.sydney/>

УДК 338.24

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Амельченко А.В., Михайлов Ю.И.

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина)
E-mail: awamelchenko@mail.ru, yuim@yandex.ru

В статье определены основные проблемы при формировании и выполнении долгосрочной программы развития экономики РФ, при этом первостепенная роль отводится стратегическому управлению. В качестве измерителя выполнения программы предложено использовать валовой внутренний продукт на душу населения. Показано, что в качестве генеральной цели может также выступать валовой внутренний продукт. При этом на основе обширного статистического материала проведена сравнительная оценка достижения сформулированной генеральной цели, где ведущее место занимают исследования и разработки, оказывающие определяющее влияние практически на все виды экономической деятельности большой социально-экономической системы.

Ключевые слова: стратегическое управление, ВВП, ВВП на душу населения, генеральная цель, научно-технический прогресс, финансирование исследований и разработок, внутренние затраты на исследования и разработки, взаимосвязь финансирования науки и социально-экономического развития страны.

GOAL-SETTING IN THE SYSTEM OF STRATEGIC MANAGEMENT

Amelchenko A.V., Mikhailov Yu.I.

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»
E-mail: awamelchenko@mail.ru, yuim@yandex.ru

In the article main problems that appear during formation and performing of long-term Russian economics development program are defined, and strategic management is essential. It is suggested to use per capita gross domestic product as a measure of realization of the program. It is shown that gross domestic product can also be the main goal. Furthermore comparative evaluation of general goal achievement is performed where a leading position is given to the researches and projects that influence practically all kinds of economic activity of a big social-economic system.

Keywords: strategic management, gross domestic product, per capita gross domestic product, general goal, scientific-and-technological advance, financing of researches and projects, transfer cost of researches and projects, correlation of science financing and social-economic development of the country.

Многочисленные проблемы политического, экономического и социального характера, сопровождающие развитие народного хозяйства Российской Федерации, значительно усложняют обстановку и в России, и вокруг России. Это выражается в спаде промышленного производства, нестабильности финансового положения многих предприятий и организаций, значительной волатильности отечественной валюты, высоких темпов инфляции,

обеднения большей части населения страны и т.д. Надо заметить, что это не предел, свидетельством этому является расширение экономических санкций со стороны западных стран. В то же время сложившееся положение можно считать результатом того, что в России отсутствует целостная система управления, не сформулированы общие цели и задачи, нет долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны. Чтобы преодолеть эти и другие проблемы, вырваться вперед, нужен качественный экономический рывок. Но в условиях жесткой конкурентной борьбы, когда ведущие мировые компании стремятся завоевать и упрочить свои конкурентные позиции посредством организационно-экономических изменений в системе хозяйствования, такой подход требует многочисленных и неоднозначных ответов на вопросы, связанные, главным образом, с определением временных границ проведения организационно-экономических изменений и качеством, содержанием, этих изменений и преобразований.

Так, глобальные мировые компании перешли к стратегическому управлению, которое представляет собой эффективный и действенный инструмент реагирования на высокую динамичность и неопределенность внешней среды. Некоторые отечественные компании, осознав необходимость разработки и реализации стратегии развития, стали использовать методы стратегического управления, что выражается в четком выделении стратегических задач и определении приоритетов, мобилизации научно-технического потенциала для освоения новых возможностей рынка и завоевания лидирующих позиций в изменяющейся и трудно предсказуемой глобальной экономике.

Раскрывая сущность стратегического управления, необходимо отметить, что указанный тип управления представляет собой, в первую очередь, определение ориентиров (целей): какой должна стать социально-экономическая система через определенное время. Следующий шаг: исследование существующего положения системы, включая внутренний и внешний анализ, а также оценку ключевых воздействий на настоящее и будущее положение системы. Таким образом, по своему предметному содержанию стратегическое управление обращается только к базисным процессам в большой системе и в ее окружении, уделяя первостепенное внимание будущим ресурсам и возможностям наращивания стратегического потенциала системы. В основе стратегического управления лежат стратегические решения, т.е. решения, ориентированные на будущее, сопряженные со значительной неопределенностью, связанные с вовлечением значительных ресурсов и имеющие достаточно серьезные, долгосрочные последствия для большой системы.

Определив в качестве первичной фазы управления процесс целеполагания, следует заметить, что для большой социально-экономической системы – народное хозяйство России, в рамках данного процесса целесообразно выделять два вида целей: цель-стремление и цель-деятельности. Под целью-стремлением понимают, как правило, потенциальную цель, цель-идеал, бесконечную по содержанию; общее благо, ради чего живет человек; идеальная картина будущего, то состояние, которое может быть достигнуто при самых благоприятных условиях. И хотя цель-стремление носит абстрактный характер, пренебрежение ею на практике означает неизбежное откло-

нение последовательности конкретных целей-деятельности от ценностных ориентаций человека и общества в целом. В свою очередь, под целью-деятельности понимают конкретную, актуальную цель, т.е. что должно быть достигнуто, какой результат должен быть получен по истечении определенного отрезка времени.

Очевидно, что формулирование стратегических целей, поиск своего пути в будущее, определение ключевых направлений развития, обеспечивающих конкурентоспособность народного хозяйства России по мировым стандартам, и безопасность страны – важнейшая и достаточно сложная задача, по существу речь идет о разработке стратегии развития большой социально-экономической системы. В сложившейся экономической ситуации это «архиважнейшая» задача, непосредственно касающаяся ближайшего будущего. Ведь именно цели являются фундаментом для процесса управления в целом, лежат в основе принятия любого делового решения, служат руководством для формирования конкретных плановых показателей. С учетом сказанного к целям предъявляют следующие требования: они должны быть недвусмысленно сформулированы и понятны исполнителям; цели должны быть измеряемы; они должны иметь сроки исполнения.

Отмечая, что процесс определения целей является наиболее сложным, противоречивым и вместе с тем наиболее важным этапом выбора проекта будущего состояния социально-экономической системы, добавим, что не только «для предприятия в целом характерна генеральная цель» [1], генеральная цель присуща любой большой социально-экономической системе, и такая социально-экономическая система, как народное хозяйство РФ не должна быть исключением.

В этой связи, на наш взгляд, целесообразно исследовать некоторые положения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и определить: какова же генеральная цель (и система целей) социально-экономического развития России до 2024 г., какие результаты должны быть достигнуты, каковы направления развития страны, каковы механизмы перестройки экономики от сырьевой к высокотехнологичной, кто и как будет создавать современную энергетическую и логистическую инфраструктуру [4, 5].

Рассматривая вопросы формирования системы целей, мы отмечали, что «главная цель предприятия может быть интерпретирована как некоторый «долговременный достаточный уровень рентабельности активов предприятия» [1]. Но в большой социально-экономической системе народное хозяйство предприятие, даже такое как ПАО «Газпром», является только одной из подсистем нижележащего ранга. Поэтому, принимая за основу поэтапный подход к формированию цели (целей), пункт 3) «вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира» вышеуказанного Указа, можно условно считать целью-стремлением большой системы народное хозяйство страны. К этому необходимо добавить, во-первых, с учетом сложившихся политических, экономических, социальных условий это задача не одного десятилетия, и, во-вторых, желательно сформулировать систему критериев, с помощью которых можно было бы объективно оценить степень достижения данной цели-стремления.

В качестве же цели-деятельности (генеральной цели) большой социально-экономической системы народное хозяйство России предлагаем использовать валовой внутренний продукт (ВВП) и его частное значение – ВВП на душу населения.

Валовой внутренний продукт – макроэкономический показатель, отражает рыночную стоимость всех готовых к конечному употреблению товаров и услуг, произведенных за год во всех отраслях народного хозяйства, т.е. с помощью данного показателя можно объективно оценить, насколько успешно осуществляются все виды деятельности хозяйствующими субъектами на территории страны. При этом статистические значения ВВП широко представлены в открытой печати. Неслучайно, еще в рамках Послания Федеральному собранию от 16 мая 2003 г. было сказано – «удвоение ВВП за 10 лет считается одним из основных направлений российской политики». К сожалению, ряд объективных и субъективных причин, в том числе разразившийся в 2008–2009 гг. мировой финансово-экономический кризис, значительно замедлили темпы развития народного хозяйства страны, что и не позволило в полной мере достигнуть поставленной цели. По некоторым оценкам только к концу 2015 г. ВВП был близок к удвоению; по нашим расчетам, основанным на цепных темпах роста ВВП в сопоставимых ценах [3, 7], темп роста ВВП за период с 2003 по 2016 г. не превысил 1 %.

Валовой внутренний продукт на душу населения можно использовать в качестве сравнительной базы материального благосостояния населения в стране. И в этом отношении ВВП на душу населения есть конкретный, измеримый, понятный исполнителям показатель. С учетом действия Указа этот макроэкономический показатель имеет точные сроки исполнения, по крайней мере, указана дата, когда можно будет констатировать – цель достигнута или цель не достигнута. Динамика ВВП на душу населения в РФ представлена в табл. 1 [9].

Таблица 1

ВВП на душу населения, \$ (по данным МВФ)

Страна	2008 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
РФ (72-е место)	12414,6	11382,6	9054,9	7742,6	8664,1
Китай (71-е место)	–	4478,5	7989,7	8239,9	8833,3
Уругвай (50-е место)	–	12001,7	15748,2	15505,7	15976,6

Теперь с помощью формулы сложных процентов:

$$F_n = p (1 + r)^n,$$

где p – первоначальная сумма, n – количество лет, r – процентная ставка, произведем интересующие нас расчеты.

В первую очередь определим величину ежегодного процентного прироста ВВП на душу населения, чтобы к 2024 г. достигнуть уровня 2008 г., лучшего в новом веке.

$$F_7 = 8664,1 (1 + r)^7 = 12414,6;$$

$$r = 5,273 \text{ \%}.$$

Ежегодный прирост ВВП на душу населения на 5,273 % в рублевом эквиваленте позволит достигнуть к концу 2024 г. уровня 884 711 руб., в ценах 2016 г. Суммарный ВВП за тот же период и в тех же ценах может достигнуть отметки почти в 130 трлн руб.

Вместе с тем достижение уровня 2008 г. это сугубо внутренняя задача РФ. Для решения внешнеэкономических проблем, проблем транснациональной конкуренции необходимо формулировать и решать задачи иного масштаба, в частности, предлагается войти в 50 лучших стран мира по уровню ВВП на душу населения. По итогам 2017 г. 50-е место в рейтинге лучших стран мира занимал Уругвай, по данным МВФ ВВП на душу населения составлял 15976,6 долл. США: условно будем считать эту величину ближайшим ориентиром. Используя расчеты, аналогичные вышеприведенным, приходим к выводу: для того, чтобы к началу 2025 г. достичь уровня Уругвая, ВВП на душу населения в России должен ежегодно возрастать на 9,14 %, при этом ВВП Уругвая не изменяется. Если же допустить рост ВВП на душу населения Уругвая в 1,5 %, то ежегодный темп роста ВВП РФ должен составлять 10,77 %.

Темп роста ВВП на душу населения РФ в 9,14 % позволит к началу 2025 г. достигнуть уровня в 1 180 962 руб., в ценах 2016 г., суммарный ВВП может составить 158,91 трлн руб., в тех же ценах (табл. 2).

Таблица 2

ВВП, млрд руб. [3]

Цены	2003 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2025 г. (в ценах 2016 г., темп роста 9,14 %)
Текущие	13 243	21 625	46 309	83 233	86 149	92 037	158905,3
Сопоставимые	13 243	13 124	12 525	13 394	13 367	13 568	24 656

Формулирование и достижение цели-стремления социально-экономического развития России в соответствии с Указом «вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира» предполагает увеличение ежегодных темпов роста ВВП на душу населения до 36,4 %; около 76 тыс. долл. США к началу 2025 г. Эта величина соответствует ВВП на душу населения Исландии, занимающей по списку МВФ в 2017 г. 5-е место, ежегодный темп роста 1,11 %, неизменность всех других условий и показателей.

Таким образом, достижение ежегодных темпов роста ВВП на душу населения в размере 9–10 % можно считать генеральной целью социально-экономического развития России на период до 2025 г. Но при таких темпах роста достижение цели-идеала сдвигается к началу 2041 г. Если же допустить ежегодные темпы роста ВВП на душу населения в Исландии на уровне 1,11 %, то никто из действующего состава правительства России не увидит результатов труда своего, т.е. это действительно цель-идеал: бесконечная по содержанию и во времени.

Итак, сформулирована генеральная цель и цель-идеал. Понятно, что к одной и той же цели можно двигаться различными путями. Выбор способа достижения цели и является решением по поводу разработки и выбора стратегии развития большой системы или, каким образом выполнить за-

дачи, поставленные в майском Указе, с чего начинать? Стратегия в данном случае есть определяющий признак стратегического управления и представляет собой систему управленческих решений, направленных на достижение цели (целей) в любой сфере деятельности. Собственно, вопросам формирования стратегий развития отечественных предприятий мы в свое время уделили достаточно внимания [2, 6], где отмечалась необходимость разработки эффективной стратегии, ибо только наличие и следование таковой, по крайней мере, позволяет сохранить паритет в конкурентной борьбе с ведущими мировыми корпорациями, обеспечить безопасность страны.

Отмечая необходимость повышения конкурентоспособности экономики РФ, а также принимая во внимание проблемы развития производственного потенциала промышленных предприятий, следует признать, что успешное развитие экономики в настоящих условиях неразрывно связано с широким использованием достижений научно-технического прогресса (НТП), при котором осуществляется постоянное обновление средств производства и производственных процессов.

НТП реализуется в трех взаимосвязанных последовательных стадиях: наука – производство – потребление. Первая стадия – наука – включает фундаментальные и прикладные исследования и научно-технические разработки. По существу, это базис, основа всех инновационных изменений в экономике страны, в том числе и развития цифровых технологий. Это постоянный систематический поиск возможностей создания новых материалов и товаров, состоящий в выборе цели инновации, поиске идеи инновации, ее финансовом обосновании. Успешное развитие науки во многом определяется ее финансированием, ибо от уровня финансирования исследований и разработок зависит и техническое, и кадровое обеспечение отрасли. В табл. 3 [8] представлены некоторые количественные показатели, характеризующие финансовое положение анализируемой отрасли экономики страны.

Таблица 3

Финансирование исследований и разработок

Год	Расходы федерального бюджета, млрд руб.	Процент к расходам ФБ	Процент к ВВП	Внутренние затраты, млрд руб.	Процент к ВВП	Суммарные расходы, млрд руб.
2003	41,58	1,76	0,314	169,9	1,28	211,5
2004	47,53	1,76	0,28	196,0	1,15	243,7
2005	76,91	2,19	0,36	230,8	1,07	307,1
2006	97,36	2,27	0,36	288,8	1,07	386,2
2007	132,70	2,22	0,40	371,1	1,12	503,8
2008	162,12	2,14	0,39	431,1	1,03	593,2
2009	219,10	2,27	0,56	485,8	1,24	704,9
2010	237,65	2,35	0,51	523,4	1,13	761,0
2011	313,90	2,87	0,56	610,4	1,09	924,3
2012	355,92	2,76	0,57	699,9	1,12	1055,8
2013	425,30	3,19	0,64	749,8	1,12	1175,1
2014	437,30	2,95	0,55	847,5	1,07	1284,8
2015	439,40	2,81	0,53	914,7	1,10	1354,1
2016	402,70	2,45	0,47	943,8	1,10	1346,5

Непосредственный анализ данных табл. 3 не позволяет получить ответы на вопросы: достаточно ли выделяется средств из всех источников на развитие науки, во-первых, и, во-вторых, существует ли какая-либо связь между финансированием исследований и разработок и уровнем ВВП, соответственно, уровнем ВВП на душу населения?

С этой целью мы осуществили анализ корреляционного поля взаимодействия ВВП и финансирования науки и выявили наличие линейной связи типа: $y = ax + b$. Для расчета параметров уравнения линейной регрессии была использована статистическая функция «ЛИНЕЙН» из Microsoft Excel. В результате получили уравнение регрессии следующего вида (исходные данные для расчета этого и других коэффициентов представлены в табл. 4):

$$\hat{y}_x = 58,7_x + 2905,6. \quad (1)$$

Таблица 4

Исходные данные для расчета абсолютной ошибки аппроксимации и бета-коэффициента

№ п/п	$Y_{\text{ввп}}$	$X_{\text{финанс}}$	y_x	Y^2	X^2	\hat{y}_x	$ y_i - y_x : y_i$
1	13,2	0,21	2,772	174,24	0,0441	15,32	0,1606
2	17,1	0,24	4,104	292,41	0,0576	17,21	0,0064
3	21,6	0,31	6,696	466,56	0,0961	20,97	0,0292
4	26,9	0,39	10,491	723,61	0,1521	25,58	0,0491
5	33,1	0,50	16,550	1095,61	0,2500	32,48	0,0187
6	41,7	0,59	24,603	1738,89	0,3481	37,73	0,0952
7	44,0	0,71	31,240	1936,00	0,5041	44,28	0,0064
8	46,3	0,76	35,188	2143,69	0,5776	47,58	0,0276
9	56,0	0,92	51,520	3136,00	0,8464	57,16	0,0207
10	62,2	1,06	65,932	3868,84	1,1236	64,88	0,0431
11	66,8	1,18	78,824	4462,24	1,3924	71,88	0,0761
12	79,2	1,28	101,376	6272,64	1,6384	78,32	0,0111
13	83,2	1,35	112,320	6922,24	1,8225	82,39	0,0097
14	86,2	1,35	116,370	7430,44	1,8225	81,95	0,0493
Σ	677,5	10,85	657,986	40663,41	10,6755		0,6032

Оценим качество уравнения регрессии с помощью ошибки абсолютной аппроксимации:

$$\bar{A} = \frac{\sum |y_i - \hat{y}_x| : y_i}{n} \times 100 \%;$$

$$\bar{A} = \frac{0,6032}{14} \times 100 \% = 4,31 \%.$$

Поскольку ошибка меньше 5 %, то данное уравнение означает высокое качество модели и его можно использовать в качестве регрессии.

Для оценки влияния финансирования исследований и разработок (фактор) на ВВП (результативный признак) вычислим коэффициенты эластичности и бета-коэффициент.

Коэффициент эластичности: $E = b \frac{\bar{x}}{\bar{y}} = 58,7 \frac{0,775}{48,393} = 0,941$, т.е. при изменении финансирования на 1 % уровень ВВП изменяется в среднем на 0,941 %.

Коэффициент детерминации $R^2 = 0,343$ свидетельствует о том, что 34,3 % вариации ВВП объясняется вариацией показателя финансирования исследований и разработок, а 65,7 % другими факторами, не включенными в модель. Для такого многогранного показателя, как ВВП, эта величина, как представляется, достаточно существенна.

Бета-коэффициент показывает, на какую часть величины своего среднего квадратичного отклонения изменится в среднем значение результирующего признака при изменении факторного признака на величину его среднеекватрического отклонения при фиксированном на постоянном уровне значении остальных независимых переменных. Для расчета данного коэффициента вычислим выборочные дисперсии:

$$S^2(x) = \frac{\sum X_i^2}{n} - \bar{x}^2 = \frac{10,6755}{14} - \left(\frac{10,85}{14}\right)^2 = 0,7625 - 0,6006 = 0,1619,$$

$$S^2(y) = \frac{\sum y_i^2}{n} - \bar{y}^2 = \frac{40663,41}{14} - \left(\frac{677,5}{14}\right)^2 = 2904,5293 - 2341,8686 = 565,661.$$

Среднеекватрическое отклонение:

$$S(x) = \sqrt{0,1619} = 0,4024;$$

$$S(y) = \sqrt{565,661} = 23,784.$$

$\beta = 58,7 \frac{0,4024}{23,784} = 0,017$, т.е. увеличение финансирования на величину

среднеекватрического отклонения этого показателя приведет к увеличению среднего ВВП на 0,017 среднеекватрического отклонения этого показателя.

Для измерения тесноты связи с помощью статистической функции «КОРРЕЛ» из Microsoft Excel рассчитаем коэффициент корреляции. При этом заметим, что анализ фактических временных рядов ввиду действия однонаправленных трендов приводит к завышению показателя тесноты связи. Поэтому мы рассчитали коэффициент корреляции двумя способами: 1) на базе отклонений фактических значений показателей от их теоретических значений; 2) по остаткам (цепным приростам [3], табл. 5).

В первом случае $r_{xy} = 0,586$, во втором $r_{xy} = 0,584$, т.е. количественные значения коэффициентов корреляции практически равны. По шкале Чеддока полученные количественные значения означают наличие «заметной связи».

Проверка значимости коэффициента корреляции [3]. По t -критерию Стьюдента коэффициент корреляции считается статистически значимым, если выполняется условие $t_r > t_{\text{крит}}$.

$$t_r = \frac{r}{\sqrt{\frac{1-r^2}{n-2}}} = \frac{0,586}{\sqrt{\frac{1-0,3434}{14-2}}} = \frac{0,586}{0,2339} = 2,51.$$

Таблица 5

Исходные данные для расчета коэффициентов корреляции

№ п/п	Год	ВВП		Финансирование исследований и разработок	
		Отклонение фактических значений от их теоретических значений	Цепные приросты	Отклонение фактических значений от их теоретических значений	Цепные приросты
1	2003	2938,8	2409	80,56	46,48
2	2004	886,0	3805	13,48	32,24
3	2005	-394,8	4577	-21,45	64,00
4	2006	-974,6	5278	-42,12	78,45
5	2007	-624,4	6208	-23,6	117,64
6	2008	2074,8	8557	-33,32	89,40
7	2009	-1462,2	2321	-20,71	111,73
8	2010	-4999,8	2320	-63,76	56,07
9	2011	-1199,6	9658	0,45	163,33
10	2012	-806,4	6251	32,82	131,49
11	2013	-2127,2	4537	52,98	119,28
12	2014	4460,0	12445	63,56	109,70
13	2015	2635,2	4033	33,74	69,30
14	2016	-306,6	2916	-72,98	-7,60

Значение t -распределения Стьюдента ($t_{\text{крит}}$) при вероятности 0,95 и $n = 14$ равно 2,15, т.е. $t_r > t_{\text{крит}}$ ($2,51 > 2,15$). Следовательно, с вероятностью 0,95 данная гипотеза верна. Нельзя отвергать.

По F -критерию Фишера коэффициент корреляции считается статистически значимым, если выполняется условие $F_r > F_{\text{крит}}$.

Для анализируемых данных:

$$F_r = \frac{r^2}{1-r^2}(n-2) = \frac{0,343396}{0,656604}(14-2) = 6,28.$$

F -распределение ($F_{\text{крит}}$) для уровня значимости $\alpha = 0,05$, $k_1 = 1$ и $k_2 = 12$ равно 4,75. Так как $6,28 > 4,75$ ($F_r > F_{\text{крит}}$), то с погрешностью 5 % коэффициент корреляции 0,586 можно считать статистически значимым.

Построение доверительных интервалов. Для статистически значимого коэффициента корреляции r_{xy} доверительный интервал рассчитаем с помощью Z -преобразования Фишера, благодаря которому распределение r может быть приближенно приведено к нормальному:

$$Z = 0,5 \ln \frac{1+r}{1-r} = 0,5 \ln 3,830918 = 0,672.$$

$$\text{Вычислим стандартное отклонение } \delta_2: \delta_2 = \frac{1}{\sqrt{14-3}} = 0,3015.$$

При уровне значимости $\alpha = 0,05$ квантиль нормального распределения $\lambda_{0,05} = 1,96$. Доверительные границы для величины Z при $p = 0,95$ будут следующими:

$$0,672 \pm 1,96 \times 0,3015 \text{ или } 0,672 \pm 0,591.$$

Определим граничные значения доверительного интервала (r^- ; r^+) для r_{xy} (для чего используем статистическую функцию «ФИШЕРОБР» из Microsoft Excel):

$$r^- = (0,081) = 0,081,$$

$$r^+ = (1,263) = 0,852.$$

Следовательно, искомый доверительный интервал для $r_{xy} = 0,586$ имеет вид: $(0,081) \div (0,852)$ и с вероятностью $p = 0,95$ можно утверждать, что коэффициент генеральной совокупности содержится в указанном интервале.

Таким образом, приведенные расчеты показали, что имеющаяся связь между ВВП и финансированием исследований и разработок статистически значима.

Следовательно, если финансирование исследований и разработок из всех источников в размерах, указанных в табл. 3, обеспечивает изменение ВВП лишь в пределах одного процента, то для достижения темпов роста в 9–10 % требуется увеличение финансирования до 6–7 % от ВВП. Финансирование исследований и разработок из федерального бюджета необходимо увеличить в 2,5–3 раза. Да и динамика затрат на исследования и разработки в ведущих странах мира, с точки зрения научно-технического потенциала, подтверждает сказанное: например, в 2015 г. в Южной Корее только внутренние затраты на науку составили 4,23 % от ВВП, в Японии – 3,29 %, Германии – 2,93 % [3].

Столь значительные затраты на науку предполагают исследование влияния фактора финансирования и на другие показатели, имеющие отношение к темпам развития народного хозяйства России и характеризующие ее научно-технический потенциал. Для этого была проанализирована взаимосвязь между финансированием исследований и разработок и количеством разработанных передовых технологий. Исходные данные представлены в табл. 6, графа 2 [8].

Количество разработанных передовых производственных технологий. Для анализируемых временных рядов в соответствии с ранее используемой методикой было построено уравнение регрессии вида:

$$\tilde{y}_i = 0,74_x + 453,77. \quad (2)$$

Ошибка абсолютной аппроксимации составила 8,26 %, что означает высокое качество полученной модели и ее можно использовать в качестве регрессии. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,536$ говорит о том, что 53,6 % вариации количества разработанных передовых технологий объясняется уровнем финансирования науки, а 46,4 % другими факторами, не включенными в модель.

Коэффициент корреляции, рассчитанный на базе отклонений фактических значений показателей от их теоретических значений, составил $r_{xy} = 0,732$, по шкале Чеддока это «высокая связь». По t -критерию Стьюдента данная гипотеза верна с вероятностью 0,999 ($8,796 > 4,14$). F -распределение для уровня значимости $\alpha = 0,01$, $k_1 = 1$ и $k_2 = 12$ равен 9,33 ($13,853 > 9,33$), следовательно, с погрешностью 1 % коэффициент корреляции $r_{xy} = 0,732$ можно считать статистически значимым. Доверительный интервал для $r_{xy} = 0,732$ имеет вид: $(0,329) \div (0,909)$ и с вероятностью 0,95 можно утверж-

Таблица 6

Исходные данные для оценки влияния факторов на результирующий показатель

Год	Разработано передовых производственных технологий, ед.	Выработка на одного занятого, млрд руб.	Доля инновационных товаров в общем объеме товаров, работ, услуг, %	Подано заявок на выдачу патентов российскими заявителями, ед.
1	2	3	4	5
2003	821	444,70	4,7	24969
2004	676	573,04	5,4	22985
2005	637	709,80	5,0	35242
2006	735	880,73	5,5	39776
2007	780	1084,50	5,5	39835
2008	854	1349,22	5,1	40551
2009	789	1286,00	4,6	38298
2010	864	1529,10	4,9	42460
2011	1138	1853,85	6,1	40992
2012	1323	2097,10	7,8	44108
2013	1429	2256,13	8,9	44256
2014	1409	2481,63	8,2	39272
2015	1398	2648,64	7,9	42687
2016	1534	2806,24	8,4	39829

дать, что коэффициент генеральной совокупности содержится в указанном интервале.

Выработка на одного занятого. Разработка передовых производственных технологий сама по себе не является панацеей и не гарантирует значительный экономический рост народного хозяйства страны и резкое увеличение количественных значений анализируемых показателей. Поэтому мы оценили влияние данного показателя на другие показатели, в частности, на выработку продукции одним занятым. При этом выработка на одного занятого (табл. 6, графа 3) рассчитывалась как отношение суммарного выпуска продукции в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве; рыболовстве, рыбоводстве; добыче полезных ископаемых; обрабатывающих производствах; производстве и распределении электроэнергии, газа и воды; строительстве; транспорте и связи к количеству занятых в перечисленных отраслях.

Уравнение регрессии, отражающее взаимосвязь анализируемых временных рядов, имеет вид:

$$\hat{y}_i = 0,21x_i - 641,52. \quad (3)$$

Ошибка абсолютной аппроксимации составляет 10,7 %, что также значительно ниже 15 %, поэтому данная модель имеет высокое качество и ее можно использовать как регрессию. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,669$ говорит о том, что 66,9 % вариации показателя выработки на одного занятого объясняется количеством разработанных передовых технологий, а 33,1 % другими факторами, не включенными в модель.

Коэффициент корреляции, рассчитанный на базе отклонений фактических значений показателей от их теоретических значений, составил

$r_{xy} = 0,818$, по шкале Чеддока это «высокая связь». По t -критерию Стьюдента данная гипотеза верна с вероятностью 0,999 ($7,16 > 4,14$). F -распределение для уровня значимости $\alpha = 0,01$, $k_1 = 1$ и $k_2 = 12$ равен 9,33 ($24,3 > 9,33$), следовательно, с погрешностью 1 % коэффициент корреляции $r_{xy} = 0,818$ можно считать статистически значимым. Доверительный интервал для $r_{xy} = 0,818$ имеет вид: $(0,51) \div (0,94)$ и с вероятностью 0,95 можно утверждать, что коэффициент генеральной совокупности содержится в указанном интервале.

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг. Еще один показатель, характеризующий результативность исследований и разработок, удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (табл. 6, графа 4). Анализ корреляционного поля взаимодействия доли инновационных товаров и финансирования науки и выявили наличие линейной связи – уравнение регрессии имеет вид:

$$\hat{y}_i = 0,0033x - 3,7516. \quad (4)$$

Ошибка абсолютной аппроксимации составляет 10,69 %, что также значительно ниже 15 %, поэтому данная модель имеет высокое качество и ее можно использовать как регрессию.

Коэффициент детерминации $R^2 = 0,75$ говорит о том, что 75,0 % вариации показателя доля инновационных товаров, работ, услуг объясняется финансированием науки, а 25,0 % – другими факторами, не включенными в модель. Это очевидно, потому что нововведение требуется внедрить в производство, изменить организацию самого производства, преодолеть сопротивление со стороны персонала или его отдельных категорий и т.д., т.е. мы имеем в виду, что финансирование науки – это только начальный этап жизненного цикла новой техники (инновации). Да и удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, играет не последнюю роль в системе факторов, оказывающих влияние на долю инновационных товаров, работ, услуг. К сожалению, за период с 2003 по 2017 г. эта доля снизилась с 10,3 до 9,2 % [8].

Не менее важное значение, причем для развития народного хозяйства страны в целом, в том числе и для роста ВВП, имеет такой показатель, как объем инвестиций в основной капитал. Не случайно министерство экономического развития РФ планирует за период действия майского Указа рост инвестиций в основной капитал на 47 %. Но в реальности картина иная. За период с 2003 по 2016 г. темпы роста инвестиций в сопоставимых ценах сократились с 112,5 до 99,8 %. И хотя в 2017 г. имел место прирост на 4,6 %, в 2018 г. опять намечилось снижение. При этом снижается доля инвестиций в здания (кроме жилых), сооружения, машины, оборудование, транспорт: с 80,6 % в 2003 г. до 75,8 % в 2016 г.

Снижение темпов роста инвестиций в основной капитал – это стратегическая проблема, касающаяся не только близкого, но и не столь отдаленного будущего. Если износ основных средств уже сегодня превышает 50 %, то на сколько она возрастет к 2025 г. Причем эта проблема характерна и для сырьевого сектора отечественной экономики: развитие данного сектора также требует значительных инвестиций и в науку, ибо прежде чем внедрить нововведение, его необходимо разработать.

Коэффициент корреляции между долей инновационных товаров и финансированием науки составил $r_{xy} = 0,866$, по шкале Чеддока это «высокая связь». По t -критерию Стьюдента данная гипотеза верна с вероятностью 0,999 ($6,48 > 4,14$). F -распределение для уровня значимости $\alpha = 0,01$, $k_1 = 1$ и $k_2 = 12$ равен 9,33 ($36,0 > 9,33$), следовательно, с погрешностью 1 % коэффициент корреляции $r_{xy} = 0,866$ можно считать статистически значимым. Доверительный интервал для $r_{xy} = 0,866$ имеет вид: $(0,621) \div (0,957)$ и с вероятностью 0,95 можно утверждать, что коэффициент генеральной совокупности содержится в указанном интервале.

Подано заявок на выдачу патентов. Количество поданных заявок на выдачу патентов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы российскими заявителями отражает (табл. 6, графа 5), на наш взгляд, не только результативность исследований и разработок, но и конкурентоспособность отечественной науки в целом. Поэтому исследование взаимосвязи между указанным показателем и финансированием науки представляется логичным

Уравнение регрессии, отражающее взаимосвязь анализируемых временных рядов, имеет вид:

$$\hat{y}_i = 10,573_x + 30035,755. \quad (5)$$

Ошибка абсолютной аппроксимации составляет 11,8 %, что также значительно ниже 15 %, поэтому данная модель имеет высокое качество и ее можно использовать как регрессию. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,462$ говорит о том, что 46,2 % вариации показателя количество поданных заявок на выдачу патентов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы российскими заявителями объясняется объемом финансирования науки, а 53,8 % другими факторами, не включенными в модель.

Коэффициент корреляции составил $r_{xy} = 0,6799$, по шкале Чеддока это «заметная связь». По t -критерию Стьюдента данная гипотеза верна с вероятностью 0,99 ($3,21 > 2,98$). F -распределение для уровня значимости $\alpha = 0,01$, $k_1 = 1$ и $k_2 = 12$ равен 9,33 ($10,32 > 9,33$), следовательно, с погрешностью 1 % коэффициент корреляции $r_{xy} = 0,6799$ можно считать статистически значимым. Доверительный интервал для $r_{xy} = 0,6799$ имеет вид: $(0,234) \div (0,89)$ и с вероятностью 0,95 можно утверждать, что коэффициент генеральной совокупности содержится в указанном интервале.

Итак, вышеприведенные расчеты убедительно показали справедливость нашей точки зрения о ведущей роли науки в системе стратегического развития народного хозяйства страны, что предполагает значительное увеличение финансирования исследований и разработок, ибо только таким образом можно выполнить задачи, сформулированные в майском Указе Президента РФ.

Увеличение финансирования исследований и разработок в 2,5–3 раза, как было указано выше, требует изменения направления финансовых потоков и из федерального бюджета. Для этого необходимо осуществить ряд первоочередных организационных мероприятий:

1) прекратить практику непродуманных «реформ» науки, сводящихся, как правило, к закрытию академических и иных научно-исследовательских институтов;

2) вместо государственной поддержки частного банковского сектора направить финансовые ресурсы на развитие таких отраслей, как приборостроение, станкостроение, радиоэлектроника, подготовка высококвалифицированных специалистов и т.п., прекратить финансирование производства табуреток и подобных производств;

3) пресечь вывоз (бегство) капитала за рубеж. Только по официальным данным сумма вывезенного капитала впечатляет: 2013 г. – Виргинские острова \$61,2 млрд [8], более 30 % от всех направленных из России инвестиций; Кипр: 2011 г. – \$20,0 млрд, 2013 г. – \$19,5 млрд, 2014 г. – \$23,546 млрд;

4) ликвидировать как явление нецелевое расходование бюджетных средств, причем не только в сфере исследований и разработок, но и во всех отраслях народного хозяйства страны.

При этом реализация предложенных мероприятий не требует ни дополнительных инвестиций, ни дополнительных кадров – нужны только воля и желание действующей власти. Не стоит также, как представляется, концентрировать внимание на таких предложениях, как «создание 15 научно-образовательных центров» – зачем создавать то, что уже давно исторически сложилось. В настоящих условиях выполнение данной задачи превратится в проект «Сколково», создание новых часовых поясов или очередное территориальное деление страны, например, 14 макрорегионов, что увеличивает лишь количество чиновников и, соответственно, расходы на их содержание. И еще: не следует требовать и ждать от фундаментальных исследований сиюминутных и практических результатов. Основная задача академической науки – познание законов развития материи и лишь потом практическое применение их в конкретной финансово-хозяйственной деятельности субъектов экономики страны. Такая постановка вопроса настоятельно требует применения системного подхода в решении народнохозяйственных задач, а также обеспечения данного процесса соответствующими кадрами, поэтому вслед за изменением финансирования науки (или одновременно) необходимо привлечь к работе в правительстве страны высококвалифицированные кадры, обладающие системными знаниями и ставящие во главу угла государственные интересы, а не личные.

Если этого не сделать, то задачи, сформулированные в Указе: вхождение РФ в число пяти крупнейших экономик мира; ускорение технологического развития страны; обеспечение базовых отраслей высококвалифицированными кадрами; рост производительности труда на 5 % в год; обновление приборной базы научных организаций; повышение жизненного уровня населения страны и т.д., не будут достигнуты, а по уровню ВВП на душу населения РФ замкнет восьмой десяток стран.

Литература

1. *Амельченко А.В.* Генеральная цель как фактор гармонизации управления предприятием // Вестник НГУЭУ. 2014. № 1. С. 33–46.
2. *Амельченко А.В.* Особенности формирования стратегий развития российскими предприятиями // Вестник НГУЭУ. 2010. № 2. С. 75–81.
3. *Глинский В.В., Ионин В.Г.* Статистический анализ: учеб. пособие / 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. 241 с.

4. Михайлов Ю.И. Логистический подход к формированию системы управления инфраструктурой промышленного предприятия: монография. СПб.: СПбГИЭУ, 2007. 215 с.
5. Михайлов Ю.И. Методологические подходы к оценке эффективности логистического управления промышленным предприятием // Актуальные проблемы экономики и управления. Вып. 1 (17). 2018. С. 102–106.
6. Glinskiy V, Serga L., Chemezova E., Zaykov K. Clusterization economy as a way to build sustainable development of the region, *Procedia CIRP*, 40 (2016), 324–328.
7. Glinskiy V, Serga L., Khvan M., Zaykov K. Assessment of environmental parameters impact on the level of sustainable development of territories, *Procedia CIRP*, 40 (2016), 625–630.
8. <http://www.gks.ru>
9. <http://Infotables.ru> ВВП России на душу населения стран мира.

Bibliography

1. Amel'chenko A.V. General'naja cel' kak faktor garmonizacii upravlenija predprijatijem // *Vestnik NGUJeU*. 2014. № 1. P. 33–46.
2. Amel'chenko A.V. Osobennosti formirovanija strategij razvitija rossijskimi predprijatijami // *Vestnik NGUJeU*. 2010. № 2. P. 75–81.
3. Glinskij V.V., Ionin V.G. Statisticheskij analiz: ucheb. posobie / 3-e izd., pererab. i dop. M.:INFRA-M; Novosibirsk: Sibirskoe soglasenie, 2002. 241 p.
4. Mihajlov Ju.I. Logisticheskij podhod k formirovaniju sistemy upravlenija infrastrukturoj promyshlennogo predpriyatija: monografija. SPb.: SPbGIJeU, 2007. 215 p.
5. Mihajlov Ju.I. Metodologicheskie podhody k ocenke jeffektivnosti logisticheskogo upravlenija promyshlennym predprijatijem // *Aktual'nye problemy jekonomiki i upravlenija*. Вып. 1 (17). 2018. P. 102–106.
6. Glinskiy V, Serga L., Chemezova E., Zaykov K. Clusterization economy as a way to build sustainable development of the region, *Procedia CIRP*, 40 (2016), 324–328.
7. Glinskiy V, Serga L., Khvan M., Zaykov K. Assessment of environmental parameters impact on the level of sustainable development of territories, *Procedia CIRP*, 40 (2016), 625–630.
8. <http://www.gks.ru>
9. <http://Infotables.ru> VVP Rossii na dushu naselenija stran mira.

УДК 336.14

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТОВ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Сумская Т.В.

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

Финансовая самостоятельность местного самоуправления является важнейшим условием его эффективного функционирования. На уровне местных бюджетов в России сконцентрирован основной объем социально значимых расходов. Целью исследования является анализ основных направлений формирования и направлений использования средств местных бюджетов в Российской Федерации. Выполненный комплекс расчетов на материалах муниципальных образований Российской Федерации позволил выявить особенности формирования доходов и расходов местных бюджетов. Результаты исследования могут быть использованы при изучении возможностей совершенствования бюджетной политики в направлении выравнивания и стимулирования муниципальных образований к укреплению собственной доходной базы. Кроме того, проведенный анализ позволил охарактеризовать бюджетную ситуацию на муниципальном уровне с точки зрения достаточности средств для осуществления собственных и переданных полномочий.

Ключевые слова: доходы местных бюджетов, расходы местных бюджетов, муниципальные образования, налоговые доходы, неналоговые доходы, безвозмездные перечисления, трансферты, дефицит бюджета, профицит бюджета, бюджетная политика.

THE MAIN ASPECTS OF FORMATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENTS' BUDGETS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Sumskaya T.V.

Institute of Economics and Industrial Engineering
of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

The financial independence of local government is the most important condition for its effective functioning. In Russia the most of socially significant expenditures is concentrated at the level of local budgets. The purpose of the study is to analyze the main directions of the formation and directions of the use of local budgets in the Russian Federation. The executed complex of calculations on materials of municipal formations of the Russian Federation has allowed to reveal features of formation of revenues and expenditures of local budgets. The results of the research can be used to study the possibilities of improv-

¹ Статья выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках приоритетного направления XI.173 (Проект XI.173.1.2, номер регистрации 0325-2017-0005 в ИСГЗ ФАНО).

ing the budget policy in the direction of equalization and stimulation of municipalities to strengthen their own revenue base. In addition, the analysis made it possible to characterize the budgetary situation at the municipal level from the point of view of the sufficiency of the financial resources for exercising its own and transferred powers.

Keywords: revenues of local budgets, expenditures of local budgets, municipal settlements, tax revenues, non-tax revenues, grants, transfers, budget deficit, budget surplus, budget policy.

Важной особенностью федеративного государства является многоуровневое устройство бюджетной системы. Регулирование бюджетной системы в Российской Федерации ориентировано, в первую очередь, на сбалансирование федерального бюджета. Зачастую эта проблема решается в ущерб субфедеральному и муниципальному уровням. Однако муниципальный уровень является базовым уровнем бюджетной системы государства. На уровне местных бюджетов в России сконцентрирован основной объем социально значимых расходов. Целью исследования является анализ основных направлений формирования и направлений использования средств местных бюджетов в Российской Федерации. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи. Во-первых, выявлены особенности структуры валовых и собственных доходов бюджетов органов местного самоуправления. Во-вторых, определена специфика налоговых и неналоговых доходов муниципальных образований. В-третьих, показаны особенности структуры трансфертов, поступающих в местные бюджеты и вышестоящих. Теоретическая и практическая значимость работы состоит в возможности использования предложенных подходов при оценке результативности субфедеральной бюджетной политики. Кроме того, проведенный анализ позволил охарактеризовать бюджетную ситуацию на муниципальном уровне с точки зрения достаточности средств для осуществления собственных и переданных полномочий. В настоящее время в Российской Федерации остаются крайне актуальными проблемы укрепления доходной базы местных бюджетов и повышения заинтересованности местных властей в результатах деятельности функционирующих на их территориях предприятий и организаций.

Одним из важных направлений бюджетного анализа является анализ структуры доходов бюджета, направлений использования бюджетных средств, а также определение уровня устойчивости бюджета. Результаты такого анализа можно использовать при оценке эффективности федеральной и субфедеральной бюджетной политики. Они также представляются важными для федеральных и субфедеральных органов власти, так как дают информацию о состоянии их финансовой базы и тенденциях ее формирования и использования.

Особый интерес представляет анализ исполнения местных бюджетов в части финансовой поддержки в целом, по отдельным видам финансовой помощи и динамики этих показателей. Данное направление анализа позволяет выявить степень зависимости местных бюджетов от вышестоящего уровня, что может являться индикатором их способности проводить эффективную социально-экономическую политику на территории.

Среди методов, используемых для анализа состояния бюджета, наиболее информативными, на наш взгляд, являются горизонтальный, вертикальный и динамический анализ. Горизонтальный анализ заключается в сравнении текущих показателей бюджета с показателями за прошлый период, а также плановых показателей с фактическими. Вертикальный анализ нацелен на определение структуры бюджета, доли отдельных бюджетных показателей в итоговом показателе и их влияния на общие результаты. Для выявления тенденций изменения бюджетных показателей используется анализ их динамики, по результатам которого изучается ретроспективная ситуация и возможно осуществление прогнозирования бюджетных показателей [2].

Суть бюджетного анализа заключается в выявлении уровня соответствия доходов и расходов, определении причин несбалансированности бюджета и поиска путей движения в направлении формирования бездефицитного бюджета. В структуре доходных источников выделяются налоговые, неналоговые доходы и безвозмездные перечисления из вышестоящего бюджета. Соотношение налоговых и неналоговых (полученных) доходов и безвозмездных перечислений является репрезентативным с точки зрения оценки уровня экономической самостоятельности территории. Для целей анализа направлений использования средств бюджетов территорий все расходы целесообразно сгруппировать в следующие основные группы: расходы на управление, жилищно-коммунальное хозяйство, образование, культуру, здравоохранение и спорт, социальную политику и прочие расходы.

Формирование эффективной системы местного самоуправления невозможно без обеспечения ее финансовой самостоятельности [2, 9, 14, 20, 21]. В то же время выполнение этого очевидного требования до сих пор является проблематичным, несмотря на проводимые реформы местного самоуправления [1, 5]. Попытаемся ответить на вопрос, в какой степени данные реформы продвинули решение вопроса о стабилизации состояния местных бюджетов, обеспечив создание адекватной финансовой базы местного самоуправления. С этой целью проанализируем данные проводимого Министерством финансов РФ мониторинга местных бюджетов Российской Федерации за период 2006–2015 гг. Структура доходов местных бюджетов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура доходов местных бюджетов, %

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Налоговые и неналоговые доходы	42,0	42,1	41,4	40,3	40,8	39,3	38,2	38,8	36,2	36,6
Межбюджетные трансферты	58,0	57,9	58,6	59,7	59,2	60,7	61,8	61,2	63,8	63,4

На протяжении анализируемого периода доля налоговых и неналоговых доходов в бюджетах муниципальных образований сокращалась с 42 % в 2006 г. до 36,6 % в 2015 г. Соответственно с 58 до 63,4 % за этот период увеличивалась доля межбюджетных трансфертов.

Основную роль в обеспечении финансовой самостоятельности любого уровня управления играют собственные доходы [10, 13]. В данной связи необходимо отметить, что в Российской Федерации используется достаточно широкая трактовка понятия «собственные доходы бюджета». В соответствии со ст. 47 Бюджетного кодекса РФ к собственным доходам бюджетов относятся все налоговые доходы, зачисляемые в бюджеты в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации и законодательством о налогах и сборах; доходы, полученные бюджетами в виде безвозмездных поступлений, за исключением субвенций, а также неналоговые доходы, зачисляемые в бюджеты в соответствии с законодательством Российской Федерации, законами субъектов Федерации и муниципальными правовыми актами представительных органов муниципальных образований [4, 6, 19]. Таким образом, в состав собственных доходов местных бюджетов включаются и межбюджетные трансферты, и поступления от федеральных и региональных налогов. Структура собственных доходов местных бюджетов Российской Федерации представлена в табл. 2.

Таблица 2

Структура собственных доходов местных бюджетов, %

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Налоговые доходы	43,0	41,8	38,3	39,9	40,9	39,1	41,7	47,2	42,0	44,2
Неналоговые доходы	15,7	17,3	14,8	13,5	12,8	12,4	11,7	6,7	13,1	12,4
ИТОГО налоговые и неналоговые доходы	58,7	59,1	53,1	53,4	53,7	51,5	53,4	53,9	55,1	56,6
Межбюджетные трансферты (без учета субвенций из фонда компенсаций)	41,3	40,9	46,9	46,6	46,3	48,3	46,6	46,1	44,9	43,4

По данным табл. 2 налоговые доходы в среднем за период составляли около 40 % собственных доходов, опускаясь ниже этой отметки в 2008, 2009 и 2011 гг. Суммарная доля налоговых и неналоговых доходов уменьшалась с почти 59 % в 2006 г. до 51,5 % в 2011 г. В 2012–2015 гг. произошло увеличение данного показателя до 56,6 %. Соответственно с 41,3% в 2006 г. до 48,3% в 2011 г. возросла доля межбюджетных трансфертов (без учета субвенций из фонда компенсаций). Затем удельный вес данного вида доходов уменьшался, составив в 2015 г. 43,4 % собственных доходов местных бюджетов в среднем по Российской Федерации.

Интерес представляет анализ структуры основных статей бюджетных доходов органов местного самоуправления. В табл. 3 представлена структура налоговых доходов местных бюджетов.

Как показывают данные табл. 3, в течение рассматриваемого периода большую часть налоговых доходов составляли отчисления от налога на доходы физических лиц, их доля возрастала с 61,4 % в 2006 г. до 70 % в 2012–2013 гг., в последующие два года она сократилась, составив в 2015 г. 61,8 %. Вторым по значимости налогом для местных бюджетов был земельный налог. В совокупности доля местных налогов (земельного и на имущество физических лиц) увеличивалась за период 2006–2015 гг. с 10 до 19 %.

Таблица 3

Структура налоговых доходов местных бюджетов, %

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Налог на доходы физических лиц	61,4	66,8	68,6	68,7	65,1	66,4	70,2	69,9	63,5	61,8
Местные налоги, в том числе	10,0	12,2	11,5	14,2	14,4	12,7	15,0	15,1	18,4	19,0
Земельный налог	8,9	11,0	10,2	12,3	12,7	12,2	13,3	13,2	16,0	16,4
Налог на имущество физических лиц	1,0	1,2	1,2	2,0	1,7	0,5*	1,7	1,9	2,4	2,6
Налог на вмененный доход	8,4	8,4	7,4	7,8	7,7	7,7	8,2	7,0	7,8	7,7
Единый сельскохозяйственный налог		0,2	0,2	0,2	0,2	0,4	0,4	0,4	0,5	0,7
Налог, взимаемый в связи с применением патентной системы налогообложения	–	–	–	–	–	–	–	0,2	0,2	0,3
Акцизы	–	–	–	–	–	–	–	–	2,5	2,8

* Объем налога на имущество физических лиц уменьшился в 2011 г. на 67,1 %, так как доход от поступлений по данному налогу за 2011 г. был получен в 2012 г. в связи с внесением изменений в налоговое законодательство Российской Федерации. Ранее физические лица уплачивали налог на имущество физических лиц за текущий год равными долями в два срока – не позднее 15 сентября и 15 ноября этого же года. В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2010 № 229-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с урегулированием задолженности по уплате налогов, сборов, пеней и штрафов и некоторых иных вопросов налогового администрирования» с 1 января 2011 г. налог на имущество физических лиц должен уплачиваться не позднее 1 ноября года, следующего за годом исчисления налога. Таким образом, обязательный платеж за 2011 г. должен быть внесен налогоплательщиками до 1 ноября 2012 г.

От 7,6 до 8,6 % варьируется доля налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами и закрепленными за бюджетами муниципальных образований Бюджетным кодексом РФ. Основную часть этих средств составляют поступления от налога на вмененный доход, величина которого определяется деятельностью малого и среднего бизнеса.

С 2014 г. в доходы местных бюджетов зачисляются поступления от уплаты акцизов на автомобильный бензин, прямогонный бензин, дизельное топливо, моторные масла для дизельных и (или) карбюраторных (инжекторных) двигателей, производимых на территории Российской Федерации (акцизы на нефтепродукты), по дифференцированным нормативам, установленным субъектами Российской Федерации, исходя из необходимости зачисления в местные бюджеты не менее 10 % налоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации от указанных акцизов на нефтепродукты.

Особый интерес представляет анализ налоговых доходов, которые были переданы на муниципальный уровень федеральными и региональными органами власти (табл. 4).

Таблица 4

Доходы местных бюджетов, переданные вышестоящими уровнями власти, %

	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Общий объем доходов, поступивших за счет налогов, нормативы по которым установлены на федеральном уровне, млрд руб.	489,1	614,2	647,3	716,6	771,3	865,9	940,8	875,1	887,9
Процент от общего объема доходов местных бюджетов, %	84,4	85,0	89,9	88,8	87,7	92,5	90,2	90,3	88,9
Поступления налогов, которые были переданы на муниципальный уровень в соответствии с законами субъектов РФ, млрд руб.	90,4	10,6	72,5	88,1	100,9	59,7	91,1	89,8	95,2
Процент от общего объема доходов местных бюджетов, %	15,6	14,7	10,1	11,0	11,6	6,4	8,7	9,3	9,5
Всего налоговых доходов местных бюджетов, млрд руб.	579,5	720,4	719,8	806,8	879,0	935,8	1042,7	969,3	999,3

Из данных табл. 4 следует, что порядка 90 % налоговых доходов местных бюджетов формируется за счет тех доходных источников, нормативы по которым установлены на федеральном уровне. Около 10 % доходов муниципалитетов формируется за счет поступлений, переданных на муниципальный уровень субфедеральными органами власти. Таким образом, в среднем за рассмотренный период доля налоговых доходов, которые могут устанавливаться местными властями, составляет менее 1 %. В сложившихся условиях говорить о самостоятельности органов местного самоуправления не приходится. У местных властей должны быть налоговые источники, ставки по которым они могли бы определять независимо от вышестоящих уровней власти. Возможно, доля данных доходов не должна быть слишком высокой, но и стремление ее к нулю целесообразным назвать нельзя.

Рассмотрим структуру неналоговых доходов бюджетов муниципальных образований за период 2006–2015 гг. (табл. 5).

За рассмотренный период структура неналоговых доходов местных бюджетов существенно изменилась. С 20,4 % в 2006 г. до 3 % в 2010 г. сократился удельный вес доходов от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности. Основной статьёй неналоговых доходов муниципальных образований являются доходы от использования имущества, доля которых в течение всего рассматриваемого периода превышала 40 %, достигнув в 2014 г. 57,5 % совокупных неналоговых доходов. С 17,5 % в 2006 г. до 27,3 % в 2012 г. возрос удельный вес доходов от продажи материальных и нематериальных активов, снизившись к 2015 г. до 22,0 %. Кроме того, в целом за рассмотренный период сокращалась доля доходов от оказания платных услуг. Что касается удельного веса платежей за пользование природными ресурсами, то в среднем за период он находился на уровне 3,4 %.

Таблица 5

Структура неналоговых доходов местных бюджетов, %

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Доходы от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности	20,4	19,0	10,7	7,7	3,0	–	–	–	–	–
Доходы от использования имущества, находящегося в муниципальной собственности	45,0	44,8	46,4	48,8	49,4	46,6	52,8	54,6	57,5	56,7
Платежи за пользование природными ресурсами	н/д	2,7	н/д	2,9	3,1	3,0	4,3	4,3	3,5	3,7
Доходы от оказания платных услуг и компенсации затрат государства	н/д	3,3	н/д	12,6	15,3	14,5	5,9	6,1	5,7	7,2
Доходы от продажи материальных и нематериальных активов	17,5	20,3	24,2	20,5	22,6	24,9	27,3	25,3	24,8	22,0
Другие неналоговые доходы	н/д	10	н/д	7,6	6,6	10,9	9,7	9,6	8,5	10,4

Особый интерес представляет структура безвозмездных перечислений, поступающих в бюджеты муниципалитетов Российской Федерации. В данной связи будем рассматривать две основные группы безвозмездных перечислений. К первой группе относятся трансферты, связанные с финансовым обеспечением собственных полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, сюда относятся дотации, субсидии и прочие межбюджетные трансферты. Вторую группу составляют субвенции, т.е. это те межбюджетные трансферты, которые связаны с финансовым обеспечением переданных органам местного самоуправления государственных полномочий. Распределение межбюджетных трансфертов по основным статьям представлено в табл. 6.

Суммарная доля дотаций, субсидий и прочих межбюджетных трансфертов увеличилась с 2006 по 2011 г. с 50,5 до 60,4 %. Однако с 2012 г. началось сокращение удельного веса указанных безвозмездных перечислений, причем в 2015 г. эта доля составила всего 44,1 %. При этом в течение всего периода 2006–2015 гг. более чем вдвое сократилась доля дотаций с 29,0 до 13,7 % существенно увеличился удельный вес субсидий (с 14,1 до 23,7 %), причем в отдельные годы рассматриваемого периода он составлял более 30 %. Таким образом, доля безвозмездных перечислений, которые местные бюджеты могут тратить по своему усмотрению (т.е. без согласования с вышестоящими органами власти) стабильно сокращается. Учитывая отмеченную выше мизерную долю налоговых доходов, на которые могут не-

Таблица 6

Структура межбюджетных трансфертов, %

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Дотации	29,0	24,0	23,9	21,2	21,3	22,0	15,9	15,2	12,6	13,7
Субсидии	14,1	23,5	31,1	29,4	29,5	29,0	30,5	32,2	27,1	23,7
Прочие	7,4	2,8	7,4	8,5	8,5	9,4	7,4	7,0	6,5	6,7
Итого межбюджетных трансфертов, связанных с финансовым обеспечением собственных полномочий органов МСУ по решению вопросов местного значения	50,5	50,3	62,4	59,1	59,3	60,4	53,9	54,4	46,2	44,1
Субвенции	49,5	49,7	37,6	40,9	40,7	39,6	46,1	45,6	53,8	55,9

посредственно влиять муниципальные образования, можно сделать вывод о практически полном контроле вышестоящих властей над органами местного самоуправления.

Основную долю межбюджетных трансфертов составляют субвенции, т.е. средства, передаваемые органам местного самоуправления для решения вопросов, не относящихся к компетенции органов местного самоуправления. В 2008–2011 гг. их доля по сравнению с 2006–2007 гг. сократилась, однако с 2012 г. она вновь начала расти, достигнув в 2015 г. 55,9 %. Довольно высокий уровень доли субвенций связан, прежде всего, с передачей на муниципальный уровень все большего числа полномочий органов государственной власти.

Важным аспектом анализа муниципальных бюджетов является распределение основных групп доходов и расходов местных бюджетов по типам муниципальных образований. Структура доходов органов местного самоуправления по типам муниципалитетов представлена в табл. 7.

В связи со значительной дифференциацией социально-экономического развития муниципальных образований распределение налоговых доходов по типам муниципальных образований осуществляется неравномерно: в бюджетах городских округов в течение всего рассмотренного периода аккумулируется около 50 % собственных и более 50 % налоговых доходов, на втором месте находятся муниципальные районы, и наименьший удельный вес собственных и налоговых доходов приходится на бюджеты поселений.

Доля городских округов в собственных доходах возрастала в 2006–2010 гг. до 52,2 %, а в налоговых доходах – в 2006–2011 гг. до 64,6 %. Далее эти доли начали сокращаться и в 2015 г. доля городских округов в собственных доходах составляла 49,7 %, а в налоговых доходах – 56,0 %. Что касается удельного веса муниципальных районов в собственных и налоговых доходах, то ситуация здесь складывается следующая. Доля муниципальных районов в собственных доходах на протяжении всего рассматриваемого периода сокращалась с 43 % в 2006 г. до 34,9 % в 2015 г. Доля районов в налоговых доходах в течение рассматриваемого периода была на уровне 26–30 %. Отметим увеличение доли городских и сельских поселений в собственных

Таблица 7

Доходы местных бюджетов по типам муниципальных образований

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
<i>Распределение собственных доходов по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	50,0	54,9	52,8	51,5	52,2	51,7	50,6	50,3	50,1	49,7
Муниципальные районы	43,0	37,0	37,1	35,5	34,6	36,0	35,4	35,5	34,1	34,9
Поселения	7,0	8,1	10,1	13,0	13,2	12,3	14,0	14,2	15,8	15,4
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Распределение налоговых доходов по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	н/д	64,5	63,9	63,5	64,1	64,6	61,0	60,3	57,8	57,1
Муниципальные районы	н/д	30,1	29,6	26,5	26	26,3	28,1	28,4	27,3	28,3
Поселения	н/д	5,4	6,5	10,0	9,9	9,1	10,9	11,3	14,9	14,6
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Распределение неналоговых доходов по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	64,8	69,5	68,3	64,6	65,5	64,5	63,0	62,2	64,0	62,1
Муниципальные районы	29,0	25,2	24,2	24,4	23,0	23,6	23,6	24,0	22,8	28,6
Поселения	6,2	5,3	7,5	11,0	11,5	11,9	13,4	13,8	13,2	9,3
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Распределение субвенций по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	н/д	40,7	40,2	40,2	41,6	42,3	44,0	42,9	45,9	47,0
Муниципальные районы	н/д	55,0	58,3	58,4	57,3	56,7	55,3	56,5	53,6	52,7
Поселения	н/д	4,3	1,5	1,4	1,1	1,0	0,7	0,6	0,5	0,4
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Распределение межбюджетных трансфертов, связанных с финансовым обеспечением собственных полномочий органов МСУ по решению вопросов местного значения, по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	36,7	38,9	38,8	37,5	38,0	38,0	38,1	38,3	39,3	38,8
Муниципальные районы	53,2	49,1	47,4	46,4	45,4	47,1	44,9	44,8	43,8	43,4
Поселения	10,1	12,0	13,8	16,1	16,6	14,9	17,0	16,9	16,9	17,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Распределение дотаций по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	н/д	26,3	28,7	23,6	25,0	26,9	24,7	24,0	24,8	25,4
Муниципальные районы	н/д	56,2	53,5	56,7	56,0	55,2	53,8	54,1	51,2	52,2
Поселения	н/д	17,6	17,8	19,7	19,0	17,9	21,5	21,9	24,0	22,4
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Распределение субсидий по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	42,7	49,0	47,3	47,4	49,0	48,3	47,3	47,9	48,7	48,3
Муниципальные районы	52,1	44,2	43,5	41,0	39,2	42,1	40,9	40,3	39,8	39,2
Поселения	5,2	6,8	9,2	11,6	11,8	9,6	11,8	11,8	11,5	12,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

и в налоговых доходах муниципальных образований. За рассматриваемый период доля бюджетов поселений в собственных доходах увеличилась с 7,0 до 15,4 %, достигнув максимума в 2014 г., а доля поселений в налоговых доходах возросла с 5,4 до 14,6 % в последний год анализируемого периода при максимуме в 2014 г.

Основной объем неналоговых доходов (более 60 % за все годы рассматриваемого периода) поступал в бюджеты городских округов. Доля неналоговых доходов в бюджетах муниципальных районов сначала сокращалась с 29 до 24 %, а потом начала возрастать, составив в 2015 г. 28,6 %. Удельный вес указанных доходов в бюджетах поселений возрастал до 2013 г., затем началось уменьшение данного показателя, в 2015 г. он составил 9,3 %.

Рассмотрим распределение безвозмездных перечислений по типам муниципальных образований Российской Федерации. Более половины трансфертов, связанных с финансовым обеспечением переданных органам местного самоуправления государственных полномочий (субвенций), приходился на бюджеты муниципальных районов. Несколько меньшая доля субвенций направлялась в 2006–2015 гг. в бюджеты городских округов, и совсем невелик удельный вес рассматриваемых перечислений, поступающих в бюджеты поселений. К 2015 г. эта доля сократилась до 0,4 %.

Трансферты, связанные с финансовым обеспечением собственных полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, распределялись по бюджетам муниципальных образований различного типа следующим образом. Наибольшая их доля приходилась на бюджеты муниципальных районов, хотя в течение рассматриваемого периода данная доля сокращалась с 53,2 до 43,4 %. Доля городских округов оставалась относительно стабильной на уровне 37–39 %. Возрастал удельный вес дотаций, субсидий и прочих трансфертов, направляемых в бюджеты поселений. За 2006–2015 гг. он увеличился с 10,1 до 17,8 %.

И, наконец, рассмотрим распределение основных составляющих межбюджетных трансфертов, связанных с финансовым обеспечением собственных полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, т.е. распределение дотаций и субсидий. Более половины дотаций в течение рассмотренного периода аккумулировалось в бюджетах муниципальных районов. Удельный вес дотаций, поступающих в бюджеты городских округов, уменьшался до 2013 г., затем началось его увеличение. Доля данных доходов, направляемая в бюджеты городских и сельских поселений возрастала в 2006–2014 гг. с 17,6 до 24,0 %, с 2015 г. началось ее уменьшение. Удельный вес субсидий, направляемых в бюджеты муниципальных районов, сократился с 52,1 % в 2006 г. до 39,2 % в 2015 г. Доля данных перечислений, поступающая в бюджеты городских округов и поселений, наоборот, возросла с 42,7 до 48,3 % и с 5,2 до 12,1 % соответственно. Субсидии носят целевой характер и, как известно, предоставляются на условиях софинансирования расходных обязательств нижестоящих бюджетов. Это означает, что то или иное муниципальное образование может претендовать на получение субсидии только при наличии у него как соответствующей программы развития, так и определенного задела собственных средств [7, 11, 12, 15, 16]. Очевидно, что городские округа, располагающие более широкой и устойчивой базой для получения собственных доходов, имеют и большие возможности для получения субсидий из вышестоящих бюджетов.

Теперь обратимся к анализу структуры расходов бюджетов муниципальных образований Российской Федерации. Распределение расходов местных бюджетов между направлениями на решение вопросов местного значения и на осуществление государственных полномочий представлено в табл. 8.

Таблица 8

Структура расходов местных бюджетов, %

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Расходы на решение вопросов местного значения	71,1	71,0	78,0	76,1	73,0	76,1	72,0	72,5	66,0	63,6
Расходы на осуществление государственных полномочий	28,9	29,0	22,0	23,9	26,1	15,1	19,0	16,5	18,0	36,0
Расходы на решение вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения	–	–	–	–	0,9	8,8	9,0	11,0	16,0	0,4

Как следует из информации, представленной в табл. 8, начиная с 2008 г. доля расходов по решению вопросов местного значения в общем объеме расходов местных бюджетов постепенно снижается при незначительном увеличении в 2011 г. Удельный вес расходов на осуществление государственных полномочий и на решение вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения в среднем за период уменьшался. Нельзя не отметить резкое и продолжающееся сокращение расходов местных бюджетов на решение вопросов местного значения после 2013 г. и, соответственно, существенный рост (более чем в 2 раза с 16,5 % в 2013 г. до 36,0 % в 2015 г.) расходов на осуществление органами местного самоуправления государственных полномочий.

Важное значение имеет выявление основных направлений расходов органов местного самоуправления [3, 8, 17, 18]. Функциональная структура расходов местных бюджетов представлена в табл. 9.

Таблица 9

Функциональная структура расходов местных бюджетов, %

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Управление	8,8	9,0	8,8	8,8	8,9	8,5	9,0	9,0	9,0	9,0
ЖКХ	17,7	18,8	19,9	18,3	18,3	18,7	15,0	14,0	14,1	14,1
Образование	35,7	34,8	34,7	36,3	35,8	37,6	41,4	45,7	47,1	47,1
Культура	3,9	4,0	3,9	3,9	4,0	4,3	4,5	4,7	5,1	5,2
Здравоохранение и спорт	13,2	13,2	12,4	11,4	10,9	10,0	5,4	–	–	–
Здравоохранение	–	–	–	–	–	–	–	1,8	0,9	0,9
Физическая культура и спорт	–	–	–	–	–	–	–	1,7	1,8	1,8
Социальная политика	8,1	8,0	7,2	7,9	9,2	8,6	8,7	9,0	9,0	8,2
Прочие расходы	12,6	12,0	13,1	13,4	12,9	12,3	16,0	14,0	13,0	10,6

Наибольший удельный вес в расходах местных бюджетов составляют расходы на образование. Их доля возросла за исследуемый период с 35,7 до 47,1 %. Далее следуют расходы на жилищно-коммунальное хозяйство, их удельный вес находился на уровне 18–20 % при уменьшении до 14 % к 2015 г. Почти в 2,5 раза уменьшилась доля расходов на здравоохранение в структуре расходов местных бюджетов в связи с передачей данного вида расходов на региональный уровень. Доля расходов на управление оставалась в течение 2006–2015 гг. стабильной на уровне 9 %, примерно столько же направлялось на социальную политику.

Распределение удельного веса различных статей расходов по типам муниципальных образований представлено в табл. 10.

Таблица 10

Расходы местных бюджетов по типам муниципальных образований

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
<i>Распределение расходов на управление по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	43,0	45,0	45,0	44,3	44,5	43,8	43,4	42,2	41,6	41,5
Муниципальные районы	39,9	36,3	34,6	31,6	32,0	32,2	32,6	33,2	33,4	34,0
Поселения	17,1	18,7	20,4	24,1	23,5	24,0	24,0	24,6	25,0	24,5
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Распределение расходов на ЖКХ по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	61,1	63,8	63,2	61,4	61,7	59,1	53,0	52,3	51,8	51,5
Муниципальные районы	29,9	23,8	20,9	16,1	13,4	17,9	20,8	22,0	21,8	20,7
Поселения	9,0	12,4	15,9	22,5	24,9	23,0	26,2	25,7	26,4	27,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Распределение расходов на образование по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	45,9	48,6	49,0	48,4	49,2	49,5	49,4	50,0	50,6	50,9
Муниципальные районы	52,4	50,0	49,7	50,6	49,8	49,7	50,0	49,6	49,1	48,8
Поселения	1,7	1,4	1,3	1,0	1,0	0,8	0,6	0,4	0,3	0,3
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Распределение расходов на культуру по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	34,5	38,0	36,6	35,4	36,4	34,2	34,0	34,2	34,1	35,1
Муниципальные районы	47,7	42,1	40,1	35,8	34,4	34,6	35,4	35,3	35,4	36,0
Поселения	17,8	19,9	23,3	28,8	29,2	31,2	30,6	30,5	30,5	28,9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Распределение расходов на здравоохранение* по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	53,5	56,3	56,5	56,3	56,9	55,9	56,7	57,5	58,9	64,9
Муниципальные районы	45,7	42,7	42,2	42,1	41,3	43,9	43,2	42,5	40,1	34,9
Поселения	0,8	1,0	1,3	1,6	1,8	0,2	0,1	0	1,0	0,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Распределение расходов на физическую культуру и спорт по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	–	–	–	–	–	–	–	55,2	51,3	53,8
Муниципальные районы	–	–	–	–	–	–	–	30,4	33,4	29,5
Поселения	–	–	–	–	–	–	–	14,4	15,3	16,7
Итого								100	100	100

Окончание табл. 10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
<i>Распределение расходов на социальную политику по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	н/д	51,3	н/д	50,8	49,8	50,5	50,8	42,2	41,6	51,4
Муниципальные районы	н/д	46,7	н/д	47,4	48,7	47,6	47,4	33,2	33,4	46,6
Поселения	н/д	2,1	н/д	1,5	1,5	1,9	1,8	24,6	25,0	2,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Распределение прочих расходов по типам муниципальных образований, %</i>										
Городские округа	н/д	36,6	н/д	35,8	37,8	44,3	49,5	54,4	55,3	58,4
Муниципальные районы	н/д	52,4	н/д	51,8	50,0	45,3	37,0	44,9	44,7	25,6
Поселения	н/д	10,8	н/д	12,4	12,2	10,4	13,5	0,7	0	16,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* До 2012 г. включительно – расходы на здравоохранение и спорт.

Представленные в табл. 10 данные в целом отражают распределение полномочий по типам муниципальных образований в Российской Федерации. В структуре расходов на управление, жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, физическую культуру, спорт и социальную политику преобладает доля городских округов. Доля расходов на образование и культуру примерно одинакова для городских округов и муниципальных районов, причем в течение рассмотренного периода возрастает доля поселений по данному типу расходов. Отметим также, что с 2009 г. доля поселений в расходах на ЖКХ превысила долю муниципальных районов. Меньше всего доля поселений в расходах на образование и здравоохранение, что связано с распределением полномочий между рассматриваемыми уровнями управления.

Наконец, рассмотрим результат исполнения бюджетов муниципальных образований по данным субъектов Российской Федерации (табл. 11).

Таблица 11

Исполнение бюджетов муниципальных образований, % от общего количества муниципалитетов

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
С профицитом	58,0	59,0	61,0	54,0	46,1	49,5	54,0	48,1	55,5	41,7
С дефицитом	29,0	36,0	36,0	43,0	50,9	45,5	43,8	49,7	42,8	56,5
С равенством доходов и расходов	13,0	5,0	3,0	3,0	3,0	5,0	2,2	2,2	1,7	1,8

В целом по Российской Федерации местные бюджеты в последние годы исполнялись с дефицитом. Что касается доли муниципальных образований, исполнявших бюджеты с дефицитом в процентах от общего их количества, то данный показатель в среднем за рассмотренный период возрастает при небольшом снижении в 2011 и 2012 гг.

В заключении отметим, что внедрение новых принципов организации местного самоуправления привело к следующим результатам:

1) возросло число мелких экономически слабых муниципальных образований (главным образом на уровне поселений), обладающих в соответствии с законодательством всей системой органов управления;

2) усилилась финансовая зависимость муниципальных образований от объемов трансфертов или отчислений от регулирующих налогов, поступающих в местные бюджеты из вышестоящих бюджетных уровней. Другими словами, по-прежнему не созданы условия для укрепления финансовой самостоятельности муниципалитетов;

3) сохраняется низкая мотивация у муниципальных образований к стимулированию саморазвития из-за преобладания дотаций и субвенций в структуре межбюджетных трансфертов, а также низкой доли местных налоговых и неналоговых доходов;

4) наблюдается усиление внутренних структурных дисбалансов бюджетов разных типов муниципальных образований, происходящее по причинам сокращения доходной базы местных бюджетов, распределения средств между большим числом территориально разобщенных самостоятельных поселений в условиях игнорирования особенностей муниципальных образований разного типа.

Таким образом, устойчивость местных бюджетов в среднесрочной перспективе по-прежнему не достигнута из-за сохранения их зависимости от средств межбюджетного регулирования. Сохраняется актуальность проблем расширения налоговых полномочий регионов и муниципальных образований с целью увеличения и укрепления доходной базы их бюджетов, а также повышения заинтересованности региональных и муниципальных органов власти в результатах деятельности предприятий и организаций, функционирующих на их территории.

Литература

1. Бухвальд Е. Муниципальная реформа в России. Некоторые итоги прошедшего десятилетия // Федерализм. 2013. № 4. С. 121–133.
2. Бюджетная политика и местное самоуправление / под ред. д-ра экон. наук С.А. Суспицына. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. 240 с.
3. Горяченко Е.Е., Малов К.В. О тенденциях и направлениях развития МСУ в России // Самоуправление. 2016. № 9 (102). С. 10–15.
4. Горяченко Е.Е., Малов К.В. Реформирование системы местного самоуправления: оценки и проблемы // Регион: экономика и социология. 2017. № 1 (93). С. 271–291.
5. Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82–99.
6. Коломак Е.А. Пространственное развитие и приоритеты региональной политики в России // ЭКО. 2014. № 1. С. 41–53.
7. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Институциональная система управления социально-экономическим развитием региона // Регион: экономика и социология. 2017. № 2. С. 3–31.
8. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Теоретические основы стратегического планирования и управления социально-экономическим развитием региона // Экономика востока России. 2016. № 2 (6). С. 35–43.
9. Klitorin V.I. Federal relationships, regional policy, and the problem of deformation of Russia's economic space // Regional Research of Russia. 2014. Vol. 4. Is. 4. P. 253–259.

10. *Klistorin V.I.* Financial resources of local governments // Local production systems and regional economic development: [collection of papers] / ed. by A.S. Novoselov, V.E. Seliverstov; Russian academy of sciences, Siberian branch, Institute of economics and industrial engineering, University of national and world economy, Ternopil national economic university, University of Lodz. Novosibirsk-Sofia-Ternopil-Lodz: IEIE SB RAS, 2014. P. 285–291.
11. *Klistorin V.I.* The Accuracy and Reliability of Forecasts // Problems of Economic Transition. 2013. Vol. 56. № 01. P. 35–40.
12. *Kolomak E.A.* The post-Soviet evolution of the Russian urban system // Area development and policy. 2017. Vol. 2. Is. 1. P. 24–39.
13. *Kolomak E.A., Trubekhhina I.E.* A study of agglomeration processes on the territory of Novosibirsk oblast // Regional Research of Russia. 2014. Vol. 4. Is. 4. P. 364–373.
14. *Kolomak E.A.* Evolution of Spatial Distribution of Economic Activity in Russia // Regional Research of Russia. 2015. Vol. 5. Is. 3. P. 236–242.
15. *Malov V.J.* What Concept of Political Economy is Adequate for Strategy of Regional Growth in Russia? // Economic Alternatives. 2016. Is. 4. P. 401–408.
16. *Sumskaya T.V.* Specific Features of Regional Budget Policy Using the Example of Novosibirsk Oblast // Studies on Russian Economic Development. 2009. Vol. 20. № 4. P. 374–382.
17. *Sumskaya T.V.* Decentralization of budget system as the organizational basis of the system of local self-government // Journal of European Economy. 2015. Vol. 14. № 1, March. P. 57–69.
18. *Sumskaya T.V.* Features of formation of sub-federal budgets in conditions of the economic crisis // The Strategies of Modern Science Development: Proceedings of the XIII International scientific-practical conference. North Charleston, USA, 3–4 October 2017. North Charleston: CreateSpace, 2017. P. 63–69.
19. *Suspitsyn S.A.* Measurements in the space of regional indicators: Methodology, techniques, and results // Regional Research of Russia. 2015. Vol. 5. Is. 3. P. 223–235.
20. *Suspitsyn S.A.* Problems of coordinating macroeconomic and regional long-term solutions // Regional Research of Russia. 2017. Vol. 7. Is. 1. P. 62–70.
21. *Zhdan G.V., Shchetinina I.V., Voronov Yu.P.* Reindustrialization of the economies of rural territories (a case study of Novosibirsk oblast) // Regional Research of Russia. 2017. Vol. 7. Is. 4. P. 342–351.

Bibliography

1. *Buhval'd E.* Municipal'naja reforma v Rossii. Nekotorye itogi proshedshego desjatiletija // Federalizm. 2013. № 4. P. 121–133.
2. Bjudzhethnaja politika i mestnoe samoupravlenie / pod red. d-ra jekon. nauk S.A. Suspicyna. Novosibirsk: IJeOPP SO RAN, 2010. 240 p.
3. *Gorjachenko E.E., Malov K.V.* O tendencijah i napravlenijah razvitija MSU v Rossii // Samoupravlenie. 2016. № 9 (102). P. 10–15.
4. *Gorjachenko E.E., Malov K.V.* Reformirovanie sistemy mestnogo samoupravlenija: ocenki i problemy // Region: jekonomika i sociologija. 2017. № 1 (93). P. 271–291.
5. *Kolomak E.A.* Prostranstvennaja koncentracija jekonomicheskoj aktivnosti v Rossii // Prostranstvennaja jekonomika. 2014. № 4. P. 82–99.
6. *Kolomak E.A.* Prostranstvennoe razvitie i priority regional'noj politiki v Rossii // JeKO. 2014. № 1. P. 41–53.
7. *Marshalova A.S., Novoselov A.S.* Institucional'naja sistema upravlenija social'no-jekonomicheskim razvitiem regiona // Region: jekonomika i sociologija. 2017. № 2. P. 3–31.
8. *Marshalova A.S., Novoselov A.S.* Teoreticheskie osnovy strategicheskogo planirovanija i upravlenija social'no-jekonomicheskim razvitiem regiona // Jekonomika vostoka Rossii. 2016. № 2 (6). P. 35–43.

9. *Klistorin V.I.* Federal relationships, regional policy, and the problem of deformation of Russia's economic space // *Regional Research of Russia*. 2014. Vol. 4. Is. 4. P. 253–259.
10. *Klistorin V.I.* Financial resources of local governments // *Local production systems and regional economic development: [collection of papers] / ed. by A.S. Novoselov, V.E. Seliverstov; Russian academy of sciences, Siberian branch, Institute of economics and industrial engineering, University of national and world economy, Ternopil national economic university, University of Lodz. Novosibirsk-Sofia-Ternopil-Lodz: IEIE SB RAS, 2014. P. 285–291.*
11. *Klistorin V.I.* The Accuracy and Reliability of Forecasts // *Problems of Economic Transition*. 2013. Vol. 56. № 01. P. 35–40.
12. *Kolomak E.A.* The post-Soviet evolution of the Russian urban system // *Area development and policy*. 2017. Vol. 2. Is. 1. P. 24–39.
13. *Kolomak E.A., Trubekhina I.E.* A study of agglomeration processes on the territory of Novosibirsk oblast // *Regional Research of Russia*. 2014. Vol. 4. Is. 4. P. 364–373.
14. *Kolomak E.A.* Evolution of Spatial Distribution of Economic Activity in Russia // *Regional Research of Russia*. 2015. Vol. 5. Is. 3. P. 236–242.
15. *Malov V.J.* What Concept of Political Economy is Adequate for Strategy of Regional Growth in Russia? // *Economic Alternatives*. 2016. Is. 4. P. 401–408.
16. *Sumskaya T.V.* Specific Features of Regional Budget Policy Using the Example of Novosibirsk Oblast // *Studies on Russian Economic Development*. 2009. Vol. 20. № 4. P. 374–382.
17. *Sumskaya T.V.* Decentralization of budget system as the organizational basis of the system of local self-government // *Journal of European Economy*. 2015. Vol. 14. № 1, March. P. 57–69.
18. *Sumskaya T.V.* Features of formation of sub-federal budgets in conditions of the economic crisis // *The Strategies of Modern Science Development: Proceedings of the XIII International scientific-practical conference. North Charleston, USA, 3–4 October 2017. North Charleston: CreateSpace, 2017. P. 63–69.*
19. *Suspitsyn S.A.* Measurements in the space of regional indicators: Methodology, techniques, and results // *Regional Research of Russia*. 2015. Vol. 5. Is. 3. P. 223–235.
20. *Suspitsyn S.A.* Problems of coordinating macroeconomic and regional long-term solutions // *Regional Research of Russia*. 2017. Vol. 7. Is. 1. P. 62–70.
21. *Zhdan G.V., Shchetinina I.V., Voronov Yu.P.* Reindustrialization of the economies of rural territories (a case study of Novosibirsk oblast) // *Regional Research of Russia*. 2017. Vol. 7. Is. 4. P. 342–351.

УДК 330.101

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Баликов В.З.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: Balikoev1941@yandex.ru

В статье обсуждаются проблемы методологии исследования в конкретных, специальных и прикладных экономических дисциплинах. Анализируется параллельно научная и учебная литература по четырем дисциплинам – финансовому менеджменту, банковскому делу, анализу хозяйственной деятельности, бухгалтерскому учету. Отмечается, что специалисты, работающие в этих областях знания, уделяют мало внимания вопросам методологии исследования, что негативно сказывается на результативности преподавания указанных дисциплин.

Ключевые слова: предмет и метод, методика, методология, всеобщие, общие и специальные методы исследования, эффективность.

SPECIFICS OF THE RESEARCH METHODOLOGY OF CERTAIN ECONOMIC SUBJECTS

Balikoev V.Z.

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: Balikoev1941@yandex.ru

The article discusses the research methodology issues in certain, special and applied economic subjects. The analysis of scientific and educational literature is carried out in parallel in terms of four subjects – financial management, banking, analysis of economic activity and accounting. It is noted that specialists involved in these fields of knowledge pay little attention to the research methodology issues – resulting in an adverse effect on the efficiency of teaching the stated subjects.

Keywords: subject and method, methods, methodology, universal, general and special research methods, efficiency.

Как известно, теория – это комплекс взглядов, представлений, идей, объясняющих какое-нибудь явление, высшая и самая развитая форма организации научного знания. Знаниям в форме сформировавшейся теории характерна целостность, логическая зависимость одних элементов от других, логическая выводимость содержания самой теории. Показателем же окончательно сформировавшейся теории является ее истинность.

Истинность теории подтверждается или не подтверждается реальной действительностью, т.е. практикой – критерием истины, и, соответственно, практика является основой развития теории.

Иначе говоря, практика выше теории, оселок ее истинности, так как практика есть результат естественного развития истории, само это развитие реальной действительности, результат развития логики вещей, фактов, событий. Практика говорит, что если экономические факты и события не

укладываются в теорию, значит, данная теория не истинна и ее надо менять. Другим показателем истинности теории является простота. Практика подсказывает, что чем проще теория, тем она ближе к истине. Теория, отвечающая этим двум критериям, может быть как исходным пунктом научных исследований, так и их результатом.

Любая теория имеет свой предмет исследования. То, на что направлены усилия ее создателей. Когда мы пытаемся определить предмет исследования какой-нибудь теории, мы отвечаем на вопрос «что»? Что изучает данная теория или наука? Например, экономическая теория изучает производственные отношения людей или поведение людей в условиях ограниченности ресурсов. Но как она изучает свой предмет? Эти два вопроса теснейшим образом содержательно взаимосвязаны, ибо от того, как исследуется, изучается предмет той или иной науки, зависит конечный результат исследования. Таким образом, наиболее актуальной проблемой после определения предмета науки является определение ее метода исследования.

Метод – это способ построения и обоснования системы знаний, т.е. совокупность способов, приемов, операций, правил, путей практического и теоретического освоения реальной экономической действительности. Эта совокупность методов вместе с учением о них представляет собой методологию исследования, т.е. систему выверенных и прошедших апробацию принципов, методов, норм, подходов, исследовательской деятельности. Она направлена, прежде всего, на выявление причинно-следственных, постоянно повторяющихся (воспроизводимых) и существенных (содержательных) связей, т.е. круга законов данной науки. Совершенно логично, что теория предполагает определенную методологию исследования, а методология в своей основе обязательно имеет в качестве базы соответствующую теорию.

Методика исследования характеризует процедуру применения того или иного метода и охватывает все этапы исследования: наблюдение и сбор первичного материала, выбор формы анализа, способ и последовательность описания, характер интерпретации материала. Иначе говоря, под методикой надо понимать алгоритм применения одного или совокупности приемов, способов, методов исследования. Целесообразное и последовательное проведение некоей исследовательской работы. Иными словами, методика реализует на практике различные аспекты методологии исследования.

Сказанное выше является аксиомой, истиной, не требующей доказательства. Автор данной работы здесь никакого открытия не делает, всего лишь напоминает об этой истине. Единство и внутренняя взаимосвязь теории, предмета, метода, методологии и методики исследования – очевидность. К сожалению, эта очевидность часто выпадает из поля зрения молодых и не очень ученых-экономистов, пишущих научные статьи, монографии и, что особенно важно, учебники и учебные пособия. Особенно грешат этим авторы научной и учебной литературы по конкретным и специальным экономическим наукам.

На защитах диссертаций часто соискателям задаются вопросы, касающиеся примененных ими методов исследования. Как правило, ответы звучат в соответствии с заявленной в автореферате и диссертации методологией. Но проблема в том, что обычно заявленная методология общефи-

лософская: диалектика, сочетание анализа и синтеза, исторический метод или специальные методы исследования: статистические и математические. Однако каждая конкретная или специальная экономическая наука помимо названных методов имеет и свою методологию, свойственную только ей одной. Базируясь на общефилософской методологии, она в то же время помогает разрешать проблемы именно данной науки, данной области экономических знаний. На вопрос – какие методы исследования непосредственно данной науки, по которой Вы защищаетесь, применили? – осмысленного ответа практически не бывает. Исключение составляют только соискатели, защищающиеся по статистике. Это понятно, так как статистические методы, особенно вместе с математическими методами, являются, по существу, общими или специальными методами исследования для всех экономических наук. И хочет соискатель или не хочет, может или нет, он вынужден указанные методы использовать.

Автор в данной работе делает только попытку подать пример для подражания исследователям отдельных экономических дисциплин. Но он абсолютно уверен, что эти дисциплины требуют более пристального внимания к своему предмету и методу со стороны тех ученых, которые непосредственно занимаются ими.

Как показал опыт автора, методология исследования специальных, прикладных и конкретных наук – проблема далеко не простая для разрешения. Он по инерции мышления предполагал, что любой учебник по любой науке или дисциплине должен начинаться с анализа предмета и метода науки. Так было всегда. Начиная читать студентам тот или иной курс, мы должны четко обозначать, а что, собственно, будем изучать в данном курсе и чем он конкретно отличается от других наук. И, соответственно, учебник по любой науке структурно должен открываться с этих двух вопросов. Если не определить предмет и метод науки, то как, каким образом обозначить круг вопросов и проблем, который мы в ней излагаем. Именно предмет и метод очерчивают не только этот круг вопросов и проблем, но и круг категорий и законов, которые составляют содержание науки. Например, в курсе «Банковское дело» мы должны определить содержание категории «Деньги» и обязательно рассмотреть законы «денежного обращения», принципы кредитования и т. д.

Казалось бы, все итак очевидно. Но нет. Например, бухгалтерский учет возник в те незапамятные времена, когда человек впервые задумался об учете своих затрат и их результатов. Однако читаем у весьма известных ученых в области бухгалтерского учета: «Единая общая теория учета является только желаемой, но только бухгалтерский учет как наука еще находится на слишком примитивном уровне развития [8, с. 13]. «Парадоксально, но факт, – удивляется другая знаменитость в этой области Ж. Ришар, – что бухгалтерии до сих пор не сумели дать определения» [8, с. 13]. «Система бухгалтерского учета, спроектированная неизвестно когда, кем и для каких целей, была передана в Европу в виде последовательности детально описанных технических приемов учета, объединенных в учетную процедуру, но без каких-либо теоретических объяснений и исторических сведений. Для создания теории в такой ситуации остается двигаться от известного к неизвестному – выявлять (вычислять) предмет бухгалтерского учета через его

метод... Учетная мысль поставлена перед необходимостью решать именно эту, обратную задачу» [9, с. 22]. Уважаемый профессор совершенно прав, подчеркивая тесную связь предмета и метода любой науки. Проблема же заключается в том, что метод науки постепенно вырисовывается по мере развития и конкретизации ее предмета. Совершенно определенно – сначала предмет науки и только потом ее метод (см. начало статьи). В соответствии с логикой науки. Насколько возможно решение этой, весьма трудной обратной задачи по Цыганкову, сказать сложно.

Тем не менее профессор К.Ю. Цыганков не совсем прав в том, что предмет бухгалтерского учета не определен. Очень даже определен, но как? «Предметом бухгалтерского учета в широком смысле является содержание совокупности фактов хозяйственной жизни организаций, которые уже произошли, существуют, происходят или произойдут в хозяйственной жизни» [1, с. 70]. А теперь, уважаемый читатель, подумайте и ответьте себе, к какой конкретной или специальной экономической науке это определение не подходит? Подходит ко всем наукам, так как оно ни о чем не говорит, настолько оно правильное, но общее и абстрактное. Блестящий пример схоластики – того, как не надо писать.

А вот в учебнике по бухгалтерскому учету В.М. Богаченко и Н.А. Кириллова на 513 страницах не нашлось места для объяснения предмета и метода этой замечательной науки. Нет там такого раздела, главы или параграфа. Как будто нет этих проблем вообще в природе [4]. Интересно было бы спросить у них, а собственно, о какой науке в их учебнике идет речь? И выходит, что все-таки профессор К.Ю. Цыганков прав.

Методу бухгалтерского учета повезло больше. Он, как никакая другая специальная и конкретная экономическая наука, в течение долгих лет разрабатывала собственные методы, способы и приемы исследования и, следовательно, понимания содержания своего предмета, приемлемое определение которого мне удалось сформулировать на материалах более, чем двадцати учебников по этой науке. Ведь по большому счету предметом бухгалтерского учета является кругооборот капитала в процессе хозяйственной деятельности и документальное отражение всех хозяйственных операций, процессов и связанных с ними движений средств предприятий. Следовательно, методом бухгалтерского учета являются способы комплексного изучения законности, достоверности и целесообразности осуществления хозяйственной деятельности на основе учетной и различной вне учетной информации в сочетании с исследованием фактического состояния объектов, юридического и экономического анализа их содержания. Бухгалтерский учет основывается на достоверности информации, профессионализме бухгалтера, качестве бухгалтерских услуг и доверии к профессионализму бухгалтера. Естественно, бухгалтер должен быть порядочным, профессионально компетентным, соблюдать конфиденциальность информации, репутацию профессионала и технические стандарты учета.

Основными методами или способами исследования в бухгалтерском учете являются: Баланс; Счета; Двойная запись; Ведение документации; Оценка и калькуляция; Отчетность; Инвентаризация и т. д.

Из названных семи методов исследования К.Ю. Цыганков выделяет первые три как важнейшие и считает их основой теории бухучета [6, с. 318].

Баланс. Термин «баланс» латинского происхождения и означает «равновесие». Следовательно, баланс, будучи документом двусторонней формы, предполагает равенство этих сторон: левой – актив, правой – пассив. Руководству предприятия необходимо знать, какими средствами располагает оно, из каких источников они поступили и на что они будут потрачены. Отсюда простой вывод – баланс является способом группировки имущества предприятия по его составу, размещению и источникам их образования на определенную дату и в стоимостной (денежной) форме. Это вся совокупность материальных и нематериальных ценностей, финансовых и денежных средств предприятия.

Обязательное равенство двух сторон баланса связано с тем, что на каждой стороне баланса располагается одна и та же величина – хозяйственные средства предприятия. Только на стороне актива они расположены по их составу и размещению, а на стороне пассива – по источникам происхождения. Но в любом случае соблюдается равенство двух сторон баланса – итог актива должен быть в обязательном порядке равен итогу пассива. Это равенство выражается термином «валюта баланса».

Счета. Счета бухгалтерского учета (бухгалтерские документы) один из важнейших методов его исследования. Ведение счетов – это метод совокупного взаимосвязанного отражения и группировки имущества предприятия по составу, источникам образования и его размещению и одновременно ведение бухгалтерской документации. В то же время это метод ведения хозяйственных операций по качественно однородным признакам, выраженным в трудовых, натуральных единицах и денежном (стоимостном) выражении. Счета – это таблица, состоящая из двух частей – левой (дебет) и правой (кредит). Естественно, слева отражаются все поступления на счет предприятия, а справа – все выплаты или выбытия. Таким образом, эта таблица (счета) дает возможность увидеть все хозяйственные операции предприятия за месяц, квартал, год.

Все в совокупности счета – 99 – отражаются в плане счетов.

Непосредственно к счетам примыкает так называемый метод финансовых коэффициентов, который позволяет, с одной стороны, давать более объективную картину финансового состояния предприятия. Это расчеты соотношений между отдельными позициями отчета или позициями разных форм отчетности.

Двойная запись. Бухгалтерский учет на любом предприятии ведется методом двойной записи. Иначе говоря, двойная запись – это метод ведения бухгалтерского учета. В то же время данный метод систематизирует информацию об учетных объектах и считается основополагающим принципом ведения учета. Сущность двойной записи заключается в отражении любой хозяйственной операции одновременно на активной и пассивной стороне счета. Следовательно, в зависимости от характера операции, увеличения или уменьшения объекта учета, счет может быть активным или пассивным.

Ведение документации. По этой части метода бухгалтерского учета особо рассуждать не приходится, так как все, что касается ведения документации, предусмотрено законом. Документ является письменным свидетельством о совершении хозяйственной операции. Следовательно, ведение

документации обеспечивает сплошное и непрерывное отражение и учет хозяйственной деятельности предприятия

Инвентаризация. Предприятие ведет, как правило, активную хозяйственную деятельность. Иногда судьба организации на рынке зависит от того, сумели контрагенты договориться о поставках чего-нибудь или нет. В предпринимательстве огромное экономическое значение имеет доверие контрагентов друг другу. Это значит, что многие хозяйственные операции не сразу находят свое документальное оформление. Инвентаризация является средством сверки документов бухгалтерского учета с фактическим наличием товарно-материальных ценностей в организации. Данные инвентаризации используются для документального оформления неучтенных операций, чтобы установить соответствие учетных данных об имуществе его фактическому состоянию.

При этом необходимо помнить, что эти методы применяются не изолированно друг от друга, а в органической связи друг с другом – вместе, параллельно, последовательно, совокупно. К этим методам с большой вероятностью надо отнести моделирование, которое играет огромную роль при автоматизации бухгалтерского учета, где способ выражения образов и свойств объекта реализуется с помощью специальных символов формул и знаков.

Следующий метод исследования в бухгалтерском учете ни в одном учебнике по этой науке к методам исследования не относится. Но если вдуматься в содержание этого удивительного феномена, то представляется, что можно его смело отнести к методам. Речь идет о профессиональном суждении бухгалтера. Ведь оно не что иное, как обоснованное мнение профессионального бухгалтера относительно способов квалификации и раскрытия достоверной информации о финансовом состоянии, финансовых результатах организации. Профессиональное суждение бухгалтера выражается через элементы учетной политики и разрешает часто противоречия действующего законодательства в этой сфере. Ведь бухгалтер (аудитор) свое профессиональное суждение формирует исходя из принципов самой финансовой отчетности: ее понятности, уместности, надежности, сопоставимости. Кроме того, профессиональное суждение способствует в условиях недостаточности данных в бухгалтерской отчетности раскрытию дополнительной информации.

Профессиональное суждение основывается на знаниях аудитора или бухгалтера, на его квалификации и опыте работы. Именно ими определяется аудиторский риск, определение существенности искажения бухгалтерской отчетности.

Однако на пути автора данной работы встретились, как оказалось, и другие непреодолимые трудности. Кроме учебников по статистике, ни одна конкретная или прикладная экономическая наука не выдерживает это правило. Для примера проанализируем учебники по финансовому менеджменту. Учебник В.В. Ковалева, хотя он так не называется – один из самых известных и авторитетных по этой дисциплине. Абсолютно ничего против этого учебника возразить нельзя. Но, вопреки ожиданиям, первая глава этого гигантского труда не называется «Предмет и метод финансового менеджмента». Она озаглавлена «Система управления финансами фирмы». Там есть

параграф первый: «Фирма в системе экономических отношений». Вчитываясь внимательно и пристрастно, читатель не может обнаружить ничего о предмете финансового менеджмента. Может быть, предмет финансового менеджмента в этом сугубо научном и учебном издании дается в контексте всего материала в тысячу страниц? И читатель его поймет, прочитав всю книгу? Но поймет ли читатель (студент), если его не нашел, прочитав всю книгу, профессор и, естественно, не понял. Уважаемый В.В. Ковалев приводит несколько точек зрения на предмет финансового менеджмента, разбирает достоинства и недостатки формулировок, но так и не высказал точно, определенно свое собственное определение. На странице 49, ссылаясь на Ван Хорна, он определяет цель финансового менеджмента – рост капитализации и устойчивого генерирования прибыли с помощью рациональной финансовой политики. Но ведь цель не является предметом науки. Автор данной работы так подробно останавливается на работе В.В. Ковалева потому, что она является самой известной и популярной работой по этой дисциплине. На страницах 78–84 идет подробный анализ теории управления и финансового менеджмента, и в конце концов он признает, что управление финансами вписывается в общую теорию управления [5, с. 83], описывает отличительные особенности финансового менеджмента и общей теории управления, что первое берет от второго и т.д. Все это, конечно, очень важно и интересно, но он, так и не дав определения его предмета, ушел от ответа на поставленный им же вопрос.

Выяснить методологию исследования «финансового менеджмента» в учебнике оказалось не проще. «Финансовый менеджмент как наука базируется на фундаментальных концепциях, разрабатываемых в рамках современной теории финансов и служащих методологической основой для понимания сути тенденций, имеющих на финансовых рынках, логики принятия решений финансового характера, обоснованности применения тех или иных методов количественного анализа» [5, с. 101–102]. Значит, по В.В. Ковалеву, фундаментальные концепции являются методом исследования, а их совокупность – методологией исследования. Следовательно, методологию исследования в финансовом менеджменте, по В.В. Ковалеву, составляют следующие концепции:

- денежного потока;
- временной ценности денежных ресурсов;
- компромисса между риском и доходностью;
- операционного и финансового рисков;
- стоимости капитала;
- эффективности рынка капитала;
- асимметричности информации;
- агентских отношений;
- альтернативных затрат;
- временной неограниченности функционирования хозяйствующего субъекта;
- имущественной и правовой обособленности субъекта хозяйствования [5, с. 102].

Невозможно не поставить вопрос кардинально – могут ли какие-нибудь концепции служить методологией исследования? Представляется, что нет,

потому что метод – это путь исследования, способы, приемы познания, свойственные не только всем наукам, но и характерные этой, отдельно взятой науке. Хотя определенную помощь в понимании методологии могут оказать. Но уважаемый В.В. Ковалев думает иначе и это его право. Возможно, ему необходимо было обосновать свою точку зрения более подробно. Привести примеры. Тогда все было бы легче понять.

Обратимся к другому авторитету в этой области науки, отличающемуся более конкретным и понятным изложением материала, – к И.А. Бланку. Он вопрос методологии поставил в работе прямо и непосредственно. Так, как требует этого любая наука.

Методы исследования финансового менеджмента у И.А. Бланка следующие:

- горизонтальный, вертикальный и сравнительный финансовый анализ;
- анализ финансовых коэффициентов (R-анализ);
- интегральный финансовый анализ.

Перечисленные методы исследования разворачиваются в девятнадцать (19) более подробных методов и способов исследования. Те, в свою очередь, по-разному применяются в зависимости от организации проведения, от объема и глубины аналитического исследования, от объекта финансового анализа, от периода проведения финансового анализа [3, с. 82–84].

У И.А. Бланка главным методом финансового менеджмента является финансовое планирование – процесс разработки системы финансовых планов и плановых показателей по обеспечению развития предприятия необходимыми финансовыми ресурсами и повышению эффективности его финансовой деятельности в предстоящем периоде [3, с. 108].

Очевидно, что финансовое планирование на предприятии позволяет осуществлять наиболее эффективно все формы финансовых отношений предприятия в процессе его предстоящего развития и координировать усилия всех его служб и подразделений. Создавать необходимую нормативную базу для внутреннего контроля и информационную базу для всех субъектов финансовых отношений.

Исходя из того, что метод – это определение пути к цели, но не сама цель, финансовое планирование направлено, прежде всего, на реализацию цели – стратегическое развитие предприятия. Цели и задачи предприятия реализуются в процессе разработки трех систем финансового планирования: перспективного планирования (до 3 лет), текущего планирования (до 1 года) и оперативного планирования. Первая система реализуется через прогнозирование, вторая – через технико-экономическое обоснование, а третья – через бюджетирование.

Кроме перечисленных, в финансовом менеджменте могут быть использованы и другие методы планирования: такие, как метод экспертных оценок, прогнозных оценок, балансовый метод и т.д.

Перечисленные выше методы финансового планирования могут быть использованы и в системе текущего финансового планирования с соответствующими поправками в их исполнении по временным параметрам (до одного года). Кроме того, в текущем финансовом планировании в основном используются методы технико-экономических расчетов, балансовый метод и экономико-математическое моделирование [3, с. 81–132].

Оперативное планирование по видам, формам и способам значительно богаче, чем другие формы финансового планирования, так как непосредственно соприкасается с реальной хозяйственной деятельностью в режиме реального времени, как говорится, здесь и сейчас. А оперативная хозяйственная деятельность может выкинуть такие интересные повороты в каждый данный момент, которые никакими прогнозами не предусмотреть.

Не будем вдаваться в подробную дискуссию о том, кто прав, а кто не очень, из процитированных, очень уважаемых и авторитетных авторов. Мне как теоретику, абсолютно понятен И.А. Бланк. Но здесь не это главное. Главное в абсолютно разном понимании этими авторами термина «методология». Это удивительно для ученых такого высокого ранга. Но как бы критически не отнестись к конкретным методам исследования у И.А. Бланка, он излагает методологию, которая выше изложена столь подробно, и я с ним исключительно солидарен. Что же касается работы В.В. Ковалева, то мне придется признаться в том, что в ней, наверное, я что-то не понял.

Таким образом, проблема методологии исследования в курсе «Финансового менеджмента» автором данной работы вроде бы была разрешена.

С аналогичными проблемами я столкнулся при изложении методологии исследования в **банковском деле**. Громадное большинство авторов работ по этому направлению не ставит вопрос предмета и метода этой науки. И хотя в половине рассмотренных мной учебников (около 20) предмет все-таки косвенно указывался, о методологии исследования данной науки там нет ни слова. Только в учебнике по банковскому делу под ред. О.И. Лаврушина нашел небольшой раздел по методологии. В главе 1 разделе 1 имеется подпараграф «методологические требования к анализу сущности банка». Здесь, безусловно, речь идет о методологии, но не о методологии исследования в банковском деле, а сущности банка. Внимательно изучив этот раздел, стало понятно, что коллектив авторов использует в нем метод сравнения. Авторы сущность банка определяют косвенно, отталкиваясь от природы других субъектов рынка и подчеркивая специфику банка как предприятия, хозяйствующего на рынке [6, с. 16–22].

И только в одной работе, оказавшейся плодом усилий украинских экономистов, прямо и непосредственно поставлен этот вопрос. В работе «Методологический инструментарий исследования банковского дела» сказано и показано, что методология исследования банковского дела «выясняется через выявление совокупности методов, которые используются во время анализа процесса кредитования и проведения контроля за кредитной деятельностью банков. Основными методами исследования являются: системный метод, исторический метод, метод научной абстракции, методы индукции и дедукции, методы анализа и синтеза, метод сравнения, экономико-статистический метод, методы группировки и моделирования, математический метод, нормативно - расчетный метод, табличный и графический методы и тому подобное» [10].

Таким образом, стало понятным, что и украинские экономисты привели в основном только всеобщие, общие и специальные методы исследования. Имеется в виду, что все перечисленные методы исследования используются и всеми остальными экономическими науками, а сугубо специфического метода исследования в банковском деле нет – он отсутствует. Однако к

достоинствам работы украинских авторов необходимо отнести то, что они указали, где, как, каким образом тот или иной метод исследования используется в анализе банковского дела. В частности, это:

- системный метод, предусматривающий предварительный анализ сущности кредита, связи банковского кредита с ним, толкование кредитных ресурсов и кредитного процесса. Иначе говоря, необходимо сначала разобраться со структурными элементами категории «кредитование» и их взаимосвязями;

- исторический метод предусматривает изучение зарождения и генезис банков и банковского дела;

- метод научной абстракции используется при анализе и определении понятийного и категориального аппарата банковского кредитования;

- математический метод исследования позволяет определить цену банковского кредита, рассчитать процентную ставку, оценить кредитоспособность заемщика, разработать схемы погашения кредитов и т.д.;

- табличный и графический методы исследования заключаются в отображении основных классификационных признаков, статистических данных в виде таблиц, рисунков, графиков, диаграмм и т.д. Такое отображение информации дает возможность воспринимать ее довольно легко из-за высокой степени визуализации [10].

Однако перевероротив громадный объем экономической литературы, я по крупицам собрал и более конкретные и специфические методы исследования банковского дела. Это:

- функциональный анализ;

- моделирование и классификация;

- структурный метод и метод группировки;

- метод финансовых коэффициентов;

- метод сравнительного анализа;

- метод рейтинговой оценки;

- экспертный метод;

- морфологический метод и метод сценариев.

Конечно, здесь нет необходимости анализировать все эти методы – такой цели автор данной работы не ставил перед собой. Важно было понять, почему, по какой причине авторы, берущие на себя ответственность написать учебник или учебное пособие по какой-нибудь науке, избегают в своем громадном большинстве проблем методологии.

Однако вернемся к прямой дороге изложения и попробуем все же кое-какие методы из вышеперечисленных проиллюстрировать.

Функциональный анализ. Он предполагает анализ объекта как комплекса выполняемых им функций. Все внимание при исследовании сосредоточивается на конкретных функциях, которые, будучи рассмотрены в системе, дают наиболее полное представление об объекте. В то же время каждая функция рассматривается отдельно и выясняются условия ее оптимальной реализации. Например, экономические и социальные функции Центробанка. Функции банковской системы в целом.

Метод сценариев. Данный метод дает возможность оценить наиболее вероятный ход развития событий, а также возможные последствия принимаемых решений. Это важно всегда, даже при очень благоприятной эконо-

мической, политической и социальной среде. Тем более это важно в период экономической нестабильности как внутри страны, так и на мировых рынках. Метод сценариев позволяет:

- анализировать и планировать нестандартные ситуации;
- понять, когда, при каких условиях могут возникнуть эти самые нестандартные ситуации, которые могут быть как благоприятными, так и неблагоприятными;
- оценить, каким образом необходимо воздействовать на окружающую внешнюю среду, чтобы получить необходимые или, в крайнем случае, приемлемые экономические результаты для организации.

Очевидно из сказанного, что сценарный метод исследования предполагает, прежде всего, постоянно изучать информацию, поступающую из внешней среды, отслеживать ее и видеть возможные положительные и отрицательные последствия для организации.

Учитывая сказанное выше (о неконкретности методологии исследования в учебной литературе), автор данной работы приступил к исследованию широкого круга учебной и учебно-методической литературы по курсу «Анализ хозяйственной деятельности» (далее АХД). К сожалению, этот массив литературы по названному курсу полностью подтвердил сделанные выше выводы по вопросам методологии исследования конкретных экономических дисциплин. Да, действительно, практически все авторы научной и учебной литературы избегают каких-либо разговоров или дискуссий по этому поводу. Даже простых рассуждений по этому поводу нет. Выходит, нет этой проблемы в процессе изучения конкретных экономических дисциплин и все тут? Однако не все оказалось так просто и однозначно. Нашлись два учебника, где прямо и непосредственно излагаются вопросы методологии исследования. Первый – учебник Г.В. Савицкой [7]. Для меня он оказался самым лучшим учебником по АХД. Вполне возможно, что оно в действительности так и есть. С точки зрения полноты изложения материала курса и его глубины. В учебнике четко и ясно поставлен вопрос предмета и даже объекта исследования курса АХД. Более того, столь же четко поставлен вопрос методологии исследования данной дисциплины. Столь очевидный грамотный методически подход к построению учебника не может не дать положительных результатов в изложении содержания дисциплины. Кроме того, Г.В. Савицкая проводит параллель в этом разделе с философией и экономической теорией и обозначает их как фундаментальные науки, являющиеся методологией исследования и для АХД. Естественно, как считает Г.В. Савицкая, у каждой конкретной экономической науки должны быть сугубо свои, специфические методы исследования, отличающие ее от других экономических дисциплин. И в этой позиции наши точки зрения совпадают. Она методологически верно подчеркивает идею, что каждая наука не только имеет свой предмет исследования, свою специфическую методологию исследования, но и свой специфический круг вопросов, который данная наука изучает, тем самым подчеркивая свою идентичность [7]. Эту идею я, как автор 16 учебников по экономической теории, подчеркиваю постоянно в своих работах.

По мнению Г.В. Савицкой, предметом АХД являются «экономические результаты хозяйственной деятельности как следствие экономических

процессов», или более точно методологически – «причинно-следственные связи экономических явлений и процессов» [4, с. 22, 24]. К сожалению, Г.В. Савицкая, изложив всеобщие и общие методы исследования, так и не перешла к изложению конкретных, свойственных только АХД, методов исследования. Методически правильно поставив вопрос предмета и метода АХД, Г.В. Савицкая ушла от ответа на них.

Коллектив авторов учебника по АХД под ред. В.И. Бариленко [2] точно ответил на все поставленные в статье вопросы. Однако крайнее удивление вызвало то, что в переизданном в 2015 г. учебнике этих авторов данный раздел по методологии исследования исчез. Что случилось, что повлияло на их решение исключить столь важный раздел для любого учебника? – не удалось выяснить.

По мнению авторов этого учебника за 2009 г., методом исследования АХД является системное и комплексное изучение, измерение и обобщение влияния отдельных факторов на результаты финансово-хозяйственной деятельности предприятия.

Поскольку все факторы действуют на хозяйственный процесс разнонаправленно, в процессе анализа необходимо оценить степень влияния внутренних и внешних факторов на конечные результаты хозяйственной деятельности предприятия. Особенно важно рассматривать указанные внутренние и внешние факторы в их взаимосвязи и взаимозависимости, т.е. системно и комплексно. При этом крайне важно среди этих факторов выделить наиболее существенных и значимых.

Выделенный выше общенаучный метод исследования в АХД конкретизируется в более узкие и специфические способы и приемы анализа. И здесь все методы и способы исследования авторами цитируемой работы подразделены и классифицированы очень четко: сравнение, балансовый метод, факторный анализ, метод цепных подстановок, метод абсолютных разниц. Далее выделяются методы, используемые в АХД и других экономических науках.

Статистические:

- средних и относительных величин;
- группировок;
- индексный метод.

Экономико-математические:

- корреляционный анализ;
- регрессионный анализ;
- методы оптимизации (симплекс - метод, теория игр).

Конечно, в анализе хозяйственной деятельности как конкретной экономической науки методы исследования на вышеизложенном не кончаются. Есть еще, например, методы исчисления абсолютных, относительных и средних величин и т.д. Нам не нужно их объяснять – автор данной работы хотел показать, что каждая наука только тогда становится действительно наукой, когда четко и недвусмысленно определены ее предмет и метод. Притом метод сугубо специфический, свойственный только данной науке или группе родственных наук.

Однако дальше углубляться в методы вышепроанализированных конкретных экономических наук мы не будем. Автору всего лишь хотелось по-

казать, что кроме всеобщих, общих и специальных методов исследования каждая экономическая наука располагает и своим, чисто специфическим набором методов исследования, которые конкретизируют и кристаллизуют его предмет. Их необходимо определить и утвердить всем научным сообществом.

Здесь очень четко проявились параллели с политической экономией. Почему ученые-экономисты, специализирующиеся в областях исследования конкретных и прикладных экономических наук, в большинстве своем избегают анализа методологии исследования этих самых наук? Не потому ли, почему экономисты-теоретики свели политическую экономию к микро- и макроэкономике и оставили весь ее категориальный и понятийный аппарат вне курса и программы? Может быть, так легче готовить «офисный планктон», винтиков – узких специалистов, которые не способны принимать решения на глобальном рыночном уровне? Может быть, наше образование становится узкоспециализированным? Одни вузы готовят тех самых винтиков, другие – очень ограниченное число – научную и управленческую элиту. Берут пример с университетов западных стран, у выпускников которых очень хорошие знания, но в столь ограниченном пространстве, что при необходимости работы в другой, даже родственной отрасли, их необходимо капитально переучивать. Отсутствует творческое мышление. Такое образование не дает возможности мыслить творчески. Выходит, она и не нужна. Не надо думать – надо исполнять. Очень надеюсь, что ошибаюсь.

Выводы.

1. Практически ни в одном учебнике или учебном пособии по вышеназванным дисциплинам нет даже намека на проблему единства предмета, теории, метода, методологии и методики исследования.

2. Игнорирование вопросов предмета и метода исследования в учебной литературе по конкретным и прикладным экономическим наукам принимает массовый характер.

3. В российской системе образования снижается общий научный, теоретический и методологический уровень учебной литературы и, следовательно, качества подготовки специалистов.

4. На законодательном или нормативном уровне необходимо утвердить обязательность наличия раздела «предмет и метод» в любом ранге учебной и учебно-методической литературы.

Литература

1. *Алборов Р.А.* Теория бухгалтерского учета. Ижевск, 2016.
2. Анализ хозяйственной деятельности / под ред. В.И. Бариленко. М.: Омега-Л, 2009.
3. *Бланк И.А.* Основы финансового менеджмента. В 2-х томах. Т. 1. М.: Ника-центр, 2006.
4. *Богаченко В.М., Кириллова Н.А.* Бухгалтерский учет. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015.
5. *Ковалев В.В.* Финансовый менеджмент: теория и практика. М.: Проспект, 2006.
6. *Лаврушин О.И. и др.* Банковское дело. М.: КноРус, 2016.
7. *Савицкая Г.В.* Анализ хозяйственной деятельности предприятия. Минск: Новое знание, 2002.

8. *Цыганков К.Ю.* Очерки теории и истории бухгалтерского учета. М.: Магистр, 2007.
9. *Цыганков К.Ю.* История учетной мысли. М.: Магистр, 2013.
10. http://studbooks.net/45691/bankovskoe_delo/metodologicheskij_instrumentarij_issledovaniya_bankovskogo_kreditovaniya/

Bibliography

1. *Alborov R.A.* Teorija buhgalterskogo ucheta. Izhevsk, 2016.
2. *Analiz hozjajstvennoj dejatel'nosti / pod red. VI. Barilenko.* М.: Omega-L, 2009.
3. *Blank I.A.* Osnovy finansovogo menedzhmenta. V 2-h tomah. T. 1. М.: Nika-centr, 2006.
4. *Bogachenko V.M., Kirillova N.A.* Buhgalterskij uchët. Rostov-na-Donu: Feniks, 2015.
5. *Kovalev V.V.* Finansovij menedzhment: teorija i praktika. М.: Prospekt, 2006.
6. *Lavrushin O.I. i dr.* Bankovskoe delo. М.: KnoRus, 2016.
7. *Savickaja G.V.* Analiz hozjajstvennoj dejatel'nosti predpriyatija. Minsk: Novoe znanie, 2002.
8. *Cygankov K.Ju.* Ocherki teorij i istorij buhgalterskogo ucheta. М.: Magistr, 2007.
9. *Cygankov K.Ju.* Istorija uchëtnoj mysli. М.: Magistr, 2013.
10. http://studbooks.net/45691/bankovskoe_delo/metodologicheskij_instrumentarij_issledovaniya_bankovskogo_kreditovaniya/

УДК 336.645.3:338.242.4:338.465.4

**ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО МЕХАНИЗМА
СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ
КОМПЛЕКСНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
КОММУНАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ**

Свистунов А.В.

Муромский институт (филиал) Владимирского государственного
университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: svistunov-murom@yandex.ru

В статье рассматривается проблема эффективного социально ответственного инвестирования проектов комплексной модернизации и реконструкции изношенных объектов жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) на примере систем водоснабжения и водоотведения. Дана оценка действующей практики реформирования ЖКХ с привлечением частных инвестиций в условиях формирования концессионных соглашений. Обозначена тенденция трансформации монополии государственной в монополию частно-государственную с обеспечением экономической эффективности концессионера и, как следствие, с недостаточным соблюдением интересов населения – главного заказчика и потребителя коммунальных услуг, фактического инвестора проектов концессионных соглашений, официально лишённого этого статуса. Предлагается альтернативный вариант инвестирования на основе формирования механизма *социального государственно- (муниципально-) хозяйственного партнерства*, предполагающего открытое совместное участие государственных и муниципальных органов управления, хозяйствующих субъектов и населения в инвестировании проектов комплексной модернизации объектов коммунальной инфраструктуры с приоритетом интересов населения.

Ключевые слова: механизм социально ответственного инвестирования, комплексная модернизация, объекты коммунальной инфраструктуры, водоснабжение, водоотведение, социальное государственно- (муниципально-) хозяйственное партнерство.

**FORMATION OF AN EFFECTIVE MECHANISM
FOR SOCIALLY RESPONSIBLE INVESTMENT
OF THE COMPREHENSIVE MODERNIZATION
OF THE COMMUNAL INFRASTRUCTURE**

Svistunov A.V.

Murom Institute (branch) of the Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov
E-mail: svistunov-murom@yandex.ru

The article deals with the problem of effective and socially responsible investment of projects for the comprehensive modernization and reconstruction of worn-out housing and communal services to improve the quality of housing services using the example of water supply and water consumption systems. An assessment has been made of the current practice of reforming housing and communal services with the attraction of private investment in the context of the formation of concession agreements. The tendency is to transform the monopoly of the state into a private-state monopoly with ensuring the economic efficiency of the concessionaire and, as a result, with insufficient observance of public interests. The population is the main customer and consumer of public services, the actual

investor of projects of concession agreements, officially deprived of this status. An alternative investment option is proposed based on the formation of a social public (municipal) business partnership mechanism involving open joint participation of state and municipal authorities, business entities and the population in investing in projects of comprehensive modernization of public utility infrastructure with public interest priority.

Keywords: mechanism of socially responsible investment, comprehensive modernization, communal infrastructure facilities, water supply, water consumption, social public (municipal) business partnership.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

На протяжении десятилетий реформирование жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) сопровождается множеством существенных проблем, затрудняющих развитие этой сферы и выражающихся в низком качестве предоставляемых услуг, высоких затратах на услуги и ежегодном росте тарифов, а также проблемах неплатежей [1].

Одна из главных причин этих проблем – большая изношенность эксплуатируемых объектов коммунальной инфраструктуры, которая во многих регионах достигла уровня в 70 % и выше. По оценке многих экспертов и специалистов, на восстановление и модернизацию объектов ЖКХ требуется от 10 до 13 трлн руб. [7].

В настоящее время приоритетным направлением государственного реформирования ЖКХ является привлечение частных инвесторов на основе механизма концессионных соглашений в условиях государственно-частного партнерства (ГЧП). Главными преимуществами концессий в ЖКХ считаются снижение бюджетных расходов на содержание коммунальных объектов, улучшение качества предоставляемых коммунальных услуг [11], распределение рисков проектов между государством и бизнесом [2], улучшение финансового состояния и финансовых результатов «планово-убыточных» предприятий коммунальной сферы, привлечение высококвалифицированных специалистов в жилищно-коммунальный комплекс, сохранение целевого назначения объекта по условиям договора концессионного соглашения [3].

В России уже заключено более 2300 концессионных соглашений в жилищно-коммунальной сфере на общую сумму 312 млрд руб. [18]. По оценкам Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства для модернизации системы ЖКХ необходимо привлечь не менее 0,5 млрд руб. частных инвестиций ежегодно и в течение пяти лет привлечь не менее 2,5 трлн руб. соответственно. За эти годы Министерство планирует передать 80 % «планово-убыточных» унитарных коммунальных предприятий в управление 6–7 крупным национальным концессионерам [23].

Вместе с тем государственная политика активного продвижения и пропаганды применения концессий в жилищно-коммунальной сфере не учитывает главного противоречия, препятствующего эффективному осуществлению комплексной модернизации коммунальной инфраструктуры. Ситуация усугубляется тем, что в научной среде этой серьезной проблеме также не уделяется необходимого внимания, за исключением отдельных ученых и исследователей [8, 9].

Это противоречие в реформировании коммунального сектора в условиях применения концессионных соглашений является главной причиной основных проблем их использования [10] и связано со *стремлением преобразования общественного вида коммунальных услуг с социально-значимой направленностью в индивидуально оказываемую услугу с преобладанием приоритетов коммерческой составляющей.*

Целью настоящей статьи является разрешение этого серьезного противоречия путем формирования эффективного механизма социально ответственного инвестирования проектов модернизации коммунальной инфраструктуры в интересах населения для повышения качества жилищно-коммунальных услуг и эксплуатации жилого фонда.

Необходимые исходные данные для анализа были получены путем поиска, обобщения и систематизации первичной информации с использованием статистических методов и метода группировки. Представленные в статье сведения и материалы собраны из научных публикаций, нормативно-правовой базы, периодических изданий, информационно-аналитических обзоров, а также открытых информационных источников предприятия АО «Водоканал» (г. Чебоксары) [13] и информационных документов предприятия МУП «Водопровод и канализация» (г. Муром). Для обобщения и систематизации информации, выявления тенденций и зависимостей анализируемых показателей в статье использовались методы сравнительного анализа и экспертных оценок.

Апробация механизма социально ответственного инвестирования в сфере ЖКХ осуществляется на примере г. Чебоксары как одного из крупных городов, активно привлекающих инвестиции в модернизацию коммунальной инфраструктуры, а также небольшого муниципального образования округа Муром Владимирской области, обладающего меньшими финансовыми возможностями и инвестиционным потенциалом для обоснования универсальности применения предлагаемого подхода.

ОЦЕНКА ПРОТИВОРЕЧИЙ КОНЦЕССИОННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ ЖКХ

В настоящее время при внешнем проявлении заботы об экономических интересах населения со стороны государства продолжается политика индивидуализации коммунального сектора в интересах частных концессионеров.

Эта политика проявляется, например, в стимулировании установки индивидуальных приборов учета при отсутствии общедомовых приборов во многих многоквартирных домах. При этом с 2017 г. экономический интерес установки и эксплуатации общедомовых приборов учета для потребителя фактически нивелировался в связи с переводом коммунальной услуги на общедомовые нужды в жилищную с установлением оплаты по нормативам. В свою очередь нормативы за общедомовые нужды формируются, как правило, в условиях больших общедомовых потерь энергоресурсов, что способствует стабильно высоким суммам выставляемых потребителям счетов даже при незначительном индивидуальном потреблении коммунальных услуг.

В 2018 г. Министерством строительства и ЖКХ подготовлен проект постановления, разрешающего оплату за отопление исключительно по показателям внутриквартирного прибора учета, что, по мнению чиновников, позволит снизить расходы потребителя. Однако, во-первых, установка индивидуальных приборов учета за отопление в типовых домах прошлых десятилетий технически невозможна, а, во-вторых, снижение стоимости коммунальной услуги для населения таким способом достичь не удастся, так как поставщики отреагируют повышением тарифов на разрешенный государством уровень [12].

Кроме того, сами индивидуальные приборы учета отопления стоят дорого (с установкой в среднем – 20 000 руб. за один прибор), и их окупаемость даже в условиях хорошей изоляции дома и при наличии в квартире одной трубы отопления, по оценкам специалистов, наступит лишь через 10 месяцев. На практике помещения одной квартиры в большинстве домов обогреваются независимо друг от друга, что требует установки нескольких приборов учета. В связи с этим даже в условиях жесткой экономии режима отопления (с неизбежным снижением качества оказываемой услуги) период окупаемости превысит срок эксплуатации приборов, составляющий всего 3 года, что является крайне неэффективным [15].

Этот факт в очередной раз подтверждает, что коммунальная услуга является услугой не индивидуальной, а общественной с присущими ей свойствами эффективности в условиях коллективного предоставления.

Государственная политика индивидуализации коммунальной услуги вступает в противоречие с ее общественным характером, вследствие чего сопровождается непоследовательностью нормативно-правовых и неэффективностью экономических преобразований.

Еще одним ярким примером такой противоречивости является предложение Центра стратегических разработок (ЦСР) по реформированию института товариществ собственников жилья (ТСЖ), предусматривающего, что собственники индивидуальных квартир солидарно должны нести субсидиарную ответственность по коммунальным долгам соседей с возможностью последующего изъятия индивидуальной собственности неплательщика в пользу общей собственности ТСЖ [24].

Такое предложение ЦСР об обязательном членстве в ТСЖ с вытекающими последствиями было отклонено Государственной Думой как противоречащее действующему законодательству и Конституции страны [16].

Экономическая неэффективность индивидуализации коммунальных услуг путем привлечения частного бизнеса в сферу ЖКХ проявляется в тенденции объединения «конкурирующих» коммунальных предприятий, переданных частному бизнесу в концессию.

В результате заключения концессионных соглашений с частным бизнесом на обслуживание преимущественно централизованной системы отопления и водоснабжения монополия государственная фактически начинает трансформироваться в монополию частно-государственную, устанавливающую выгодные условия и правила с приоритетом интересов частного бизнеса, на которые население как главный потребитель серьезно повлиять не может.

Таким образом, концессионные соглашения заключаются в интересах двух сторон: государства – в снижении бюджетных расходов на содержание и восстановление объектов ЖКХ и бизнеса – в получении стабильной прибыли и долгосрочного уровня рентабельности инвестиций. Интересы населения – главного заказчика и потребителя коммунальных услуг, фактического инвестора концессионных проектов – учитываются недостаточно.

С одной стороны, в концессионных соглашениях недостаточно полно и четко отражаются ключевые показатели качества и конкурентоспособности коммунальных услуг, уровень которых обязан выдерживать концессионер в интересах потребителей, а с другой – потребитель, не имея статуса и прав официального инвестора, призван оплачивать инвестиционную составляющую, гарантирующую концессионеру возврат инвестиций и получение прибыли.

При этом государство специальными приказами Федеральной антимонопольной службы ежегодно утверждает минимальные нормы доходности инвестированного капитала концессионера, которая при применении метода доходности инвестированного капитала для расчета тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения в 2018 г. составляла 13,21 % (Приказ ФАС № 1768/17 от 25.12.2017), в 2019 г. – 10,84 % (Приказ ФАС № 1419/18 от 12.10.2018). Целевая доходность инвестора, как правило, достигает 20 % и выше, что обеспечивается в основном за счет планового роста тарифов даже в условиях государственного (муниципального) софинансирования и субсидирования [14].

При такой системе тарифообразования в рамках концессионных соглашений неизбежен ежегодный плановый рост тарифов на коммунальные услуги, учитывающий влияние инфляции на рост текущих расходов концессионера (так называемую федеральную составляющую), а также плановый рост доходности концессионера и выпадающие доходы из-за увеличения неизбежных потерь ресурсоснабжающих предприятий (до 30 % и выше) вследствие высокого уровня изношенности объектов коммунальной инфраструктуры (так называемую региональную составляющую) [20].

Так, средневзвешенное значение индекса платы за коммунальные услуги, ежегодно утверждаемое Правительством РФ, в 2015 г. составило 9,26 %, в 2016 г. – 4,77 %, в 2017 г. – 4,41 %, в 2018 г. – 4,3 % [28].

Однако индексы представляют собой предел для совокупной платы граждан за коммунальные услуги. Рост тарифов на отдельные ресурсы и услуги по регионам может быть выше этого предела. При этом субъекты РФ имеют право повышать и сами индексы платы сверх значения, утвержденного Правительством РФ, по просьбе представительного органа муниципального образования.

Например, в областном центре и ряде городов Волгоградской области в 2015–2017 гг. рост платы за коммунальные ресурсы опережал базовый уровень индекса в 1,5–2,3 раза, что было признано в судебном порядке обоснованным в интересах концессионеров для осуществления модернизации системы водоснабжения в условиях концессионных соглашений [28].

В результате модернизации объектов ЖКХ в условиях концессий текущие потери от эксплуатации изношенных коммунальных систем частично превращаются в сверхприбыли концессионеров и частично трансформиру-

ются в новые потери от несоблюдения концессионерами первоначальных условий заключенных соглашений. Эти потери по-прежнему оплачивает население. Тенденция низкого качества коммунальных услуг и роста тарифов продолжает сохраняться.

Так, практически в любом муниципальном образовании, а особенно в небольших городах, средние показатели качества питьевой холодной воды не соответствуют требуемым нормативам по жесткости, содержанию железа и др. Например, по официальным данным во Владимирской области питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности, обеспеченно всего 87,69 % населения, а в Вологодской области – лишь 45 % [21].

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ЭФФЕКТИВНОМУ СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОМУ ИНВЕСТИРОВАНИЮ КОМПЛЕКСНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ КОММУНАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В качестве альтернативы концессионным соглашениям с частно-государственной монополизацией ЖКХ и преобладанием экономических интересов бизнес-сообщества может послужить эффективный механизм взаимодействия населения, государственных и муниципальных органов управления, а также хозяйствующего субъекта – ресурсоснабжающей организации по инвестированию проектов модернизации объектов коммунальной инфраструктуры. По сути, такой механизм инвестирования предполагает формирование новой формы инвестиционно-хозяйственно-го взаимодействия – *социального государственно-(муниципально-)хозяйственного партнерства*.

В соответствии с данным механизмом население, являясь одновременно заказчиком и инвестором восстановительных работ, ежемесячно вносит установленные платежи на счет ресурсоснабжающей организации, которая осуществляет выполнение инвестиционного проекта.

Размер инвестиционного платежа не должен являться частью тарифа на коммунальное обслуживание, поскольку предусмотренная для целей восстановления (реновации) амортизационная составляющая тарифа ничтожно мала, чтобы в среднесрочной перспективе осуществить масштабную модернизацию объектов коммунальной инфраструктуры, имеющих значительный уровень изношенности.

Это принципиальное отличие от действующей практики формирования тарифов на основе доходного подхода, предполагающего включение в тариф дохода на инвестированный капитал и возврат инвестированного капитала.

Величина этого отдельного инвестиционного платежа должна рассчитываться исходя из экономически обоснованной суммы капиталовложений на модернизацию и реконструкцию объектов коммунальной инфраструктуры, численности населения муниципального образования и планируемого периода осуществления проекта восстановления (в среднем 15 лет).

В этом случае инвестиционный проект не предусматривает получения прибыли, а является социально-ориентированным, каким и должен быть в интересах населения. *Главным приоритетом такого проекта становится*

ся срок окупаемости капитальных вложений в противоположность целевой прибыли, превалирующей в условиях заключения концессионного соглашения. Общественные и социально значимые признаки коммунальной услуги сохраняются.

Такое инвестирование можно назвать *социально ответственным*, под которым в международной терминологии обозначается формирование стратегии гармонии между интересами бизнеса и более широкими интересами всего общества [5].

Необходимо отметить, что в международной практике на протяжении нескольких десятилетий разрабатываются и внедряются пакеты мер, стимулирующие бизнес к социально ответственному поведению [4]. Как правило, такая стратегия направлена не на улучшение корпоративного бизнеса, а на общественное и социальное развитие, на инвестирование в местные сообщества (community investing), т.е. использование средств инвесторов для решения конкретных местных проблем путем финансирования определенных социальных проектов в регионах с привлечением финансовых институтов общественного инвестирования и банков развития [6].

С учетом вышеизложенного рассчитанный размер инвестиционного платежа для населения может быть снижен путем субсидирования до 50–60 % его величины из федерального, регионального и местного бюджетов, а также специальных фондов финансовых институтов на полностью или частично возвратной основе. Для снижения платежной нагрузки с населения целесообразно привлечение финансирования частного бизнеса на безвозмездной основе.

Основным источником такого долгосрочного софинансирования комплексной модернизации объектов ЖКХ может стать международное кредитование на государственном уровне.

В качестве одного из международных кредиторов может выступить Новый банк развития (НБР), занимающийся финансированием инфраструктурных проектов и проектов развития в государствах БРИКС. В начале 2018 г. этот банк предварительно одобрил предоставление России кредита на сумму около 300 млн долл. на модернизацию ЖКХ в нашей стране. Однако в условиях несистемного точечного подхода к реформированию ЖКХ этих кредитных средств окажется недостаточным на комплексную модернизацию систем водоснабжения и водоотведения лишь трех–пяти небольших городов с населением от 120 тыс. до 500 тыс. чел. [17].

В связи с этим появляется вероятность того, что для увеличения территориального охвата необходимое финансирование по отдельным городам будет снижено, а комплексная модернизация даже по такому небольшому количеству заявителей превратится в локальную замену наиболее изношенных участков системы водоснабжения и водоотведения.

Так, для участия в федеральном проекте свой предварительный перечень мероприятий по комплексной модернизации системы водоснабжения и водоотведения подготовил г. Чебоксары на сумму в 7,5 млрд руб. [19].

Однако после некоторых согласований сумма кредитных средств была снижена до 2 млрд руб. с исключением важных комплексных мероприятий по улучшению качества питьевой воды и снижению сброса загрязняющих веществ в р. Волгу [27].

Рассмотрим возможное функционирование предлагаемого механизма взаимодействия населения, государства и ресурсоснабжающей организации на примере обеспечения необходимого финансирования комплексной модернизации систем водоснабжения и водоотведения г. Чебоксары (табл. 1).

Таблица 1

Капитальные вложения в строительство, модернизацию, реконструкцию и ремонт объектов централизованных систем водоснабжения и водоотведения г. Чебоксары в 2014–2028 гг. в соответствии с оценкой специалистов местной ресурсоснабжающей организации АО «Водоканал»

№ п/п	Направление капитальных вложений	Сумма, млн руб.
	<i>Раздел 1. Водоснабжение</i>	
1	Капитальные вложения в реконструкцию и ремонт объектов водоснабжения г. Чебоксары	3158,53
2	Капитальные вложения в новое строительство объектов централизованных систем водоснабжения г. Чебоксары	295,94
	Итого по разделу 1	3454,47
	<i>Раздел 2. Водоотведение</i>	
3	Капитальные вложения в реконструкцию и ремонт объектов водоотведения г. Чебоксары*	3069,93
4	Капитальные вложения в новое строительство объектов централизованных систем водоотведения г. Чебоксары*	853,76
	Итого по разделу 2	3923,69
	<i>Раздел 3. Специализированная техника</i>	
5	Капитальные вложения в замену автотранспортной техники	224,19
	Итого по разделу 3	224,19
	Всего	7602,35
	в том числе бюджетные средства	390,68
	собственные средства АО «Водоканал»	5025,39
	за счет средств застройщика	1465,66
	прочие источники финансирования	720,62

* За исключением вложений на реконструкцию (модернизацию) существующих, проектирование и строительство новых биологических очистных сооружений водоотведения [25].

Для целей формирования поэтапного плана финансирования проекта модернизации капитальные вложения в строительство, модернизацию, реконструкцию и ремонт объектов централизованных систем водоснабжения и водоотведения следует условно разделить по двум направлениям, предусматривающим повышение качества и надежности коммунальных услуг и снижение их стоимости:

- капитальные вложения, необходимые для модернизации и реконструкции водопроводных и канализационных сетей и связанные с устранением технологических потерь, аварий и повреждений;

- капитальные вложения, необходимые для строительства, модернизации и реконструкции объектов водоснабжения и водоотведения, включая средства на замену автотранспортной техники, связанные с повышением качества поставляемого ресурса (табл. 2).

Таблица 2

Разделение капитальных вложений по направлениям, связанным с устранением потерь и повышением качества оказываемых услуг

№ п/п	Направление капитальных вложений	Сумма, млн руб.
	<i>Раздел 1. Водоснабжение</i>	
1	Капитальные вложения в строительство, реконструкцию и ремонт водопроводных сетей г. Чебоксары	1564,22
2	Капитальные вложения в строительство и реконструкцию объектов централизованных систем водоснабжения г. Чебоксары	1363,25
	Итого по разделу 1	2927,47
	<i>Раздел 2. Водоотведение</i>	
3	Капитальные вложения в строительство, реконструкцию и ремонт канализационных сетей г. Чебоксары	2563,92
4	Капитальные вложения в строительство и реконструкцию объектов централизованных систем водоотведения г. Чебоксары	421,11
	Итого по разделу 2	2985,03
	<i>Раздел 3. Специализированная техника</i>	
5	Капитальные вложения в замену автотранспортной техники	224,19
	Итого по разделу 3	224,19
	Всего	6136,69
	в том числе	
	на строительство, реконструкцию и ремонт водопроводных и канализационных сетей	4128,14
	на строительство и реконструкцию объектов централизованных систем водоснабжения и водоотведения, а также замену автотранспортной техники	2008,55

Источник: составлено автором по данным Схемы водоснабжения г. Чебоксары [25].

Такое разделение обусловлено тем, что в начале осуществления плана финансирования должно быть приоритетным обеспечение капитальных вложений по направлению, связанному со снижением потерь путем реконструкции и модернизации водопроводных и канализационных сетей, по мере восстановления которых необходимо осуществлять вложения в повышение качества поставляемого ресурса путем реконструкции и модернизации объектов централизованных систем водоснабжения и водоотведения.

Выделяемые НБР долгосрочные кредиты целесообразно направлять на реконструкцию и модернизацию объектов централизованных систем водоснабжения и водоотведения. Основным инвестором проекта реконструкции и модернизации водопроводных и канализационных сетей для устранения потерь и, как следствие, снижения тарифов на оказание коммунальных услуг должно выступать население как собственник и главный потребитель коммунальных услуг совместно с муниципалитетом как представителем собственника, осуществляющим управление объектами муниципальной собственности.

Расчет обоснованного размера ежемесячного индивидуального инвестиционного платежа на примере г. Чебоксары представлен в табл. 3.

Несмотря на то, что ежемесячная платежная нагрузка для населения получается вполне приемлемой, размер рассчитанного индивидуального пла-

Таблица 3

Обоснование величины ежемесячного индивидуального инвестиционного платежа на реконструкцию и модернизацию водопроводных и канализационных сетей (на примере г. Чебоксары)

№ п/п	Наименование показателя	Ед. изм.	Величина
1	Капитальные вложения в строительство, реконструкцию и ремонт водопроводных и канализационных сетей	руб.	4 128 140 000
2	Количество абонентов ресурсоснабжающей организации	чел.	490 000
3	Средний плановый период осуществления проекта	лет	15
4	Индивидуальный инвестиционный платеж в год	руб.	561,7
5	Индивидуальный инвестиционный платеж в месяц	руб.	46,81
6	Индивидуальный инвестиционный платеж в месяц (с учетом компенсации бюджетных средств города – 5,18 %*)	руб.	44,38

* В качестве процента бюджетного софинансирования принят процент, заложенный в Схеме водоснабжения и водоотведения г. Чебоксары [25].

Источник: составлено автором.

тежа можно дополнительно снизить за счет софинансирования со стороны ресурсоснабжающей организации (собственных источников – амортизации, прибыли), а также активизации меценатской деятельности со стороны местного бизнеса, что является обоснованным и выгодным для повышения делового имиджа экономических субъектов в условиях реализации приоритетного общественного некоммерческого социально ответственного инвестиционного проекта модернизации объектов коммунальной инфраструктуры города.

Что касается небольших муниципальных образований с большим процентом изношенных объектов коммунальной инфраструктуры (70 % и выше), не включенных в программу международного кредитования, то и в них по результатам проведенных расчетов размер индивидуального инвестиционного платежа получается на достаточно приемлемом уровне.

В табл. 4 представлены результаты расчетов экономически обоснованного размера индивидуального инвестиционного платежа на примере муниципального образования округ Муром Владимирской области.

Первоначальную величину платежа порядка 85 руб. можно снизить до уровня больших городов за счет федеральных и региональных программ софинансирования, а также посредством создания в регионе особой экономической зоны (ОЭЗ) с налоговыми преференциями для инвестирования приоритетных проектов, в том числе направленных на осуществление модернизации объектов ЖКХ. В такую зону должны входить прежде всего ресурсоснабжающие предприятия с обеспечением их стимулирования к инвестиционной деятельности в коммунальную инфраструктуру. Примером создания подобной особой экономической зоны может служить ОЭЗ «Алабуга», занимающаяся инвестированием проектов модернизации систем водопровода и канализации г. Елабуга в Республике Татарстан на общую сумму 243,6 млн руб. [22].

Таблица 4

Обоснование величины ежемесячного индивидуального инвестиционного платежа на реконструкцию и модернизацию водопроводных и канализационных сетей (на примере округа Муром Владимирской области)

№ п/п	Наименование показателя	Ед. изм.	Величина
1	Капитальные вложения в строительство, реконструкцию и ремонт водопроводных и канализационных сетей	руб.	1 067 000 000
2	Количество абонентов ресурсоснабжающей организации	чел.	70 000
3	Средний плановый период осуществления проекта	лет	15
4	Индивидуальный инвестиционный платеж в год	руб.	561,7
5	Индивидуальный инвестиционный платеж в месяц	руб.	84,68
6	Индивидуальный инвестиционный платеж в месяц (с учетом софинансирования из федерального и регионального бюджетов, а также ОЭЗ – 46,86 %*)	руб.	45

* Ориентировочно приемлемый уровень, определенный автором исходя из результатов, полученных в табл. 3.

Источник: составлено автором по данным Схемы водоснабжения округа Муром [26].

В результате осуществления проекта модернизации объектов ЖКХ повышается качество предоставляемых коммунальных услуг и устраняются потери энергоресурсов, что непосредственно должно отразиться на тарифах в сторону их понижения уже с первых лет осуществления проекта.

В условиях концессии, как было обозначено выше, понижения тарифов не происходит, так как бизнесу, выступающему в роли концессионера, необходимо не просто окупить вложения, а получить планируемую прибыль, которая включается в оплату населению и может достигать 10–12 % и выше.

ВЫВОДЫ

В рамках осуществления проекта модернизации на основе предлагаемого механизма социального государственного (муниципального) хозяйственного партнерства формируется ряд важных положений, позволяющих достичь принципиально нового уровня в реформировании системы жилищно-коммунального хозяйства.

1. Население перестает быть *пассивным плательщиком* жилищно-коммунальных услуг по уже привычным постоянно растущим тарифам, включающим значительные потери из-за высокого износа водопроводных сетей, возврат частных инвестиций и прибыль инвестора в условиях концессионных соглашений.

Население не ждет *пассивно* государственно-частных инвестиций, субсидий и прочих финансовых источников, возмещение которых с процентами (плановой рентабельностью) придется обеспечивать местному сообществу в ближайшей перспективе.

2. В условиях социального государственно-(муниципально-)хозяйственного партнерства население становится *активным инвестором и полно-*

правным участником процесса восстановления и модернизации жилищно-коммунального комплекса (в данном случае водообеспечения). Граждане становятся активными и заинтересованными инициаторами проекта восстановления и модернизации объектов коммунальной инфраструктуры.

3. Социальность идеи и заинтересованность населения проявляется в *целенаправленном повышении качества получаемой услуги и снижении текущих тарифов за жилищно-коммунальные услуги* по причине исключения из них *сторонней* инвестиционной составляющей, предполагающей покрытие инвестиций и обеспечение плановой прибыли инвестора.

В связи с этим отдельный инвестиционный платеж на модернизацию водопроводных сетей окажется *значительно ниже* инвестиционной составляющей тарифа, который в настоящее время по существующему порядку вынужденно оплачивает население.

В среднесрочной перспективе по мере осуществления проекта модернизации объектов коммунальной инфраструктуры, устранения износа водопроводных сетей и снижения потерь при транспортировке ресурса становится возможным *дополнительное снижение тарифов* за счет уменьшения региональной составляющей, учитывающей выпадающие доходы, а затем возможно и федеральной составляющей вследствие снижения инфляции.

4. Инвестиционный платеж рассчитан на *конкретный срок окупаемости* и конкретную стратегическую цель – *повышение качества коммунальных услуг и снижение тарифов*. Граждане знают и понимают, на что вносят инвестиционные платежи, а не просто платят по установленным тарифам, по сути, неизвестно за что.

5. В условиях, когда население становится активным инвестором и участником проекта, возможно обеспечение *комплексной модернизации* всей системы водоснабжения и водоотведения муниципального образования.

В условиях концессий если что-то и ремонтируется или даже модернизируется, то делается это точно и неэффективно с позиции платежей населения, сопровождающихся постоянным ростом, но информационно преподносится как величайшее достижение и благо, которое не могло бы быть достигнуто, ни будь организована передача «планово убыточного» муниципального унитарного предприятия в концессионное соглашение.

6. Необходимо отметить, что наряду с удовлетворением интересов населения, а также региональных и муниципальных органов управления как его представителей учитывается и интерес исполнителя проекта – ресурсоснабжающей организации, проявляющийся в финансовом обеспечении хозяйственной деятельности как при реализации проекта, так и после его завершения за счет полного обновления основных фондов и полноценного функционирования механизма амортизации.

Таким образом, применение эффективного механизма *социального государственно-(муниципально-)хозяйственного партнерства* в реализации инвестиционных проектов реконструкции и модернизации объектов коммунальной инфраструктуры в среднесрочной перспективе позволит повысить качество, снизить потери и стоимость обслуживания с *приоритетом интересов населения как главного заказчика и потребителя коммунальных услуг, приобретающего статус основного участника управленческого процесса* в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Литература

1. *Афанасьев В.Н., Журавлев С.А.* Анализ тарифной политики в водоснабжении населения города // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 200–217.
2. *Денисов М.П.* Концессия как оптимальная форма государственно-частного партнерства в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Вестник гражданских инженеров. 2015. № 6 (53). С. 232–236.
3. *Захарова Ж.А.* Система управления муниципальным имуществом предприятий коммунального комплекса на основе концессии: монография. Владимир: Изд-во Владимирского филиала РАНХиГС, 2012. 144 с.
4. *Кабир Л.С.* Социально ответственное инвестирование: тренд или временное явление? // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 4. С. 35–41.
5. *Крючкова О.М.* Социально ответственное инвестирование: попытка подчинить личные интересы общественным // Управленческие науки. 2012. № 1 (2). С. 70–75.
6. *Леонова И.В.* Социально ответственные инвестиции как инструмент формирования корпоративной социальной ответственности // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2013. № 15 (116). С. 69–77.
7. *Огородников Д.Д.* Модернизация ЖКХ: энергосервис, концессионные соглашения, лизинг. За и против // Энергосовет. 2015. № 3 (40). С. 16–20.
8. *Ряховская А.Н., Таге-заде Ф.Г.* Заблуждение и мифы коммунальной деятельности: учеб. пособие. М.: ИЭАУ, 2005. 200 с.
9. *Ряховская А.Н., Таге-заде Ф.Г.* Тарифная и ценовая политика в жилищной и коммунальной сферах: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 124 с. (Научная мысль).
10. *Свистунов А.В., Куркина А.Д.* Развитие государственно-частного партнерства на основе концессий в сфере теплоснабжения жилого фонда в интересах потребителя // Жилищные стратегии. 2018. Т. 5. № 1. С. 79–94.
11. *Яляльева Т.В.* К проблеме эффективности управления муниципальной собственностью // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 90 (06). [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/06/pdf/34.pdf> (дата обращения: 24.01.2019).
12. *Александрова Л.* Революция ЖКХ: в России решили поменять систему оплаты за тепло. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/economics/2018/01/31/revolyuciya-zhkkh-v-rossii-reshili-pomenyat-sistemu-oplaty-za-teplo.html> (дата обращения: 22.01.2019).
13. АО «Водоканал», г. Чебоксары. О предприятии: цифры и факты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://vodo-kanal.ru/node/1> (дата обращения: 22.01.2019).
14. *Бруссер П.А., Митько А.В., Карпенко Е.А.* Повышение инвестиционной привлекательности проектов в сфере водоснабжения и водоотведения путем установления экономически обоснованных тарифов / Инфраструктурное финансирование on-line. [Электронный ресурс]. URL: <http://brusser.ru/article/the-increase-of-investment-attractiveness-of-projects-in-the-field-of-water-supply-and-sanitation-through-establishment-of-economically-justified-tariffs.html> (дата обращения: 22.01.2019).
15. *Брушко О.* Закон об индивидуальных счетчиках тепла в квартире рассматривается Минстроем РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1rre.ru/141368-vopros-ob-individualnyx-schetchikah-tepla-v-kvartire-rassmatrivaetsya-minstroem-rf.html> (дата обращения: 22.01.2019).
16. В Думе отвергли идею обязать граждан оплачивать долги соседей за ЖКХ. [Электронный ресурс]. URL: <http://gogov.ru/news/338203> (дата обращения: 22.01.2019).
17. *Крючкова Е.* Триста миллионов зальют в водопровод. Банк БРИКС может предоставить России кредит на модернизацию ЖКХ // Газета «Коммерсантъ». 2018. 25 янв. С. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3528694> (дата обращения: 22.01.2019).

18. *Крючкова Е.* «Чтобы ежегодно расселялось больше, чем признается аварийным». Заместитель главы Минстроя – о коммунальных планах Правительства: Интервью с замминистром Андреем Чибисом // Газета «Коммерсантъ». № 164. 2018. 11 сент. С. 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3737822> (дата обращения: 24.01.2019).
19. *Мягкова М.* Банк БРИКС одобрил России кредит на модернизацию ЖКХ. [Электронный ресурс]. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5a6994309a794709b06786f5> (дата обращения: 22.01.2019).
20. Начало дня с Константином Киреевым [Видеозапись]: радиопрограмма / Радио России Владимир. Владимир, 2019. 11 янв. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/radiorussavi Vladimir?w=wall-66573084_4703 (дата обращения: 22.01.2019).
21. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2017 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2018. 268 с. [Электронный ресурс]. <https://ohranatruda.ru/upload/iblock/c7b/O-sostoyanii-sanitarno-epidemiologicheskogo-blagopoluchiya-naseleniya-v-RF-v-2017-godu.pdf> (дата обращения: 24.01.2019).
22. ОЭЗ «Алабуга» вместе с Минстроем РФ отберет проекты «Умного города» для Елабуги / БИЗНЕС Online. [Электронный ресурс]. URL: www.business-gazeta.ru/print/399582 (дата обращения: 22.01.2019).
23. *Петров В.* Мень: На модернизацию системы ЖКХ нужно 2,5 трлн рублей. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2016/01/27/men-site.html?utm_campaign=transit&utm_source=mirtesen&utm_medium=news&from=mirtesen (дата обращения: 22.01.2019).
24. Россиянам предложили платить долги по ЖКХ за соседей / «Expert Online». [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2018/10/12/rossiyanam-predlozhili-platit-dolgi-po-zhkh-za-sosedej> (дата обращения: 22.01.2019).
25. Схема водоснабжения и водоотведения города Чебоксары до 2028 года. [Электронный ресурс]. URL: http://vodo-kanal.ru/sites/default/files/files/Dokument/ПТО/sхема_vodosnabj_cheb_2028.pdf (дата обращения: 24.01.2019).
26. Схема водоснабжения и водоотведения округа Муром до 2030 года. [Электронный ресурс]. URL: http://murom.info/wp-content/uploads/2016/11/P_630_O_1.doc (дата обращения: 24.01.2019).
27. Чебоксары могут получить 2 млрд рублей на развитие систем водоснабжения. [Электронный ресурс]. URL: http://mojgorod-online.ru/city/city_33773.html (дата обращения: 22.01.2019).
28. Экспертное мнение ИПЕМ: «Рост тарифов на ЖКУ в 2018 году». [Электронный ресурс]. URL: http://www.ipem.ru/files/files/research/20180629_expert_opinion_public_utilities_tariffs.pdf (дата обращения: 22.01.2019).

Bibliography

1. *Afanas'ev V.N., Zhuravlev S.A.* Analiz tarifnoj politiki v vodosnabzhenii naselenija goroda // Vestnik NGUJeU. 2013. № 4. P. 200–217.
2. *Denisov M.P.* Koncessija kak optimal'naja forma gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere zhilishhno-kommunal'nogo hozjajstva // Vestnik grazhdanskih inzhenerov. 2015. № 6 (53). P. 232–236.
3. *Zaharova Zh.A.* Sistema upravlenija municipal'nym imushhestvom predpriyatij kommunal'nogo kompleksa na osnove koncessii: monografija. Vladimir: Izd-vo Vladimirovskogo filiala RANHiGS, 2012. 144 p.
4. *Kabir L.S.* Social'no otvetstvennoe investirovanie: trend ili vremennoe javlenie? // Jekonomika. Nalogi. Pravo. 2017. № 4. P. 35–41.
5. *Krjuchkova O.M.* Social'no otvetstvennoe investirovanie: popytka podchinit' lichnye interesy obshhestvennym // Upravlencheskie nauki. 2012. № 1 (2). P. 70–75.

6. *Leonova I.V.* Social'no otvetstvennyye investicii kak instrument formirovaniya korporativnoj social'noj otvetstvennosti // Vestnik RGGU. Serija «Jekonomika. Upravlenie. Pravo». 2013. № 15 (116). P. 69–77.
7. *Ogorodnikov D.D.* Modernizacija ZhKH: jenergoservis, koncessionnyye soglasheniya, lizing. Za i protiv // Jenergosovet. 2015. № 3 (40). P. 16–20.
8. *Rjahovskaja A.N., Tage-zade F.G.* Zabluzhdenie i mify kommunal'noj dejatel'nosti: Ucheb. posobie. M.: IJeAU, 2005. 200 p.
9. *Rjahovskaja A.N., Tage-zade F.G.* Tarifnaja i cenovaja politika v zhilishhnoj i kommunal'noj sferah: monografija. M.: INFRA-M, 2016. 124 p. (Nauchnaja mysl').
10. *Svistunov A.V., Kurkina A.D.* Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva na osnove koncessij v sfere teplosnabzhenija zhilogo fonda v interesah potrebitelja // Zhilishhnye strategii. 2018. T. 5. № 1. P. 79–94.
11. *Jaljalieva T.V.* K probleme jeffektivnosti upravlenija municipal'noj sobstvennost'ju // Nauchnyj zhurnal KubGAU. 2013. № 90 (06). [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/06/pdf/34.pdf> (data obrashhenija: 24.01.2019).
12. *Aleksandrova L.* Revoljucija ZhKH: v Rossii reshili pomenjat' sistemu oplaty za teplo. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.mk.ru/economics/2018/01/31/revolyuciya-zhkkh-v-rossii-reshili-pomenyat-sistemu-oplaty-za-teplo.html> (data obrashhenija: 22.01.2019).
13. AO «Vodokanal», g. Cheboksary. O predpriyatii: cifry i fakty. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://vodo-kanal.ru/node/1> (data obrashhenija: 22.01.2019).
14. *Brusser P.A., Mit'ko A.V., Karpenko E.A.* Povyshenie investicionnoj privlekatel'nosti proektov v sfere vodosnabzhenija i vodootvedenija putem ustanovlenija jekonomicheski obosnovannyh tarifov / Infrastrukturnoe finansirovanie on-line. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://brusser.ru/article/the-increase-of-investment-attractiveness-of-projects-in-the-field-of-water-supply-and-sanitation-through-establishment-of-economically-justified-tariffs.html> (data obrashhenija: 22.01.2019).
15. *Brushko O.* Zakon ob individual'nyh schetchikah tepla v kvartire rassmatrivaetsja Minstroem RF [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.1rre.ru/141368-vopros-ob-individualnyx-schetchikax-tepla-v-kvartire-rassmatrivaetsya-minstroem-rf.html> (data obrashhenija: 22.01.2019).
16. V Dume otvergli ideju objazat' grazhdan oplachivat' dolgi sosedej za ZhKH. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://gogov.ru/news/338203> (data obrashhenija: 22.01.2019).
17. *Krjuchkova E.* Trista millionov zal'jut v vodoprovod. Bank BRIKS mozhet predostavit' Rossii kredit na modernizaciju ZhKH // Gazeta «Kommersant#». 2018. 25 janv. P. 2. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3528694> (data obrashhenija: 22.01.2019).
18. *Krjuchkova E.* «Chtoby ezhegodno rasseljalos' bol'she, chem priznaetsja avarijnym». Zamestitel' glavy Minstroja – o kommunal'nyh planah Pravitel'stva: Interv'ju s zamministrom Andreem Chibisom // Gazeta «Kommersant#». № 164. 2018. 11 sent. P. 3. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3737822> (data obrashhenija: 24.01.2019).
19. *Mjagkova M.* Bank BRIKS odobril Rossii kredit na modernizaciju ZhKH. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5a6994309a794709b06786f5> (data obrashhenija: 22.01.2019).
20. Nachalo dnja s Konstantinom Kireevym [Videozapis']: radioprogramma / Radio Rossii Vladimir. Vladimir, 2019. 11 janv. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://vk.com/radiorussiavlavladimir?w=wall-66573084_4703 (data obrashhenija: 22.01.2019).
21. O sostojanii sanitarno-jepidemiologicheskogo blagopoluchija naselenija v Rossijskoj Federacii v 2017 godu: Gosudarstvennyj doklad. M.: Federal'naja sluzhba po nadzoru v sfere zashhity prav potrebitelej i blagopoluchija cheloveka, 2018. 268 p. [Jelektronnyj resurs]. <https://ohranatruda.ru/upload/iblock/c7b/O-sostoyanii-sanitarno-epidemiologicheskogo-blagopoluchiya-naseleniya-v-RF-v-2017-godu.pdf> (data obrashhenija: 24.01.2019).

22. OJeZ «Alabuga» vmeste s Minstroem RF otberet proekty «Umnogo goroda» dlja Elabugi / BIZNES Online. [Jelektronnyj resurs]. URL: www.business-gazeta.ru/print/399582 (data obrashhenija: 22.01.2019).
23. Petrov V. Men': Na modernizaciju sistemy ZhKH nuzhno 2,5 trln rublej. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://rg.ru/2016/01/27/men-site.html?utm_campaign=transit&utm_source=mirtesen&utm_medium=news&from=mirtesen (data obrashhenija: 22.01.2019).
24. Rossijanam predlozhili platit' dolgi po ZhKH za sosedej / «Expert Online». [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://expert.ru/2018/10/12/rossijanam-predlozhili-platit-dolgi-po-zhkh-za-sosedej> (data obrashhenija: 22.01.2019).
25. Shema vodosnabzhenija i vodootvedenija goroda Cheboksary do 2028 goda. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://vodo-kanal.ru/sites/default/files/files/Dokument/PTO/sxema_vodosnabj_cheb_2028.pdf (data obrashhenija: 24.01.2019).
26. Shema vodosnabzhenija i vodootvedenija okruga Murom do 2030 goda. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://murom.info/wp-content/uploads/2016/11/P_630_O_1.doc (data obrashhenija: 24.01.2019).
27. Cheboksary mogut poluchit' 2 mlrd rublej na razvitie sistem vodosnabzhenija. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://moygorod-online.ru/city/city_33773.html (data obrashhenija: 22.01.2019).
28. Jekspertnoe mnenie IPeM: «Rost tarifov na ZhKU v 2018 godu». [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.ipem.ru/files/files/research/20180629_expert_opinion_public_utilities_tariffs.pdf (data obrashhenija: 22.01.2019).

СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

УДК 336.143:354:332.146(571.16)

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ УРОВНЯ СОБСТВЕННЫХ ДОХОДОВ НА ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ¹

Чистякова Н.О., Татарникова В.В.

Национальный исследовательский Томский
политехнический университет

E-mail: worldperson@mail.ru, tvv0907@yandex.ru

Исследован уровень обеспеченности собственными доходами консолидированных бюджетов муниципальных образований на примере Томской области. Проведен дисперсионный анализ индикаторов экономического развития, сгруппированных по уровню обеспеченности собственными доходами. Выявлена высокая дифференциация муниципалитетов, характеризуемая снижением исследуемых показателей вместе со снижением обеспеченности собственными доходами. Определена необходимость выстраивания отношений субъектов РФ с муниципалитетами, входящими в их состав, с учетом их дифференциации в части финансового и экономического потенциала, а также с внедрением стимулирующих механизмов.

Ключевые слова: собственные доходы бюджетов, муниципальные образования, местные бюджеты, социально-экономическое развитие территорий.

TO THE QUESTION OF OWN REVENUES INFLUENCE LEVEL ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT INDICATORS OF MUNICIPALITIES

Chistyakova N.O., Tatarnikova V.V.

National Research Tomsk Polytechnic University

E-mail: worldperson@mail.ru, tvv0907@yandex.ru

The level of provision of the municipalities consolidated budgets was studied on example of Tomsk Region. A variance analysis of economic development indicators grouped by the level of provision of own revenues has been carried out. It is revealed a high differentiation of municipalities characterized by a decrease in the studied indicators along with a decrease the level of provision of own revenues. It is identified the need for the Russian Federation subjects to build relations municipalities included their composition based on their differentiation in terms of financial and economic capacity, as well as with the introduction of incentive mechanisms.

Keywords: own budget revenues, municipalities, local budgets, socio-economic development of territories.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Роль флагманских предприятий в экономическом развитии регионов: экономико-математический анализ панельных данных на примере России и США», проект № 18-010-01123 а.

В Российской Федерации сложилась 3-уровневая система органов власти, включающая федеральный, региональный и местные уровни [14]. Развитие федеративных отношений внутри страны и запрос на повышение уровня социально-экономического развития отдельных территорий приводит к расширению функций местных органов власти. Так, в Указе Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» факторами и условиями территориального развития являются самостоятельная реализация органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления своих полномочий [18]. К сожалению, местные власти на текущий момент не обладают достаточными финансовыми ресурсами, чтобы осуществлять весь спектр, возложенных на них полномочий самостоятельно. О данной проблеме пишут ряд российских исследователей, в том числе Л.Л. Игонина [2, 3], Н.Ю. Коротина [4], Т.В. Ускова [9].

Следует выделить основные источники финансовых ресурсов, формирующих местные бюджеты:

1) собственные средства, к которым следует относить прежде всего налоговые и неналоговые доходы, а также безвозмездные поступления от физических и юридических лиц;

2) заемные средства, к которым относятся: бюджетные и банковские кредиты, муниципальные займы;

3) межбюджетные трансферты из бюджетов вышестоящего уровня (дотации, субсидии, субвенции и иные трансферты).

В Ст. 31 Бюджетного кодекса РФ закреплён принцип самостоятельности бюджета, включающий в том числе право и обязанность самостоятельно обеспечивать сбалансированность соответствующих бюджетов [12]. Очевидно, что для реализации данного принципа и снижения зависимости от выполнения условий финансирования, установленных для получения финансовых ресурсов из бюджетов вышестоящего уровня, в местных бюджетах должны преобладать собственные источники доходов. Однако в сложившейся системе межбюджетных отношений органы местного самоуправления фактически являются сильно зависимыми от финансирования из вышестоящих бюджетов. Кроме того, о проблеме такой зависимости пишут и исследователи-юристы, связывая данный факт с ограничением также политической самостоятельности местных органов власти [13].

Целесообразно разделить понимание финансовых ресурсов муниципальных образований, к которым относятся собственные доходы согласно Бюджетному кодексу РФ и согласно, авторскому подходу, который согласуется с большинством исследователей в данной сфере. Ст. 47 Бюджетного кодекса РФ подразумевает, что к собственным доходам относятся как налоговые и неналоговые доходы, так и доходы, полученные бюджетами в виде всех безвозмездных поступлений, за исключением субвенций [12]. Однако межбюджетные трансферты, предоставляемые из бюджетов вышестоящего уровня, некорректно относить к собственным доходным источникам, поскольку их выделение зависит от правил и условий, а также финансовых возможностей вышестоящих бюджетов. В рамках авторского подхода под собственными источниками доходов муниципальных образо-

ваний будут пониматься, прежде всего, налоговые и неналоговые доходы, безвозмездные же поступления от физических и юридических лиц не будут учитываться в связи с незначительной долей данных поступлений.

Приведем информацию об обеспеченности местных бюджетов собственными источниками доходов, согласно подходу, сформулированному Бюджетным кодексом РФ. Согласно информации о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов в РФ по итогам 2017 г. сложился следующий уровень обеспеченности собственными доходами [15]:

- бюджеты городских округов – 51,2 %;
- бюджеты муниципальных районов – 34,3 %;
- бюджеты городских поселений – 6,6 %;
- бюджеты сельских поселений – 7,9 %.

Мы видим, что даже в рамках подхода, используемого Бюджетным кодексом РФ, уровень собственных доходов муниципальных образований различных видов является невысоким. Кроме того, наблюдается снижение уровня обеспеченности собственными доходами при движении, как правило, от самых крупных по количеству проживающего на территории населения муниципалитетов – городских округов к самым малочисленным – городским и сельским поселениям.

Далее представляется целесообразным детальнее остановиться на авторском понимании собственных доходов и изучить уровень налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов, отражающих экономический и финансовый потенциал данных территорий. Также интересным представляется исследовать зависимость размера обеспеченности местных бюджетов собственными доходами и индикаторов социально-экономического развития муниципалитетов. Результаты исследования основных показателей социально-экономического развития по регионам РФ, сгруппированным по уровню дотационности, были опубликованы одним из авторов (В.В. Татарниковой) ранее [7, 8]. Данные результаты показали наличие корреляции между уровнем дотационности и основными индикаторами социально-экономического развития территорий, фактически подтвердив, что чем более дотационным является регион, тем ниже у него уровень показателей развития [7, 8]. Учитывая, что наиболее дотационные субъекты РФ имеют наименьшую обеспеченность собственными источниками доходов, целесообразным представляется проведение похожего исследования показателей социально-экономического развития уже на муниципальном уровне. Объектом исследования в данном случае выступают муниципальные образования Томской области, входящие в состав Сибирского федерального округа. В качестве метода исследования будет использован дисперсионный анализ. Группированным признаком выступит средний уровень обеспеченности собственными доходами консолидированных бюджетов муниципальных образований Томской области за достаточно большой временной период 2011–2017 гг.

Нулевую гипотезу исследования сформулируем следующим образом: отсутствие значимых различий между индикаторами социально-экономического развития территорий, сгруппированных по среднему уровню обеспеченности собственными доходами. Альтернативной гипотезой в данном

случае будет являться предположение о существовании статистически значимых различий исследуемых показателей в разрезе сформированных групп по уровню обеспеченности собственными доходами. Для исследования использованы данные статистического сборника «Муниципальные образования Томской области» 2018 г. выпуска, содержащего индикаторы социально-экономического развития муниципальных образований по итогам 2017 г. В рамках исследования были взяты 10 индикаторов, характеризующих, прежде всего, экономическую активность муниципальных образований. Следует отметить, что 5 данных индикаторов дублируют остальные в пересчете на количество населения, проживающего на территории муниципалитета.

Таким образом, общая статистическая выборка для исследования включает 8 показателей в разрезе 18 муниципалитетов (без учета г. Кедрового и г. Северска) и 2 показателя в разрезе 19 муниципалитетов (без г. Северска), сформированных по трем группам обеспеченности собственными доходами, указанными на рис. 1.

Рис. 1. География среднего уровня обеспеченности собственными доходами муниципалитетов Томской области за 2011–2017 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Департамента финансов Томской области [16]

Рис. 1 иллюстрирует географию среднего уровня обеспеченности собственными доходами муниципальных образований Томской области по следующим группам:

- 1-я группа – менее 17 % (5 муниципалитетов);
- 2-я группа – от 17 до 25 % (8 муниципалитетов);
- 3-я группа – свыше 25 % (6 муниципалитетов).

В рамках проводимого исследования целесообразно использовать методику, включающую в себя следующие этапы [10, 11, 19]:

1) проведение тестирования изучаемых 10 показателей отдельно в разрезе каждой из трех групп на предмет наличия либо отсутствия нормально-го характера распределения данных;

2) выбор подходящего метода и приоритетного критерия проверки гипотезы для осуществления дисперсионного анализа;

3) проведение дисперсионного анализа исследуемых показателей (выявление статистической значимости различий средних между выделенными группами);

4) экономическая интерпретация результатов и выводы.

Для обработки данных, а также их визуализации используется программный продукт «STATISTICA».

В табл. 1 продемонстрированы основные индикаторы описательной статистики, характеризующие исследуемую выборку показателей по муниципалитетам Томской области.

Таблица 1

Основные индикаторы описательной статистики, характеризующие исследуемую выборку [5]

№ п/п	Наименование показателя	Количество МО	Среднее значение	Медиана	Мин.	Макс.	Размах	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации, %
1	Основные фонды, млн руб.	18	37 189	1 250	39	464 718	464 679	113 709	306
2	Основные фонды, тыс. руб. на душу населения	18	354,8	78,7	3,3	4 049	4 046	941	265
3	Оборот организаций, млн руб.	18	37 455	1 871	537	414 191	413 654	98 020	262
4	Оборот организаций, тыс. руб. на душу населения	18	899	105,6	40,9	5 662	5 621	1 703	189
5	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами, млн руб.	18	27 363	1 160	218	256 076	255 858	63 369	232
6	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами, тыс. руб. на душу населения	18	838,2	58,9	176	5 614,2	5 596,6	1 708,1	204
7	Ввод в действие жилых домов, кв. м	18	24 308	3 649	454	190 683	190 229	59 389	244
8	Ввод в действие жилых домов, кв. м на 1000 человек населения	18	340,1	175,0	38,4	2 473,3	2 434,9	549,9	162
9	Инвестиции в основной капитал, млн руб.	19	3 767,2	247,0	3,6	26 661,5	26 657,9	7 511,6	199
10	Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	19	159,4	16,3	1,1	1 585,8	1 584,7	386,5	243

Источник: составлено автором на основе данных Томскстата [5].

Первоначально целесообразно провести тестирование всех исследуемых показателей в разрезе сформированных отдельно групп выборок на предмет соответствия нормальному закону распределения. В данном случае используется критерий Шапиро–Уилка (S–W), так как выборки данных в разрезе групп относятся к малым. Для корректного использования параметрических критериев при реализации инструментария дисперсионного анализа необходимым условием является соответствие исследуемых показателей по всем трем группам выборок закону нормального распределения. Результаты тестирования (по критерию S–W) показали, что данное условие соблюдается только для показателя инвестиции в основной капитал на душу населения, данный показатель требует в дальнейшем параметрического F -критерия Фишера (F). Для всех остальных 9 показателей необходимо использовать непараметрический критерий Краскела–Уоллиса (KW–H).

Результат дисперсионного анализа средних в группах по всем 10 исследуемым показателям является положительным, как по критерию KW–H, так и для F -критерия (для всех показателей $p < 0,05$). Полученный результат подтверждает альтернативную гипотезу о наличии разброса средних показателей у муниципальных образований Томской области, сгруппированных в разрезе уровня обеспеченности собственными доходами. Данный факт демонстрирует дифференциацию уровня социально-экономического развития муниципалитетов. Отсутствует необходимость приводить иллюстрацию результатов дисперсионного анализа по всем 10 изучаемым индикаторам, в связи с чем приведем только несколько диаграмм.

Значимым показателем, характеризующим уровень экономического потенциала территории, являются основные фонды. Рассмотрим диаграммы размаха данного показателя у исследуемых групп в муниципалитетах в абсолютном выражении (далее – ОФ), а также в расчете на душу населения (далее – ОФнд) без учета выбросов по итогам 2017 г. (рис. 2).

Опираясь на результаты тестирования, а также диаграммы размаха показателей основных фондов рис. 2, отмечается следующее:

1) статистическая значимость различий среди исследуемых групп подтверждена на высоком уровне по критерию KW–H ($p = 0,0025$ и $p = 0,0053$);

2) диаграммы размаха иллюстрируют значительный уровень различия групповых средних по двум данным показателям. Более того, группа муниципалитетов с обеспеченностью собственными доходами свыше 25 % имеет наибольший разброс данных. Об этом также свидетельствует длина «усов» рис. 2 и коэффициенты вариации для ОФ – 169 % и для ОФнд – 159 %;

3) четко выявляется тенденция увеличения групповых средних с ростом уровня обеспеченности собственными доходами муниципалитетов. Так, расчетные показатели медиан для ОФ и ОФнд соответственно составляют: 73 млн руб. и 5 тыс. руб. (менее 17 %), 1 035 млн руб. и 67 тыс. руб. (от 17 до 25 %), 10 750 млн руб. и 286 тыс. руб. (свыше 25 %).

Рассмотрим аналогичным образом пару следующих показателей, оборот организаций по кругу крупных и средних предприятий с численностью более 15 человек в абсолютном выражении (далее – О), а также в расчете на душу населения (далее – Онд) (рис. 3).

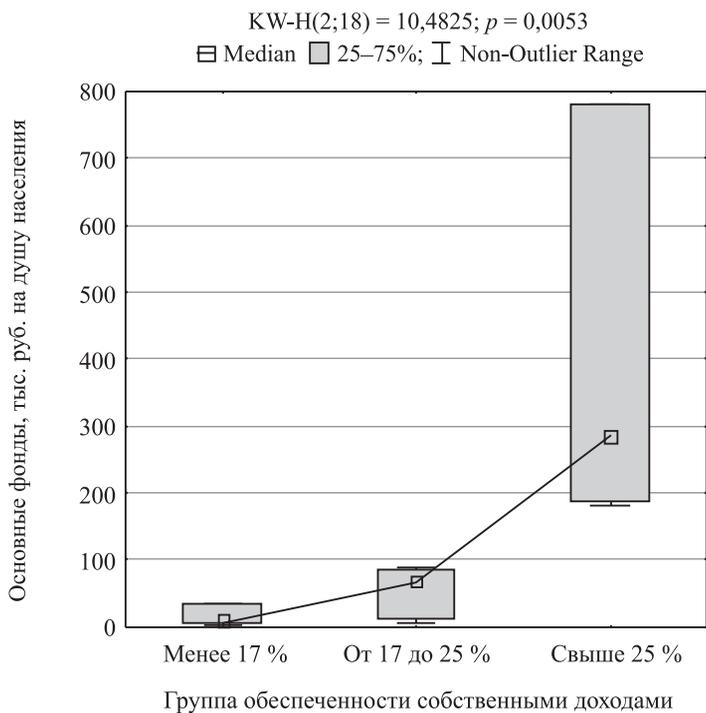
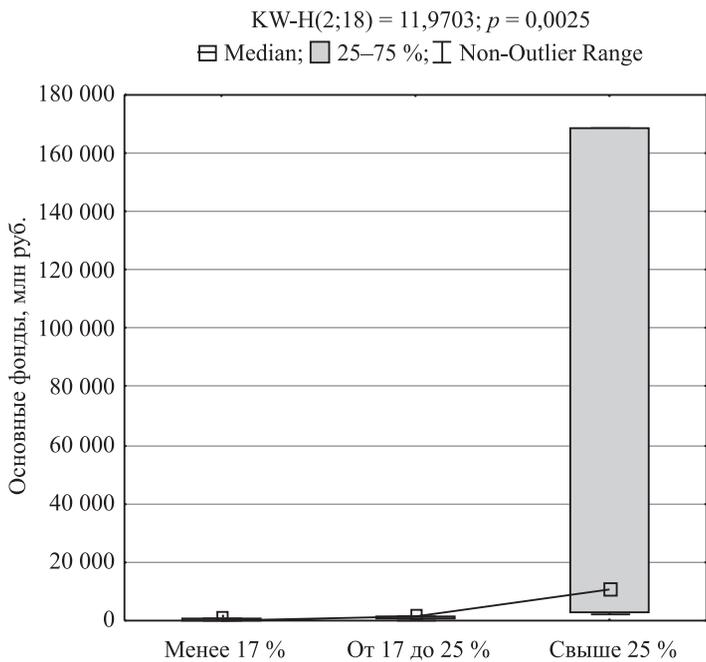

Рис. 2. Диаграммы размаха показателей основных фондов по итогам 2017 г.

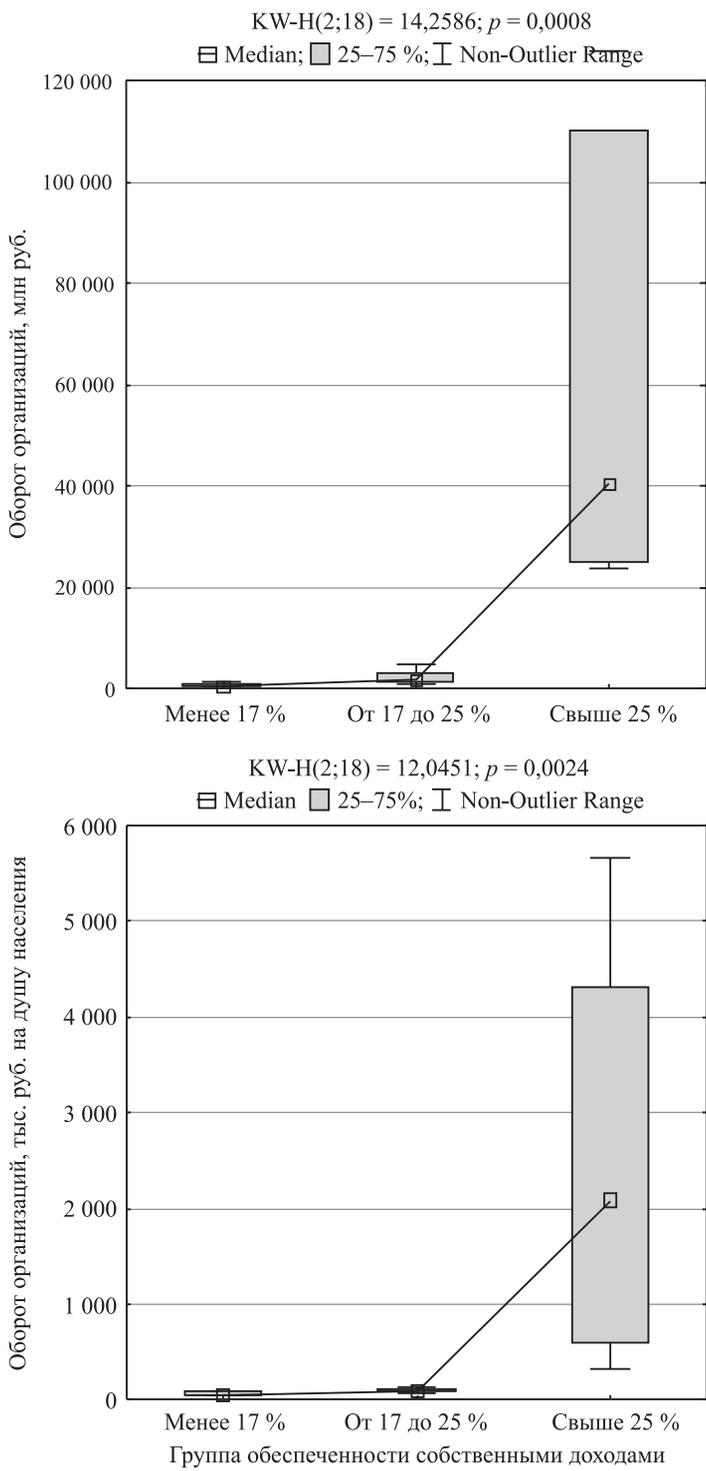

Рис. 3. Диаграммы размаха показателей оборота организаций по итогам 2017 г.

Рис. 3 иллюстрирует диаграммы размаха показателей оборота организаций в разрезе исследуемых групп. По итогам тестирования выявлено следующее:

1) статистическая значимость различий групповых средних в разрезе сформированных групп является высокой по критерию КВ–Н ($p = 0,0008$ и $p = 0,0024$);

2) диаграммы размаха демонстрируют значительный уровень различия показателей по изучаемым группам обеспеченности собственными доходами. Группа муниципалитетов с обеспеченностью свыше 25 %, как и в предыдущем случае, имеет максимальных разброс данных среди групп. Коэффициенты вариации составляют для О – 140 % и Онд – 91 %, показатели размаха для О – 390 506 млн руб. и Онд – 5 344 тыс. руб.;

3) тенденция увеличения групповых средних с ростом уровня обеспеченности собственными доходами муниципалитетов прослеживается в ярко выраженной форме. Показатели медиан для О и Онд соответственно составляют: 65 млн руб. и 47 тыс. руб. (менее 17 %), 168 млн руб. и 67 тыс. руб. (от 17 до 25 %), 10 750 млн руб. и 286 тыс. руб. (свыше 25 %).

Для демонстрации результатов проведенного исследования ограничимся вышеуказанными показателями, анализ остальных 6 показателей приведет к схожим выводам. Следует отметить, что 5 остальных показателей, тестируемых по критерию КВ–Н, дают результаты высокой статистической значимости различий среди исследуемых групп ($p \leq 0,0053$). 10-й показатель – инвестиции в основной капитал на душу населения, тестируемый по *F*-критерию, дает статистически значимые различия ($p = 0,0418$).

Ранее мы приводили иллюстрацию обеспеченности собственными доходами муниципалитетов Томской области по группам, однако для понимания уровня обеспеченности каждого муниципального образования представляется целесообразным привести следующий рис. 4, на котором изображены муниципалитеты в порядке убывания обеспеченности собственными доходами консолидированных бюджетов муниципальных образований. Следует отметить высокий уровень дифференциации данного показателя, о чем свидетельствует коэффициент вариации, равный 45 %, и размах – 36,2 %. Кроме того, следует отметить, что уровень обеспеченности собственными доходами за весь исследуемый период 2011–2017 гг. превысил 50 % только у Александровского района в 2011 и 2013 гг. и составлял соответственно в эти годы 54,5 и 52,3 %. Также стоит отметить, что Бакчарский и Тегульдетский районы стабильно в данные годы занимают позиции аутсайдеров по данному показателю.

Самым обеспеченным с позиции налоговых и неналоговых доходов является г. Томск (45,1 %). Областной центр характеризуется концентрацией передовых и наиболее высокотехнологичных отраслей народного хозяйства, развитием научно-образовательного комплекса. Далее идут все северные территории, специализирующиеся на нефтегазодобыче, а также обработке в части, прежде всего, нефтепродуктов (Александровский, Каргасокский, Парабельский, г. Стрежевой). Обеспеченность собственными доходами у данных муниципалитетов находится в диапазоне от 33,4 до 43,9 %. Для Томской области характерна высокая концентрация населения

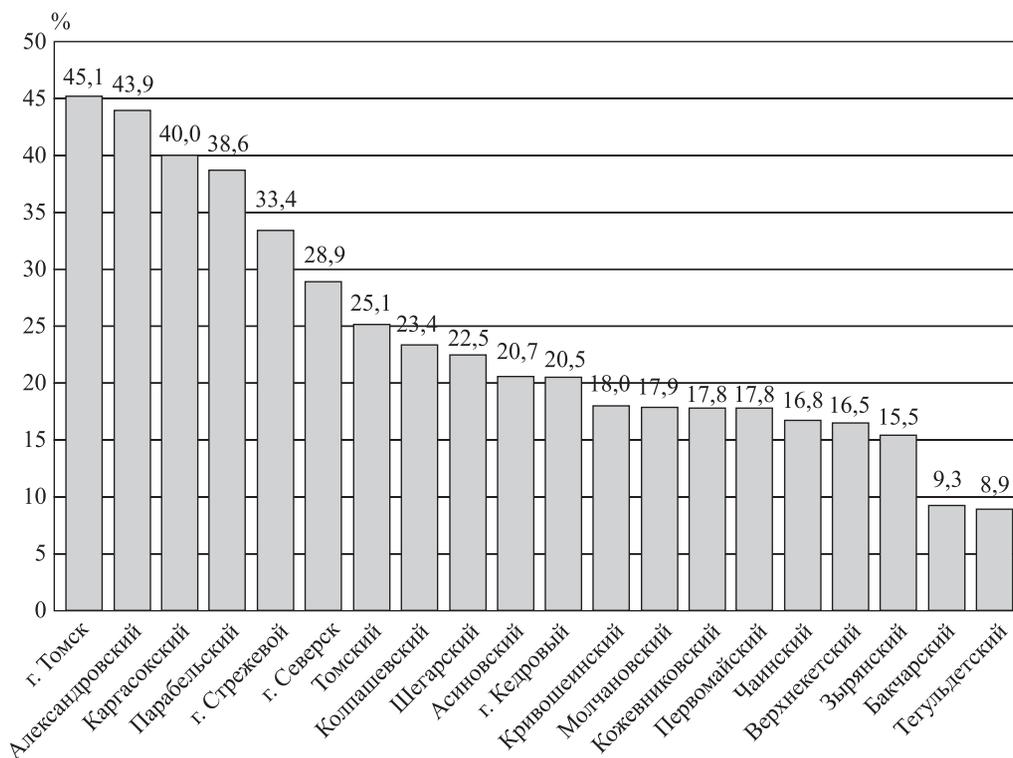

Рис. 4. Средний уровень обеспеченности собственными доходами муниципальных образований Томской области за период 2011–2017 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Департамента финансов Томской области [16]

и промышленности в нескольких муниципальных образованиях [1, с. 47]. Следует отметить, что вышеуказанные муниципалитеты являются одними из самых малочисленных, а также привлекательных с точки зрения привлечения инвестиций (8 % населения, 49 % инвестиций в основной капитал) [5].

Следующие два муниципалитета являются составляющей Томской агломерации: г. Северск (28,9 %) и Томский район (25,1 %) (относятся к южным территориям). Развита атомная и пищевая промышленность. Кроме того, в Томском районе осуществляется производство 54 % сельскохозяйственной продукции, приходящейся на Томскую область. Далее с переменным успехом идут остальные южные и центральные территории региона. Интересно отметить, что если сложить все юго-западные и юго-восточные территории (Шегарский, Асиновский, Кожевниковский, Первомайский, Зырянский, Тегульдетский), а также все центральные территории (Колпашевский, Кривошеинский, Молчановский, Чаинский, Верхнекетский, Бакчарский районы) и найти средний уровень обеспеченности собственными доходами, то он составит для южных районов – 17,2 %, а для центральных – 17,0 %. Юго-западные и юго-восточные территории ориентированы на сельскохозяйственную деятельность (29,4 % сельскохозяйственной продукции в регионе), при этом юго-восточные занимаются также обработкой древесины и производством изделий из дерева.

В качестве вышеуказанного разделения территорий на разные типы лежит подход, используемый в стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 г. [17]. Следует отметить, что в южных территориях региона сосредоточено 83 % населения и 50 % инвестиций в основной капитал, а в центральных данное распределение составляет 9,5 % населения, 0,7 % инвестиций. Учитывая, что показатель инвестиций закладывает экономический потенциал будущих лет, для центральных территорий следует учитывать вероятные проблемы с развитием.

Выводы. В ходе проведенного исследования был выявлен низкий уровень обеспеченности местных бюджетов собственными источниками доходов. Данная ситуация характерна для России в целом и для Томской области в частности. Реализуемая на настоящий момент бюджетно-налоговая политика федерального центра способствует концентрации финансовых ресурсов преимущественно в федеральном бюджете (прежде всего налоговые источники). Региональная политика межбюджетных отношений выстраивается аналогичным образом, учитывая возможности и финансово-экономический потенциал отдельных территорий. Таким образом, органы местного самоуправления сталкиваются с проблемами ограниченности собственных источников доходов и реальностью преимущественного финансирования возложенных на них функций посредством межбюджетных трансфертов. В Томской области средний уровень собственных доходов консолидированных бюджетов муниципальных образований за 2011–2017 гг. составляет менее 46 %, а 10 муниципалитетов, находящихся в середине по распределению данного показателя, имеют обеспеченность в диапазоне от 19,9 до 22,5 %.

Проводимый в ходе исследования дисперсионный анализ показателей экономического развития муниципалитетов Томской области показал высокую значимость различий средних в группах, сформированных по уровню обеспеченности собственными источниками доходов. Выявлено, что финансовый и экономический потенциал территорий имеют тесную связь между собой. Необходимо отметить, что для эффективной региональной политики отношений с муниципальными образованиями целесообразно учитывать высокий уровень дифференциации социально-экономического развития их территорий. На текущий момент в сфере межбюджетных отношений между регионами и муниципальными образованиями преобладают выравнивающие бюджетную обеспеченность инструменты. Данное обстоятельство побуждает органы власти муниципальных образований рассчитывать на выделение межбюджетных трансфертов в условиях низкого уровня собственных доходов и дестимулирует их проводить мероприятия, направленные на развитие экономического и финансового потенциала своих территорий. Органам власти субъектов РФ целесообразно внедрять стимулирующие механизмы в рамках отношений с муниципалитетами, учитывающих специфику территорий, а также эффективность управления на местах.

Литература

1. Земцов С.П., Климанов В.В., Бугаева Е.А. Приоритеты пространственного развития Томской области // Регион: экономика и социология. 2016. Т. 9. № 2. С. 42–61.
2. Игонина Л.Л. Финансовая самостоятельность муниципальных образований: ограничения и возможности // Финансы и кредит. 2015. № 35 (659). С. 12–24.

3. *Игонина Л.Л.* Формирование финансовых ресурсов местного самоуправления // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 2. С. 100–105.
4. *Коротина Н.Ю.* Муниципальные образования как участники отношений экономического федерализма // *Социум и власть*. 2017. № 6 (68). С. 62–66.
5. *Муниципальные образования Томской области: Стат.сб.* / Томскстат. Томск, 2018. 276 с.
6. *Оборот организаций и объем отгруженной продукции собственного производства, выполненных работ (услуг) собственными силами по муниципальным образованиям Томской области (по кругу крупных и средних предприятий с численностью более 15 человек) за январь–декабрь 2017 года»: статистический бюллетень / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области.* Томск, 2018.
7. *Татарникова В.В.* Межбюджетные отношения в условиях асимметрии социально-экономического развития территорий // *Региональная экономика: теория и практика*. 2018. Т. 16. № 10 (457). С. 1901–1915.
8. *Татарникова В.В.* Межбюджетные отношения в РФ: выравнивание и стимулирование развития территорий // *Вестник науки Сибири*. 2018. № 4 (31). С. 1–13.
9. *Ускова Т.В., Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В.* Местное самоуправление в России: итоги и перспективы реформ // *Проблемы развития территории*. 2016. № 5 (85). С. 159–175.
10. *Hill T., Lewicki P.* STATISTICS: Methods and Applications // Tulsa, OK: StatSoft, 2007. 719 p.
11. *Tabachnick B.G., Fidell L.S.* Using multivariate statistics. 6th ed. Harlow: Pearson Education, 2012. 983 p.
12. *Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ.* [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 08.02.2019).
13. *Бойко Н.Н., Канзафарова Н.Ф., Шарипова А.Р.* Принцип самостоятельности местных бюджетов // *Экономика и социум*. 2017. № 1 (32). С. 217–219. [Электронный ресурс]. URL: [https://iupr.ru/domains_data/files/zurnal_32/Boyko %20N.N. %2009.pdf](https://iupr.ru/domains_data/files/zurnal_32/Boyko_%20N.N.%2009.pdf) (дата обращения: 08.02.2019).
14. *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).* [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.02.2019).
15. *Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2017 год с официального сайта Минфина России.* [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/ (дата обращения: 08.02.2019).
16. *Информация и справочные материалы по исполнению областного бюджета и консолидированного бюджета Томской области с официального сайта Департамента финансов Томской области.* [Электронный ресурс]. URL: <http://budget.finder.org/otchet-ob-ispolnenii-oblastnogo-budjeta.html> (дата обращения: 08.02.2019).
17. *Постановление Законодательной Думы Томской области от 26.03.2015 №2580 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 года».* [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467920053> (дата обращения: 08.02.2019).
18. *Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».* [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/ (дата обращения: 08.02.2019).
19. *Seltman H.J.* Experimental Design and Analysis, 2018. 414 p. URL: <http://www.stat.cmu.edu/~hseltman/309/Book/Book.pdf> (дата обращения: 08.02.2019).

Bibliography

1. *Zemcov S.P., Klimanov V.V., Bugaeva E.A.* Prioritety prostranstvennogo razvitija Tomskoj oblasti // Region: jekonomika i sociologija. 2016. T. 9. № 2. P. 42–61.
2. *Igonina L.L.* Finansovaja samostojatel'nost' municipal'nyh obrazovanij: ogranichenija i vozmozhnosti // Finansy i kredit. 2015. № 35 (659). P. 12–24.
3. *Igonina L.L.* Formirovanie finansovyh resursov mestnogo samoupravlenija // Fundamental'nye issledovanija. 2018. № 2. P. 100–105.
4. *Korotina N.Ju.* Municipal'nye obrazovanija kak uchastniki otnoshenij jekonomicheskogo federalizma // Socium i vlast'. 2017. № 6 (68). P. 62–66.
5. Municipal'nye obrazovanija Tomskoj oblasti: Stat.sb. / Tomskstat. Tomsk, 2018. 276 p.
6. Oborot organizacij i ob'em otgruzhennoj produkcii sobstvennogo proizvodstva, vypolnennyh rabot (uslug) sobstvennymi silami po municipal'nym obrazovanijam Tomskoj oblasti (po krugu krupnyh i srednih predpriyatij s chislennost'ju bolee 15 chelovek) za janvar'-dekabr' 2017 goda»: statisticheskij bjulleten' / Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Tomskoj oblasti. Tomsk, 2018.
7. *Tatarnikova V.V.* Mezhhjudzhetnye otnoshenija v uslovijah asimmetrii social'no-jekonomicheskogo razvitija territorij // Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2018. T. 16. № 10 (457). P. 1901–1915.
8. *Tatarnikova V.V.* Mezhhjudzhetnye otnoshenija v RF: vyravnivanie i stimulirovanie razvitija territorij // Vestnik nauki Sibiri. 2018. № 4 (31). P. 1–13.
9. *Uskova T.V., Buhval'd E.M., Voroshilov N.V.* Mestnoe samoupravlenie v Rossii: itogi i perspektivy reform // Problemy razvitija territorii. 2016. № 5 (85). P. 159–175.
10. *Hill T., Lewicki P.* STATISTICS: Methods and Applications // Tulsa, OK: StatSoft, 2007. 719 p.
11. *Tabachnick B.G., Fidell L.S.* Using multivariate statistics. 6th ed. Harlow: Pearson Education, 2012. 983 p.
12. Bjudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 № 145-FZ. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (data obrashhenija: 08.02.2019).
13. *Bojko N.N., Kanzafarova N.F., Sharipova A.R.* Princip samostojatel'nosti mestnyh bjudzhetov // Jekonomika i socium. 2017. № 1 (32). P. 217–219. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://iupr.ru/domains_data/files/zurnal_32/Boyko_%20N.N._%202009.pdf (data obrashhenija: 08.02.2019).
14. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993). [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashhenija: 08.02.2019).
15. Informacija o rezul'tatah provedenija monitoringa ispolnenija mestnyh bjudzhetov i mezhhjudzhetnyh otnoshenij v sub#ektah Rossijskoj Federacii na regional'nom i municipal'nom urovnjah za 2017 god c oficial'nogo sajta Minfina Rossii. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/ (data obrashhenija: 08.02.2019).
16. Informacija i spravochnye materialy po ispolneniju oblastnogo bjudzheta i konsolidirovannogo bjudzheta Tomskoj oblasti s oficial'nogo sajta Departamenta finansov Tomskoj oblasti. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://budget.findep.org/otchet-ob-ispolnenii-oblastnogo-budjeta.html> (data obrashhenija: 08.02.2019).
17. Postanovlenie Zakonodatel'noj Dumy Tomskoj oblasti ot 26.03.2015 №2580 «Ob utverzhdenii Strategii social'no-jekonomicheskogo razvitija Tomskoj oblasti do 2030 goda». [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467920053> (data obrashhenija: 08.02.2019).
18. Ukaz Prezidenta RF ot 16.01.2017 № 13 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki regional'nogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda». [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/ (data obrashhenija: 08.02.2019).
19. Seltman H.J. Experimental Design and Analysis, 2018. 414 p. URL: <http://www.stat.cmu.edu/~hseltman/309/Book/Book.pdf> (data obrashhenija: 08.02.2019).

УДК 336

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДИК ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ВЕРОЯТНОСТИ И ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА ОРГАНИЗАЦИИ

Васильева Н.С.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: vasilekns@mail.ru

Приводится обзор методик выявления признаков преднамеренного банкротства организации, выдвигается и доказывается гипотеза о том, что существующие методики выявления признаков преднамеренного банкротства организации не позволяют устанавливать и статистически оценивать признаки преднамеренного банкротства организации, приводятся информационные ограничения реализации методик выявления признаков преднамеренного банкротства, связанные с объемом, координацией и содержанием передаваемой информации.

Ключевые слова: признаки преднамеренного банкротства организации, методики выявления признаков преднамеренного банкротства организации, информационные ограничения реализации методик выявления признаков преднамеренного банкротства.

STUDY OF THE METHODS OF BANKRUPTCY PREDICTION AND REVELATION OF THE SIGNS OF DELIBERATE BUSINESS BANKRUPTCY

Vasilyeva N.S.

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: vasilekns@mail.ru

A summary of the methods of revelation of the signs of deliberate business bankruptcy was presented. A hypothesis was put forward and proved that the existing methods of revelation of the signs of deliberate business bankruptcy don't make it possible to establish or make statistical assessment of the signs of deliberate business bankruptcy. Informational constraints of the implementation of the methods of revelation of the signs of deliberate bankruptcy related to volume, coordination and content of the communicated information are given.

Keywords: signs of deliberate business bankruptcy, methods of revelation of the signs of deliberate business bankruptcy, informational constraints of the implementation of the methods of revelation of the signs of deliberate bankruptcy.

Актуальность и постановка проблемы. В настоящее время в условиях нестабильности мирового экономического рынка состояние экономики России характеризуется рядом негативных явлений и процессов. Особенностью современной российской экономики является все большее распространение преднамеренных банкротств организаций. В соответствии со статистикой Высшего Арбитражного Суда РФ и сайта Министерства внутренних дел РФ институт банкротства все чаще используется недобросовестными лицами в целях получения незаконного обогащения, в результате чего наносится ущерб добросовестным кредиторам.

В этой связи особо актуальным является вопрос предупреждения и раскрытия преднамеренных банкротств организаций на основе диагностики признаков и прогнозирования вероятности преднамеренного банкротства организации. Однако, по мнению большинства исследователей, в настоящее время отсутствует подробная и качественная методика выявления признаков и прогнозирования преднамеренного банкротства. Действующие официальные методики не соответствуют экономической действительности и практическим потребностям стейкхолдеров.

Обзор литературы. Результаты исследования ряда нормативно-правовых источников по вопросу выявления признаков преднамеренного банкротства организации позволили сделать следующие выводы.

В рамках судебной процедуры банкротства организации выявление признаков преднамеренного банкротства осуществляется на основе только официальных методик (табл. 1).

Таблица 1

Нормативно-правовые документы, описывающие основы выявления признаков преднамеренного банкротства организации

Период	Перечень документов
До 2002 г.	Приказ ФСФО РФ от 23.01.2001 № 16 «Об утверждении “Методических указаний по проведению анализа финансового состояния организаций”»
2002–2004 гг.	Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 28.12.2013 № 419-ФЗ) «О несостоятельности (банкротстве)» Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа (утв. постановлением Правительства РФ от 25.06.2003 № 367) Постановление Правительства РФ от 22.05.2003 № 299 «Об утверждении Общих правил подготовки отчетов (заключений) арбитражного управляющего» Приказ Минюста РФ от 14.08.2003 № 195 «Об утверждении типовых форм отчетов (заключений) арбитражного управляющего»
С 2004 г.	Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства (утв. постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 855) Положение о порядке предъявления требований по обязательствам перед Российской Федерацией в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве (утв. постановлением Правительства РФ от 29.05.2004 № 257 (с учетом изм. и доп. в ред. постановления Правительства РФ от 05.05.2012 № 468))
Современный этап	Приказ Минэкономразвития РФ от 05.02.2009 № 35 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению финансово-экономической экспертизы, назначенной в ходе предварительного следствия, судебного разбирательства уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного статьей 196 УК РФ, и Методических рекомендаций для специалистов, привлекаемых к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, при проверке следователем сообщения о преступлении, предусмотренном статьей 196 УК РФ» Приказ МВД РФ от 29.06.2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» Федеральный стандарт по финансовому анализу, проводимому арбитражными управляющими в рамках процедур в деле о банкротстве Федеральный стандарт деятельности арбитражного управляющего по выявлению признаков преднамеренного и фиктивного банкротства отчетности о результатах такой деятельности

Правовым основанием для выявления признаков преднамеренного банкротства до 2002 г. был Приказ ФСФО РФ от 23.01.2001 № 16 «Об утверждении “Методических указаний по проведению анализа финансового состояния организаций”».

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 70) внес изменения в основу анализа финансового состояния должника. Цели, принципы, условия проведения анализа содержались в Правилах проведения арбитражным управляющим финансового анализа.

Выявление признаков преднамеренного банкротства с 2004 г. базировалось на Временных правилах проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства.

На современном этапе наблюдается дальнейшее совершенствование системы регулирования профессиональной деятельности арбитражных управляющих, включая возможности осуществления финансового анализа при банкротстве, что позволит оптимизировать методику выявления фактов криминального банкротства.

Так, в соответствии с Федеральным законом № 296 «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”» Национальное объединение саморегулируемых организаций арбитражных управляющих вправе разрабатывать Федеральные стандарты, в том числе в части анализа финансового состояния должника, а именно Федеральный стандарт по финансовому анализу, проводимому арбитражными управляющими в рамках процедур в деле о банкротстве, Федеральный стандарт деятельности арбитражного управляющего по выявлению признаков преднамеренного и фиктивного банкротства отчетности о результатах такой деятельности.

Непосредственно признаки преднамеренного банкротства организации из нормативно-правовых документов определены только во Временных правилах проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 855.

В соответствии с Временными правилами выявление признаков преднамеренного банкротства осуществляется в два этапа. На первом этапе анализируются значения и динамика изменения коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника, рассчитанных за исследуемый период:

- коэффициент абсолютной ликвидности – отношение наиболее ликвидных активов к текущим обязательствам должника;
- коэффициент текущей ликвидности – отношение ликвидных активов к текущим обязательствам должника;
- показатель обеспеченности обязательств должника его активами – отношение суммы ликвидных и скорректированных внеоборотных активов к обязательствам должника;
- степень платежеспособности по текущим обязательствам – отношение текущих обязательств должника к величине среднемесячной выручки.

В случае установления на первом этапе существенного ухудшения значений двух и более коэффициентов проводится второй этап выявления признаков преднамеренного банкротства должника. Под существенным

ухудшением значений коэффициентов понимается такое снижение их значений за какой-либо кварталный период, при котором темп их снижения превышает средний темп снижения значений данных показателей в исследуемый период. На втором этапе анализируются сделки должника и действия органов его управления, осуществленных в том периоде, когда было выявлено существенное ухудшение значений коэффициентов.

Анализ сделок должника проводится по двум направлениям:

– юридическая диагностика: установление соответствия сделок и действий (бездействия) органов управления должника законодательству РФ и обычаям делового оборота;

– финансовая диагностика: выявление сделок, которые заключены или исполнены в соответствии с условиями, не соответствующими рыночным условиям, послужившими причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности, причинившими реальный ущерб должнику в денежной форме.

К подобным сделкам относятся:

– сделки по отчуждению имущества должника, не являющиеся сделками купли-продажи, направленные на замещение имущества должника менее ликвидным;

– сделки купли-продажи имущества должника, заключенные на заведомо невыгодных для него условиях, а также распространяющиеся на имущество, без которого невозможна основная деятельность должника;

– сделки, связанные с возникновением обязательств должника, не обеспеченные имуществом, а также влекущие за собой приобретение неликвидного имущества;

– сделки по замене одних обязательств другими, заключенные на заведомо невыгодных условиях, касающиеся, в частности, цены имущества, работ и услуг, вида и срока платежа по сделке.

Результаты исследования специальной литературы по вопросу выявления признаков преднамеренного банкротства организации позволили сделать следующие выводы.

В периодических изданиях признаки преднамеренного банкротства организации авторы раскрывают в большей степени на основе обобщения своего собственного опыта работы в области выявления преднамеренного банкротства организаций (табл. 2).

Анализ статей, посвященных методическим основам выявления признаков преднамеренного банкротства организаций, позволил разделить их на три группы:

– статьи, в которых представлено изложение официальной методики, описанной во Временных правилах проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 [9, 12, 14, 15, 17, 21, 37];

– статьи, в которых критикуется официальная методика, описанная во Временных правилах проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 [2, 4, 6–8, 11, 15, 16, 27–29, 31];

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
34. Несоответствие между ответственностью кредитора перед судом в соблюдении установленной судом последовательности в получении удовлетворения и предпочтением судом данного займодавца в ущерб другим займодавцам фактическим принятием удовлетворения в денежном или товарном эквиваленте				+								+		
35. Сочетание очевидного кризисного финансового состояния и совершения разорительных сделок						+								
36. Создаются условия для банкротства (скупка акций, долей) + разорительные сделки + после признания предприятия банкротом оставшееся имущество переходит в собственность кредиторов, которые создают новую организацию, ее собственник – прежний руководитель						+								
37. Проникновение в органы управления потерпевшей организации, после чего руководитель начинает действовать в интересах сторонней организации														
38. Неправомерность действий							+							
39. Скрытый, негласный характер денежных операций							+							
40. Выявляется наличие в исследуемом периоде сделок, повлекших возникновение или увеличение неплатежеспособности юридического лица								+						
41. Несоответствие сделок нормам законодательства, рыночным условиям, обычаям делового оборота									+					
42. Сделка, совершенная с аффилированным лицом									+				+	
43. Экономическая эффективность сделки									+					
44. Факты ухудшения платежеспособности										+				

– статьи, в которых авторы предлагают авторский подход к выявлению признаков преднамеренного банкротства организаций [26, 30, 38] (табл. 3).

Результаты исследования как нормативно-правовых источников, так и специальной литературы по вопросу прогнозирования вероятности преднамеренного банкротства организации позволили сделать следующие выводы.

Как в нормативно-правовых источниках, так и в специальной литературе раскрываются исключительно основы выявления признаков преднамеренного банкротства по факту наступления банкротства организации.

Как в нормативно-правовых источниках, так и в специальной литературе отсутствуют какие-либо разработки в области методических основ прогнозирования вероятности преднамеренного банкротства организации.

Описание методического подхода. Исследование существующих методик выявления признаков преднамеренного банкротства организации будем основывать на таких методах научного познания, как:

– метод анализа, позволяющий разложить методики выявления признаков преднамеренного банкротства организации на составные части;

– метод сравнения, позволяющий установить сходство и различие существующих методик выявления признаков преднамеренного банкротства организации по выделенным составным частям;

– метод синтеза, позволяющий сформулировать общий вывод по результатам анализа и сравнения методик выявления признаков преднамеренного банкротства организации по выделенным составным частям.

Выдвижение гипотезы. Существующие методики выявления признаков преднамеренного банкротства организации не позволяют устанавливать и статистически оценивать признаки преднамеренного банкротства организации.

Проверка гипотезы и обсуждение результатов. Для проверки гипотезы был проведен сравнительный анализ существующих методик выявления признаков преднамеренного банкротства организации (табл. 4).

Основываясь на исследовании М.А. Алексеева об информационном пространстве финансового рынка, по результатам сравнительного анализа методик был сделан вывод о том, что выявление признаков преднамеренного банкротства организации осуществляется в условиях информационных ограничений, связанных с объемом, координацией и содержанием передаваемой информации [1].

Раскроем информационные ограничения выявления признаков преднамеренного банкротства организаций, связанные с координацией и содержанием передаваемой информации.

Признаки преднамеренного банкротства организации, закрепленные во Временных правилах, сформулированы в общем виде, без конкретизации, уточнения. В периодических изданиях данная проблема решена, и признаки преднамеренного банкротства организации конкретизированы и детализированы достаточно широко, перечисляются авторами статей в большом количестве. Однако практически отсутствуют какие-либо классификации признаков преднамеренного банкротства организации. В основном все авторы исходят из позиции разделения признаков преднамеренного банкротства на группы в соответствии с Временными правилами. Немногочислен-

Обзор методик выявления признаков

Автор методики	Основные направления анализа	
	Анализ финансовых показателей	Анализ сделок
1	2	3
Е. Б. Ножкина, М. А. Сербиян, А. Е. Шкрябина	Коэффициенты платежеспособности Коэффициенты финансовой устойчивости	Основные условия поставок Снабженческо-сбытовая, ценовая политика Портфель заказов Участие в тендерах Правовые риски Транзакционные издержки Эффективность сделок Ранжирование заемщиков по степени аффилированности с кредитором Объективная оценка кредитоспособности Оценка рыночной стоимости предметов залога Выявление заемщиков, фактически не ведущих финансово-хозяйственной деятельности Сравнительный анализ сделок со сделками, заключенными в сопоставимых условиях
Р. Н. Морозумов, С. Е. Марков	Количественные показатели: отношение долговых обязательств к акционерному капиталу и к общей сумме активов; отношение движения денежных средств к общим обязательствам; рентабельность; отношение оборотного капитала к активам; величина собственного оборотного капитала; прибыль (от продажи, до налогообложения, чистая); объем продажи; цена акций, облигаций; отношение постоянных затрат к общим затратам и т.п. Качественные показатели: высокая степень конкуренции; отсутствие возможности погашения обязательств; некачественное управление; уровень риска; мошеннические действия; неспособность перестраивать производство в соответствии с запросами потребителей и т.п.	—
Н. А. Львова	Выявление признаков преднамеренного банкротства по финансовой отчетности анализируемого предприятия Углубленный анализ финансовой отчетности должника с применением структурно-динамического анализа и моделей устойчивого роста бизнеса, адаптированных к финансовой диагностике преднамеренного банкротства	Диагностика потенциальных финансовых схем преднамеренного банкротства должника, направленных на создание и аккумуляцию неоплатности Основана на принципе приоритета экономического содержания над юридическим: анализ сделок на предмет экономической целесообразности и в контексте потенциальных способов создания и аккумуляции сверхзадолженности Классификация финансовых схем, обобщение и систематизация соответствующих признаков
А. И. Леонов	—	Анализ сделок должника

Таблица 3

преднамеренного банкротства организаций

Дополнительные направления анализа	Нормативные значения
4	5
<ol style="list-style-type: none"> 1. Основной блок: анализ действий органов управления должника 2. Специальный блок: анализ активов и пассивов, агрегированного баланса, инвестиционной деятельности, деловой активности, положения должника на товарном и иных рынках, ценных бумаг, внешней и внутренней среды 3. Анализ денежных потоков 4. Прогнозирование преднамеренного банкротства 	–
<ol style="list-style-type: none"> 1. Ознакомление с объектами исследования, анализ их достаточности для разрешения поставленных вопросов и дачи заключения 2. Определение методов, способов, показателей исследования 3. Определение экономического содержания хозяйственных операций, имущества и обязательств, сведения о которых содержатся в представленных материалах 4. Определение в пределах компетенции эксперта обязанностей исследуемых лиц по выполнению положений законодательства и установление их фактического выполнения 5. Анализ и обобщение полученных результатов и формулирование выводов 	–
<p>Предварительный этап финансовой диагностики – формулируется вывод о характере изменений финансового состояния должника в контексте условий его функционирования: выявление значимых условий деятельности должника, анализ внешних (общеэкономические, региональные, отраслевые) и внутренних (организационные, операционные, финансовые) условий деятельности, предварительные выводы о характере изменений финансового состояния предприятия</p>	<p>Сопоставление показателей финансового состояния предприятия со среднеотраслевыми показателями (другими сопоставимыми показателями), выявив наличие (отсутствие) значимых различий в уровне и динамике исследуемых показателей</p>
<p>Судебно-бухгалтерская экспертиза Предварительное исследование документов Документальная ревизия Аудит</p>	–

1	2	3
А.А. Барбыткин	<p>Темп роста объема производства, коэффициент технической готовности производственных мощностей (подвижного состава), коэффициент использования исправных производственных мощностей или выпуска подвижного состава, коэффициент обновления производственных фондов, индекс обновления производственных мощностей (подвижного состава), возраст судов, коэффициент использования производственных мощностей, индекс использования подвижного состава, коэффициент технической готовности строящихся производственных мощностей, коэффициент наличия квалифицированного персонала, коэффициент текучести персонала, коэффициент текучести квалифицированного персонала, индекс роста производительности труда, индекс роста фонда оплаты труда, индекс роста текущих затрат, отношение индекса роста объема производства к индексу роста текущих затрат, отношение индекса роста фонда оплаты труда к индексу роста объема производства, индекс роста прибыли от основной эксплуатационной деятельности, отношение индекса роста прибыли к индексу роста объема работ и услуг</p>	–
М.В. Рукимов	<p>Первый этап – выбор системы показателей для оценки финансового состояния предприятия и прогнозирования уровня банкротства</p> <p>Выбор экспертом показателей, наилучшим образом характеризующих отдельные стороны деятельности предприятия и при этом образующих некоторую законченную совокупность</p> <p>коэффициент автономии коэффициент обеспеченности оборотных активов собственными средствами коэффициент абсолютной ликвидности коэффициент текущей ликвидности ряд косвенных показателей (показатели обеспеченности обязательств активами, оборотными активами, показатель величины чистых активов, дебиторская задолженность, передача имущества в счет погашения задолженности, где размер требований кредитора существенно превышен по сравнению с основной суммой долга, передача имущества в залог, когда стоимость залога существенно превышает обязательство, продажа имущества по заниженной цене, выкуп собственных акций, безвозмездная передача имущества, фальсификация документов)</p>	–

Продолжение табл. 3

4	5
<p>1. Анализ внешней среды (внешних рынков)</p> <p>2. Анализ внутренних условий деятельности (экономическая политика и организационно-производственной структура)</p> <p>3. Анализ рынков (определение степени надежности контрагентов; определение потенциальных контрагентов; сравнительный анализ условий сотрудничества; анализ конкурентов и их потенциала; оценка возможностей предприятия в исследуемый период)</p> <p>4. Оценка бизнеса и инвестиций (анализ бизнес-плана; планируемых мероприятий инвестиционного проекта и их стоимости; определение потребности в инвестициях; оценка бизнеса; денежных потоков бизнес-плана)</p> <p>5. Оценка стоимости недвижимого имущества, основных средств и сделок с ними (определение степени надежности контрагентов; определение потенциальных контрагентов; сравнительный анализ условий сотрудничества; анализ конкурентов и их потенциала; оценка возможностей предприятия в исследуемый период)</p>	<p>Нормативные значения предложены по ряду показателей</p> <p>Экспертная оценка значений показателей</p>
<p>Второй этап – определение системы весов показателей в оценке</p> <p>Сопоставление каждому показателю уровня его значимости</p> <p>Третий этап – распознавание уровней показателей</p> <p>Присвоение качественных характеристик показателям</p> <p>Четвертый этап – построение комплексного финансового показателя</p> <p>Двойная свертка данных</p> <p>Пятый этап – заключение об уровне финансового состояния предприятия и риске банкротства</p> <p>Эти этапы реализуются для отдельно взятого предприятия</p>	<p>–</p>

1	2	3
Л.С. Гринкевич, Н.Г. Набева	<p>Второй этап – расчет показателей на основании бухгалтерской и иной отчетности, характеризующих изменения в обеспеченности обязательств предприятия-должника перед кредиторами, что позволяет определить существенность влияния конкретных сделок на финансовое состояние предприятия:</p> <ul style="list-style-type: none"> обеспеченность обязательств должника всеми его активами обеспеченность обязательств должника его оборотными активами – коэффициент автономии величина чистых активов организации (наличие активов, не обремененных обязательствами) коэффициент основных средств (отношение остаточной стоимости основных средств к сумме кредиторской задолженности) коэффициент отношения бюджетной задолженности перед налоговыми органами и внебюджетными фондами к кредиторской задолженности коэффициент превышения задолженности (соотношение кредиторской и дебиторской задолженности) 	<p>На третьем этапе анализируются сделки должника, которые могли стать причиной негативной динамики показателей. Деятельность руководителей и собственников по экономическому содержанию совершаемых операций можно подразделить на:</p> <ul style="list-style-type: none"> экономически целесообразную для выхода из кризисной ситуации экономически нецелесообразную, направленную на вывод активов без адекватного уменьшения кредиторской задолженности <p>Как показывает правоприменительная практика, для установления фиктивных сделок необходимо проанализировать:</p> <ul style="list-style-type: none"> наиболее крупные сделки по выводу активов (какие юридические или физические лица получили экономический эффект от их вывода) обоснованность списания дебиторской задолженности, сумм недостач при инвентаризации перечисление крупных сумм денежных средств в адрес фирм-однодневок и др. <p>По результатам такого анализа делается вывод о наличии признаков преднамеренного банкротства и устанавливается его цель: смена собственника имущества, уклонение от выполнения долговых обязательств либо хищение денежных средств</p>
И.В. Вержбицкая	Анализ финансовых показателей	<p>Анализ сделок и операций</p> <p>Установление круга лиц, причастных к совершению недобросовестных схем, либо заинтересованных в их совершении и обеспечивших реализацию подобных схем третьими лицами, посредством моделирования недобросовестных схем деяний (бездействий)</p> <p>Сравнение параметров смоделированных схем с имеющимися документами</p>
А. Павлисов	Первый этап – оценка финансового состояния организации, которое было накануне совершения разорительных сделок	–
П.В. Мальшкин	–	–

Продолжение табл. 3

4	5
<p>Первый этап – анализ ситуации в целом</p> <p>Устанавливается наличие банкротного иммунитета, т.е. способности предприятия преодолевать последствия действий, предпринимаемых недобросовестными руководителями или собственниками против интересов кредиторов и (или) влияющих на погашение кредиторской задолженности: выявление признаков банкротства</p> <p>Четвертый этап – баланс моделируется способом редукции: преобразование данных, понятий и доказательств к чему-то более простому и легче поддающемуся точному анализу. Моделирование баланса позволяет определить влияние конкретной сделки на показатели деятельности предприятия. В показатели бухгалтерского баланса вносят изменения, возникающие в результате отмены рассматриваемой сделки; рассчитывают коэффициенты, характеризующие изменения в обеспеченности обязательств должника по данным измененного баланса; исчисляют коэффициенты (этап 2), в расчете которых участвуют измененные статьи баланса. Полученные величины сравнивают со значением коэффициентов, рассчитанных по данным баланса, представленного налогоплательщиком в ИФНС. Величины отклонений в расчетных показателях свидетельствуют о том, как изменилась бы для предприятия возможность погасить кредиторскую задолженность, если бы сделка была направлена на благие цели в интересах предприятия и кредиторов</p>	<p>При резком уменьшении доли имущества, используемого в основной деятельности – подозрение на вывод активов; возникает необходимость анализа сделок по реализации имущества в период уменьшения показателя, установления способа и цели вывода имущества</p> <p>Если доля задолженности по обязательным платежам в бюджет в общем объеме кредиторской задолженности возрастает на протяжении нескольких лет до введения процедур банкротства, а задолженность перед другими кредиторами уменьшается, – уклонение от уплаты налогов, сокрытие ликвидного имущества и денежных средств от принудительного взыскания</p>
–	–
<p>Второй этап – оценка приемов захвата власти в органах управления и роль сторонних организаций в приобретении и последующем соединении имущества разоренного предприятия</p> <p>Третий этап – выявление инициаторов преднамеренного банкротства и приемов их проникновения в конкурирующую организацию</p>	–
<ol style="list-style-type: none"> 1. Соответствует ли состояние баланса фактическому положению дел 2. Своевременно ли и в полном ли объеме проводились инвентаризации 3. В соответствии нормативным актам составлены ли первичные документы 4. Правильность движения денежных средств (приход-расход) через кассу предприятия (соблюдение или несоблюдение инструкции по ведению кассовых операций) 5. Порядок закрепления материально-ответственных лиц 	–

1	2	3
Е.Н. Сочнева, В.Т. Шадаева	Просмотр показателей, которые указывают на изменения в обеспеченности обязательств должника перед кредиторами	Анализ условий проведения сделок должника за данный промежуток времени, которые изменили показатели обеспеченности обязательств должника перед его кредиторами
Д.М. Пименов	В оценке влияния отдельных операций факторный анализ «методом изолированного влияния факторов», основанного на методе абстрагирования от влияния на показатели бухгалтерской отчетности всех операций, имеющих свое отражение в ней, за исключением определенных операций, связанных с исполнением изучаемых сделок. В определенные строки базовой бухгалтерской отчетности, составленной на ближайшую отчетную дату до совершения исследуемой финансово-хозяйственной операции, вносятся ее стоимостные характеристики, рассчитываются коэффициенты платежеспособности должника на основании данных полученной бухгалтерской отчетности и сравниваются с их базовыми величинами, рассчитанными по данным базовой бухгалтерской отчетности организации	В процессе анализа аудиторами или правоохранительными органами сделок коммерческой организации-должника должно определяться соответствие сделок и действий (бездействия) руководства должника законодательству Российской Федерации, а также осуществляться выявление сделок, заключенных или исполненных на условиях, не соответствующих рыночным условиям (послужившие причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности и причинившие реальный ущерб должнику в денежной форме)
А.А. Островская	Первый этап – финансовая диагностика Выявление финансовых признаков преднамеренного банкротства на основе анализа финансовой отчетности должника и финансового механизма преднамеренного банкротства. Цель – выявление наличия связи между действиями лиц, которые имеют право давать обязательные для должника указания, иным способом определять его действия, могут влиять на его деятельность, и изменением финансового положения должника	Второй этап – финансовая диагностика. Диагностика финансового механизма преднамеренного банкротства – выявление финансовой схемы преднамеренного банкротства. Важно, чтобы сделки рассматривались не изолированно, а в совокупности; и значение уделялось не правовой форме, а их экономическому содержанию

ные авторы приводят свои классификации признаков преднамеренного банкротства организаций. Так, например, И.В. Вержбицкая выделяет три группы признаков преднамеренного банкротства организации [6, 7]:

- операции с низким уровнем риска банкротства предприятия (внутреннее движение каких-либо активов внутри организации, их превращение из одной формы в другую);
- операции со средним уровнем риска банкротства предприятия (операции, формирующие отдельные расчетные показатели);
- операции с высоким уровнем риска банкротства предприятия (операции, результатом которых является возникновение обязательств, операции по их погашению).

Окончание табл. 3

4	5
6. Порядок отпуска со склада и принятия на склад товарно-материальных ценностей 7. Размер убытка от неправомερных действий 8. Другие обстоятельства, имеющие значение для установления истины по уголовному делу	
Первостепенные проверочные действия по формированию исходных данных для анализа: направлены на поиск подделки документов	Существенный упадок показателей обеспеченности обязательств
Аудиторский анализ с целью оценки полноты и достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности, соответствия хозяйственных операций и их отражения в бухгалтерском учете требованиям законодательства, обозначения степени их влияния на финансовое состояние коммерческих организаций Аудиторам и экспертам-экономистам правоохранительных органов необходимо анализировать отдельные факты хозяйственной деятельности и предпосылки к их совершению, их действительный экономический смысл	–
Второй этап – юридическая диагностика	–

Н.А. Львова, А.А. Островская на основе принципа неоплатности разделяют признаки преднамеренного банкротства организации на две группы [22–24, 31]:

- группа признаков, сформированная в координатах балансовой модели при допущении о максимизации отрицательного значения чистых активов;
- группа признаков, сформированная в контексте отчета о финансовых результатах при допущении о максимизации убытка.

Методика выявления признаков преднамеренного банкротства организации, описанная во Временных правилах, характеризуется детерминизмом, что обусловлено закрытым перечнем показателей, а также длительным периодом существования без изменений. Во Временных правилах закреплён

Таблица 4

Сравнительная характеристика методик выявления признаков преднамеренного банкротства организации

Источник методики	Классификация признаков преднамеренного банкротства организации	Возможность изменения состава показателей финансового состояния организации	Динамика показателей финансового состояния организации за период	Нормативные значения показателей финансового состояния организации	Методические основы анализа сделок должника	Методические основы обобщения результатов анализа	Использование статистических методов в выявлении признаков преднамеренного банкротства
Временные правила	+	-	+	-	-	-	-
Е.Б. Ножкина, М.А. Сербия, А.Е. Шкрябина	-	-	-	-	+	-	-
Р.Н. Мородумов, С.Е. Марков	-	+	-	-	-	-	-
Н.А. Львова	+	+	-	+	-	-	-
А.И. Леонов	-	-	-	-	-	-	-
А.А. Барбыткин	-	-	-	+	-	-	-
М.В. Рукимов	-	+	-	-	-	+	-
Л.С. Гринкевич, Н.Г. Набева	-	-	+	-	+	-	-
И.В. Вержбицкая	-	-	-	-	+	-	-
А. Павлисов	-	+	-	-	-	-	-
П.В. Мальшккин	-	-	-	-	-	-	-
Е.Н. Сочнева, В.Т. Шадаева	-	+	+	-	-	-	-
Д.М. Пименов	-	-	-	-	+	-	-
А.А. Островская	+	+	-	-	-	-	-

перечень из четырех финансовых коэффициентов. Временные правила были утверждены постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 и применяются по настоящее время. Следует также отметить простоту расчета коэффициентов анализа финансового состояния организации.

Детерминизм и простота методики анализа финансового состояния организации в соответствии с Временными правилами обеспечивают возможность организациям приспосабливаться к сложившимся условиям осуществления экономической деятельности и для достижения определенных целей манипулировать финансовыми коэффициентами методики выявления признаков преднамеренного банкротства. Как следствие методика анализа финансового состояния организации, описанная во Временных правилах, теряет свою способность выявления признаков преднамеренного банкротства организации и дает недостоверные результаты.

В соответствии с Временными правилами судить о признаках преднамеренного банкротства следует исходя из динамики четырех финансовых коэффициентов: абсолютной ликвидности, текущей ликвидности, обеспеченность обязательств должника его активами, степень платежеспособности по текущим обязательствам. Однако, по мнению М.В. Альгиной и Н.В. Кобозевой, основанному на результатах эмпирических исследований, только второй и третий из этих показателей репрезентируют динамику финансового состояния должника [2]. Так, абсолютная ликвидность любой неплатежеспособной организации исторически отсутствует (за исключением случаев фиктивного банкротства), а отличные от бесконечно малых значения показателя являются частными случаями.

В соответствии с Временными правилами моментальное и стремительное ухудшение двух или более аналитических коэффициентов свидетельствует о существовании признаков преднамеренного банкротства организации. Однако, по мнению Р.Н. Власенко, М.В. Альгиной и Н.В. Кобозевой, Н.Г. Набеевой, В.С. Замураева и А.В. Потапчук, моментальное и стремительное ухудшение двух или более коэффициентов может иметь место как при совершении умышленных действий, направленных на преднамеренность банкротства, так и при непреднамеренном банкротстве в результате неэффективной хозяйственной деятельности, при возникновении форс-мажорных обстоятельств (например, мирового финансового кризиса) [2, 8, 11, 27–29]. В свою очередь, постепенное и планомерное ухудшение финансовых показателей может быть следствием умышленных длительных действий руководства предприятия либо лиц, заинтересованных в получении бизнеса. Как отмечают в своих работах Л.С. Гринкевич и Н.Г. Набеева: «Подобная ситуация может быть результатом анализа показателей бухгалтерской отчетности, которая содержит искаженную учетную информацию либо результатом заранее продуманного менеджмента, направленного на ухудшение платежеспособности предприятия» [10, с.181]. Кроме того, по результатам эмпирических исследований этих же авторов установлен факт зависимости степени платежеспособности по текущим обязательствам от колебаний выручки. Это, во-первых, вносит значительную колеблемость, влияющую на «средний темп снижения», а во-вторых, не означает наличие признаков преднамеренного банкротства организации, так как колебания

выручки, в свою очередь, могут зависеть от конъюнктуры рынка, а не от умышленных действий собственников/руководства организации.

В соответствии с Временными правилами выявления признаков преднамеренного банкротства анализ сделок организации проводится в периоды существенного ухудшения финансовых показателей. Однако, как считают Л.С. Гринкевич и Н.Г. Набеева, отдельные категории сделок могут приводить к ухудшению платежеспособности должника и в других периодах, в том числе после проведения и отражения результатов инвентаризации имущества и обязательств должника [10].

В работах Р.Н. Власенко, Н.Г. Набеевой, И.Г. Копьевой и В.О. Маркова, Г.В. Кальварского и Н.А. Львовой критикуется отсутствие в методике проведения финансового анализа во Временных правилах разъяснений по поводу рекомендуемых значений показателей платежеспособности с позиции возможности формулировки двусмысленных выводов о платежеспособности организации и, как следствие, учета чьих-либо интересов [8, 15, 16, 27–29]. Лишь один коэффициент – коэффициент текущей ликвидности – имеет нормативное значение. При этом нормативное значение показателя текущей ликвидности, взятое из мировой учетно-аналитической практики, неадекватно реальной ситуации на отечественных предприятиях, большинство из которых работает со значительным дефицитом собственных оборотных средств. В балансах большинства российских предприятий долгосрочные заемные источники либо полностью отсутствуют, либо их величина мала в сравнении с другими источниками и группами активов.

Исследователи критикуют отсутствие во Временных правилах четкой последовательности действий анализа сделок должника, отсутствие порядка анализа влияния конкретных сделок на платежеспособность организации [6, 7, 11, 27–29].

Исследователями ставится под сомнение группировка сделок организации с позиции признания их сделками, направленными на достижение преднамеренного банкротства организации. Так, по мнению И.В. Вержбицкой, проблемным звеном в доказательстве сделок по отчуждению имущества должника, не являющихся сделками купли-продажи, направленными на замещение имущества должника менее ликвидным имуществом, является подтверждение меньшей ликвидности имущества, полученного в обмен, так как отсутствует нормативно установленная методика такой оценки [6, 7]. В.С. Замураев и А.В. Потапчук отмечают: «Ликвидность имущества на момент совершения сделки может быть искажена некомпетентностью или недобросовестностью оценщика, или с течением времени ликвидность может измениться под влиянием внешних факторов» [11, с. 102].

Основной акцент в доказывании факта сделок купли-продажи, осуществляемых с имуществом должника, заключенных на заведомо невыгодных для должника условиях, ставится на условия осуществления сделки на невыгодных для должника условиях. По мнению И.В. Вержбицкой, ставить знак равенства между такими сделками и признаками преднамеренного банкротства без рассмотрения варианта использования полученных от реализации денежных средств, который имел место быть, и без доказательства наличия возможности для реализации предмета сделки на более выгодных

условиях безусловно [6, 7]. В.С. Замураев и А.В. Потапчук отмечают: «... сделки на заведомо невыгодных для должника условиях не учитывают отсутствие иного варианта для должника покрыть краткосрочные обязательства, которые могли быть на момент совершения сделки. Более того, отсутствие законодательно установленных нормативов для каждого показателя не позволяет учитывать специфику отрасли, что, по сути, уравнивает предприятия, для которых оборачиваемость, рентабельность, ликвидность в разных отраслях могут существенно различаться» [11, с. 102].

В качестве признака преднамеренного банкротства организации во Временных правилах определены сделки, осуществляемые с имуществом, без которого невозможна основная деятельность должника. Однако, как отмечает И.В. Вержбицкая, если предприятие обречено на банкротство и деятельность его бесперспективна, то руководитель (или собственники) предприятия могли продать названное имущество в целях погашения имеющихся срочных обязательств [6, 7].

Неоднозначным является выделение группы сделок, связанных с возникновением обязательств должника, не обеспеченных имуществом, а также влекущих за собой приобретение неликвидного имущества [6, 7]. Первая ситуация при естественном гражданском обороте может возникнуть только в случае приобретения материалов, товаров, работ, услуг у поставщиков и подрядчиков при отсутствии возможности за них расплатиться. Как признаки преднамеренного банкротства такие факты могут рассматриваться в случае прекращения деятельности предприятия или нахождения предприятия на грани банкротства и по этой причине невозможности погасить обязательства в перспективе. Вторая ситуация может быть оправдана при получении неликвидного имущества от безнадёжных должников (дебиторов) предприятия. Однако здесь также возникает ранее описанная проблема с доказательством неликвидности имущества.

Сделки по замене одних обязательств другими, заключенные на заведомо невыгодных условиях, могут иметь место при заключении договора цессии (уступки права требования). Такого вида сделки тем не менее могут быть оправданы, если новый контрагент предложил более длительную отсрочку платежа даже при условии большей величины процента по коммерческому кредиту.

По мнению Р.Н. Власенко, во Временных правилах не поясняется, как обобщать результаты анализа, проведенного по большому массиву показателей. В случае получения противоречивых результатов невозможно будет дать однозначный вывод о платежеспособности организации и наличии признаков преднамеренного банкротства [8]. В аспекте этой же проблемы, в работах Н.Г. Набеевой, Г.В. Кальварского и Н.А. Львовой указывается на отсутствие в методике выявления признаков преднамеренного банкротства комплексного анализа ее деятельности [15, 27–29].

В отличие от официальной методики анализа, описанной во Временных правилах, где закреплён перечень четырех финансовых коэффициентов, в качестве положительных характеристик авторских методик анализа можно отметить предлагаемый большинством авторов открытый перечень финансовых показателей анализа. Так, например, в работе М.В. Рукимова

говорится о том, что на первом этапе осуществляется выбор системы показателей для оценки финансового состояния предприятия и прогнозирования уровня банкротства, наилучшим образом характеризующих отдельные стороны деятельности предприятия и при этом образующих некоторую законченную совокупность [36]. В работе Р.Н. Мородумова и С.Е. Маркова одним из этапов выявления признаков преднамеренного банкротства организаций является определение методов, способов, показателей исследования, приведенные перечисления количественных и качественных показателей завершаются «и т.п.» [26]. Ряд исследователей, например, Е.Б. Ножкина, М.А. Сербиян и А.Е. Шкрядина, Е.Н. Сочнева и В.Т. Шадаева и т.д. в своих работах не раскрывают перечень финансовых показателей, расчет которых необходим для выявления признаков преднамеренного банкротства организаций, с указанием лишь на основные направления анализа [30, 38]. Однако в качестве недостатка в данном аспекте анализа следует отметить отсутствие методических основ формирования совокупности необходимых для анализа показателей.

Немногие авторы в своих методиках выявления признаков преднамеренного банкротства организации дают комментарии по динамике финансовых показателей организации и их нормативным значениям. Так, о динамике финансовых показателей организации говорится в статьях Л.С. Гринкевич, Н.Г. Набеевой, Е.Н. Сочневой, В.Т. Шадаевой, Н.А. Львовой, предложено сопоставление показателей финансового состояния предприятия со среднеотраслевыми показателями (другими сопоставимыми показателями), выявив наличие (отсутствие) значимых различий в уровне и динамике исследуемых показателей [10, 22–24, 27–29, 38]. А.А. Барбыткиным нормативные значения предложены по некоторым показателям. По ряду показателей предложена экспертная оценка значений [4].

Группа авторов Е.Б. Ножкина, М.А. Сербиян и А.Е. Шкрядина раскрывают направления анализа сделок, а именно изучение основных условий договоров, снабженческо-сбытовой, ценовой политики, участия в тендерах, заемщиков по степени аффилированности с кредитором и т.п. [30]. Однако предложения авторов в большей степени являются рекомендательными, нежели методическими.

В авторских методиках выявления признаков преднамеренного банкротства организации, так же как и во Временных правилах, не поясняется обобщение результатов анализа, проведенного по большому массиву показателей, невозможно дать однозначный вывод о финансовом состоянии организации и наличии признаков преднамеренного банкротства. Единственным автором из всех исследованных, М.В. Рукимовым, предложена методика построения комплексного финансового показателя выявления признаков преднамеренного банкротства организаций [36].

В целом можно отметить, что авторские методики выявления признаков преднамеренного банкротства организаций в основном направлены на доработку узких мест официальной методики, описанной во Временных правилах, но в значительной степени не решают проблем применения официальной методики во Временных правилах, повторяют эти проблемы или расширяют их круг.

Таким образом, по результатам сравнительного анализа официальной методики во Временных правилах и авторских методик были определены следующие информационные ограничения выявления признаков преднамеренного банкротства организаций, связанные с координацией и содержанием передаваемой информации: отсутствие систематизации признаков преднамеренного банкротства, детерминизм анализируемых показателей, несоответствие реальным российским экономическим условиям либо отсутствие нормативных значений анализируемых показателей, отсутствие методических основ изучения сделок организации, невозможность обобщения результатов анализа.

Далее раскроем информационные ограничения выявления признаков преднамеренного банкротства организаций, связанные с объемом передаваемой информации.

Реализация методик выявления признаков преднамеренного банкротства организации ориентирована на полный доступ к бухгалтерским и управленческим источникам информации организации, в составе которых можно выделить закрытые (первичные документы, регистры бухгалтерского учета и т.п.) и открытые (бухгалтерская отчетность) источники информации. Доступ к закрытым бухгалтерским и управленческим источникам информации зачастую может быть ограниченным по следующим причинам.

1. Внешнее состояние стейкхолдера по отношению к организации.

2. Подделка, сокрытие или уничтожение документов бухгалтерского и управленческого учета. По мнению большинства исследователей, проверка организации на предмет наличия признаков преднамеренного банкротства организации осуществляется после того, как организация объявляет себя банкротом. К этому моменту времени первичная документация, как правило, уничтожается, и то, чем гарантированно может располагать проверяющий, – это бухгалтерская отчетность организации.

Исследование методик выявления признаков преднамеренного банкротства организации показало, что не все признаки преднамеренного банкротства организации, представленные в табл. 2, возможно выявить на основе бухгалтерской отчетности. Так, основываясь только на бухгалтерской отчетности, невозможно провести анализ сделок организации, предусмотренный Временными правилами. Однако именно анализ сделок организации, основанный на первичной бухгалтерской документации, направлен на доказательство умысла в действиях руководства и (или) собственников организации по достижению состояния банкротства, что является определяющим при выявлении признаков преднамеренного банкротства. В авторских методиках предложены пути решения этой проблемы. И.В. Вержбицкой предложено моделирование сделок организации и сравнение параметров смоделированных схем с имеющимися документами [6, 7]. В работе Д.М. Пименова говорится о моделировании бухгалтерской отчетности, основанном на методе абстрагирования от влияния на показатели бухгалтерской отчетности всех операций, имеющих свое отражение в ней, за исключением определенных операций, связанных с исполнением изучаемых сделок [35]. Моделирование баланса с использованием метода

редукции также предложено Л.С. Гринкевич и Н.Г. Набеевой. [10] Однако подход к выявлению признаков преднамеренного банкротства организации, основанный на моделировании сделок, бухгалтерской отчетности, характеризуется субъективизмом. Тем самым авторы практически не используют в своих методиках формализованные методы выявления признаков преднамеренного банкротства организации, в частности статистические методы. Формализованный подход к выявлению признаков преднамеренного банкротства сводится только к коэффициентному анализу.

Ряд признаков преднамеренного банкротства организации, представленных в табл. 2, нельзя считать признаками преднамеренного банкротства организации, так как невозможно доказать умысел в их возникновении на основе анализа только бухгалтерской отчетности. Так, например, рост кредиторской задолженности организации, выявленный на основе анализа динамики статей бухгалтерского баланса, не означает умышленного наращивания долгов организации перед своими контрагентами. Для доказательства преднамеренного увеличения обязательств (изменения иных финансовых показателей) руководством и (или) собственниками организации, помимо анализа бухгалтерской отчетности, необходимо изучение дополнительных открытых источников информации (учредительные документы, сайт организации, внешняя информация, связанная с деятельностью организации и т.п.). В авторских методиках выявления признаков преднамеренного банкротства предлагается изучение дополнительных открытых источников информации, но без четко определенных методических основ анализа.

Таким образом, по результатам сравнительного анализа официальной методики во Временных правилах и авторских методик было определено следующее информационное ограничение выявления признаков преднамеренного банкротства организаций, связанное с объемом передаваемой информации: недоступность для анализа закрытых бухгалтерских и управленческих источников информации организации.

Накладываемые информационные ограничения влияют на качество выявления признаков преднамеренного банкротства организаций и выводы по результатам соответствующего анализа. При обозначенных недостатках методик формализованный подход к выявлению признаков преднамеренного банкротства организации существенно затруднен или невозможен. Субъективный подход ставит под сомнение результаты выявления признаков преднамеренного банкротства организации.

Выдвинутая гипотеза о том, что существующие методики выявления признаков преднамеренного банкротства организации не позволяют устанавливать и статистически оценивать признаки преднамеренного банкротства организации, подтвердилась.

В результате проведенного исследования методик выявления признаков преднамеренного банкротства было доказано, что методики реализуются в условиях информационных ограничений, не позволяющих выявлять признаки преднамеренного банкротства организации.

Таким образом, необходима разработка нового подхода к выявлению признаков преднамеренного банкротства организаций.

Литература

1. *Алексеев М.А.* Информационное пространство финансового рынка: моногр. / Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. Новосибирск: НГУЭУ, 2017. 247 с.
2. *Альгина М.В., Кобозева Н.В.* Совершенствование системы показателей, характеризующих платежеспособность должника в целях определения признаков преднамеренного банкротства // Экономика устойчивого развития. 2015. № 2 (22). С. 13–20.
3. *Бабич А.Е.* Преднамеренное и фиктивное банкротство // Право и правопорядок: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов / под общ. ред. С.Е. Туркулец, Е.В. Листопадовой. Хабаровск, 2018. С. 88–91.
4. *Бырбыткин А.А.* Уточнение системы показателей и разработка алгоритма выявления признаков преднамеренного банкротства // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 2. С. 161–167.
5. *Бурмистров И.А., Рудницкий В.А.* Проблемы, возникающие при доказывании фактов преднамеренного банкротства предприятий // Актуальные проблемы уголовного права: Сборник статей / под ред. В.Ю. Голубовского. М., 2017. С. 26–32.
6. *Вержбицкая И.В.* Применение методов экономического анализа при выявлении признаков // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2012. № 17. С. 142–146.
7. *Вержбицкая И.В.* Методические особенности бухгалтерской экспертизы хозяйственных договоров при выявлении признаков преднамеренного и фиктивного банкротства // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7. № 3А. С. 238–249.
8. *Власенко Р.Н.* Правовые основы и методы выявления признаков фиктивного и преднамеренного банкротства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8 (57). С. 78–83.
9. *Воронов С.С.* Проблемы использования специальных экономических познаний при раскрытии и расследовании преднамеренных банкротств // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 12-1. С. 89–91.
10. *Гринкевич Л.С., Набеева Н.Г.* Методика диагностики преднамеренного банкротства путем моделирования баланса расчетно-редукционным способом // Сибирская финансовая школа. 2015. № 6 (113). С. 180–184.
11. *Замураев В.С., Потанчук А.В.* Недостатки судебной финансово-аналитической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 5. С. 101–104.
12. *Зотикова О.Н., Попова С.С., Ливадина С.П.* Методы диагностики фиктивного и преднамеренного банкротства на основе финансовой отчетности // Сервис в России и за рубежом. 2014. № 9 (56). С. 56–64.
13. *Зуй И.В.* Ответственность за преднамеренное банкротство в российском законодательстве // Евразийская адвокатура. 2017. № 4 (29). С. 101–103.
14. *Каверина Э.Ю., Пережогина М.В.* Борьба с преднамеренным банкротством как фактор обеспечения экономической безопасности // Электронный научный журнал. 2017. № 4-2 (19). С. 264–271.
15. *Кальварский Г.В., Львова Н.Д.* Финансовая диагностика преднамеренного банкротства // Эффективное антикризисное управление. 2013. № 4 (79). С. 50–59.
16. *Копьёв И.Г., Марков В.О.* Проблемы обоснования фактов преднамеренного банкротства предприятий // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. 2017. С. 123–126.
17. *Круглова С.В.* Классификация признаков преднамеренного банкротства коммерческих организаций // Актуальные научные исследования: экономика, управление, инновации, инвестиции, финансы: сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. / АНО содействия развитию современной отечественной науки. М.: ИД «Научное обозрение», 2014. С. 90–97.

18. *Леонов А.И.* Использование органами внутренних дел экономической информации при выявлении преднамеренных банкротств // Экономика, право, образование: региональный аспект: сб. науч. тр. IX межвуз. науч.-практ. конф. Нижний Новгород, 2015. С. 288–292.
19. *Леонов А.И., Соловьев О.Д.* Использование экономической информации при выявлении преднамеренных банкротств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 134–137.
20. *Лозовский Д.Н.* Некоторые аспекты возбуждения уголовных дел о преступлениях, связанных с преднамеренным банкротством // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2014. С. 132–135.
21. *Лозовский Д.Н., Фидельский С.В.* К вопросу об особенностях возбуждения уголовных дел о преступлениях, связанных с преднамеренным банкротством // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4 (130). С. 208–211.
22. *Львова Н.А.* Преднамеренное банкротство: экономическое содержание и финансовый механизм // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2006. № 3. С. 90–100.
23. *Львова Н.А.* Преднамеренное банкротство российских предприятий: институциональные предпосылки и финансовые признаки // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2016. № 4. С. 98–105.
24. *Львова Н.А.* Финансовая диагностика преднамеренного банкротства предприятий: содержание и потенциал развития // Вызовы и возможности финансового обеспечения стабильного экономического роста (ФИНАНСЫ-2017): мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.: сб. науч. тр. / ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». Севастополь, 2017. С. 246–252.
25. *Мальшикин П.В.* Методологические особенности организации расследования фиктивных или преднамеренных банкротств // Мир науки и образования. 2016. № 1 (5). С. 15.
26. *Мордудумов Р.Н., Марков С.Е.* Проведение экономической экспертизы при расследовании преднамеренных банкротств // Личность, право, государство. 2017. № 4. С. 140–151.
27. *Набеева Н.Г.* Преднамеренные банкротства: стадии, способы реализации // Новая наука: От идеи к результату. 2015. № 2. С. 137–142.
28. *Набеева Н.Г.* Проблемные вопросы диагностики преднамеренного банкротства предприятий // Экономическая безопасность России и стратегии развития ее регионов в современных условиях: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2015. С. 132–135.
29. *Набеева Н.Г.* Финансовые схемы и способы реализации преднамеренных банкротств в практике российского бизнеса // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2016. № 4 (36). С. 86–94.
30. *Ножкина Е.Б., Сербиян М.А., Шкрябина А.Е.* Экономико-правовой аспект выявления признаков преднамеренного и фиктивного банкротства юридических лиц // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 5 (64). С. 32–38.
31. *Островская А.А.* Проблема преднамеренного банкротства // Экономические системы. 2013. № 6. С. 53–54.
32. *Павлисов А.* Виды преднамеренных банкротств // Законность. 2006. № 7. С. 20–21.
33. *Перевалова Т.Ф.* Преднамеренное банкротство – безопасное преступление // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016. С. 43–46.
34. *Перевалова Е.А., Астраханкин А.А.* К вопросу об установлении преднамеренного и фиктивного банкротства // Полиматис. 2017. № 3. С. 59–63.

35. *Пименов Д.М.* Целесообразность создания единой методологии выявления признаков преднамеренных и фиктивных банкротств // Анализ и современные информационные технологии в обеспечении экономической безопасности бизнеса и государства: сб. науч. тр. и результатов совмест. науч.-исслед. проектов / РЭУ им. Г.В. Плеханова. М., 2016. С. 319–323.
36. *Рукимов М.В.* Методический подход к выявлению признаков фиктивного и преднамеренного банкротства // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2007. № 4 (34). С. 39–46.
37. *Солдатенков В.Ю.* Преднамеренное банкротство должника: что делать кредиторам? // Налоговая политика и практика. 2011. № 9 (105). С. 14–17.
38. *Сочнева Е.Н., Шадаева В.Т.* Финансово-экономический анализ как инструмент проведения судебной экспертизы при расследовании случаев преднамеренного банкротства юридических лиц // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ 2018. № 1 (7). С. 150–160.
39. Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства (утв. постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 855). [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

Bibliography

1. *Alekseev M.A.* Informacionnoe prostranstvo finansovogo rynka: monogr. / Novosib. gos. un-t jekonomiki i upravlenija. Novosibirsk: NGUJeU, 2017. 247 p.
2. *Al'gina M.V., Kobozeva N.V.* Sovershenstvovanie sistemy pokazatelej, harakterizujuščih platezhеспособност' dolzhnika v celjah opredelenija priznakov prednamerennogo bankrotstva // Jekonomika ustojchivogo razvitija. 2015. № 2 (22). P. 13–20.
3. *Babich A.E.* Prednamerennoe i fiktivnoe bankrotstvo // Pravo i pravoporjadok: voprosy teorii i praktiki. Sbornik nauchnyh trudov / pod obshh. red. S.E. Turkulec, E.V. Listopadovoj. Habarovsk, 2018. P. 88–91.
4. *Byrbytkin A.A.* Utochnenie sistemy pokazatelej i razrabotka algoritma vyjavlenija priznakov prednamerennogo bankrotstva // Jekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO. 2015. № 2. P. 161–167.
5. *Burmistrov I.A., Rudnickij V.A.* Problemy, vznikajushhie pri dokazyvanii faktov prednamerennogo bankrotstva predpriyatij // Aktual'nye problemy ugolovnogogo prava: Sbornik statej / pod red. V.Ju. Golubovskogo. M., 2017. P. 26–32.
6. *Verzhbickaja I.V.* Primenenie metodov jekonomicheskogo analiza pri vyjavlenii priznakov // Sovremennye tendencii v jekonomike i upravlenii: novyj vzgljad. 2012. № 17. P. 142–146.
7. *Verzhbickaja I.V.* Metodicheskie osobennosti buhgalterskoj jekspertizy hozjajstvennyh dogovorov pri vyjavlenii priznakov prednamerennogo i fiktivnogogo bankrotstva // Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra. 2017. T. 7. № 3A. P. 238–249.
8. *Vlasenko R.N.* Pravovye osnovy i metody vyjavlenija priznakov fiktivnogogo i prednamerennogo bankrotstva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 8 (57). P. 78–83.
9. *Voronov S.S.* Problemy ispol'zovanija special'nyh jekonomicheskikh poznanij pri raskrytii i rassledovanii prednamerennyh bankrotstv // Aktual'nye problemy bor'by s prestuplenijami i inymi pravonarushenijami. 2014. № 12-1. P. 89-91.
10. *Grinkevich L.S., Nabeeva N.G.* Metodika diagnostiki prednamerennogo bankrotstva putem modelirovanija balansa raschetno-redukcionnym sposobom // Sibirskaja finansovaja shkola. 2015. № 6 (113). P. 180–184.
11. *Zamuraev V.S., Potapchuk A.V.* Nedostatki sudebnoj finansovo-analiticheskoj jekspertizy po delam o prednamerennom bankrotstve // Jekonomika i biznes: teorija i praktika. 2017. № 5. P. 101–104.

12. *Zotikova O.N., Popova S.S., Livadina S.P.* Metody diagnostiki fiktivnogo i prednamerennogo bankrotstva na osnove finansovoj otchetnosti // *Servis v Rossii i za rubezhom.* 2014. № 9 (56). P. 56–64.
13. *Zuj I.V.* Otvetstvennost' za prednamerennoe bankrotstvo v rossijskom zakonodatel'stve // *Evrazijskaja advokatura.* 2017. № 4 (29). P. 101–103.
14. *Kaverina Je.Ju., Perezhogina M.V.* Bor'ba s prednamerennym bankrotstvom kak faktor obespechenija jekonomicheskoj bezopasnosti // *Jelektronnyj nauchnyj zhurnal.* 2017. № 4-2 (19). P. 264–271.
15. *Kal'var'skij G.V., Lvova N.D.* Finansovaja diagnostika prednamerennogo bankrotstva // *Jeffektivnoe antikrizisnoe upravlenie.* 2013. № 4 (79). P. 50–59.
16. *Kop'jov I.G., Markov V.O.* Problemy obosnovanija faktov prednamerennogo bankrotstva predpriyatij // *Nauchnaja diskussija sovremennoj molodezhi: aktual'nye voprosy, dostizhenija i innovacii: sb. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch.* 2017. P. 123–126.
17. *Kruglova S.V.* Klassifikacija priznakov prednamerennogo bankrotstva kommercheskih organizacij // *Aktual'nye nauchnye issledovanija: jekonomika, upravlenie, innovacii, investicii, finansy: sb. dokl. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / ANO sodejstvija razvitiju sovremennoj otechestvennoj nauki. M.: ID «Nauchnoe obozrenie», 2014. P. 90–97.*
18. *Leonov A.I.* Ispol'zovanie organami vnutrennih del jekonomicheskoj informacii pri vyjavenii prednamerennyh bankrotstv // *Jekonomika, pravo, obrazovanie: regional'nyj aspekt: sb. nauch. tr. IX mezhvuz. nauch.-prakt. konf. Nizhnij Novgorod, 2015. P. 288–292.*
19. *Leonov A.I., Solov'ev O.D.* Ispol'zovanie jekonomicheskoj informacii pri vyjavenii prednamerennyh bankrotstv // *Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii.* 2015. № 4 (32). P. 134–137.
20. *Lozovskij D.N.* Nekotorye aspekty vozbuzhdenija ugovolnyh del o prestuplenijah, svjazannyh s prednamerennym bankrotstvom // *Aktual'nye problemy ugovolnoj i ugovolno-processual'noj politiki Rossijskoj Federacii: mat-ly vsoros. nauch.-prakt. konf. Omsk, 2014. P. 132–135.*
21. *Lozovskij D.N., Fidel'skij S.V.* K voprosu ob osobennostjah vozbuzhdenija ugovolnyh del o prestuplenijah, svjazannyh s prednamerennym bankrotstvom // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija.* 2013. № 4 (130). P. 208–211.
22. *Lvova N.A.* Prednamerennoe bankrotstvo: jekonomicheskoe sodержanie i finansovyj mehanizm // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jekonomika.* 2006. № 3. P. 90–100.
23. *Lvova N.A.* Prednamerennoe bankrotstvo rossijskih predpriyatij: institucional'nye predposylki i finansovye priznaki // *Menedzhment i biznes-administrirovanie.* 2016. № 4. P. 98–105.
24. *Lvova N.A.* Finansovaja diagnostika prednamerennogo bankrotstva predpriyatij: sodержanie i potencial razvitija // *Vyzovy i vozmozhnosti finansovogo obespechenija stabil'nogo jekonomicheskogo rosta (FINANSY-2017): mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf.: sb. nauch. tr. / FGAOU VO «Sevastopol'skij gosudarstvennyj universitet». Sevastopol', 2017. P. 246–252.*
25. *Malyshkin P.V.* Metodologicheskie osobennosti organizacii rassledovanija fiktivnyh ili prednamerennyh bankrotstv // *Mir nauki i obrazovanija.* 2016. № 1 (5). P. 15.
26. *Morodumov R.N., Markov S.E.* Provedenie jekonomicheskoj jekspertizy pri rassledovanii prednamerennyh bankrotstv // *Lichnost', pravo, gosudarstvo.* 2017. № 4. P. 140–151.
27. *Nabeeva N.G.* Prednamerennye bankrotstva: stadii, sposoby realizacii // *Novaja nauka: Ot idei k rezul'tatu.* 2015. № 2. P. 137–142.
28. *Nabeeva N.G.* Problemnye voprosy diagnostiki prednamerennogo bankrotstva predpriyatij // *Jekonomicheskaja bezopasnost' Rossii i strategii razvitija ee regionov v sovremennyh uslovijah: sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Volgograd, 2015. P. 132–135.*

29. *Nabeeva N.G.* Finansovy shemy i sposoby realizacii prednamerennyh bankrotstv v praktike rossijskogo biznesa // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika. 2016. № 4 (36). P. 86–94.
30. *Nozhkina E.B., Serbijan M.A., Shkrjabina A.E.* Jekonomiko-pravovoj aspekt vyjavlenija priznakov prednamerennogo i fiktivnogo bankrotstva juridicheskikh lic // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta. 2016. № 5 (64). P. 32–38.
31. *Ostrovskaja A.A.* Problema prednamerennogo bankrotstva // Jekonomicheskie sistemy. 2013. № 6. P. 53–54.
32. *Pavlisov A.* Vidy prednamerennyh bankrotstv // Zakonnost'. 2006. № 7. P. 20–21.
33. *Perevalova T.F.* Prednamerennoe bankrotstvo – bezopasnoe prestuplenie // Ugolovnyj zakon Rossijskoj Federacii: problemy pravoprimerenija i perspektivy sovershenstvovanija: mat-ly vseros. nauch.-prakt. konf. Irkutsk, 2016. P. 43–46.
34. *Perevalova E.A., Astrahankin A.A.* K voprosu ob ustanovlenii prednamerennogo i fiktivnogo bankrotstva // Polimatis. 2017. № 3. P. 59–63.
35. *Pimenov D.M.* Celesoobraznost' sozdanija edinoj metodologii vyjavlenija priznakov prednamerennyh i fiktivnyh bankrotstv // Analiz i sovremennye informacionnye tehnologii v obespechenii jekonomicheskoi bezopasnosti biznesa i gosudarstva: sb. nauch. tr. i rezul'tatov sovmest. nauch.-issled. proektov / RJeU im. G.V. Plehanova. M., 2016. P. 319–323.
36. *Rukimov M.V.* Metodicheskij podhod k vyjavleniju priznakov fiktivnogo i prednamerennogo bankrotstva // Jekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitija. 2007. № 4 (34). P. 39–46.
37. *Soldatenkov V.Ju.* Prednamerennoe bankrotstvo dolzhnika: chto delat' kreditoram? // Nalogovaja politika i praktika. 2011. № 9 (105). P. 14–17.
38. *Sochneva E.N., Shadaeva V.T.* Finansovo-jekonomicheskij analiz kak instrument provedenija sudebnoj jekspertizy pri rassledovanii sluchaev prednamerennogo bankrotstva juridicheskikh lic // Social'no-jekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnojarskogo GAU. 2018. № 1 (7). P. 150–160.
39. Vremennye pravila proverki arbitrazhnym upravljajushhim nalichija priznakov fiktivnogo i prednamerennogo bankrotstva (utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 27.12.2004 № 855). [Elektronnyj resurs] // Spravochno-pravovaja sistema Konsul'tantPljus.

УДК 311

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зайков К.А.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: k.a.zajkov@nsuem.ru

Статья посвящена вопросам статистического исследования инновационного потенциала субъектов Российской Федерации. Поведен сравнительный анализ подходов к определению «инновационный потенциал». Осуществлен критический анализ существующих методических подходов исследования инновационного потенциала регионов Российской Федерации. Предложен авторский методический подход к определению уровня инновационного потенциала с помощью интегрального показателя и типологизации субъектов Российской Федерации по уровню инновационного потенциала. Проведено исследование уровня инновационного потенциала субъектов Российской Федерации за 2009–2017 гг. и осуществлена их типологизация.

Ключевые слова: статистический анализ, инновации, инновационный потенциал, типология.

TO THE QUESTION OF THE ASSESSMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION REGIONS INNOVATIVE POTENTIAL LEVEL

Zaykov K.A.

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: k.a.zajkov@nsuem.ru

The article focuses on the issues of statistical research of the innovation potential of the Russian Federation regions. A comparative analysis of approaches to the definition of «innovative potential» is presented. A critical analysis of the existing methodological approaches to the study of the innovative potential of the regions of the Russian Federation has been carried out. The author suggests a methodical approach to determining the level of innovation potential by integral indicator and typology of the Russian Federation regions according to the level of innovation potential. A study of the level of innovation potential of the constituent entities of the Russian Federation for 2009–2017 and their typology has been conducted.

Keywords: statistical analysis, innovation, innovation potential, typology.

1. ВВЕДЕНИЕ

Экономическое развитие территории, объединяющее различные явления и процессы, способствующие повышению результативности общественного производства, формированию эффективной структуры экономики, улучшению благосостояния и качества жизни населения, является важнейшей целью государственной политики.

Современные исследователи считают, что в современной экономике одно из центральных мест занимает фактор технического прогресса – инновации [1–5, 8, 9, 11, 19, 20]. Так, Й. Шумпетер в качестве главного фактора экономического развития выделил инновации, а также предпринимательский ресурс, создающий спрос на инновации и их избыточное предложение [20].

Правительство Российской Федерации также в качестве главного ориентира развития страны выделяет достижения «инновационной экономики». «Инновационный вектор» может выступить новым импульсом и способствовать ускоренному развитию региональной экономики [17].

Ключевыми факторами такой инновационности регионов, как подтверждает практика, выступают: агломерация, реиндустриализация, территориально-отраслевая специализация и кластеризация экономики [17, 18]. Другим направлением инновационного развития является внедрение информационных технологий и информационных сетей.

На сегодняшний день стоит важная задача мониторинга и учета инновационного фактора и фактора информатизации экономики при моделировании и прогнозировании экономического роста региона.

2. СУЩНОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования инновационного потенциала как основного измерителя инновационной экономики достаточно широко представлены в трудах российских и зарубежных ученых. Вместе с тем точная трактовка термина «инновационный потенциал» однозначно не определена, отсутствует комплексное изучение его сущности и структуры как социально-экономического явления.

Инновационный потенциал – достаточно хорошо проработанное понятие с теоретической точки зрения. В научной литературе существует множество публикаций, раскрывающих сущность данной категории.

Так, авторы П.М. Гуреев и В.Н. Гришин отмечают, что понятие «инновационный потенциал» впервые было предложено К. Фрименом в середине 1970-х гг. и означало «систему мероприятий по разработке, освоению, эксплуатации и исчерпанию производственно-экономического и социально-организационного потенциала, лежащего в основе новшеств» [8, с. 90]. Проведя анализ более десятка работ современных авторов, П.М. Гуреев и В.Н. Гришин формулируют дефиницию «инновационный потенциал» как «признак социально-экономической системы, характеризующий допустимость (осуществимость) и максимально возможный результат целенаправленной деятельности по изменению структурно-функциональных свойств данной системы» [8, с. 90].

Необходимо отметить, что термин «инновационный потенциал» изначально использовался в менеджменте применительно к организации (предприятию). Впоследствии в научной литературе появился ряд публикаций, рассматривающих инновационный потенциал территорий (стран, регионов).

Автор Е.Ф. Никитская, проанализировав более полутора десятков работ российских авторов, определяет инновационный потенциал как «совокупность необходимых и достаточных условий (предпосылок), обеспечивающих в будущем возможность перехода экономики на более высокий технологический уровень в национальном масштабе (на более высокую ступень развития)» [14, с. 15]. Также она рассматривает и обобщает формулировки определения понятия «инновационный потенциал», приведенные в региональных законах об инновационной деятельности: «инновационный потенциал – совокупность различных видов ресурсов (материальных, финансовых, интеллектуальных, научно-технических и иных), необходимых для осуществления инновационной деятельности [14, с. 15].

По определению Е.П. Максайкина и Т.В. Арцер, «инновационный потенциал региона – это возможность и способность региона формировать и использовать инновационные ресурсы, необходимые для инновационного развития, что позволяет региону создавать, распространять и использовать различного вида новшества (новые виды товаров и услуг)» [15, с. 47].

Вектор статистических исследований инновационного потенциала территории направлен на оценку его уровня и дифференциацию регионов по указанному признаку. Уровень инновационного потенциала обычно представляют в виде интегрального показателя, построенного по определенной методике исходя из набора первичных статистических показателей.

3. ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Инновационный потенциал является сложным и многогранным явлением, исследователи и международные организации выделяют в его структуре несколько компонентов, в частности аналитики Всемирного экономического форума определяют Индекс научно-технического потенциала, являющийся составляющей интегрального показателя оценки уровня конкурентоспособности страны, в который включают индикаторы публикационной и научной активности ученых, патентную активность, расходы на НИОКР и состояние кластеров [21, 24–26].

В Систему показателей оценки инновационной деятельности Комиссии европейских сообществ (КЕС), предложенной Директоратом по предпринимательству КЕС, включается 16 индикаторов, наполняющих четыре смысловых блока: человеческие ресурсы; генерация новых знаний; трансфер и использование знаний; финансирование инноваций, результаты инновационной деятельности.

Другой европейский опыт – проекты Европейской комиссии для мониторинга инновационной деятельности, прежде всего, это Европейская шкала инноваций (The European Innovation Scoreboard) – проект, призванный дать сравнительную характеристику результатов научных исследований и инновационной деятельности в странах Европейского союза, Исландии, Израиле, Северной Македонии, Норвегии, Сербии, Швейцарии, Турции и Украине. Дает оценку сильных и слабых сторон национальных инновационных систем. Кроме того, имеется два приложения: Региональная шкала инноваций (Regional Innovation Scoreboard) – региональное приложение

Европейской шкалы инноваций; Шкала инноваций в государственном секторе Европы (European Public Sector Innovation Scoreboard).

В Российской Федерации одним из популярных подходов оценки инновационного потенциала регионов является методика Национального рейтингового агентства «Эксперт РА» с помощью рейтингования.

Однако большинство предлагаемых методик обладает рядом недостатков. Многие из них представляют собой сложную систему индексов с весовыми коэффициентами, значения которых получены методом экспертных оценок, что снижает качество получаемых результатов.

В трудах российских ученых также существуют различные подходы к формированию системы показателей для исследования инновационного потенциала регионов. Так, Е.Ф. Никитская выделяет два блока статистических показателей, характеризующих инновационное развитие региона [14]:

1. Показатели готовности региона к инновациям (20 показателей, измеряемых в альтернативной форме: 0 – нет, 1 – да/есть).

2. Показатели инновационных возможностей региона (20 показателей, 10 из которых также измеряются в альтернативной форме, а другие 10 – статистические показатели, переведенные в альтернативную форму). К статистическим показателям развития инновационного потенциала автор методики относит следующие:

- уровень инновационной активности организаций;
- объем внутренних затрат на исследования и разработки, в процентах от ВРП;
- удельный вес объема инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров;
- отношение объема отгруженных товаров к инновационным затратам;
- доля населения, занятого научными исследованиями и разработками. Один балл по этим показателям присваивается, если значение выше среднероссийского уровня, а ноль, если ниже [15]. Недостатки указанной методики – большинство показателей не являются статистическими, а используемые количественные статистические характеристики сознательно переводятся в более слабую шкалу измерения.

В работах В.К. Заусаева, С.П. Быстрицкого, Н.Ю. Криворучко дается характеристика пяти логических блоков статистических показателей [12]: макроэкономические, инфраструктурные, правовые, кадровые, экономические. Для определения интегрального показателя введена система индексов с весовыми коэффициентами (от 0,2 до 1), которые получают методом экспертных оценок. Затем собранные статистические данные (по 15 показателям из 18 возможных по причине отсутствия информации), кроме удельных, соотносились с численностью экономически активного населения. После этого показатели нормировались по максимальному значению, взвешивались на коэффициент значимости и суммировались. Недостатками полученной методики являются возможные трудности получения экспертных оценок для определения весовых коэффициентов, не задается количество экспертов и их входные параметры. Формирование базы статистических показателей вызвало затруднение даже у самих авторов методики.

Е.П. Маскайкин, Т.В. Арцер выделили две группы показателей: показатели формирования инновационного потенциала региона; показатели использования инновационного потенциала региона, которые оцениваются в порядковой (ранговой) шкале. Более подробная расшифровка в источнике не приводится [15]. К сожалению, провести качественную оценку показателей невозможно, поскольку не приведен перечень показателей, использованных для оценки инновационного потенциала.

В.А. Цукерман, Е.С. Горячевская в своих работах приводят следующую систему показателей инновационного потенциала [19]:

- доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций, %;

- доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции, %;

- число использованных передовых производственных технологий на 10 тыс. чел. населения;

- подано заявок на выдачу патентов на 10 тыс. чел. населения;

- выдано патентов на 10 тыс. чел. населения.

Однако в работах отсутствует описание авторского алгоритма получения интегрального показателя. В то же время приведены тенденции развития и прогнозные значения каждого показателя инновационного потенциала. Подобный подход не позволяет провести сравнение регионов по уровню инновационного потенциала.

В работах В.С. Немировой сформирована компактная система показателей [13]:

- число организаций, выполнявших исследования и разработки, в % от общего числа предприятий;

- численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в % от среднегодовой численности занятых в экономике;

- затраты на технологические инновации на одного занятого в экономике;

- объем инновационной продукции в % от общего объема отгруженной продукции;

- число организаций, осуществляющих технологические инновации, в % от общего числа предприятий.

Информационный массив сформирован за пять лет, все показатели нормированы по максимальному значению. Интегральный показатель инновационного потенциала региона определяется как многомерная средняя из пяти нормированных показателей. Недостатком методики В.С. Немировой является излишняя компактность системы показателей, которая, на наш взгляд, не в полной мере раскрывает понятие инновационного потенциала.

Таким образом, чаще всего под инновационным потенциалом территории понимают: текущий уровень научно-технического развития, выражаемый через наличие научно-технической базы, собственных и приобретенных разработок и изобретений, возможность и способность внедрения результатов научной деятельности в производство; уровень развития инфраструктуры, необходимой для внедрения новшества; кадровый потенциал – научно-образовательный уровень трудовых ресурсов; эффективность осуществления инвестиций в инновационные проекты.

4. МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Система показателей. Анализ существующих методик статистической оценки уровня инновационного потенциала показал наличие ограничений в их применении и необходимость разработки более прозрачной и доступной в использовании методики.

Исследование инновационного потенциала проводится нами в разрезе субъектов Российской Федерации, соответственно, при формировании системы статистических показателей необходимо учитывать следующие моменты, во-первых, должны быть выполнены условия корректного построения динамических рядов (сопоставимость, периодизация, полнота и непрерывность во времени, однокачественность уровней ряда), во-вторых, система показателей, наблюдаемая на региональном уровне, уже, чем на уровне страны в связи с недостаточной развитостью механизмов и инструментов статистического наблюдения в региональном разрезе [6, 7, 10, 16, 22, 23].

Соответственно заданным ограничениям нами сформирована следующая система статистических показателей (рис. 1). Характеристики сгруппированы в три блока.

Блок А. «Текущий уровень научно-технического прогресса» – группа статистических показателей, характеризующих текущий результат инновационной деятельности – объем инновационной продукции, работ, услуг; текущие затраты на научную деятельность и инновации. В данный блок включены характеристики, раскрывающие параметры отдельных видов инноваций: продуктовые, процессные, организационные, маркетинговые.

Блок В. «Кадровый потенциал» – статистические показатели, характеризующие научный персонал и кадры, потенциально способные создавать инновации.

Блок С. «Инфраструктура, необходимая для внедрения новшества» – блок показателей, характеризующих наличие и состояние условий, необходимых для внедрения новшества.

Интегральный показатель уровня инновационного потенциала субъекта Российской Федерации предлагается рассчитывать по следующей формуле:

$$IP_i = \frac{\sum_{j=1}^m x'_{ij}}{m}, \quad (1)$$

где IP_i – интегральный показатель инновационного потенциала территории; x'_{ij} – нормированное значение j -й характеристики по i -му региону; m – число характеристик.

Алгоритм расчета интегрального показателя (IP_i) включает следующие ключевые процедуры.

1. Каждая территория обладает своими особенностями развития, «неравными стартовыми позициями». В этой связи объемные статистические

Иновации				
	Продуктовые иновации	Процессные иновации	Организационные иновации	Маркетинговые иновации
А. Текущий уровень научно-технического прогресса	А1. Текущий результат инновационной деятельности	1. Объем инновационных товаров, работ, услуг 2. Число созданных (разработанных) передовых производственных технологий. 3. Удельный вес организации, осуществлявших техникологические иновации, в общем числе обследованных организаций	4. Удельный вес организаций, осуществляющих организационные иновации, в общем числе обследованных организаций	5. Удельный вес организаций, осуществлявших маркетинговые иновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций
	А2. Затраты на научную деятельность и иновации	6. Выдача патентов и свидетельства на результаты интеллектуальной деятельности 7. Внутренние затраты на научные исследования и разработки 8. Затраты организаций на технологические иновации		
В. Кадровый потенциал	9. Численность докторантов на конец года 10. Численность аспирантов на конец года 11. Численность студентов в образовательных учреждениях высшего профессионального образования 12. Численность работников, выполнявших научные исследования и разработки (без совместителей и лиц, работающих по договорам гражданско-правового характера)			
С. Инфраструктура, необходимая для внедрения новшеств	13. Число используемых передовых производственных технологий 14. Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки 15. Количество персональных компьютеров, использованных в организации 16. Коэффициент годности основных фондов 17. Инвестиции в основной капитал 18. Число активных абонентов, имеющих доступ к сети Интернет на конец отчетного периода			

Рис. 1. Система показателей инновационного потенциала субъектов Российской Федерации

показатели трансформировались в относительные величины интенсивности в расчете на одного жителя территории по следующей формуле:

$$x_{ij} = \frac{a_{ij}}{\bar{S}_i}, \quad (2)$$

где x_{ij} – значение j -й характеристики (показателя) системы показателей по i -му региону; a_{ij} – абсолютное значение j -го показателя по i -му региону; \bar{S}_i – среднегодовая численность населения по i -му региону

Относительные величины интенсивности определяются по 14 характеристикам из 18 отобранных в систему (1, 2, 6–15, 17, 18). Показатели 3–5, 16 уже представлены в относительной форме, поэтому не подвергаются процедуре преобразования.

2. Для устранения единиц измерения признаки нормализуются по формуле

$$x'_{ij} = \frac{x_{ij} - \min_i x_{ij}}{\max_i x_{ij} - \min_i x_{ij}}, \quad (3)$$

где x_{ij} – значение j -го показателя по i -му региону; x'_{ij} – нормированное значение j -го показателя по i -му региону.

Типологизация субъектов РФ по уровню инновационного потенциала.

На основе интегрального индикатора выполняется типологическая группировка субъектов Российской Федерации. Типологизация осуществляется в результате реализации следующих шагов.

1. Формирование массивов данных согласно разработанной системе показателей уровня инновационного потенциала.

2. Расчет интегрального показателя уровня инновационного потенциала (выражение 1).

3. Проверка соответствия эмпирического распределения одному из теоретических законов: нормальному, логарифмически нормальному, гамма- и χ^2 -распределениям. Проверка гипотез о соответствии законам распределения осуществляется на основе критерия χ^2 , для чего необходимо разбить всю совокупность на равные интервалы. Число интервалов определяется по формулам Брукса–Каррузера и Хайнхольда–Гаеде.

$$k = 5 \lg(n), \quad (4)$$

$$k = \sqrt{n}, \quad (5)$$

где k – число интервалов группировки; n – число единиц в совокупности.

4. В случае, если распределение субъектов РФ по уровню инновационного потенциала характеризуется нормальным законом распределения, рассчитываются параметры: среднее значение и среднеквадратическое отклонение. Границы типических групп определяются следующим образом (табл. 1).

5. В случае, если эмпирическое распределение соответствует логарифмически нормальному закону распределения, интегральные показатели уровня инновационного потенциала логарифмируют – тем самым осуществляется переход к нормальному распределению. Затем определяются пара-

Таблица 1

Критические точки перехода типов субъектов РФ по уровню инновационного потенциала в случае нормального распределения

Тип инновационного потенциала	Границы интервала типа
Низкий	$[0; \overline{IP} - 1,5\sigma]$
Ниже среднего	$[\overline{IP} - 1,5\sigma; \overline{IP} - 0,5\sigma]$
Средний	$[\overline{IP} - 0,5\sigma; \overline{IP} + 0,5\sigma]$
Выше среднего	$[\overline{IP} + 0,5\sigma; \overline{IP} + 1,5\sigma]$
Высокий	$[\overline{IP} + 1,5\sigma; 1]$

Таблица 2

Критические точки перехода типов субъектов РФ по уровню инновационного потенциала в случае логарифмически нормального распределения

Тип инновационного потенциала	Границы интервала типа
Низкий	$[0; \overline{\ln IP} - 1,5\sigma_{\ln IP}]$
Ниже среднего	$[\overline{\ln IP} - 1,5\sigma_{\ln IP}; \overline{\ln IP} - 0,5\sigma_{\ln IP}]$
Средний	$[\overline{\ln IP} - 0,5\sigma_{\ln IP}; \overline{\ln IP} + 0,5\sigma_{\ln IP}]$
Выше среднего	$[\overline{\ln IP} + 0,5\sigma_{\ln IP}; \overline{\ln IP} + 1,5\sigma_{\ln IP}]$
Высокий	$[\overline{\ln IP} + 1,5\sigma_{\ln IP}; 1]$

метры: $\overline{\ln IP}$ и $\sigma_{\ln IP}$, после чего, границы типических групп рассчитываются следующим образом (табл. 2).

6. В том случае, если эмпирическое распределение не соответствует нормальному или логнормальному закону распределения, группировка осуществляется на пять равных интервалов.

5. АНАЛИЗ УРОВНЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2009–2017 ГГ.

Методика оценки уровня инновационного потенциала в форме интегрального статистического показателя апробирована на совокупности субъектов Российской Федерации (всего 80 единиц) за период с 2009 по 2017 г. Из совокупности субъектов РФ исключены пять территориальных образований: Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа (входящие в Архангельскую и Тюменскую области соответственно), а также Республика Крым и город федерального значения Севастополь, статистические данные по которым носят фрагментарный характер.

Сформирован массив панельных данных: 18 характеристик, 80 субъектов РФ, 9 лет (2009–2017), произведена процедура нормирования показателей.

Результаты расчетов уровня инновационного потенциала за реперные годы динамики (2009 – начальный, 2013 – предкризисный, 2017 – конечный, в контексте имеющихся данных) представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Уровень инновационного потенциала субъектов Российской Федерации
в 2009, 2013, 2017 гг.**

Субъект РФ	Год		
	2009	2013	2017
1	2	3	4
Алтайский край	0,1491	0,1851	0,2036
Амурская область	0,1754	0,1753	0,1719
Архангельская область	0,2133	0,2090	0,2241
Астраханская область	0,2116	0,1958	0,1870
Белгородская область	0,2220	0,2056	0,2999
Брянская область	0,1815	0,1616	0,1764
Владимирская область	0,2112	0,2425	0,2735
Волгоградская область	0,1862	0,1826	0,1510
Вологодская область	0,1893	0,2059	0,1790
Воронежская область	0,2312	0,2877	0,3161
г. Москва	0,5861	0,5997	0,5876
г. Санкт-Петербург	0,5456	0,6031	0,5835
Еврейская авт.область	0,1352	0,1634	0,1341
Забайкальский край	0,1315	0,1165	0,1416
Ивановская область	0,1751	0,2279	0,1539
Иркутская область	0,1927	0,2380	0,2085
Кабардино-Балкарская Республика	0,1259	0,1622	0,1316
Калининградская область	0,1915	0,1790	0,1880
Калужская область	0,2942	0,3849	0,3221
Камчатская область	0,2266	0,2512	0,2380
Карачаево-Черкесская Республика	0,1033	0,1063	0,1255
Кемеровская область	0,1281	0,1428	0,1579
Кировская область	0,1525	0,1654	0,1920
Костромская область	0,1423	0,1579	0,1359
Краснодарский край	0,1536	0,1917	0,2264
Красноярский край	0,2209	0,2932	0,2488
Курганская область	0,1290	0,1386	0,1292
Курская область	0,1836	0,2374	0,2131
Ленинградская область	0,1606	0,2264	0,1912
Липецкая область	0,2044	0,2321	0,2600
Магаданская область	0,3433	0,4463	0,3238
Московская область	0,2561	0,2937	0,3308
Мурманская область	0,1979	0,2295	0,2200

Окончание табл. 3

1	2	3	4
Нижегородская область	0,4085	0,3988	0,3848
Новгородская область	0,2341	0,2163	0,2471
Новосибирская область	0,2860	0,3111	0,3078
Омская область	0,2011	0,2363	0,2409
Оренбургская область	0,1646	0,1818	0,1611
Пермский край	0,2731	0,2379	0,2331
Приморский край	0,2271	0,1913	0,2172
Псковская область	0,1454	0,1475	0,1491
Республика Адыгея	0,1693	0,1617	0,1532
Республика Алтай	0,1466	0,2108	0,1525
Республика Башкортостан	0,2079	0,2164	0,2146
Республика Бурятия	0,1477	0,1759	0,1627
Республика Дагестан	0,1303	0,1582	0,1034
Республика Ингушетия	0,0825	0,0874	0,1114
Республика Калмыкия	0,1402	0,1151	0,2078
Республика Карелия	0,1634	0,1954	0,2032
Республика Коми	0,1705	0,2014	0,1689
Республика Марий Эл	0,1542	0,1745	0,1888
Республика Мордовия	0,3031	0,3304	0,3906
Республика Саха (Якутия)	0,2058	0,2238	0,2518
Республика Северная Осетия – Алания	0,1466	0,1603	0,1439
Республика Татарстан	0,2852	0,3512	0,4138
Республика Тыва	0,1569	0,1107	0,1243
Республика Хакассия	0,1342	0,1402	0,1350
Ростовская область	0,2193	0,2242	0,2360
Рязанская область	0,1668	0,2460	0,2655
Самарская область	0,2952	0,2666	0,2437
Саратовская область	0,2197	0,2187	0,2171
Сахалинская область	0,2741	0,3154	0,2498
Свердловская область	0,2726	0,2916	0,2944
Смоленская область	0,1509	0,1584	0,1776
Ставропольский край	0,1457	0,1397	0,1425
Тамбовская область	0,2047	0,2191	0,2248
Тверская область	0,1843	0,2133	0,2358
Томская область	0,4180	0,4855	0,4678
Тульская область	0,2189	0,2053	0,2568
Тюменская область	0,2661	0,2777	0,2845
Удмуртская Республика	0,1945	0,2489	0,2390
Ульяновская область	0,2221	0,2390	0,2283
Хабаровский край	0,2463	0,2949	0,2946
Челябинская область	0,2395	0,2645	0,2778
Чеченская Республика	0,0582	0,0868	0,0904
Чувашская Республика	0,2282	0,2446	0,3207

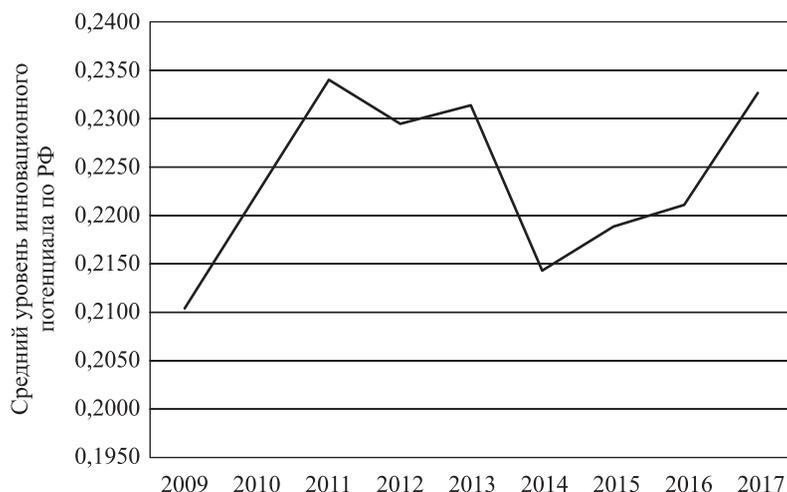

Рис. 2. Динамика среднего уровня инновационного потенциала субъектов РФ в 2009–2017 гг.

Как показали результаты расчетов, у большей части субъектов уровень инновационного потенциала в рассматриваемом периоде времени вырос, увеличение уровня инновационного потенциала в 2017 г. по сравнению с 2009 г. наблюдается в 57 субъектах, по 23 субъектам уровень инновационного потенциала снизился. Наиболее сильное снижение уровня инновационного потенциала произошло в Самарской области.

В целом по стране уровень инновационного потенциала регионов характеризуется следующей динамикой.

Средний уровень инновационного потенциала субъектов показал неоднозначную динамику (рис. 2): после экономического кризиса 2009 г. средний уровень инновационного потенциала субъектов РФ растет, однако затем, в 2014 г., происходит резкий спад, связанный с общим падением экономики. Начиная с 2015 г. наблюдается стабильный рост среднего уровня инновационного потенциала субъектов РФ.

6. ТИПОЛОГИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2009–2017 ГГ. ПО УРОВНЮ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Распределение субъектов РФ по уровню инновационного потенциала проверялось на соответствие различным законам распределения: нормальному, логарифмически нормальному, гамма-распределению и распределению χ^2 . Проверка гипотез о соответствии законам распределения осуществлялась на основе статистики χ^2 .

Исходные данные группировались на 9 равных интервалов. Для вычислений и построения графиков использовался ППП StatSoft STATISTICA 12.

Если фактическая значимость (p) расчетного значения статистики χ^2 больше 0,05, то эмпирическое распределение соответствует теоретическому закону распределения с вероятностью 0,95. Таким образом, наиболее адекватно распределение совокупности субъектов РФ по уровню ин-

Таблица 4

**Расчетные значения статистики χ^2 для определения соответствия
теоретическому закону распределения**

Год	Теоретический закон распределения							
	Нормальное		Логнормальное		Гамма		χ^2	
	$\chi^2_{\text{расч}}$	Фактическая значимость (p)	$\chi^2_{\text{расч}}$	Фактическая значимость (p)	$\chi^2_{\text{расч}}$	Фактическая значимость (p)	$\chi^2_{\text{расч}}$	Фактическая значимость (p)
2009	7,236	0,007	1,881	0,170	2,581	0,108	482,075	0,000
2010	8,419	0,004	1,868	0,172	2,512	0,113	408,861	0,000
2011	19,159	0,000	5,162	0,076	7,124	0,008	382,091	0,000
2012	11,254	0,000	1,890	0,169	3,350	0,067	393,109	0,000
2013	13,044	0,000	3,875	0,049	4,894	0,027	393,434	0,000
2014	11,584	0,001	1,289	0,256	3,028	0,082	433,701	0,000
2015	12,198	0,000	1,013	0,314	1,586	0,208	430,030	0,000
2016	10,964	0,004	0,730	0,694	4,070	0,044	408,475	0,000
2017	2,927	0,231	2,282	0,319	2,093	0,148	401,752	0,000

новационного потенциала в 2009–2017 гг. характеризует логарифмически нормальный закон распределения, так как фактическая значимость за все исследуемые периоды больше 0,05 (табл. 4).

Гипотеза о логнормальном распределении субъектов РФ по уровню инновационного потенциала подтверждена, критические точки качественных переходов состояний определены по алгоритму, описанному выше. Рассчитаны описательные статистики: среднее значение и среднеквадратическое отклонение. За 2009–2017 гг. среднее значение логарифма уровня инновационного потенциала составило $\ln IP = -1,568$, а $\sigma_{\ln IP} = 0,370$.

В результате определены следующие границы типических групп субъектов РФ по уровню инновационного потенциала (табл. 5).

Таблица 5

**Критические точки перехода типов субъектов РФ по уровню
инновационного потенциала в 2009–2017 гг.**

Тип инновационного потенциала	Натуральный логарифм уровня инновационного потенциала ($\ln IP_i$)
Низкий	$(-\infty; -2,123]$
Ниже среднего	$(-2,123; -1,753]$
Средний	$(-1,753; -1,383]$
Выше среднего	$(-1,383; -1,013]$
Высокий	$(-1,013; 0]$

Типологическая группировка субъектов РФ по уровню инновационного потенциала в 2009, 2013, 2017 гг. представлена в табл. 6.

Таблица 6

**Типологическая группировка субъектов РФ по уровню инновационного потенциала
в 2009, 2013, 2017 гг.**

Тип	2009 г.	2013 г.	2017 г.
1	2	3	4
Низкий	Республики: Чеченская, Ингушетия, Карачаево-Черкесская	Республики: Чеченская, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Тыва, Калмыкия Края: Забайкальский	Республики: Чеченская, Дагестан, Ингушетия
Ниже среднего	Республики: Кабардино-Балкарская, Дагестан, Хакасия, Калмыкия, Алтай, Северная Осетия – Алания, Бурятия, Марий Эл, Тыва, Карелия, Адыгея, Коми Области: Кемеровская, Курганская, Костромская, Псковская, Смоленская, Кировская, Ленинградская, Оренбургская, Рязанская, Еврейская авт. обл. Края: Забайкальский, Ставропольский, Алтайский, Краснодарский	Республики: Курганская, Хакасия, Дагестан, Северная Осетия – Алания, Адыгея, Кабардино-Балкарская Области: Кемеровская, Псковская, Костромская, Смоленская, Брянская, Кировская Края: Ставропольский	Республики: Тыва, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Хакасия, Северная Осетия – Алания, Алтай, Адыгея, Бурятия, Коми Области: Курганская, Костромская, Псковская, Волгоградская, Еврейская авт. обл., Ивановская, Кемеровская, Оренбургская, Амурская Края: Забайкальский, Ставропольский
Средний	Республики: Удмуртская, Саха (Якутия), Башкортостан, Чувашская Области: Ивановская, Амурская, Пензенская, Брянская, Курская, Тверская, Волгоградская, Вологодская, Калининградская, Иркутская, Мурманская, Омская, Липецкая, Тамбовская, Владимирская, Астраханская, Архангельская, Тульская, Ростовская, Саратовская, Белгородская, Ульяновская, Камчатская, Воронежская, Новгородская, Челябинская, Орловская Края: Красноярский, Приморский, Хабаровский	Республики: Марий Эл, Бурятия, Карелия, Коми, Алтай, Башкортостан, Саха (Якутия), Чувашская, Удмуртская Области: Амурская, Калининградская, Оренбургская, Волгоградская, Астраханская, Тульская, Белгородская, Вологодская, Архангельская, Тверская, Новгородская, Саратовская, Тамбовская, Ростовская, Ленинградская, Ивановская, Мурманская, Липецкая, Омская, Курская, Иркутская, Ульяновская, Владимирская, Рязанская Края: Алтайский, Приморский, Краснодарский, Пермский	Республики: Марий Эл, Карелия, Калмыкия, Башкортостан, Удмуртская Области: Брянская, Смоленская, Вологодская, Астраханская, Калининградская, Ленинградская, Кировская, Иркутская, Курская, Саратовская, Мурманская, Архангельская, Тамбовская, Ульяновская, Тверская, Ростовская, Камчатская, Омская, Самарская, Новгородская, Сахалинская Края: Алтайский, Приморский, Краснодарский, Пермский, Красноярский

Окончание табл. 6

1	2	3	4
Выше среднего	Республики: Татарстан, Мордовия Области: Московская, Ярославская, Тюменская, Свердловская, Сахалинская, Новосибирская, Калужская, Самарская, Магаданская Края: Пермский, Чукотский автономный округ	Республики: Мордовия, Татарстан Области: Камчатская, Челябинская, Самарская, Пензенская, Орловская, Тюменская, Воронежская, Свердловская, Московская, Ярославская, Новосибирская, Сахалинская Края: Красноярский, Хабаровский, Чукотский автономный округ	Республики: Саха (Якутия), Чувашская Области: Тульская, Липецкая, Рязанская, Владимирская, Пензенская, Челябинская, Орловская, Тюменская, Ярославская, Свердловская, Белгородская, Новосибирская, Воронежская, Калужская, Магаданская, Московская Края: Хабаровский, Чукотский автономный округ
Высокий	Области: Нижегородская, Томская г. Санкт-Петербург, г. Москва	Области: Калужская, Нижегородская, Магаданская, Томская г. Москва, г. Санкт-Петербург	Республики: Мордовия, Татарстан Области: Нижегородская, Томская г. Санкт-Петербург, г. Москва

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, за исследуемый период времени большинство регионов РФ обладают средним инновационным потенциалом. В 2017 г. по сравнению с 2009 г. возросло число субъектов, попавших в группу с высоким уровнем инновационного потенциала.

Наблюдается увеличение числа регионов с инновационным потенциалом выше среднего. Это свидетельствует о положительных тенденциях в развитии инновационного фактора экономического роста. В то же время в 2014 г. по большинству субъектов РФ произошло снижение уровня инновационного потенциала: сократилось число субъектов с уровнями «высокий» и «выше среднего». Прежде всего, это связано с нестабильностью экономической ситуации в стране.

Литература

1. Алёхина Н.М. Анализ факторов роста ВВП в условиях кризиса // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 9. С. 91–102.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.
3. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993.
4. Глинский В.В., Донских О.А., Макаридина Е.В. Статистика против мифологии в сфере образования // Almatater (Вестник высшей школы). 2011. № 6. С. 25–31.
5. Глинский В.В., Серга Л.К. К вопросу о перспективах развития малого предпринимательства в России // Сибирская финансовая школа. 2008. № 6. С. 3–6.

6. *Глинский В.В.* Статистические методы поддержки управленческих решений. Новосибирск: НГУЭУ, 2008.
7. *Глинский В.В., Третьякова О.В., Скрипкина Т.Б.* О типологии регионов России по уровню эффективности здравоохранения // Вопросы статистики. 2013. № 1. С. 57–68.
8. *Гуреев П.М., Гришин В.Н.* Инновационный потенциал: проблемы определения и оценки // Инновации. 2017. № 4 (222). С. 89–92.
9. *Зайков К.А., Самотой Н.В., Смирнов С.А.* Анализ процесса виртуализации общества как антропологического тренда // Вестник НГУЭУ. 2016. № 4. С. 44–55.
10. *Зайков К.А., Глинский В.В., Серга Л.К., Чемезова Е.Ю.* Об оценке пороговых значений в решении задачи классификации данных // Вопросы статистики. 2014. № 12. С. 30–36.
11. *Зайков К.А., Глинский В.В., Серга Л.К.* Оценка инновационного потенциала территории: пространственно-динамический подход // Идеи и идеалы. 2016. Т. 2. № 2 (28). С. 62–74.
12. *Заусаев В.К., Быстрицкий С.П., Криворучко Н.Ю.* Инновационный потенциал восточных регионов России // ЭКО. 2005. № 10. С. 40–52.
13. *Немирова В.С.* Об инновационном потенциале регионов Севера (на примере Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 28. С. 58–60.
14. *Никитская Е.Ф.* Инновационный потенциал регионов России: методология оценки и пути развития // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 44 (182). С. 11–24.
15. *Маскайкин Е.П., Арцер Т.В.* Инновационный потенциал региона: сущность, структура, методика оценки и направления развития // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». Вып. 10. 2009. № 21. С. 47–53.
16. *Серга Л.К., Чемезова Е.Ю., Овечкина Н.И., Скрипкина Т.Б., Зайков К.А.* Сфера услуг как катализатор развития территорий // Вестник НГУЭУ. 2015. № 1. С. 137–147.
17. Стратегия инновационного развития на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 г. № 2227-р).
18. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15 февраля 2006 г. № 1).
19. *Цукерман В.А., Горячевская Е.С.* Инновационный потенциал регионов российского севера (на примере Мурманской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 15 (150). С. 19–27.
20. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
21. *Arvidsson V., Mønsted T.* Generating innovation potential: How digital entrepreneurs conceal, sequence, anchor, and propagate new technology // The Journal of Strategic Information Systems. 2018. № 4 (27). P. 369–383.
22. *Glinskiy V., Chemezova E., Serga L., Zaykov K.* Clusterization Economy as a Way to Build Sustainable Development of the Region // Procedia CIRP. 2016. Vol. 40. P. 324–328.
23. *Zaykov K., Glinskiy V., Serga L., Simonova E.* Methodological Approach to Modelling of Economic Growth of Innovative Economy of the Region // INFORMATION. 2017. Vol. 20. № 10 (A). P. 7171–7178.
24. *Oikawa K., Ueda K.* The optimal inflation rate under Schumpeterian growth // Journal of Monetary Economics. 2018. № 100. P. 114–125.
25. *Saridakis G. [et al.].* SMEs' internationalisation: When does innovation matter? // Journal of Business Research. 2019. № 96. P. 250–263.
26. *Stanisławski R., Lisowski R.* The Relations between Innovation Openness (Open Innovation and the Innovation Potential of SMEs) // Procedia Economics and Finance. 2015. № 23. P. 1521–1526.

27. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). [Электронный ресурс]. URL: <http://fedstat.ru>
28. Центральная база статистических данных. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbsd.gks.ru>

Bibliography

1. *Aljohina N.M.* Analiz faktorov rosta VVP v uslovijah krizisa // *Sovremennye naukojomye tehnologii*. 2008. № 9. P. 91–102.
2. *Bell D.* Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo: Opyt social'nogo prognozirovaniya. M.: Academia, 1999.
3. *Glaz'ev S.Ju.* Teorija dolgosrochnogo tehniko-jekonomicheskogo razvitija. M.: VlaDar, 1993.
4. *Glinskij V.V., Donskih O.A., Makaridina E.V.* Statistika protiv mifologii v sfere obrazovaniya // *Almamater (Vestnik vysshej shkoly)*. 2011. № 6. P. 25–31.
5. *Glinskij V.V., Serga L.K.* K voprosu o perspektivah razvitija malogo predprinimatel'stva v Rossii // *Sibirskaja finansovaja shkola*. 2008. № 6. P. 3–6.
6. *Glinskij V.V.* Statisticheskie metody podderzhki upravlencheskih reshenij. Novosibirsk: NGUJeU, 2008.
7. *Glinskij V.V., Tret'jakova O.V., Skripkina T.B.* O tipologii regionov Rossii po urovnju jeffektivnosti zdavoohranenija // *Voprosy statistiki*. 2013. № 1. P. 57–68.
8. *Gureev P.M., Grishin V.N.* Innovacionnyj potencial: problemy opredelenija i ocenki // *Innovacii*. 2017. № 4 (222). P. 89–92.
9. *Zajkov K.A., Samotoj N.V., Smirnov S.A.* Analiz processa virtualizacii obshhestva kak antropologicheskogo trenda // *Vestnik NGUJeU*. 2016. № 4. P. 44–55.
10. *Zajkov K.A., Glinskij V.V., Serga L.K., Chemezova E.Ju.* Ob ocenke porogovyh znachenij v reshenii zadachi klassifikacii dannyh // *Voprosy statistiki*. 2014. № 12. P. 30–36.
11. *Zajkov K.A., Glinskij V.V., Serga L.K.* Ocenka innovacionnogo potenciala territorii: prostranstvenno-dinamicheskij podhod // *Ideji i idealy*. 2016. T. 2. № 2 (28). P. 62–74.
12. *Zausaev V.K., Bystrickij S.P., Krivoruchko N.Ju.* Innovacionnyj potencial vostochnyh regionov Rossii // *JeKO*. 2005. № 10. P. 40–52.
13. *Nemirova V.S.* Ob innovacionnom potenciale regionov Severa (na primere Murmanskoj oblasti) // *Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka*. 2011. № 28. P. 58–60.
14. *Nikitskaja E.F.* Innovacionnyj potencial regionov Rossii: metodologija ocenki i puti razvitija // *Finansovaja analitika: problemy i reshenija*. 2013. № 44 (182). P. 11–24.
15. *Maskajkin E.P., Arcer T.V.* Innovacionnyj potencial regiona: sushhnost', struktura, metodika ocenki i napravlenija razvitija // *Vestnik JuUrGU. Serija «Jekonomika i menedzhment»*. Vyp. 10. 2009. № 21. P. 47–53.
16. *Serga L.K., Chemezova E.Ju., Ovechkina N.I., Skripkina T.B., Zajkov K.A.* Sfera uslug kak katalizator razvitija territorij // *Vestnik NGUJeU*. 2015. № 1. P. 137–147.
17. Strategija innovacionnogo razvitija na period do 2020 goda (utv. Rasporjazheniem Pravitel'stva RF ot 08.12.2011 g. № 2227-r).
18. Strategija razvitija nauki i innovacij v Rossijskoj Federacii na period do 2015 goda (utv. Mezhdedomstvennoj komissiej po nauchno-innovacionnoj politike (protokol ot 15 fevralja 2006 g. № 1).
19. *Cukerman V.A., Gorjachevskaja E.S.* Innovacionnyj potencial regionov rossijskogo severa (na primere Murmanskoj oblasti) // *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*. 2010. № 15 (150). P. 19–27.
20. *Shumpeter J.* Teorija jekonomicheskogo razvitija. M.: Progress, 1982.
21. *Arvidsson V., Mønsted T.* Generating innovation potential: How digital entrepreneurs conceal, sequence, anchor, and propagate new technology // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2018. № 4 (27). P. 369–383.

22. *Glinskiy V., Chemezova E., Serga L., Zaykov K.* Clusterization Economy as a Way to Build Sustainable Development of the Region // *Procedia CIRP*. 2016. Vol. 40. P. 324–328.
23. *Zaykov K., Glinskiy V., Serga L., Simonova E.* Methodological Approach to Modelling of Economic Growth of Innovative Economy of the Region // *INFORMATION*. 2017. Vol. 20. № 10 (A). P. 7171–7178.
24. *Oikawa K., Ueda K.* The optimal inflation rate under Schumpeterian growth // *Journal of Monetary Economics*. 2018. № 100. P. 114–125.
25. *Saridakis G. [et al.]*. SMEs' internationalisation: When does innovation matter? // *Journal of Business Research*. 2019. № 96. P. 250–263.
26. *Stanisławski R., Lisowsk R.* The Relations between Innovation Openness (Open Innovation and the Innovation Potential of SMEs) // *Procedia Economics and Finance*. 2015. № 23. P. 1521–1526.
27. Edinaja mezhhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema (EMISS). [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://fedstat.ru>
28. Central'naja baza statisticheskikh dannyh. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://cbsd.gks.ru>

ФИНАНСЫ, БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И АНАЛИЗ

УДК 336.7

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Анохин Н.В., Попова Т.А., Протас Н.Г.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»

E-mail: popova.tamara1985@gmail.com, n.protas@mail.ru

Статья посвящена исследованию актуальных тенденций развития российского финансового рынка. Представлен сравнительный анализ развития российского и американского рынков. Проведен анализ альтернативных способов размещения средств с целью их сохранения и прироста. Изучены основные инструменты стимулирования инвестирования. В качестве информационной базы исследования использованы данные ведомственной статистики: данные Центрального банка России, Московской биржи.

Ключевые слова: индивидуальный инвестиционный счет, инвесторы, эмитенты, финансовый рынок, ценные бумаги, облигации, брокеры, профессиональные участники финансового рынка.

MODERN TRENDS OF THE FINANCIAL MARKET

Anokhin N.V., Popova T.A., Protas N.G.

Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: popova.tamara1985@gmail.com, n.protas@mail.ru

The article studies important trends of the development of the Russian financial market. A comparative analysis of the development of the Russian and US markets is presented. An analysis of the alternate ways of investment of funds with the purpose of preservation and increment was carried out. The main tools of investment promotion were studied. The department statistics data – Central bank of Russia and Moscow exchange were used as a data base of the research.

Keywords: individual investment account, investors, issuers, financial market, securities, bonds, brokers, professional participants of the financial market.

Российский фондовый рынок постоянно претерпевает изменения. Исключением не стал и 2018 г., охарактеризовавшийся рядом ярких событий, обусловленных как внешними, так и внутренними условиями. В том числе предопределенными программой развития рынка, проводимой регулирующими органами.

Произошло охлаждение финансовых отношений с Западом, и для достижения прежнего уровня потребуются большие усилия и время. Для финансовых рынков это проявляется, прежде всего, в ограниченном доступе к западным капиталам. Премьер-министр Великобритании Тереза Мэй озвучила необходимость ограничить присутствие российских эмитентов на Лондонской бирже [3]. При этом наблюдается процесс сближения времени торгов на международной секции Лондонской фондовой биржи (LSE IOB) с Московской биржей (МОЕХ). Это вынужденная мера, позволяющая увеличить объемы торгов российских депозитарных расписок на Лондонской бирже. Соотношение объемов торгов МОЕХ/LSE IOB составляло в 2017 – 58/42, а августе 2018 г. уже 65/35.

Финансовая политика России сделала серьезный финансовый разворот в сторону Азии. Изменилась структура золотовалютного резерва, произошло перераспределение из долларов США в юани [9]. Но очевидно, что на текущий момент рассчитывать на приток инвестиций в российскую экономику ни с Запада, ни с Востока не приходится. Альтернатив, кроме собственных, внутренних инвестиционных ресурсов, у страны нет.

Таким ресурсом можно считать текущие накопления россиян, которые по данным Центрального банка [6] оцениваются в 30 трлн руб. Срочная структура и динамика объемов вкладов представлена в табл. 1.

Анализ вкладов населения выявил их рост по итогам I полугодия 2018 г. Средний темп роста по сумме вкладов по всем выделяемым диапазонам привлечения составил 3,8 и 5,1 % по количеству вкладов. Сегментом, показавшим наиболее активный рост, можно назвать диапазон от 1,4 до 3,0 млн руб. – 6,9 % прироста по количеству. По вкладам в диапазоне до 100 тыс. руб. наблюдается рост на 0,5 %. Наибольшая доля вкладов в общем объеме сбережений принадлежит вкладам в диапазоне свыше 3 млн руб. и от 100 тыс. руб. до 1 млн руб. (рис. 1).

На 1 июля 2018 г. средний размер вклада в целом по кредитным организациям (за исключением счетов до 1 тыс. руб.) составил 168,8 тыс. руб., увеличение за I полугодие 2018 г. составило 6,1 %.

Результаты мониторинга Агентства по страхованию вкладов показали, что процентные ставки по вкладам в 100 крупнейших розничных банках продолжают снижаться. По итогам I полугодия 2018 г. большая часть банков (87 из 100) понизили ставки. Так, уровень ставок (взвешенных по объему вкладов) по рублевым годовым вкладам в размере 1 млн руб. снизился на 1,0 п.п. до 5,4 % годовых. Средние (невзвешенные) процентные ставки по аналогичным вкладам снизились на 0,9 п.п. до 6,4 % [2].

Снижение ставок приводит к изъятию вкладов с банковских счетов, а это значит необходимость перераспределения их в инвестирование, на более выгодных условиях.

Для привлечения этих средств на фондовый рынок необходимы адекватные шаги со стороны профессиональных участников. Общеизвестно, что большая часть населения страны недостаточно финансово образованы и имеют недостаточно ясное представление о возможностях инвестирования средств на финансовом рынке. Задачи развития внутреннего фондового рынка стояли всегда, но только в прошлом году действительно прояви-

Таблица 1

Объем привлеченных кредитными организациями вкладов (депозитов) физических лиц, 2018 г.

Вклады (депозиты) физических лиц	2018 г.											
	01.01	01.02	01.03	01.04	01.05	01.06	01.07	01.08	01.09	01.10	01.11	01.11
Всего	25 987 406	25 471 747	25 765 506	26 055 184	26 743 710	26 703 240	26 991 730	27 065 097	27 369 386	26 934 425	27 074 348	27 074 348
В рублях	20 642 614	20 189 510	20 570 029	20 781 663	21 231 829	21 232 068	21 506 008	21 526 890	21 438 977	21 260 938	21 419 912	21 419 912
По срокам привлечения:												
До востребования	4 297 433	3 771 373	4 077 117	4 098 626	4 443 513	4 468 054	4 740 834	4 783 693	4 754 188	4 693 769	4 790 377	4 790 377
До 30 дней	55 820	53 483	83 419	61 051	112 605	73 111	108 257	74 104	57 794	93 582	67 365	67 365
От 31 до 90 дней	285 017	330 729	387 208	473 668	414 722	341 442	280 498	301 839	307 227	262 785	291 807	291 807
От 91 до 180 дней	4 169 490	4 138 636	4 082 282	3 970 099	3 484 005	2 242 547	2 141 366	2 132 839	2 142 518	2 005 332	1 872 312	1 872 312
От 181 дня до 1 года	4 498 010	4 562 400	4 570 975	4 669 612	5 193 347	6 494 835	6 625 408	6 640 968	6 608 934	6 643 159	6 705 719	6 705 719
От 1 года до 3 лет	6 504 724	6 505 380	6 534 474	6 659 359	6 722 894	6 732 160	6 713 328	6 667 648	6 638 279	6 633 557	6 761 069	6 761 069
Свыше 3 лет	832 120	827 509	834 554	849 248	860 744	879 918	896 318	925 800	930 037	928 753	931 264	931 264
В иностранной валюте	5 344 793	5 282 237	5 195 477	5 273 521	5 511 881	5 471 172	5 485 722	5 538 207	5 930 409	5 673 487	5 654 437	5 654 437
По срокам привлечения:												
До востребования	1 100 669	1 120 694	1 110 073	1 141 661	1 240 125	1 257 844	1 268 571	1 265 598	1 407 185	1 357 195	1 330 133	1 330 133
До 30 дней	7782	8191	9847	8848	8980	7337	7178	6782	6783	9186	9777	9777
От 31 до 90 дней	16 790	17 002	17 571	16 778	16 257	15 669	14 077	14 496	14 936	14 456	18 718	18 718
От 91 до 180 дней	70 658	68 211	65 021	65 842	106 622	94 947	98 814	93 895	100 622	101 632	103 493	103 493
От 181 дня до 1 года	785 669	767 101	738 440	737 865	717 857	778 895	877 863	906 119	949 591	922 532	1 205 877	1 205 877
От 1 года до 3 лет	2 871 590	2 797 478	2 746 128	2 769 091	2 850 042	2 725 136	2 585 936	2 579 492	2 709 045	2 562 143	2 359 223	2 359 223
Свыше 3 лет	491 635	503 560	508 397	533 434	571 999	591 344	633 284	671 824	742 247	706 344	627 215	627 215

Примечание. По данным Центрального банка Российской Федерации.

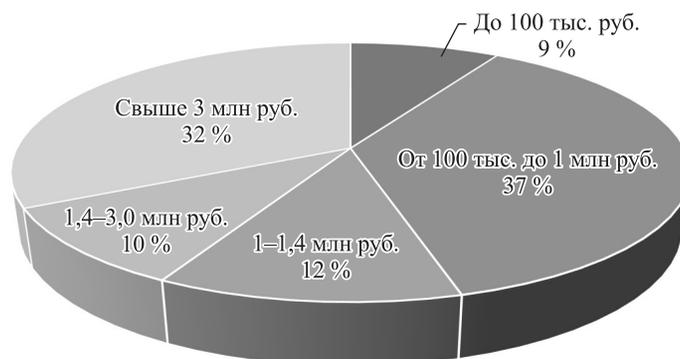

Рис. 1. Доля вкладов населения в кредитные организации России за I полугодие 2018 г. в разрезе суммарных диапазонов

лась положительная динамика. И внешние факторы нас к этим действиям лишь подталкивают.

Интересно обратиться к мировому опыту привлечения частных инвесторов. В США за 33 года (с 1980 по 2013) их количество выросло на 130 (с 29 до 159) миллионов человек. Этот путь вполне может быть пройден и в России при соблюдении ряда условий. Основными драйверами притока частных инвесторов на фондовый рынок США были стимулирование инвестиций со стороны государства в виде налоговых льгот, интенсификация механизмов доступа на фондовый рынок, а также появление совершенно нового класса профессионалов – инвестиционных консультантов. Эти же факторы оказали влияние на российский фондовый рынок в 2018 г.

В результате действия этих факторов наблюдается выход физических лиц из депозитов в связи со значительным снижением ставок и открытие новых счетов на фондовом рынке. Вследствие этого активные игроки банковского рынка формируют свои предложения для непрофессиональных инвесторов. Они предпринимают серьезные шаги в обеспечении комфорта физических лиц при приобретении тех или иных финансовых активов. Такие кредитные организации, как АО «Тинькофф банк», ПАО «Сбербанк», предлагают брокерские, дилерские и депозитарные услуги, стремясь максимально выполнять посреднические функции на рынке ценных бумаг.

Возрос интерес российских инвесторов к приобретению облигаций, что отражает структура выпусков ценных бумаг, котироваемых на Московской бирже [8] (табл. 2). Дополнительным стимулом 2018 г. для физических лиц стали отмена валютной переоценки по суверенным еврооблигациям, отмена НДС с купона корпоративных облигаций. За 2018 г. физ. лица вложили в три раза больше средств в облигации по сравнению с аналогичным периодом прошлого года – 185 млрд руб.

Положительная динамика бондизации экономики отмечается также экспертами РБК, которые подтверждают, что поправки в Налоговом кодексе повлияют на повышение реальной доходности корпоративных бондов для инвесторов примерно на 2 п.п. Можно предположить, что это еще больше укрепит позиции рынка ценных бумаг и, напротив, ослабит доверие физических лиц к банковскому депозиту [7].

Таблица 2

Общее количество торгуемых ценных бумаг на 01.01.2019 (ценные бумаги/эмитенты)

Листинг	Акции			Облигации			Облигации муниципальных образований	Облигации субъектов Федерации	Еврооблигации РФ	Облигации федерального займа (ОФЗ)	Ипотечные сертификаты	Инвестиционные паи	Ценные бумаги иностранных эмитентов				Итого
	АО	АП	Итого акции	корпоративные	биржевые	Итого							акции	облигации	инвестиционные паи	депозитарные расписки	
Первый уровень	43/43	7/7	50/44	90/27	147/35	237/52	6/3	83/32	14/1	41/1	0/0	2/2	3/3	9/1	11/3	5/5	462/132
Второй уровень	29/29	2/2	31/29	72/38	193/55	265/80	5/3	25/14	0/0	0/0	0/0	14/9	0/0	0/0	0/0	0/0	340/129
Всего по КС	72/72	9/9	81/73	162/65	340/83	502/125	11/6	108/46	14/1	41/1	0/0	16/11	3/3	9/1	11/3	5/5	802/248
Третий уровень	147/147	46/46	193/150	252/135	434/156	686/253	0/0	3/2	0/0	0/0	6/6	86/47	1/1	83/23	4/1	4/4	1070/464
Всего	219/219	55/55	274/221	414/184	774/211	1188/330	11/6	111/46	14/1	41/1	6/6	102/53	4/4	92/24	15/3	9/9	1872/642

Примечание. По данным Московской биржи.

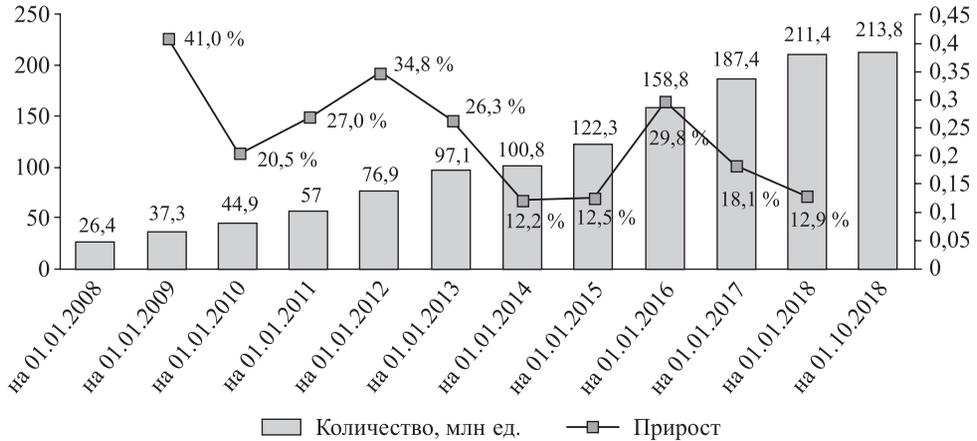

Рис. 2. Динамика количества счетов с дистанционным доступом, открытых физическими лицами в банках России, 01.01.2018–01.10.2018

Следует также отметить работу по упрощению и повышению комфортности регистрации проспектов эмиссий облигаций малыми и средними компаниями. Фактически появляется новый сегмент высокодоходных облигаций, хотя и с повышенными характеристиками риска [1]. Этим может быть обусловлена активная замена кредитов облигационными займами. Общий объем замещения корпоративного долга в России составил 20 %.

Важнейшим показателем развития розничного фондового рынка является появление новых инвесторов: за 11 месяцев – 541 тыс. новых клиентов, что почти в два раза больше, чем в прошлом году. При этом 67 % счетов открывалось дистанционно (динамика представлена на рис. 2). В текущем году этот тренд будет продолжен [5].

Дополнительным инструментом стимулирования выхода физического лица на фондовый рынок выступает возможность получения налогового вычета от вложения средств на индивидуальный инвестиционный счет (ИИС). Количество открытых ИИС возрастает (рис. 3). 20 ноября на МОЕХ зарегистрировано открытие полумиллионного счета [4]. Рост числа ИИС за октябрь 2018 г. относительно октября 2017 г. уже составил 72 %. За 2018 г. на МОЕХ открыто более 200 ИИС. На последний квартал года приходится максимальный объем – 50 % от всех открытых за год счетов. Расчет показывает, что за один рабочий день около тысячи человек открывали новые счета.

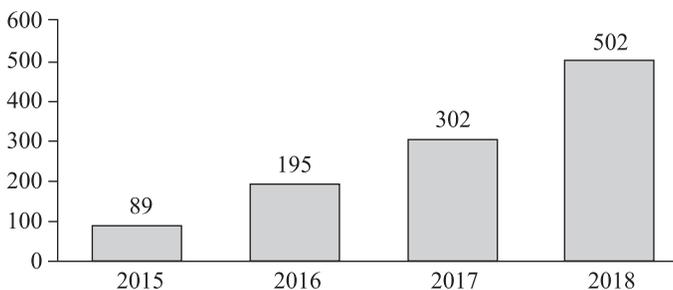

Рис. 3. Зарегистрированные ИИС на Московской бирже

Таблица 3

Рейтинг участников торгов по количеству зарегистрированных Индивидуальных инвестиционных счетов (Топ 20) за ноябрь 2018 г.

Позиция в списке	Наименование участника торгов	Количество ИИС на 01.12.2018 г.
1	Группа Банка ПАО «Сбербанк»	256 427
2	ФГ БКС	58 719
3	АО «ФИНАМ»	54 269
4	Группа Банка «ФК Открытие»	53 721
5	ВТБ	30 039
6	ООО УК «Альфа-Капитал»	11 994
7	ООО «АТОН»	10 540
8	ПАО «Промсвязьбанк»	7 910
9	Банк ГПБ (АО)	7 282
10	АО «Тинькофф Банк»	6 746
11	ООО ИК «Септем Капитал»	5 666
12	ООО «АЛОР+»	3 195
13	АО «АЛЬФА-БАНК»	2 814
14	КИТ Финанс (ПАО)	2 461
15	АО ИК «ЦЕРИХ Кэпитал Менеджмент»	2 325
16	ООО «Индивидуальные инвестиции»	2 203
17	АО «Россельхозбанк»	2 098
18	Группа компаний «РЕГИОН»	1 288
19	ООО «Москва Сити Секьюритиз»	1 197
20	АО БАНК «СНГБ»	905

Примечание. По данным Московской биржи.

Наиболее активно привлекает физических лиц на фондовый рынок Группа Банка «ПАО Сбербанк» (более 250 000 счетов); следующий кластер составляют ФГ БКС, АО «ФИНАМ», Группа Банка «ФК Открытие» (более 50 000 счетов); у остальных финансовых компаний счетов меньше (табл. 3).

По мнению профессиональных участников, более 50 % зарегистрированных ИИС принадлежат новым частным инвесторам, не имеющим отношения к фондовому рынку. Инвесторы, приходящие на фондовый рынок через открытие счета ИИС, имеют разные стратегии использования этого инструмента, большая часть используют ИИС в качестве реального брокерского счета, формируя портфель из акций и облигаций, остальные в качестве «депозита» для возмещения налогового вычета.

Сопоставление количества уникальных счетов и активных счетов в крупнейших финансовых компаниях за 2018 г. показало, что наблюдается серьезная дифференциация по использованию брокерских счетов (рис. 4). Такие участники рынка, как Тинькофф Банк, ФИНАМ, ФК Открытие стимулируют своих клиентов к активному использованию счетов, в то время как клиенты Сбербанка, БКС и ВТБ проявляют более низкую активность.

Рис. 4. Общее количество уникальных счетов, а также число активных счетов в крупнейших финансовых компаниях за 2018 г.

Неоднородная ситуация наблюдается также в региональном разрезе. На первых позициях по количеству открытых счетов находятся Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Свердловская область и Республика Башкортостан. Новосибирская область занимает 15-е место из 83. Внутри Сибирского федерального округа ситуация такова: Новосибирская область уступает Красноярскому краю, на третьем месте после Новосибирска – Иркутская область, далее – Кемеровская и Омская области.

В 2019 г. продолжится положительное воздействие налоговых льгот на активность физических инвесторов. Кроме этого позитивное воздействие должны оказать поправки в закон об инвестиционных консультантах. По мнению авторов, введение в действие классификации инвесторов приведет к повышению интереса частных инвесторов к самым надежным облигациям.

Литература

1. Анохин Н.В., Караваев В.А., Колбин С.Е., Протас Н.Г. Региональный рынок облигаций – штиль перед штормом? // ЭКО. 2017. № 11. С. 177–190.
2. Анализ рынка вкладов физических лиц в I полугодии // Агентство по страхованию вкладов URL: https://www.asv.org.ru/agency/for_press/pr/538803/
3. Британия может запретить продажу российских евробондов на фондовом рынке Лондона // Новые известия. 29 марта 2018. URL: <https://newizv.ru/news/economy/29-03-2018/britaniya-mozhet-zapretit-prodazhu-rossiyskih-evrobondov-na-fondovom-rynke-londona> (30.03.2018).
4. Количество открытых ИИС превысило 500 тысяч / BCS EXPRESS. 21 ноября 2018. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kolichestvo-otkrytykh-iis-stremitel-no-rastet> (15.01.2019).
5. Михеева А. Минфин полностью разместил ОФЗ на фоне данных об отсрочке новых санкций // РБК Новосибирск. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/11/2018/5bec3dcd9a7947e5dec45765> (14.01.2019).

6. Объем привлеченных кредитными организациями вкладов (депозитов) физических лиц // Центральный банк Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/4-2-1a_18.htm&pid=pdko_sub&sid=dpbvf (12.01.2019).
7. *Седлов Д., Писарев А.* Бонды против депозитов // Деньги. 29 марта 2017. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/03/30/58dba5819a7947ddf450a2b7> (30.06.2018).
8. Список ценных бумаг, допущенных к торгам // Московская биржа. URL: <https://www.moex.com/ru/listing/securities.aspx> (13.01.2019).
9. *Яковленко А.* Неудачная дедолларизация. ЦБ скупил юани и потерял часть резервов. 10.01.2019. anews. URL: <https://www.anews.com/p/103666156-neudachnaya-dedollarizaciya-cb-skupil-yuani-i-poteryal-chast-rezervov/> (12.01.2019).

Bibliography

1. *Anohin N.V., Karavaev V.A., Kolbin S.E., Protas N.G.* Regional'nyj rynek obligacij – shtil' pered shtormom? // JeKO. 2017. № 11. P. 177–190.
2. Analiz rynka vkladov fizicheskich lic v I polugodii // Agentstvo po strahovaniju vkladov URL: https://www.asv.org.ru/agency/for_press/pr/538803/
3. Britaniya mozhet zapretit' prodazhu rossijskich evrobondov na fondovom rynke Londona // Novye izvestija. 29 marta 2018. URL: <https://newizv.ru/news/economy/29-03-2018/britaniya-mozhet-zapretit-prodazhu-rossijskich-evrobondov-na-fondovom-rynke-londona> (30.03.2018).
4. Kolichestvo otkrytyh IIS prevysilo 500 tysjach / BCS EXPRESS. 21 nojabrja 2018. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kolichestvo-otkrytykh-iis-stremitel-norastet> (15.01.2019).
5. *Miheeva A.* Minfin polnost'ju razmestil OFZ na fone dannyh ob otsrochke novyh sankcij // RBK Novosibirsk. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/11/2018/5bec3dcd9a7947e5dec45765> (14.01.2019).
6. Ob'em privlechennyh kreditnymi organizacijami vkladov (depozitov) fizicheskich lic // Central'nyj bank Rossijskoj Federacii. URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/4-2-1a_18.htm&pid=pdko_sub&sid=dpbvf (12.01.2019).
7. *Sedlov D., Pisarev A.* Bondy protiv depozitov // Den'gi. 29 marta 2017. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/03/30/58dba5819a7947ddf450a2b7> (30.06.2018).
8. Spisok cennyh bumag, dopushhennyh k torgam // Moskovskaja birzha. URL: <https://www.moex.com/ru/listing/securities.aspx> (13.01.2019).
9. *Jakovlenko A.* Neudachnaja dedollarizacija. CB skupil juani i poterjal chast' rezervov. 10.01.2019. anews. URL: <https://www.anews.com/p/103666156-neudachnaya-dedollari-zaciya-cb-skupil-yuani-i-poteryal-chast-rezervov/>

УДК 330.1 + 336.6

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ОТЧЕТНОСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЕЕ ПРАКТИКИ

Кащина Ж.Е.

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: z.kaschina@lsg.spb.ru

Предметом исследования являются формы корпоративной отчетности и требования пользователей к учетным данным в современной экономике. Вводится понятие персонализированной отчетности с целью определить и оценить существующую тенденцию настройки формата отчетности под конкретного внешнего пользователя. Результатом исследования стало доказательство гипотезы о существовании высокой заинтересованности пользователей учетных данных и корпоративной отчетности в доступе к детализированной информации о фактах хозяйственной жизни предприятия в режиме реального времени.

Ключевые слова: финансовая отчетность, пользователи отчетности, персонализированная отчетность, информация, данные, технологии.

PERSONALIZATION OF CORPORATE REPORTING AS THE COURSE OF DEVELOPMENT OF ITS PRACTICE

Kashchina Z.E.

Saint-Petersburg State University

E-mail: z.kaschina@lsg.spb.ru

The forms of corporate reporting and user requirements to accounting data in modern economy are subject of the research. The concept of personalized reporting was introduced to identify and assess the existing trend of customization of the reporting format for a certain external user. The research resulted in proving the hypothesis of the existence of great interest of the users of accounting data and corporate reporting in the access to detailed information about facts of business life in real-time mode.

Keywords: financial reporting, users of reporting, personalized reporting, information, data, technologies.

Введение. В данной статье автор рассматривает способы решения проблемы теоретико-методологического обоснования модели учета, удовлетворяющей современной потребности пользователей отчетности по ее индивидуализации. Объектом исследования являются формализованные запросы пользователей отчетности компании и требования, которые предъявляются ими к данной отчетности в настоящее время. В современном обществе методы обработки финансовой информации (в данном случае отчетность компании и ее учетные данные), очевидно, должны быть встроены в новую информационно-технологическую парадигму.

Так, в настоящее время информация все чаще становится предметом экономической деятельности, целью которой является воздействие на потребителя [1]. Речь, в частности, идет о создании технологий обработки «больших» данных. В этих условиях персонализированная отчетность может стать важной частью конкурентного преимущества любой компании.

По мнению М.Л. Пятова и В.В. Глинского «Персонафицированность отчетных данных, заключающаяся в их настройке под запросы конкретного пользователя, – это также воплощающаяся реальность текущего момента времени» [10, с. 87].

Под персонализированной отчетностью¹ будем понимать как финансовые, так и нефинансовые (агрегированные или первичные) данные, объединенные в виде формализованного отчета, содержание которого определяется соглашением между пользователем такой отчетности и предоставляющей ее компанией.

Безусловно, идея детализации определенной части данных отчетности в интересах тех или иных групп пользователей не нова. В настоящее время она реализуется, с одной стороны, в пояснениях к балансу, с другой – в раскрытии специфики методологии в пояснительной записке. Кроме того, все развитие публичной отчетности характеризуется выбором или утверждением, в той или иной степени, детализации ее статей и в то же время их унификацией. Развитие технологий и динамики информационных запросов способствует персонализации или индивидуальной детализации данных отчетности. Основной отличительной чертой персонализированной отчетности является то, что она ориентирована на конкретного пользователя учетных данных и отвечает его индивидуальным требованиям к содержанию отчетности.

Как известно, бухгалтерская информация, такая, как, например, данные баланса и отчеты о прибылях и убытках, является несовершенной. Данные финансовой отчетности страдают от таких проблем, как неоднозначная и неоднородная методология, а также ретроспективность. Однако, если бы фирмы готовы были полностью или частично открыть доступ к своей внутренней учетной информации, это бы значительно повысило качество анализа, проводимого пользователями, повысило доверие к содержанию отчетности, а также упростило процесс верификации транзакций [17].

В настоящее время согласно п. 4 Приказа Минфина России от 02.07.2010 № 66н «О формах бухгалтерской отчетности» нормативным регулированием бухгалтерского учета не предусмотрена четкая структуризация информации, формируемой в пояснениях к бухгалтерскому балансу и отчету о прибылях и убытках. Принято считать, что содержание пояснений определяется организациями самостоятельно в произвольной форме. Действующие нормативные акты содержат лишь общие требования к ее содержанию. Однако они неоднородны и если какое-либо требование отдельного ПБУ не реализовано в таблицах-пояснениях, рекомендованных Минфином России, то, следовательно, данное раскрытие организация должна дать самостоятельно, для чего разработать таблицу-пояснение или раскрыть требуемую информацию текстом [3]. При этом также подразумевается, что раскрываемая в пояснениях информация должна полностью удовлетворять требованиям и запросам всех групп пользователей отчетности, что на практике реализовать практически невозможно.

¹ Термин «персонализированная отчетность» является ориентировочным и может быть определен как детализированная или индивидуализированная.

В связи с этим в статье рассмотрены следующие вопросы:

– Существует ли на практике потребность в персонализированной корпоративной отчетности?

– Каково содержание действительных информационных запросов конкретных групп пользователей отчетности, не удовлетворяемых ее существующим (общим) форматом?

– Насколько развитие практики персонализированной отчетности обеспечивается современным уровнем реализуемых в экономической деятельности технологий?

Современный человек живет в условиях новой информационно-технологической парадигмы. Ее ключевыми характеристиками являются всеохватность, сложность и сетевой характер. Сегодня можно наблюдать конвергенцию некогда изолированных друг от друга методов и технологий. Успехи во многих областях современной науки связаны с возросшими вычислительными возможностями. Это касается и обработки данных, используемых для принятия экономических решений бизнесом, основой которых в значительной степени является бухгалтерская отчетность. Современные технологии позволяют достигать новых границ скорости, объема памяти и гибкости при обработке информации из множества источников.

Так, многие технологии обеспечивают более быстрый и четкий сбор и передачу данных для разработки алгоритмов прогнозирования и улучшение оценки и рисков. Одним из возможных результатов данных тенденций является замена статических финансовых отчетов на исходные (первичные) данные, которые могут быть получены и проанализированы конечным пользователем.

В результате снижения стоимости генерации, хранения, поиска и передачи данных, по мнению автора, компромиссы в виде различных форм представления отчетности приносят мало пользы. При этом существующие технические возможности позволяют пользователю манипулировать учетными данными, изучая их более или менее подробно, если это необходимо.

Следовательно, стандарты финансовой отчетности, которые регулируют представление и агрегирование данных, должны измениться, а существующие возможности анализа больших объемов данных требуют другой парадигмы корпоративной отчетности.

Вышесказанное позволяет сформулировать гипотезу о том, что сегодня со стороны пользователей учетной и отчетной информации существует высокая заинтересованность в доступе к первичной информации о фактах хозяйственной жизни компании в режиме реального времени.

Корпоративная отчетность в современной экономике. Сутью бухгалтерского учета всегда являлось создание и обработка количественных данных. При этом к современным пользователям учетной информации предъявляются новые требования к существующим формам отчетности. Чтобы успешно конкурировать на рынке, характеризующемся большой волатильностью и неопределенностью, компании сегодня вынуждены увеличивать скорость принятия решений и соответственно нуждаются в соответствующей скорости получения релевантной информации. Здесь чрезвычайней-

но важным становится баланс между аналитичностью и оперативностью. В этих условиях традиционный процесс принятия решений на основе стандартных форм бухгалтерской отчетности становится уже неактуальным. То же можно сказать, например, и об отраслевом учете. В этой связи еще в 2010 г. Я.В. Соколов писал, что *«традиционная бухгалтерия, ориентированная на конкретные отрасли, изжила себя»* [12].

Информация о фактах хозяйственной жизни на пути от первичных документов до финансовой отчетности претерпевает ряд преломлений [5]. В результате пользователь получает лишь отдаленное представление о реальном состоянии дел компании. Часто подобные информационные преломления связаны с различными методами перегруппировки при агрегировании учетных данных.

В настоящее время стандартные формы корпоративной отчетности помогают найти компромисс между желанием пользователей получить больше информации и затратами на ее подготовку и передачу. Ранее вынужденные мириться с нехваткой информации компании теперь стремятся извлечь выгоду из огромных объемов данных. Аналогичным образом данные из многочисленных источников и в разных формах, многие из которых не имеют значения, наводняют инвесторов и других пользователей отчетности. При этом стандарты бухгалтерского учета и аудита не успевают за темпами развития технологий, сохраняя акцент на представлении, агрегировании и выборке [20].

Представляется возможным сказать, что сегодня на практике существует три вида взаимодействия учетных систем собственника и пользователя учетной информации в зависимости от основания доверия. Первый вид, когда пользователь получает информацию и вынужден доверять ей по необходимости из-за отсутствия альтернативы (в данном случае единственным критерием достоверности может являться заключение аудитора), второй способ – собственник информации (на основании закона или договора) может влиять на содержание передаваемой информации, например, дополняя стандартную отчетность данными, интересующими конкретного пользователя, и третий вид взаимодействия, требующий специальных технологий (например, «блокчейн»). Данный вид, по сути являющийся своеобразной сверкой, – это некий аналог двойной бухгалтерской записи, только в масштабах межфирменного обмена данными. В данном случае доверие к информации не зависит от лица, ее предоставляющего. При этом не секрет, что в настоящее время фирмы могут достаточно просто манипулировать своими ретроспективными учетными данными для вуалирования реального финансового положения, однако принятие блокчейн (распределенных)-реестров в учете может предотвратить это поведение, заменив традиционные реестры на более надежные альтернативы [19].

Кроме того, интернет-технологии могут способствовать непрерывному представлению отчетности в тех случаях, когда временной лаг между возникновением событий и принятием решений на их основе резко сокращается. Цель непрерывной отчетности состоит в обеспечении заинтересованных лиц доступом к актуальной информации, достаточной для принятия обоснованных решений [21].

Безусловно, как у любой технологии у распределенных реестров есть ряд преимуществ и недостатков. К преимуществам можно отнести:

- многостороннюю проверку вносимых данных, что значительно затрудняет несанкционированное изменение информации. Как результат – высокое доверие к получаемой из реестра информации;

- гарантию доступности и сохранности данных. Если один из серверов сети выходит из строя, остальные участники смогут работать с другими серверами, а вся база данных на вышедшем из строя сервере легко может быть восстановлена;

- уменьшение количества документации на бумажных носителях. Всю информацию распределенные реестры позволяют проводить в электронном виде, причем все участники (включая государственные контролирующие и надзорные органы) получают ее в режиме реального времени;

- прозрачность хранимой информации. Если контрагент получает доступ к какой-либо цепочке информации, он может увидеть всю историю изменений по этой цепочке;

- возможность быстрой передачи проверенной информации всем участникам сети. После прохождения валидации, информация становится доступной всем участникам.

Однако технология распределенных реестров в настоящее время находится на раннем этапе своего развития и, как следствие, на текущий момент имеет целый ряд существенных недостатков, которые еще предстоит решить. Например, таких как:

- информационная безопасность предприятия;

- отсутствие соответствующего нормативного регулирования;

- нехватка технологий, подходящих для внедрения на корпоративном уровне;

- отсутствие масштабируемости, т.е. нельзя увеличить количество серверов в сети и увеличить скорость работы цепочки;

- для крупных компаний необходима высокая скорость записи и чтения в/из базы данных и т.д.

Частным случаем третьего вида взаимодействия учетных систем пользователя и собственника учетной информации является все чаще применяемый в последнее время так называемый принцип «Открытой книги» («Open-book»)², базирующийся на максимально возможной открытости в вопросах предоставления информации о формировании стоимости услуг, оказываемых заказчику. Иными словами, у заказчика появляется возможность понимать порядок ценообразования стоимости работ (услуг), которые предоставляет исполнитель. Соответственно последний предоставляет информацию о всех расходах, связанных с формированием стоимости. Данный метод ценообразования, основанный на компенсации затрат, часто используется при реализации контрактов в строительной отрасли. Основной причиной использования такого метода реализации контрактов является невозможность (на начальной стадии строительства) определения конеч-

² Вид контрактных отношений, когда сторонами оговаривается порядок ценообразования по методу компенсации затрат.

ной стоимости объекта или конкретных работ в силу незавершенности предыдущих этапов инвестиционно-строительного процесса.

Это нам показывает, что новые технологии могут служить основой для создания персонализированной отчетности и, как следствие, формировать доверие к ее содержанию через использование самой технологии. Целью персонализации является, прежде всего, удовлетворение интересов пользователей. Главной характеристикой персонализированной отчетности становится удовлетворение *индивидуальных* запросов ее пользователей. Тогда как Концепция МСФО указывает, что финансовая отчетность, удовлетворяющая потребности инвесторов, будет также удовлетворять большинство потребностей других пользователей финансовой отчетности [21]. Здесь следует сделать важное уточнение, что в данной концепции МСФО речь идет о коммерческой организации, где источником рискованного капитала выступают внешние инвесторы. Данная ситуация может быть актуальна для США, но в России в настоящее время доля публичных акционерных обществ в общем числе предприятий пока крайне низкая. Соответственно на первый план выходят интересы других групп пользователей отчетности, например, таких как прочие кредиторы (кредитные организации и другие кредиторы-организации (покупатели, поставщики)).

Как уже отмечалось ранее, информация о деятельности предприятий, содержащаяся в бухгалтерской (финансовой) отчетности, интересует большинство ее пользователей, в том числе партнеров предприятия, которые непосредственно участвуют в его финансовой и хозяйственной деятельности, вносят свой вклад в эту деятельность, требуют компенсации за свой вклад и исходя из своих интересов анализируют информацию о предприятии [16]. При этом унификация отчетности приводит к урезанию интересов пользователей, а персонализация может стать путем к решению данной проблемы и инструментом современного аудита. Безусловно, проблему доверия к отчетной информации каждый пользователь может решать делая выбор между собственными компетенциями (персонализированная отчетность) и общепринятым экспертным мнением (МСФО, МинФин).

Также необходимо отметить, что *не* все группы пользователей имеют равный доступ к информации о предприятии. Как правило, информация, анализируемая группами пользователей, ограничена данными публичной бухгалтерской (финансовой) отчетности, в то время как именно они (пользователи) непосредственно и «жестко» заинтересованы в достоверных и актуальных сведениях о деятельности предприятия, так как от этого знания зависит их собственное финансовое благополучие, доходы бюджета.

Существующая практика и развитие технологий делают актуальными исследования, которые позволили бы идентифицировать существующие запросы разных групп пользователей.

Потребности пользователей отчетности в текущей хозяйственной практике. В целях определения содержания действительных информационных запросов конкретных групп пользователей отчетности, не удовлетворяемых ее существующим (общим) форматом, было проведено исследование, материалом для которого послужило более 100 различных формализованных запросов пользователей отчетности: тендерные таблицы; требования

и письма контролирующих органов; внутренние положения и документы, касающиеся «скоринга»³ заемщиков кредитных организаций; запросы различных кредиторов, направляемые в рамках соблюдения законодательных норм (например, должной осмотрительности). Репрезентативность данных подтверждается тем, что в ходе исследования в равной степени были проанализированы запросы всех основных групп пользователей корпоративной отчетности.

Важно уточнить, что анализируемые запросы были получены предприятием строительной отрасли, которая является в последние годы одной из наиболее динамично развивающихся в России. В частности, по данным Росстата, за период с 2005 по 2017 г. количество действующих предприятий данной отрасли выросло почти в 2,5 раза, при этом обороты строительных организаций за этот же период увеличились более чем в 4 раза [22]. Кроме того, можно утверждать, что требования, предъявляемые пользователями, к отчетной информации предприятий других отраслей практически аналогичны исследуемым. Особенно это относится к запросам контролирующих органов и кредитных организаций, так как отраслевая принадлежность в данном случае не является значимым показателем.

В процессе исследования были проанализированы различные виды учетной информации, запрашиваемой ее пользователями. В случае рассматриваемого предприятия это обслуживающие банки, инвесторы, заказчики работ, поставщики материалов, субподрядные организации, контролирующие государственные органы.

Пользователей финансовой отчетности, чьи запросы были проанализированы, можно распределить по следующим основным группам: кредиторы (банки и контрагенты), акционеры и собственники, контролирующие государственные органы. В общей сложности были изучены запросы от 90 пользователей учетной информации, таких как ИФНС, ПФР, Росстат, крупные и средние банки (ВТБ, Сбербанк, Совкомбанк и т.д.), а также крупные производственные предприятия, нуждающиеся в широком перечне поставщиков и разработавшие собственные процедуры выбора и оценки поставщика/подрядчика.

Данные запросы были систематизированы и объединены в три основные группы: первичная информация о фактах хозяйственной деятельности, нефинансовая информация (опыт, референции и т.д.) и информация, раскрывающая юридический аспект фактов хозяйственной жизни, касающаяся возможных изменений в активах организации и запрашиваемая с целью построения максимально точного краткосрочного прогноза.

Процедура исследования состояла из трех этапов:

1. Получение запроса от пользователя.
2. Выявление и систематизация данных, не содержащихся в стандартной отчетности.
3. Анализ данных, не содержащихся в стандартной отчетности либо раскрытых недостаточно.

³ Система оперативной оценки клиента (потенциального заемщика), основанная на численных статистических методах, которой преимущественно пользуются розничные банки и микрофинансовые компании.

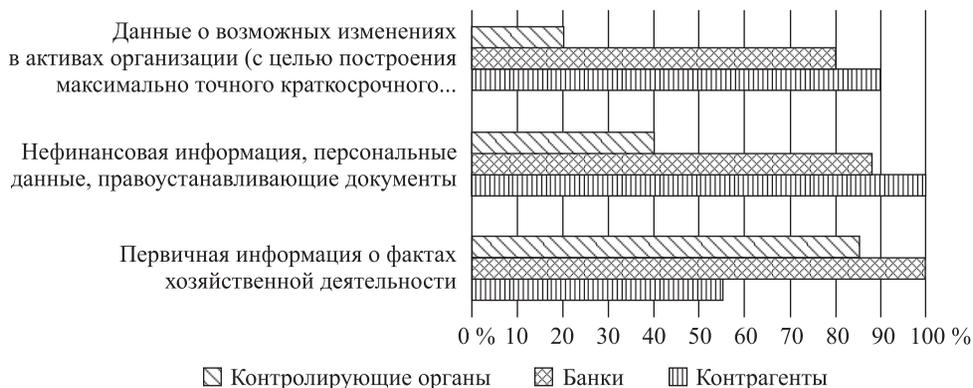

Рис. 1. Основные группы дополнительных формализованных запросов пользователей корпоративной отчетности.

Источник: авторская разработка

Результаты проведенного исследования (см. рисунок) показали, что в 55 % запросов от контрагентов (заказчики, поставщики и пр.) в 85 % запросов от контролирующих органов и в 100 % запросов от банков содержится требование о предоставлении первичной информации о фактах хозяйственной жизни (копии первичных документов, ОСВ по счетам с расшифровкой и т.д.). Таким образом можно сказать, что самостоятельно проводить анализ на основе первичной информации предпочитают большинство пользователей финансовой отчетности.

В доступе к нефинансовой информации (подтверждение квалификации персонала, персональные данные, референции и т.д.) при проверке контрагентов нуждается 100 % заказчиков и покупателей товаров и услуг. При оценке заемщика в 88 % анкетах банков содержится требование о раскрытии нефинансовой информации о текущей деятельности предприятия. В 40 % случаев контролирующие органы запрашивают информацию такого типа. Следовательно, несмотря на тот факт, что многими компаниями составляется нефинансовая отчетность, пользователям интересны именно актуальные первичные данные, на основе которых она формируется.

В 90 % запросов от заказчиков и покупателей товаров и услуг, в 80 % запросов от банков и в 20 % – от контролирующих органов содержится просьба предоставить информацию, касающуюся возможных изменений в активах организации в ближайшее время. К таким данным относятся правоустанавливающие документы, в том числе подтверждающие право собственности, пользования или требования, плановые показатели, прогнозы, открытые контракты и т.д. Иными словами, пользователей интересует отражение фактом не только экономических, но и юридических отношений. Так, например, в качестве чисто юридического факта можно рассматривать заключение договора.

Также в рамках данного исследования автором были проанализированы данные проведенного им опроса 110 респондентов, представителей компаний, имеющих значительный опыт в разработке, внедрении или оценке новых видов отчетности. В опросе участвовали представители компаний различных отраслей (оптовая торговля, производство, розничная торгов-

ля, строительство, транспортные услуги, фармацевтика и т.д.) и размеров (МСП (67 % респондентов) и крупные (33 % респондентов)).

В ходе проведенного авторами исследования респондентам были заданы следующие вопросы:

1. Получаете ли вы запросы о предоставлении информации о вашей компании помимо стандартной отчетности?

2. Если да, то от каких пользователей отчетности? (Варианты ответов: кредитные учреждения, контрагенты (покупатели, заказчики, поставщики, продавцы), контролирующие государственные органы.)

3. Если да, то каков тип запрашиваемой информации (Варианты ответов: финансовая, нефинансовая)?

4. Если да, то было ли среди запрашиваемой информации требование о предоставлении первичных документов о фактах хозяйственной жизни компании?

Результаты проведенного исследования (см. таблицу) показали, что в 94 % респонденты получают запросы о предоставлении информации о их компании помимо стандартной отчетности, при этом наиболее часто такие запросы поступают от кредитных учреждений (79 %) и фирм-контрагентов компании (77 %). Возможно это связано с тем, что данные пользователи отчетности наиболее заинтересованы в актуальности предоставляемых данных, а также имеют более широкий и гибкий инструментарий для их анализа. По данным опроса пользователей отчетности в равной степени интересует как финансовая (94 %), так и нефинансовая информация (75 %) о деятельности компании. С одной стороны, это подтверждает востребованность интегрированной отчетности, с другой – говорит о том, что пользователи явно хотят актуализации содержания данной отчетности в режиме реального времени. Кроме того, данные опроса подтвердили потребность пользователей отчетности в доступе к первичной информации (75 %). Вероятно, это связано с потребностью пользователей отчетности повысить уровень достоверности, содержащейся в ней информации, а также попыткой через анализ контрагентов провести оценку качества активов компании (например, дебиторской задолженности).

Результаты проведенного опроса

Вопрос	Положительные ответы, %
Получаете ли вы запросы о предоставлении информации о вашей компании помимо стандартной отчетности?	94
Если да, то от каких пользователей отчетности	
Кредитные учреждения	79
Контрагенты (покупатели, заказчики, поставщики, продавцы)	77
Контролирующие государственные органы	57
Если да, то каков тип запрашиваемой информации	
Финансовая	94
Нефинансовая	75
Если да, то было ли среди запрашиваемой информации требование о предоставлении первичных документов	75

Источник: авторская разработка.

Таким образом, результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что сегодня со стороны пользователей учетной и отчетной информации существует высокая заинтересованность в доступе к первичной информации о фактах хозяйственной жизни компании в режиме реального времени, при этом интегрированные интернет-технологии могут способствовать значительно повышению доверия к бизнесу и закреплению за персонализированной отчетностью статуса конкурентного преимущества.

Однако в этой связи остаются открытыми такие вопросы:

Существует ли необходимость адаптации стандартов бухгалтерского учета и отчетности к частным запросам пользователей отчетности?

Какие дополнительные данные, не содержащиеся в существующих формах отчетности, требуются для анализа финансового состояния компании?

Нуждается ли в переоценке понятие существенности применительно к финансовой отчетности компании?

Будет ли в перспективе меняться роль пользователя отчетности?

Может ли раскрытие первичных учетных данных значительно влиять на стоимость фирмы?

Каково влияние более широкого раскрытия учетной информации фирмами на их конкурентное преимущество?

Изменят ли степень доверия пользователей самостоятельно настраиваемые финансовые отчеты?

Какова оптимальная степень раскрытия учетной информации?

Следует отметить, что формализация форм отчетности в условиях растущей автоматизации теряет свою значимость, а также можно утверждать, что в перспективе будет необходим переход от анализа выборки к анализу большего объема данных.

Заключение. Таким образом, существующее положение вещей фактически иллюстрирует сложившееся в настоящее время противоречие между теорией бухгалтерского учета и его нормативным регулированием, с одной стороны, и фактической практикой новой корпоративной отчетности – с другой. Этот разрыв актуализируется стремительным развитием технологий, принципиально меняющих основание доверия к информации. Означает ли это наступление новой парадигмы в учете? Ответ на данный вопрос должен быть получен в ближайшее время.

Современные технические средства, безусловно, позволяют избежать значительного преломления информации и учетных противоречий, а также повысить сопоставимость учетных данных. Кроме того, персонализированная отчетность и объединение баз данных могут значительно сократить асимметрию информации на рынке и, как следствие, снизить риски и, например, спекулятивные заработки участников финансовых рынков.

При этом следует заметить, что скорость перехода к открытым (частично или полностью) базам данных сегодня зависит большей частью не от возможностей информационных и коммуникационных технологий, а от готовности владельцев баз учетных данных, будь то государство или ТНК, раскрыть информацию и тем самым отказаться от прав собственности на нее. Для коммерческих организаций к тому же добавляется проблема выбора между конкурентным преимуществом и сохранением коммерческой тайны.

На современном этапе развития экономики идея удовлетворения информационных запросов пользователей отчетности реализована путем построения в фирме трех систем учета и отчетности соответственно: финансового, управленческого и налогового⁴. При этом вполне логично признать:

– существование факта значимо различающихся интересов разных групп пользователей отчетности, а также невозможность игнорирования или ущемления их интересов,

– существование факта необходимости гармонизации информационного обеспечения разных групп пользователей отчетности.

Кроме того, исследование показало востребованность персонализированной корпоративной отчетности у различных современных групп пользователей. Такая отчетность является альтернативой вышеописанным формам отчетности и по сути может быть настраиваемой под каждого отдельно взятого пользователя.

В качестве еще одного аргумента в пользу персонализированной отчетности следует отметить тот факт, что в условиях рыночной экономики *объективность* учетной информации, используемой для управления, является по большей части мифом. Безусловно речь не идет о преднамеренной фальсификации, а лишь о том, что процесс отбора данных, их оценки и включения в отчет не может быть абсолютно объективным [9].

Следует уточнить, что в настоящее время персонализированная отчетность является актуальной потребностью пользователей и получает все большее распространение на практике, а объединение баз учетных данных может значительно сократить асимметрию информации на рынке и, как следствие, снизить риски предприятий реального сектора экономики. Кроме того, в связи со стремительным развитием информационных технологий, существенно влияющих на практику создания, распространения и потребления данных корпоративной отчетности компаний заинтересованными в них лицами, становится очевидным, что в современном обществе методы обработки данной информации (отчетность компании и ее учетные данные) должны быть встроены в новую информационно-технологическую парадигму.

В завершение справедливо будет заметить, что по мере распространения подобной персонализированной отчетности, равно как и децентрализованного ведения учета, несомненно, будет расти и список вопросов, связанных с их регулированием, в том числе на уровне законодательства.

Литература

1. *Акатьева М.Д.* Принципы бухгалтерского учета: ретроспектива формирования и современные тенденции // Международный бухгалтерский учет. 2017. № 7. С. 370–384.
2. *Асташкина А.С.* Дискуссия по вопросу публичности бухгалтерской отчетности в конце XIX века в России // Международный бухгалтерский учет. 2017. № 20. Вып. 1. С. 35–46.
3. *Банникова Е.В., Хамзина О.И.* Назначение и состав пояснений к бухгалтерскому балансу и отчету о прибылях и убытках. Материалы II всерос. науч.-практ.

⁴ Подобное структурирование предложено представителями англо-американской школы бухгалтерского учета.

- конф.: Бухгалтерский учет, анализ, аудит и налогообложение: проблемы и перспективы» / сборник статей. Под общ. ред. Н.Н. Бондиной. Пенза: Изд. ПГСА, 2014. С. 6–9.
4. Будович Ю.И. Конкурентная борьба между оперативным и бухгалтерским учетом и избыточность информации учета: экономико-теоретический анализ // Международный бухгалтерский учет. 2017. № 23. С. 106–122.
 5. Генералова Н.В., Соколова Н.А. Вариативность интерпретации бухгалтерской информации // Вестник СПбГУ. Сер. 5: Статистика и учет. 2012. № 5.
 6. Гринэуэй Д., Блини М., Стюарт И. Панорама экономической мысли конца XX столетия / пер. с англ.; под ред. В.С. Автономова, С.А. Афонцева. СПб.: Экономическая школа, 2002. 684 с.
 7. Ивашкевич В.Б. О парадигме в учетной науке // Вестник профессиональных бухгалтеров. 2015. № 1. С. 42–48.
 8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУВШЭ, 2000. 608 с.
 9. Ковалев В.В., Ковалев Вит.В. Анализ баланса, или как понимать баланс / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 782 с.
 10. Пятов М.Л., Глинский В.В. Концепция гуманизации данных статистики в работах Я.В. Соколова // Вопросы статистики. 2018. № 25 (3). С. 79–88.
 11. Пятов М.Л. Отчетность как элемент конкурентных преимуществ компаний: тенденции и закономерности // Вестник НГУЭУ. 2016. № 4. С. 10–31.
 12. Соколов Я.В. Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней: учеб. пособие для вузов. М.: Аудит ЮНИТИ, 1996. 638 с.
 13. Соколов Я.В. Бухгалтерский учет как сумма фактов хозяйственной жизни: учеб. пособие. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2010. 224 с.
 14. Соколов Я.В. Основы теории бухгалтерского учета. М.: Финансы и статистика, 2000. 495 с.
 15. Цыганков К.Ю. Бухгалтерский баланс и бухгалтерская мысль: от Луки Пачоли до наших дней // Международный бухгалтерский учет. 2017. № 6. С. 4–16.
 16. Шеремет А.Д., Суйц В.П. Аудит: Учебник / 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 447 с.
 17. Byström H. Blockchains, real-time accounting and the future of credit risk modeling. Working paper. Lund, Department of Economics, School of Economics and Management Lund University, 2016. 12 p.
 18. Cockcroft S. Big data opportunities for accounting and finance practice and research. Australian Accounting Review, 2018. Vol. 28. № 3. P. 323–333. doi: 10.1111/auar.12218
 19. Coyne J.G., McMickle P.L. Can blockchains serve an accounting purpose? Journal of emerging technologies in accounting American Accounting Association. 2017. Vol. 14. № 2. P. 101–111. doi: 10.2308/jeta-51910
 20. John Peter Krahel, William R. Titera. Consequences of big data and formalization on accounting and auditing standards. Accounting Horizons, 2015. Vol. 29. № 2. P. 409–422. doi:10.2308/acch-51065
 21. Lodhia S. Integrated reporting in an internet and social media communication environment: conceptual insights. Australian Accounting Review, 2017. Vol. 27. № 1. P. 17–33. doi: 10.1111/auar.12143
 22. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. URL: <http://www.gks.ru>
 23. Электронный ресурс. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/36007/reestr_survey.pdf (дата обращения: 17.02.2019).

Bibliography

1. Akat'eva M.D. Principy buhgalterskogo ucheta: retrospektiva formirovaniya i sovremennye tendencii // Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet. 2017. № 7. P. 370–384.

2. *Astashkina A.S.* Diskussija po voprosu publichnosti buhgalterskoj otchetnosti v konce XIX veka v Rossii // *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchët.* 2017. № 20. Vyp. 1. P. 35–46.
3. *Bannikova E.V., Hamzina O.I.* Naznachenie i sostav pojasnenij k buhgalterskomu balansu i otchetu o pribyljah i ubytkah. Materialy II vsëros. nauch.-prakt. konf.: Buhgalterskij uchët, analiz, audit i nalogooblozhenie: problemy i perspektivy / sbornik statej. Pod obs. red. N.N. Bondinoy. Penza: Izd. PGSA, 2014. P. 6–9.
4. *Budovich Ju.I.* Konkurentnaja bor'ba mezhdú operativnym i buhgalterskim uchëtom i izbytochnost' informacii uchëta: jekonomiko-teoreticheskij analiz // *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchët.* 2017. № 23. P. 106–122.
5. *Generalova N.V., Sokolova N.A.* Variativnost' interpretacii buhgalterskoj informacii // *Vestnik SPBGU. Ser. 5: Statistika i uchët.* 2012. № 5.
6. *Grinjeujej D., Blini M., Stjuart I.* Panorama jekonomicheskoy mysli konca HH stole-tija / per. s angl.; pod red. V.S. Avtonomova, S.A. Afonceva. SPb.: Jekonomicheskaja shkola, 2002. 684 p.
7. *Ivashkevich V.B.* O paradigme v uchëtnoj nauke // *Vestnik professional'nyh buhgalterov.* 2015. № 1. P. 42–48.
8. *Kastel's M.* Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura. M.: Izd-vo GUVShJe, 2000. 608 p.
9. *Kovalev V.V., Kovalev Vit.V.* Analiz balansa, ili kak ponimat' balans / 3-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2015. 782 p.
10. *Pjaton M.L., Glinskij V.V.* Koncepcija gumanizacii dannyh statistiki v rabotah Ja.V. Sokolova // *Voprosy statistiki.* 2018. № 25 (3). P. 79–88.
11. *Pjaton M.L.* Otchetnost' kak jelement konkurentnyh preimushhestv kompanij: tendencii i zakonomernosti // *Vestnik NGUJeU.* 2016. № 4. P. 10–31.
12. *Sokolov Ja.V.* Buhgalterskij uchët: ot istokov do nashih dnej: ucheb. posobie dlja vuzov. M.: Audit JuNITI, 1996. 638 p.
13. *Sokolov Ja.V.* Buhgalterskij uchët kak summa faktov hozjajstvennoj zhizni: ucheb. posobie. M.: Magistr; INFRA-M, 2010. 224 p.
14. *Sokolov Ja.V.* Osnovy teorii buhgalterskogo uchëta. M.: Finansy i statistika, 2000. 495 p.
15. *Cyankov K.Ju.* Buhgalterskij balans i buhgalterskaja mysl': ot Luki Pacholi do nashih dnej // *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchët.* 2017. № 6. P. 4–16.
16. *Sheremet A.D., Sujc V.P.* Audit: Uchebnik / 5-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M, 2006. 447 p.
17. *Byström H.* Blockchains, real-time accounting and the future of credit risk modeling. Working paper. Lund, Department of Economics, School of Economics and Management Lund University, 2016. 12 p.
18. *Cockcroft S.* Big data opportunities for accounting and finance practice and research. *Australian Accounting Review*, 2018. Vol. 28. № 3. P. 323–333. doi: 10.1111/auar.12218
19. *Coyne J.G., McMickle P.L.* Can blockchains serve an accounting purpose? *Journal of emerging technologies in accounting American Accounting Association.* 2017. Vol. 14. № 2. P. 101–111. doi: 10.2308/jeta-51910
20. *John Peter Krahel, William R. Titera.* Consequences of big data and formalization on accounting and auditing standards. *Accounting Horizons*, 2015. Vol. 29. № 2. P. 409–422. doi:10.2308/acch-51065
21. *Lodhia S.* Integrated reporting in an internet and social media communication environment: conceptual insights. *Australian Accounting Review*, 2017. Vol. 27. № 1. P. 17–33. doi: 10.1111/auar.12143
22. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2017: Stat. sb. / Rosstat. M., 2017. URL: <http://www.gks.ru>
23. Jelektronnyj resurs. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/36007/reestr_survey.pdf (data obrashhenija: 17.02.2019).

УДК 657.411.8

**ПЕРЕХОД СТРАХОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
НА ОТРАСЛЕВЫЕ СТАНДАРТЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА
И ЕДИНЫЙ ПЛАН СЧЕТОВ: ФИНАНСОВЫЙ РЕЗУЛЬТАТ
И НАЛОГООБЛАГАЕМАЯ ПРИБЫЛЬ**

Борцов Д.Б.

Академия труда и социальных отношений

E-mail: DEEMA909@yandex.ru

Переход некредитных финансовых организаций, включая страховщиков на отраслевые стандарты бухгалтерского учета и единый план счетов можно назвать одним из самых значимых событий в реформе бизнес-процессов в новейшей истории развития страхового рынка в России. Не должен остаться в стороне от этого явления и налоговый учет, так как с введением новых отраслевых положений возникает и множество вопросов в части отражения налогов. В статье будут рассмотрены проблемы налогообложения прибыли и даны рекомендации по устранению противоречий, появившихся после введения отраслевых стандартов.

Ключевые слова: единый план счетов, финансовый результат, налогооблагаемая прибыль, международные стандарты финансовой отчетности, отраслевые стандарты бухгалтерского учета страховых организаций.

**THE SWITCH OF INSURANCE COMPANIES
TO INDUSTRIAL ACCOUNTING STANDARDS
AND UNIFIED CHART OF ACCOUNTS: FINANCIAL RESULT
AND TAXABLE INCOME**

Bortsov D.B.

Academy of Work and Social Relations

E-mail: DEEMA909@yandex.ru

The switch of noncredit financial companies including insurers to the industrial accounting standards and unified chart of accounts can be called one of the most important events in the reform of business processes in recent history of the insurance market in Russia. Tax accounting should not be kept out of this event since the introduction of new industrial provisions leads to many questions relating to tax treatment. The article will consider the issues of profit taxation and give recommendation regarding elimination of the contradictions emerged following the introduction of the industrial standards.

Keywords: unified chart of accounts, financial result, taxable income, international financial reporting standards, industrial accounting standards of insurance companies.

Актуальность исследования и постановка проблемы. 7 июля 2010 г. Государственной Думой РФ был принят закон № 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности», который обязал ряд компаний составлять отчетность в соответствии с правилами международных стандартов финансовой отчетности (далее МСФО). Пункт 1 статьи 2 вышеуказанного закона раскрывает перечень компаний, которые подпадают под действие данного закона. Стоит обратить внимание на то, что МСФО определяет

иной перечень компаний: это компании, чьи долговые и долевые ценные бумаги котируются на открытых рынках, или компании, которые управляют активами большого количества лиц. До момента введения в силу закона № 208-ФЗ составлять отчетность по международным стандартам было обязательным только для кредитных организаций. При этом, как правило, данная отчетность готовилась по принципу трансформации, т.е. перекладка агрегированных показателей РСБУ. Фактическое же ведение учета и подготовка отчетности по МСФО осуществлялись исключительно дочерними филиалами зарубежных кредитных организаций и страховщиков. Введение отраслевых стандартов бухгалтерского учета (далее ОСБУ) и единого плана счетов (далее ЕПС), разработанных в соответствии с МСФО, исключает применения РСБУ. В этой связи необходимо признать явный недостаток внимания российской академической науки к данной проблематике.

Анализ существующих подходов. В настоящий момент данную проблематику описал в своей монографии профессор Д.В. Винницкий «Международное налоговое право: проблемы теории и практики» [1]. В данном труде удалось аккумулировать и подвергнуть анализу огромный пласт малоизвестных российской науке доктринальных, законодательных и международно-правовых источников.

В своей статье «Экономическая сущность налога на прибыль» С.В. Колчугин рассматривает представителей англо-американской школы бухгалтерского учета на предмет: налог на прибыль считать убытком расхода, распределением прибыли или аномальной статьей [2].

Стоит отметить также таких ученых, как В.М. Пушкарева, В.М. Фокин, которые внесли определенные заслуги в разграничение терминов «балансовая прибыль» и «налогооблагаемая прибыль» [3, 4]. Проблемам учета доходов и расходов в бухгалтерском и налоговом учете посвящены труды зарубежных ученых: R. Avi-Yonah и J. (John) Rawls [5, 6].

Теоретические предпосылки исследования и выдвижение гипотез. Следует отметить, что благодаря вступлению в силу закона 208-ФЗ в России начался активный этап реформирования принципов ведения бухгалтерского учета, который должен начать соответствовать требованиям МСФО. Обратим внимание, что в мировой практике используют несколько стратегий перехода:

- реформирование отечественных стандартов с учетом требований МСФО, которые в будущем заменят национальные стандарты международными;

- двойной учет – подразумевает отражение хозяйственных операций как по национальным, так и по международным стандартам, с постепенным отказом от национальных стандартов;

- полный переход на МСФО, предполагающий замену всех отечественных стандартов международными.

Центральный банк Российской Федерации (далее ЦБ РФ) принял смешанную стратегию перехода на МСФО, подразумевающую два этапа. Первый этап совпал с вступлением в силу Федерального закона № 208-ФЗ. В данный период происходило формирование профессионального суждения в области применения стандартов МСФО в российской экономике и организации общих принципов внедрения МСФО.

Следующий этап был приурочен к разработке отраслевых стандартов, в основе которых заложены положения МСФО. Данный подход позволил легче пройти адаптацию кредитным организациям к новым требованиям представления отчетности и повысил уровень взаимодействия банков с ЦБ РФ.

В данную реформу также был включен новый порядок отражения финансовых результатов хозяйственной деятельности, введение в действие ЕПС для кредитных организаций, который действует и по настоящее время. Кроме того, в 2015 г. на сайте ЦБ РФ было опубликовано Информационное письмо «О начале применения плана счетов бухгалтерского учета и отраслевых стандартов учета для некредитных финансовых организаций». В данном письме говорилось, что ряд некредитных финансовых организаций (далее НФО) с 2017 г. обязаны будут вести учет по новому плану счетов для некредитных финансовых организаций и разработанными стандартами бухгалтерского учета. Для микрофинансовых организаций и ломбардов учет в соответствии с ЕПС необходимо вести с 2018 г.

Не секрет, что кредитные организации считаются наиболее крупными экономическими институтами с широким набором оказываемых финансовых и банковских услуг. Их бухгалтерская (финансовая) отчетность характеризуется высокой степенью прозрачности. Банк России, являясь «мегарегулятором» финансового рынка, решил разработать ЕПС для НФО, взяв за основу банковский подход.

ЦБ РФ исходил из подхода, применяемого в кредитных организациях, связанного с моментальным и ежедневным отражением всех фактов хозяйственной деятельности, отражаемых в отчетности компаний. Иначе говоря, все операции отражаются в полном объеме и без значительных расхождений. Средства, позволяющие осуществлять ведение такого учета, – символы отчета о финансовых результатах НФО. Все символы имеют пятизначный код и занимают строгое место в номере счета бухгалтерского учета. Каждый символ характеризует доход или расход и привязан к конкретному счету. Например, отражение дохода в виде начисленной страховой премии по договорам жизни текущего периода будет отражено с символом 11101, а расход, связанный с уменьшением премии отчетного периода, – 21101. Благодаря этому достигается прозрачность и детализация финансовой отчетности, что улучшает эффективность работы ЦБ РФ.

Для страховщиков ежедневное отражение фактов хозяйственной деятельности, влияющих на финансовый результат, неприменимо. Это связано с тем, что в отличие от кредитных организаций страховщики не смогут день в день отражать все проводимые операции, поскольку страховые организации работают, как правило, с агентами. Агенты страховщиков преимущественно представлены физическими лицами, которые не имеют ежедневного доступа к техническим и информационным ресурсам компании. Данные требования, разработанные Банком России, негативным образом скажутся на финансовом состоянии компании, так как внедрение технологий увеличит в разы административные расходы и издержки на ведение дела. Формальное соблюдение законодательства приведет к большому количеству исправлений и корректировок данных, отражаемых в учете, учи-

тываемых после даты проведения операции. Необходимо учитывать возможный рост страхового мошенничества.

Как ОСБУ, так и МСФО имеет конкретную сферу использования. Другими словами, в каждом стандарте определены требования по учету, отражению и признанию активов, обязательств или отдельных операций. Исходя из такой позиции, бухгалтерский учет в обществах взаимного страхования и страховых организаций закреплен в отдельном стандарте. Это связано с тем, что страхование является специфическим видом экономической деятельности. В IFRS 4 «Договоры страхования» описаны все аспекты, связанные с осуществлением операций по сострахованию, страхованию и перестрахованию. Стандарты, определяющие учет нематериальных активов, основных средств, общехозяйственные операции, а также учет материалов и запасов, расчеты по вознаграждению работников и пр., так или иначе не связанные с видом экономической деятельности компаний, являются универсальными для всех НФО.

С целью раскрытия целесообразности перехода на МСФО схематически представим процесс формирования финансового результата страховой компании (до 2017 г. форма N-2 страховщик) (рис. 1).

На рис. 2 представлена схема формирования финансового результата в соответствии с новыми отраслевыми стандартами, которые разработаны по принципам МСФО, незначительно отличающимся от предыдущего варианта.

Рис. 1. Схема формирования финансового результата согласно текущему РСБУ.

Источник: авторская разработка

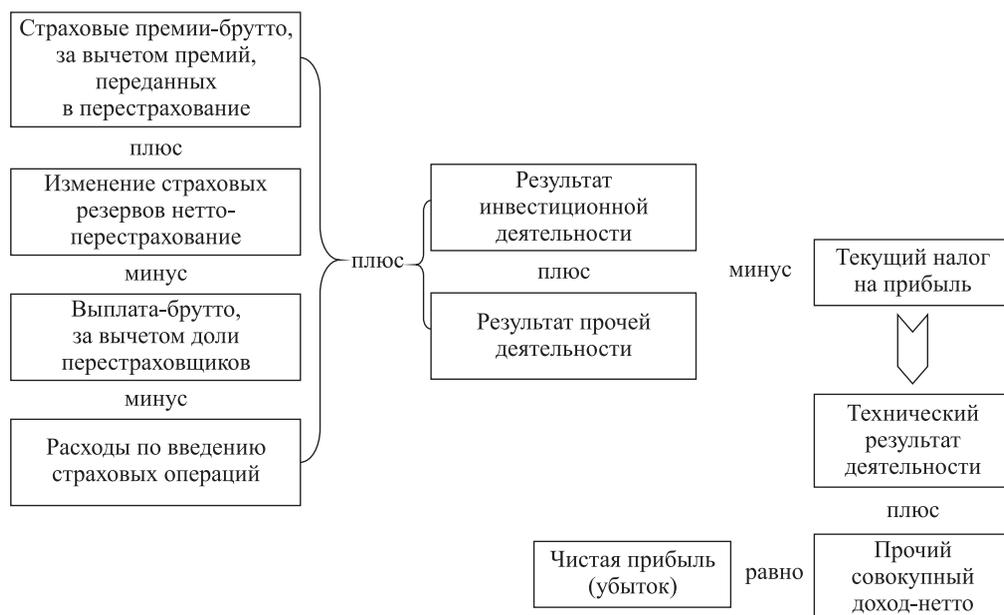

Рис. 2. Схема формирования финансового результата по ОСБУ.

Источник: авторская разработка

Для страховых компаний одним из основных компонентов в структуре финансового результата являются суммы страховых резервов, а также расходы на ведение дела. С 2017 г. появились новые понятия, которые ранее отсутствовали в РСБУ, а именно: наилучшая оценка страховых резервов и отложенные аквизиционные расходы.

Наилучшую оценку страховых резервов следует понимать как взвешенные будущие расходы компании, с учетом возможности их наступления. Для расчета страховых резервов может использоваться метод наилучших оценок (МСФО), а также методы в соответствии с регуляторными требованиями (ОСБУ), которые изложены в «Положении о правилах формирования страховых резервов по страхованию иному, чем страхование жизни». Если у страховщика есть лицензия на осуществление страхования жизни, то регуляторные требования по расчету страховых резервов будут изложены в «Положении о правилах формирования страховых резервов по страхованию жизни». Следует сказать, что МСФО предоставляет страховым компаниям большой выбор использования актуарных методов расчета страховых резервов, которые следует отразить в учетной политике страховщика.

Необходимо обратить внимание на то, что бухгалтерский учет страховых резервов дает возможность выбрать наиболее адекватную оценку в отличие от налогового учета, в котором четко прописано, что расчет страховых резервов производится только в соответствии с нормативно-правовыми актами. В результате перехода страховщиков на МСФО в налоговом учете по учету страховых резервов возникают дополнительные отложенные активы или обязательства, поскольку законодательство в данном направлении не изменилось. Из-за этого страховщикам следует вести двой-

ной учет страховых резервов в рамках подготовки отчетности до тех пор, пока регуляторные требования не приведут в соответствии с принципами МСФО. Согласно вышесказанному будут расходиться и суммы конечного финансового результата по налоговому и бухгалтерскому учету, так как разница в расчете резервов останется при их пересчете на отчетную дату, что приведет к разным суммам налога на прибыль организаций, который следует перечислить в бюджет.

Далее рассмотрим расходы в виде комиссионного вознаграждения за подписание страхового полиса. Данные расходы именуется как отложенные аквизиционные расходы (далее ОАР). Стандарты МСФО предписывают рассчитывать резерв незаработанной премии (далее РНП) исходя из полученной брутто-премии, а ОАР отдельно формировать, т.е. (комиссионные вознаграждения + страховые премии). Расчет РНП в нынешнем РСБУ формируется на базе нетто-премии. В продолжение действия всего срока действия полиса страхования в МСФО происходит плавное высвобождение РНП как дохода, при этом происходит высвобождение ОАР ранее капитализированного. Данный метод учета дает более прозрачное отображение страховых операций.

Следует упомянуть и о таком техническом резерве, как стабилизационный резерв (далее стаб. резерв), который формируют страховщики. Так, в МСФО стаб. резерв формируется, если высока вероятность отрицательного финансового результата по действующим страховым полисам, связанным с осуществлением страховых выплат. В ОСБУ стаб. резерв рассчитывается согласно регуляторным требованиям в случае превышения текущего коэффициента убыточности над средним его значением. С середины 2017 г. стаб. резерв страховщики обязаны учитывать в соответствии с нормами МСФО (IAS) 37, т.е. данный резерв будет приниматься как условное обязательство, не учитываемое в составе финансовой отчетности компании. Из этого следует, что по новым правилам учета накопленный стаб. резерв необходимо учесть как нестраховой доход, подлежащий налогообложению в соответствии с общими условиями. Данный учет приведет к гипертрофированному росту налоговой нагрузки на основную деятельность страховой организации.

Выводы. Бухгалтерский и налоговый учеты в России ранее были достаточно схожи, а различия, возникающие между ними, налоговыми регистрами нивелировались. ОСБУ, которые введены для ряда НФО с 2017 г., построены на методологии и принципах МСФО, которые в свою очередь исключают понятия «российские стандарты бухгалтерского учета». В связи с этим бухгалтерский учет уже не коррелирует с учетом налоговым, что осложняет ведение предпринимательской деятельности на территории РФ.

Для уменьшения уровня расходов на ведение дела, а также административных расходов предлагается внести изменения в Налоговый кодекс, которые позволят существенно уменьшить трудозатраты при проведении камеральных и выездных проверок налоговыми органами. Предлагаемые изменения состоят в следующем:

– в статью 330 Налогового Кодекса РФ (далее НК РФ) включить порядок признания на дату фактической страховой выплаты страхового возмещения;

- внести изменения в формулировки в статью 330 НК РФ в части порядка признания страховой премии;
- дополнить статью 330 НК РФ в части пропорционального признания начисленной страховой премии прямым аквизиционным расходам.

Начисления страховой премии, а также возможные последующие изменения и доначисления/расторжения по договорам страхования, перестрахования и сострахования, отражение комиссионных вознаграждений и начисление страховых резервов, урегулирование страховых случаев представляют собой полный цикл жизни страхового договора. Тем самым данные изменения повлияют полностью на основную деятельность страховой организации. Если предложенные поправки не будут приняты в налоговом учете (ст. 330, 293 и 294 НК РФ), то страховщики будут вынуждены вести два независимых друг от друга учета. Что в свою очередь приведет к увеличению численности штата минимум в 1,5 раза (дополнительно следует привлечь сотрудников IT-служб и бухгалтеров), а также многократно возрастет доля косвенных расходов.

Отдельно следует сказать, что в связи с переходом на новый софт, поддерживающий ведение учета в соответствии с ЕПС, многие страховщики из-за резкого и многократного увеличения расходов добровольно отказались от лицензий на ведение дела, что в конечном итоге привело к уменьшению налогоплательщиков.

Ранее представленные предложения по оптимизации налогового учета для страховщиков не приведут к уменьшению налогооблагаемой базы, поскольку разницы между бухгалтерским и налоговым учетом возникают:

- из-за времени отражения. К примеру, страховое возмещение в НК РФ до 2017 г. признавалось в части расходов в день утверждения акта о страховом случае. По новым правилам – в день перечисления денежных средств страхователю (выгодоприобретателю) либо станции тех. обслуживания или медицинскому центру. Однако уменьшение налоговой базы в приведенных примерах отражается одновременно при получении уведомления о страховом случае, именно в этот момент формируется резерв заявленных, но не урегулированных убытков, а признание страхового возмещения – это перегруппировка видов расхода;

- из-за агентских вознаграждений и страховых премий, предполагаемых к начислению. Приведем пример: договор страхования жизни, заключенный на 10 лет со страховой премией 100 руб. в бухгалтерском учете необходимо отражать ежегодно по 10 руб. каждый год и под данный договор создать резерв незаработанной премии в размере 9 руб. (финансовый результат будет равен 1 руб. (10 руб. – 9 руб.)). В налоговом учете премия будет отражена в полном объеме, т.е. сразу 100 руб., но при этом резерв будет создан на 99 руб. (100 руб. – 99 руб.), налогооблагаемая прибыль та же;

- налог на прибыль будет в более ранние сроки начислен по отраженным в налоговом учете ОАР в соответствии с новыми стандартами МСФО, так как правила предписывают плавное распределение расходов и доходов, чем сейчас установлено НК РФ.

Отдельно следует отметить и то, что доходы по абандонам, регрессам и суброгациям относятся непосредственно к страхованию. При этом действующий налоговый кодекс не дает возможности достоверно определить

объем таких доходов. По правилам МСФО данные доходы необходимо отражать в составе не страховых, т.е. прочих. Следует рассмотреть возможность дополнения статьи 293 НК РФ данными доходами, а также установить принципы признания и оценки, которые участвуют в расчете страховых резервов.

Для отражения ряда расходов и доходов, введенных новыми стандартами учета, при урегулировании убытков рекомендуется отдельно поименовать в соответствующих статьях 25 главы НК РФ (ст. 293, ст. 294), например, такие как:

- оценка доходов от регрессов и суброгаций;
- резерва расходов на урегулировании убытков;
- оценка доходов от абандонов (отказ страхователя от застрахованного имущества) и его годных остатков.

Данная мера позволит минимизировать риски разночтений между НК и ОСБУ.

Поскольку страховщики начали вести учет на ЕПС совсем недавно, возникает много вопросов, на которые Центральный банк еще не дал ответов, однако следует опираться на богатейший международный опыт. Одним из главных принципов МСФО является единообразие правил, которые должны максимально приблизить стандарты учета всех экономических субъектов. Поэтому для выполнения данного принципа необходимо тесное сотрудничество как страховщиков, так и Федеральной налоговой службы, а также Центрального банка России.

Литература

1. *Винницкий Д.В.* Международное налоговое право: проблемы теории и практики. М.: Статут, 2017.
2. *Колчугин С.В.* Экономическая сущность налога на прибыль // Международный бухгалтерский учет. 2016. № 22.
3. *Пушкарева В.М.* История финансовой мысли и политики налогов: Учеб. пособие. М., 2016.
4. *Фокин В.М.* Налоговое регулирование: Учеб. пособие / под ред. С.Г. Пепеляева. М., 2014.
5. *Avi-Yonah R.* International Tax as International Law. An Analysis of the International Tax Regime. Cambridge, 2017.
6. *Rawls J. (John).* The Law of Peoples, with the Idea of Public Reason Revisited. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 2017.

Bibliography

1. *Vinnickij D.V.* Mezhdunarodnoe nalogovoe pravo: problemy teorii i praktiki. M.: Statut, 2017.
2. *Kolchugin S.V.* Jekonomicheskaja sushhnost' naloga na pribyl' // Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet. 2016. № 22.
3. *Pushkareva V.M.* Istorija finansovoj mysli i politiki nalogov: Ucheb. posobie. M., 2016.
4. *Fokin V.M.* Nalogovoe regulirovanie: Ucheb. posobie / pod red. S.G. Pepeljaeva. M., 2014.
5. *Avi-Yonah R.* International Tax as International Law. An Analysis of the International Tax Regime. Cambridge, 2017.
6. *Rawls J. (John)* The Law of Peoples, with the Idea of Public Reason Revisited. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 2017.

УДК 338.312

МЕТОДИКА ПОДАЧИ, РАССМОТРЕНИЯ И ВНЕДРЕНИЯ КОНСТРУКТОРСКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СНИЖЕНИЮ СЕБЕСТОИМОСТИ НА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Скоробогатов А.С.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: skorobogatov.andrei@yandex.ru

С усилением глобализации мировой экономики конкуренция в рыночной среде для машиностроительных предприятий приобретает все более агрессивный характер. Аналоги российских товаров и услуг, поставляемые в нашу страну в основной массе из таких стран, как Китай и Южная Корея, требуют от отечественных машиностроительных предприятий нестандартных подходов для обеспечения конкурентоспособности. Условия современной рыночной среды требуют от машиностроительных предприятий применения методов по снижению затрат для завоевания новых рынков и развития уже имеющихся. Вне зависимости от видов рынка (мировой, локальный или региональный) без применения методов, позволяющих снизить стоимость продукции, добиться положительных результатов становится практически невозможно. Размер себестоимости имеет прямую зависимость с размером сбытовой наценки и объемами продаж. Предприятию при реализации продукции приходится ориентироваться на среднерыночный уровень цен. Цена на продукцию в настоящее время не может формироваться методом прибавления к производственной себестоимости, требуемой для нее сбытовой наценки. При этом метод и методики по снижению себестоимости должны иметь на машиностроительном предприятии системный характер. В статье рассматривается вопрос по снижению себестоимости продукции в одном из направлений машиностроительного предприятия, это снижение себестоимости при проведении конструкторско-технологической подготовки производства (КТПП). Также работа по снижению себестоимости выпускаемой продукции может быть проведена и в других направлениях деятельности предприятия: изменения численности персонала; оптимизации логистических потоков; снижения расходов на электроэнергию; реструктуризации предприятия; снижения брака; размещение свободных денежных средств. Конструкторско-технологические предложения по снижению себестоимости выпускаемой продукции в своей основе базируются на двух принципах – это улучшение уже существующих конструкций изделий и технологических процессов и разработка принципиально новых конструктивных и технологических решений. В работе представлена разработанная автором методика управления подачей, рассмотрения и внедрения таких предложений на машиностроительном предприятии. Актуальность данного исследования заключается в повышении рентабельности производства с учетом работы машиностроительного предприятия в агрессивной рыночной среде, а также стремление к инновациям и гибкости. Цель исследования: разработать методику подачи, рассмотрения и внедрения конструкторско-технологических предложений по снижению себестоимости на машиностроительном предприятии с учетом работы предприятия в условиях агрессивной рыночной среды. Исследования и апробация методики проводились на ведущих машиностроительных предприятиях г. Санкт-Петербурга. Статья представляет интерес для специалистов в области управления конструкторско-технологической подготовкой производства, машиностроительным предприятием, экономикой на предприятии и имеет научное прикладное значение в области экономики и управления.

Ключевые слова: конструкторско-технологическая подготовка производства, машиностроение, себестоимость, экономическая эффективность, управление предприятием.

THE METHOD OF APPLICATION, REVIEW AND IMPLEMENTATION OF ENGINEERING PROPOSALS FOR COST REDUCTION AT AN ENGINEERING COMPANY

Skorobogatov A.S.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

E-mail: skorobogatov.andrei@yandex.ru

With the increasing globalization of the world economy, competition in the market environment for machine-building enterprises is becoming increasingly aggressive. Analogues of Russian goods and services supplied to our country in the bulk of countries such as China and South Korea require domestic engineering enterprises non-standard approaches to ensure competitiveness. The conditions of the modern market environment require machine-building enterprises, the use of methods to reduce costs to gain new markets and the development of existing ones. Regardless of the type of market (global, local or regional), without the use of methods to reduce the cost of production to achieve positive results becomes almost impossible. The size of the cost price has a direct relationship with the size of the mark-up and sales volumes. When selling products, the company has to focus on the average market price level. At present, the price of products cannot be formed by the method of adding to the production cost, the required sales margin for it. At the same time, the method and methods to reduce the cost should be systematic at the machine-building enterprise. The article deals with the issue of reducing the cost of production in one of the areas of machine-building enterprises, is to reduce the cost during the design and technological preparation of production. Also, work on reducing the cost of production can be carried out in other areas of the enterprise: changes in the number of personnel; optimization of logistics flows; reduction of energy costs; restructuring of the enterprise; reduction of marriage; placement of available funds. Design and technological proposals to reduce the cost of products, based on two principles – is to improve existing product designs and processes and the development of fundamentally new design and technological solutions. The paper presents the developed by the author method of management of submission, consideration and implementation of such proposals in the machine-building enterprise. The relevance of this study is to increase the profitability of production, taking into account the work of machine-building enterprises in an aggressive market environment, as well as the desire for innovation and flexibility. The purpose of the study: to develop a method of submission, consideration and implementation of design and technological proposals to reduce the cost of the machine-building enterprise, taking into account the work of the enterprise in an aggressive market environment. Researches and approbation of a technique were carried out at the leading machine-building enterprises of the city of St. Petersburg. The article is of interest to specialists in the field of management of design and technological preparation of production, machine-building enterprise, the economy of the enterprise and has a scientific applied value in the field of Economics and management.

Keywords: design and technological preparation of production, engineering, cost, economic efficiency, enterprise management.

ВВЕДЕНИЕ

Машиностроение России имеет 300-летнюю историю, у истоков которой стоят промышленные реформы, проведенные Петром I Великим [22]. В 1701 г. была сформирована первая инженерная школа в Москве. В эпоху «стали и пара» промышленность России имела свое собственное развитие, базировавшееся на развитии железных дорог, строительстве пароходов, применении новых технологий того времени в мануфактурной промыш-

ленности, приобретающей все формы индустрии [14]. В дореволюционную эпоху такими учеными, как И.И. Сикорский [8] (авиаконструктор, создатель четырехмоторного самолета «Русский Витязь»), А.Н. Крылов [7] (ученый, создатель русских линкоров), Д.С. Рождественский [1] (академик, физик, организовавший производство стекла на Императорском фарфоровом и стекольном заводе) и др., были сформированы новые научные школы того времени. Впоследствии после 1917 г. особенно в период репрессий 1937–1938 гг., вследствие гонения на интеллигенцию как приближенный слой общества к царской власти были потеряны направления собственного развития России, вместе с тем была потеряна львиная доля ученых, инженеров и промышленников того времени [11].

После революции 1917 г. Россия становится на новый путь развития общества и науки. В развитии тогдашней советской науки есть как свои сильные, так и слабые стороны. Сильные стороны были отражением тогдашнего коммунистического строя, который способствовал созданию крупных проектов, таких как ядерный проект, проект по созданию авиационной техники, военной техники [21]. Стоит отметить, что в этих направлениях до настоящего времени у такой страны, являющейся одним из лидеров в машиностроении, как Германия, нет своих отраслей [18–20]. Слабыми сторонами, по мнению автора, являются формы управления на машиностроительных предприятиях, не способствующих формированию промышленников, которые являлись драйвером развития предприятия, могли сформировать критическую массу специалистов из различных направлений науки на так называемом междисциплинарном уровне и внедряли инновации. И до настоящего времени на российских машиностроительных предприятиях частично сохраняется эффект колеи, доставшийся нам в наследство от советских времен, который не позволяет в условиях агрессивной рыночной среды эффективно внедрять инновации и управлять машиностроительными предприятиями, подстраиваться под существующие реалии и брошенные условиями рыночной экономики вызовами [10].

В условиях ограниченности ресурсов и активном повсеместном внедрении цифровых технологий появляется как потребность, так и возможность у машиностроительных предприятий снижать затраты более прозрачно и эффективно [6, 15].

Одним из направлений для изучения на машиностроительном предприятии является конструкторско-технологическая подготовка производства (КТПП), способы подачи, рассмотрения и внедрения предложений по снижению себестоимости изделий. Интерес к этому направлению вызван из-за возможности внедрять через данные предложения инновации, формировать промышленников нового поколения, способных решать стоящие перед предприятием вопросы на междисциплинарном уровне.

1. АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПЕРСОНАЛА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СНИЖЕНИЮ СЕБЕСТОИМОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КТПП

Производство изделия современного машиностроительного предприятия, начиная от идеи и заканчивая передачей конечному потребителю, в своей основе это коллективный труд многих людей, направленный на про-

изводство самого изделия, а также опосредованный труд, связанный с производством и пусконаладкой технологического оборудования, созданием условий производства (помещений, отопления, освещения и т. п.), подготовкой кадров [17].

Каждый сотрудник задействованный в этой цепочке создания ценности, имеет возможность оказывать на нее как положительное, так и отрицательное влияние [2]. Исходя из этого каждый сотрудник машиностроительного предприятия, участвующий в КТПП (конструктор, технолог и др.), может вносить предложения, влияющие на себестоимость выпускаемой продукции. Участвуя в производственном процессе и зная желания потребителя, сотрудник предприятия может вносить предложения во всевозможных направлениях как конструктивного улучшения продукции, так и технологического обеспечения [4, 5, 12, 13].

Иностранные концепции, активно внедряемые последние 15 лет на машиностроительных предприятиях России, такие как «Lean Manufacturing» (Япония), в основе которых лежат такие известные принципы по управлению потерями и синхронизации всех процессов с желаниями потребителя, как «Jidoka», «Рока-юке», «5S», «JIT» и др., показали хорошие результаты на предприятиях, ориентированных на массовый и крупносерийный тип производства [3, 9, 16]. Но с учетом развития малого бизнеса и малых предприятий, ориентированных на разовые заказы, данные системы показали свою несостоятельность, в связи с чем требуются новые подходы по решению вопросов снижения себестоимости и сокращению потерь, в частности для предприятий с единичным и мелкосерийным типом производства. Отдельным инструментом может быть внедрение на машиностроительном предприятии системы подачи, рассмотрения и внедрения предложений по снижению себестоимости.

2. АЛГОРИТМ МЕТОДИКИ

Система подачи предложений может быть использована на машиностроительном предприятии для вовлечения сотрудников в процесс снижения себестоимости (рис. 1).

Процесс подачи предложений должен иметь системный характер на предприятии.

Предложения могут касаться повышения уровня безопасности труда; снижения издержек производства; экономии ресурсов; улучшения качества выпускаемой продукции; технологического процесса; качества выполняемых работ.

Автором разработана и представлена на рис. 1 блок-схема «Порядок предложения, рассмотрения и внедрения предложений по снижению себестоимости на машиностроительном предприятии».

Внедрение предложений – это приоритет руководителя подразделения и инициация предложений, а также побуждение сотрудников происходит ими лично.

Рассматривать предложения сформированная приказом заводская комиссия, в состав которой входят руководители (менеджеры) структурных подразделений по различным направлениям деятельности.

Рис. 1. Блок-схема «Порядок предложения, рассмотрения и внедрения предложений по снижению себестоимости на машиностроительном предприятии» (разработана автором)

Для расчета фактического экономического эффекта от внедрения конструкторско-технологических предложений применяется формула 1.

$$Q = (S_1 - S_2) \cdot V, \tag{1}$$

где S_1 – переменные затраты до внедрения конструкторско-технологических предложений, руб.; S_2 – переменные затраты после внедрения конструкторско-технологических предложений, руб.; V – товарная продукция в планируемом периоде, шт.

Система подачи предложений актуальна как с позиции внедрения инноваций, так и с позиции ориентации деятельности машиностроительного предприятия на потребности рынка. Особенно это актуально с учетом желаний потребителя, которые должен предварительно обработать каждый сотрудник службы КТПП и соответственно внести предложения.

Этапы системы, которые проходит предложение, представлены на рис. 2.

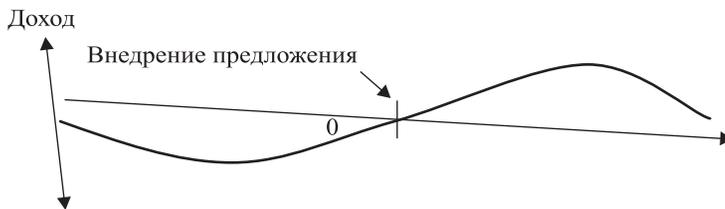

Рис. 2. Этапы системы, которые проходит предложение КТПП

Точка 0, обозначенная на графике (рис. 2), – это этап внедрения предложения. Она является точкой перехода между первым этапом инвестирования и последующим этапом дохода от внедрения предложения. Каждый этап также имеет свой временной интервал (t).

3. АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ

По результатам исследования стоит отметить, что в практическом применении сотрудники КТПП неохотно проявляют инициативу самостоятельно, по внедрению предложений. Это связано с дополнительными трудовыми и временными затратами, результат которых, как и в любой инновационной деятельности, связан с риском и не всегда бывает оправдан. В связи с этим целесообразно стимулировать данную деятельность, назначая поощрения с учетом суммы полученного эффекта.

В ходе апробации исследования и применения на практике разработанной методики на одном из машиностроительных предприятий Санкт-Петербурга были реализованы предложения.

Предложения касались:

- перевода деталей массового типа производства на единичный с применением современного оборудования и технологий, в качестве примера: детали, изготавливаемые из тонкого листа (изготавливаемые методом холодного штампования), были изготовлены при помощи технологии лазерной резки;

Реализация предложений по внедрению

№	Наименование предложения	Вид изменения	Затраты до внедрения предложения, руб.		Затраты после внедрения предложения, руб.		Объем товарной продукции в планируемом периоде, шт.	Фактический экономический эффект, руб., %
			постоянные затраты	переменные затраты	постоянные затраты	переменные затраты		
1	Перевод деталей массового производства в единичное (исходя из требуемых объемов выпуска)	Изменение технологии изготовления и применения оборудования	1 500 000 (изготовление штамповой оснастки)	12 800	Оснастка не требуется	22 800	40	1 100 000 (45 %)
2	Изменение обжима РВД	Изменение технологии изготовления, применения оборудования и оснастки	1 750 000 (изготовление оснастки)	74 000	1 170 000 (изготовление оснастки)	30 400	40	2 324 000 (49 %)
3	Замена обивочного материала сидений	Замена материала		570		380	40	7600 (33 %)

– изменения технологии и оснастки для обжима рукавов высокого давления (РВД), что позволило уйти от низкопроизводительного оборудования;

– замены обивочного материала сидений на выпускаемых изделиях, тем самым повышения комфорта и качества.

Все предложения по внедрению поступали от работников предприятия, участвующих в КТПП, и нашли свое применение при реализации (см. таблицу).

Машиностроительное предприятие, работая в агрессивной рыночной среде, должно постоянно находиться в стадии оптимизации. Оптимизировать необходимо производственные затраты, трудовые ресурсы, технологические процессы, конструкцию изделий, оснастку, оборудование и имеющиеся в распоряжении предприятия фонды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенных научных работ разработана методика подачи рассмотрения и внедрения конструкторско-технологических предложений по снижению себестоимости на машиностроительном предприятии. Проведены исследования и апробация системы на машиностроительном предприятии Санкт-Петербурга, получены положительные результаты работы системы.

Внедренные конструкторско-технологические предложения снизили затраты предприятия на 30–50 % по отдельным позициям и способствовали улучшению качества выпускаемой продукции, в целом повысилась конкурентоспособность предприятия.

Разработанная методика носит прикладной характер и может быть внедрена как в работу машиностроительных предприятий, так и в учебный процесс подготовки специалистов по управлению КТПП.

Литература

1. *Баумгарт К.К.* Дмитрий Сергеевич Рождественский. Успехи физических наук. 1941.
2. *Вумек Дж.П., Джонс Д.Т.* Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 473 с.
3. *Джордж Л.М.* Бережливое производство + шесть сигм: Комбинируя качество шести сигм со скоростью бережливого производства / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 360 с.
4. *Кобзев В.В., Измайлов М.К.* Состояние машиностроительного комплекса, проблемы и особенности воспроизводства основных фондов // Организатор производства. 2017. № 1 (25). С. 69–83.
5. *Кобзев В.В., Радаев А.Е.* Инструментарий управления высокотехнологичным производством промышленных предприятий на основе имитационного моделирования // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2013. № 6-2 (185). С. 138–144.
6. *Крейнина М.Н.* Анализ финансовой деятельности предприятия для совершенствования бизнеса: учебник. М., 2013. 104 с.
7. *Крылов А.Н.* Мои воспоминания / 9-е изд., перераб. и доп. СПб.: Политехника, 2003. 510 с.
8. *Михеев В.Р.* Игорь Иванович Сикорский // Природа. 1998. № 9. С. 71–86.
9. *Оно Т.* Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства / пер. с англ. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005. 192 с.
10. *Радаев А.Е., Кобзев В.В.* Система показателей для выбора и реализации управленческих решений в высокотехнологичном производстве предприятия машиностроения // Теория и инструментарий развития инновационной экономики в период глобальной рецессии: коллективная монография; под ред. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. С. 681–711.
11. *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.
12. *Скоробогатов А.С., Кобзев В.В., Радаев А.Е.* Проблемы обоснования эффективности конструкторско-технологических изменений на предприятиях машиностроения // Новая экономическая реальность, кластерные инициативы и развитие промышленности (ИНПРОМ-2016): тр. междунар. науч.-практ. конф. 19–26 мая 2016 / под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 384–389.
13. *Скоробогатов А.С., Кобзев В.В.* Подход к решению задачи обоснования технологии изготовления готовой продукции промышленного предприятия // Цифровая экономика и «Индустрия 4.0»: проблемы и перспективы: труды научно-практической конференции с международным участием / под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 662–667.
14. *Тимошенко С.П.* Инженерное образование в России. Люберцы: Изд-во ВИНТИ, 1996.
15. Цифровая экономика и «Индустрия 4.0»: проблемы и перспективы (industry-2017) Труды научно-практической конференции с международным участием / ред. А.В. Бабкин; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб., 2017. 685 с.
16. *Шонбергер Р.* Японские методы управления производством: (девять простых уроков) / сокр. пер. с англ.; науч. ред. и авт. предисл. Л.А. Конарева. М.: Экономика, 1988. 251 с.
17. Экономика инновационного развития. Управленческие основы экономической теории: монография / М.В. Величко, В.А. Ефимов, В.М. Зазнобин; изд. 2-е, испр. и доп. М.: Концептуал, 2018. 584 с.

18. *Ahlstrom G.* Engineers and Industrial Growth: Higher technical education and the engineering profession during the nineteenth and early twentieth centuries: France, Germany, Sweden, and England. London: Croom Helm, 1982.
19. *Byrkjeflot H.* Management models and technical education systems: Germany and the United States 1870–1930 // *The Expansion of Management Knowledge: Carriers, Ideas and Sources.* Palo Alto: Stanford University Press, 2002.
20. *Ringer F.* Education and Society in Modern Europe. Bloomington and London: Indiana University Press, 1979.
21. *Дубынин П.А., Клешина И.А.* Сравнительный анализ инженерного образования Советского Союза и Российской Федерации // *Решетневские чтения.* 2016. № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-inzhenernogo-obrazovaniya-sovetskogo-soyuza-i-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 02.02.2019).
22. *Сапрыкин Д.Л.* Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // *Высшее образование в России.* 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inzhenernoe-obrazovanie-v-rossii-istoriya-kontseptsiya-perspektivy> (дата обращения: 02.02.2019).

Bibliography

1. *Baumgart K.K.* Dmitrij Sergeevich Rozhdestvenskij. Uspehi fizicheskikh nauk. 1941.
2. *Vumek Dzh.P., Dzhons D.T.* Berezhlivoe proizvodstvo: Kak izbavit'sja ot poter' i dobit'sja процветания вашей компании / per. s angl. M.: Al'pina Biznes Buks, 2004. 473 p.
3. *Dzhordzh L.M.* Berezhlivoe proizvodstvo + shest' sigm: Kombiniruj kachestvo shesti sigm so skorost'ju berezhlivogo proizvodstva / per. s angl. M.: Al'pina Biznes Buks, 2005. 360 p.
4. *Kobzev V.V., Izmajlov M.K.* Sostojanie mashinostroitel'nogo kompleksa, problemy i osobennosti vosproizvodstva osnovnyh fondov // *Organizator proizvodstva.* 2017. № 1 (25). P. 69–83.
5. *Kobzev V.V., Radaev A.E.* Instrumentarij upravlenija vysokotekhnologichnym proizvodstvom promyshlennyh predpriyatij na osnove imitacionnogo modelirovanija // *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPBGPU. Jekonomicheskie nauki.* 2013. № 6-2 (185). P. 138–144.
6. *Krejnina M.N.* Analiz finansovoj dejatel'nosti predpriyatija dlja sovershenstvovanija biznesa: uchebnik. M.: 2013. 104 p.
7. *Krylov A.N.* Moi vospominanija / 9-e izd., pererab. i dop. SPb.: Politehnika, 2003. 510 p.
8. *Miheev V.R.* Igor' Ivanovich Sikorskij // *Priroda.* 1998. № 9. P. 71–86.
9. *Ono T.* Proizvodstvennaja sistema Tojoty. Uhodja ot massovogo proizvodstva / per. s angl. M.: Institut kompleksnyh strategicheskikh issledovanij, 2005. 192 p.
10. *Radaev A.E., Kobzev V.V.* Sistema pokazatelej dlja vybora i realizacii upravlencheskih reshenij v vysokotekhnologichnom proizvodstve predpriyatija mashinostroenija // *Teorija i instrumentarij razvitiya innovacionnoj jekonomiki v period global'noj recessii: kollektivnaja monografija; pod red. A.V. Babkina.* SPb.: Izd-vo Politehn. un-ta, 2011. P. 681–711.
11. *Saprykin D.L.* Obrazovatel'nyj potencial Rossijskoj imperii. M.: IIET RAN, 2009. 176 p.
12. *Skorobogatov A.S., Kobzev V.V., Radaev A.E.* Problemy obosnovanija jeffektivnosti konstruktorsko-tehnologicheskikh izmenenij na predpriyatijah mashinostroenija // *Novaja jekonomicheskaja real'nost', klasternye iniciativy i razvitie promyshlennosti (INPROM-2016): tr. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 19–26 maja 2016 / pod red. d-ra jekon. nauk, prof. A.V. Babkina.* SPb.: Izd-vo Politehn. un-ta, 2016. P. 384–389.
13. *Skorobogatov A.S., Kobzev V.V.* Podhod k resheniju zadachi obosnovanija tehnologii izgotovlenija gotovoj produkcii promyshlennogo predpriyatija // *Cifrovaja jekonomika i «Industrija 4.0»: problemy i perspektivy: trudy nauchno-prakticheskoi konferencii*

- s mezhdunarodnym uchastiem / pod red. d-ra jekon. nauk, prof. A.V. Babkina. SPb.: Izd-vo Politehn. un-ta, 2017. P. 662–667.
14. *Timoshenko S.P.* Inzhenernoe obrazovanie v Rossii. Ljubercy: Izd-vo VINITI, 1996.
 15. Cifrovaja jekonomika i «Industrija 4.0»: problemy i perspektivy (industry-2017) Trudy nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem / red. A.V. Babkin; Sankt-Peterburgskij politehnicheskij universitet Petra Velikogo. SPb., 2017. 685 p.
 16. *Shonberger R.* Japonskie metody upravlenija proizvodstvom: (devjat' prostyh urokov) / sokr. per. s angl.; nauch. red. i avt. predisl. L.A. Konareva. M.: Jekonomika, 1988. 251 p.
 17. Jekonomika innovacionnogo razvitija. Upravlencheskie osnovy jekonomicheskoy teorii: monografija / M. V. Velichko, V. A. Efimov, V. M. Zaznobin; izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Konceptual, 2018. 584 p.
 18. *Ahlstrom G.* Engineers and Industrial Growth: Higher technical education and the engineering profession during the nineteenth and early twentieth centuries: France, Germany, Sweden, and England. London: Croom Helm, 1982.
 19. *Byrkjeflot H.* Management models and technical education systems: Germany and the United States 1870–1930 // The Expansion of Management Knowledge: Carriers, Ideas and Sources. Palo Alto: Stanford University Press, 2002.
 20. *Ringer F.* Education and Society in Modern Europe. Bloomington and London: Indiana University Press, 1979.
 21. *Dubynin P.A., Kleshnina I.A.* Sravnitel'nyj analiz inzhenernogo obrazovanija Sovetskogo Sojuza i Rossijskoj Federacii // Reshetnevskie chtenija. 2016. № 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-inzhenernogo-obrazovaniya-sovetskogo-soyuza-i-rossijskoj-federatsii> (data obrashhenija: 02.02.2019).
 22. *Saprykin D.L.* Inzhenernoe obrazovanie v Rossii: istorija, koncepcija, perspektivy // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inzhenernoe-obrazovanie-v-rossii-istoriya-kontsepsiya-perspektivy> (data obrashhenija: 02.02.2019).

ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 336.7

ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ С КОММЕРЧЕСКИМИ БАНКАМИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ?

Швецов Ю.Г., Сунцова Н.В., Корешков В.Г.

Алтайский государственный технический университет

E-mail: yu.shvetsov@mail.ru, sunsova.n@mail.ru, v.g.koreshkov@mail.ru

В статье рассматриваются объективные процессы изменения содержания банковской деятельности в эпоху широкого распространения цифровых технологий во всех сферах институциональных структурах общества. Раскрывается сущность новых видов банковских продуктов, основанных на расширяющихся границах использования в бизнесе различных форм искусственного интеллекта, проанализированы характерные особенности платежей в обычных денежных знаках и криптовалюте, оценены перспективы их распространения в ближайшем будущем, обосновывается неизбежность существенных перемен в самом механизме функционирования финансовых посредников. Сделан вывод о преходящем характере затрат труда в инфраструктуре кредитной системы и тенденции превращения ее в продукт виртуального пространства.

Ключевые слова: цифровая экономика, электронный банкинг, криптовалюта, кредитование, цифровые активы, блокчейн, искусственный интеллект, банки, кредиты, виртуальные помощники.

WHICH WILL OCCUR WITH THE COMMERCIAL BANKS IN THE DIGITAL ECONOMY

Shvetsov Yu.G., Sunsova N.V., Koreshkov V.G.

Altai State Technical University

E-mail: yu.shvetsov@mail.ru, sunsova.n@mail.ru, v.g.koreshkov@mail.ru

The article examines the objective processes of changing the content of banking activities in the era of widespread use of digital technologies in all areas of institutional structures of society. The essence of new types of banking products based on the expanding boundaries of the use of various forms of artificial intelligence in business is disclosed, the characteristic features of payments in conventional currency and crypto currency are analyzed, the prospects for their spread in the near future are estimated, and the inevitability of significant changes in the mechanism of financial intermediaries functioning is substantiated. The conclusion is made about the transient nature of labor costs in the infrastructure of the credit system and the tendency to turn it into a product of virtual space.

Keywords: digital economy, electronic banking, crypto-currency, lending, digital assets, blockchain, artificial intelligence, banks, loans, virtual assistants.

Регулирование денежной массы в обращении с незапамятных времен было ключевой задачей государства. Надежная и упорядоченная денежная структура в материальном базисе общества способствует динамичному развитию экономики, устойчивости финансовой системы, стабильности институционального каркаса социума. Становление денежного регулирования в РФ охватывает длительный исторический период с момента ликвидации натурального обмена до нынешнего состояния эмиссионно-кредитного механизма. На повестке дня сейчас очередное эволюционное новшество – виртуальное денежное пространство, которое активно формируется передовыми информационными и компьютерными компаниями по всему миру.

Современная финансовая система переживает настоящий бум цифровых технологий, каждый день знаменуется сведениями о появлении новых видов электронных денег и способах осуществления расчетов между ними. Криптовалюта, ее майнинг, технология блокчейн, бесконтактный платеж, цифровая подпись, Интернет вещей и их программное обеспечение, суперкомпьютеры, киберпространство и кибербезопасность прочно вошли в обиход ученых, практиков, экспертов, политиков и представителей средств массовой информации.

«Умные» гаджеты, которыми пользуется увеличивающееся в геометрической прогрессии число населения планеты, составляют уже привычную картину повседневной реальности и не вызывают удивления у окружающих, как раньше. Разработчики компьютерных микро- и нанотехнологий, производители компьютеров, ноутбуков, планшетов, смартфонов молниеносно оснащают их более технологически совершенными процессорами, программными оболочками и приложениями, параметры функционирования которых привлекают внимание пользователей и вынуждают их выстраиваться в очередь в магазине за очередной новинкой. Сложность управления ею растет, а срок службы существенно сокращается.

Отмеченная тенденция выглядит закономерной и отражает собой веяние времени. Цифровые помощники людей сейчас объединяют в себе телефон, почту, фотоаппарат, телевизор, радио, музыкальный плеер, навигатор, в них закачаны книги, журналы, игры и многое другое, а еще они способны производить расчеты электронными деньгами. Подавляющая часть людей предпочитает получать и оплачивать услуги удаленно, не выходя из дома или офиса. Возможность осуществления электронных платежей населением на удовлетворение его самых разнообразных потребностей активно рекламируется всеми коммерческими банками, биржами, МФЦ, ЖКХ, сайтом государственных услуг и пр., ибо позволяет снижать транзакционные издержки всех субъектов: как поставщиков, так и потребителей соответствующих услуг. Сами же они неуклонно перемещаются в виртуальное пространство.

Стремительное рождение и развитие цифровой экономики во всем мире обуславливает насущную необходимость внесения необходимых корректив в содержание своей деятельности со стороны всех участников рыночных отношений. Не остались, естественно, в стороне и одни из наиболее активных участников формирования материального базиса общества – коммерческие банки. Это и не удивительно, ведь именно они в настоящее время сосредоточили в своих руках подавляющую часть финансовых

ресурсов планеты, а расставаться с ролью лидера на рынке капиталов им никак не хочется.

Не случайно, Центральный банк РФ сделал акцент в осуществлении платежей на использовании безналичных расчетов между населением и предприятиями посредством повсеместного внедрения пластиковых карт, в том числе и для пенсионеров, а также путем принудительного эквайринга для коммерческих предприятий, оказывающих услуги населению. Безналичные платежи между юридическими и физическими лицами превратились в своеобразную золотую жилу для кредитного учреждения, комиссионные доходы от которых вышли на первое место в его деятельности.

В конкурентной борьбе за клиентов коммерческие банки стараются как можно более полно учесть все возможные интересы самых активных групп населения путем создания удобного сайта и предоставления возможности получения услуг дистанционно, через Интернет или онлайн-приложения с телефона, компьютера или планшета. Специалисты по компьютерным технологиям разрабатывают доступные для интуитивного понимания интерфейсы приложений к банковским продуктам для клиентов коммерческих банков и финансовых брокеров, направляя технологический прогресс к дальнейшим завоеваниям четвертой технологической революции, о которой постоянно вещают специалисты на страницах ведущих экономических журналов и в докладах на самых разных экономических форумах.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что ортодоксальная банковская система находится сейчас в состоянии глубокого кризиса и в самом ближайшем будущем ее ожидают кардинальные изменения. Уже сейчас наиболее дальновидные банки параллельно выполняют два рода функций: традиционные, которые включают в себя классические банковские операции, подлежат налогообложению в общеустановленном порядке и не имеют перспектив в будущем – их число будет со временем сокращаться, и новые, связанные с широким внедрением компьютерно-финансовых технологий, перечень которых неуклонно увеличивается. Полученную прибыль от эксплуатации общераспространенных банковских продуктов кредитное учреждение вкладывает в более перспективные финансовые проекты, напрямую связанные с цифровыми активами: они не подлежат налогообложению (пока), позволяют получать сверхприбыль и обеспечивают задел на будущее.

Банк как любой здравомыслящий субъект рыночной экономики не может не задумываться о своем будущем статусе и не хочет потерять в ней своего привилегированного положения. Поэтому он нацелен сейчас на погоню «за двумя зайцами»: извлечение максимальной выгоды от традиционных финансовых транзакций и вложение большей части полученной от них прибыли в финансовые операции, гарантирующие дивиденды в будущем.

К стандартным функциям банка, которые пока еще востребованы и являются рентабельными, можно отнести следующие:

– привлечение денег и кредитование – средства, доверенные банку, и выдаваемые на их основе кредиты приносят достаточно стабильный доход их владельцам и одновременно являются источником пополнения ссудного капитала;

- посредничество при расчетах, особенно на основе электронных безналичных платежей, платежных карт и др.
- создание кредитных денег в виде оформления безналичных займов;
- посредничество на фондовом рынке при участии в операциях с ценными бумагами;
- трансформационные операции в результате преобразования «коротких» денег (краткосрочные депозиты) в «длинные» (долгосрочные кредиты);
- предоставление консультационных, информационных и других подобного рода услуг;
- инкассация денежных средств, векселей, платежных документов;
- купля-продажа иностранной валюты;
- операции с драгоценными камнями и металлами;
- выдача банковских гарантий и поручительств;
- оказание услуг по хранению денег, документов и других драгоценностей;
- доверительное управление имуществом и денежными средствами по договору;
- лизинг;
- инвестиционные услуги для клиентов, например, в негосударственные пенсионные, инвестиционные и паевые фонды банковской группы;
- проведение обучающих семинаров и мастер-классов для клиентов;
- страхование в банковских группах;
- VIP - обслуживание физических и юридических лиц;
- работа с франчайзерами, в том числе по разработке программ кредитования совместных бизнес-продуктов и нахождению новых клиентов для совместных программ;
- факторинговые услуги;
- эквайринг;
- осуществление зарплатных проектов;
- обслуживание пластиковых карт, создание банковских терминалов самообслуживания;
- разработка приложений «мобильный банк»;
- предоставление брокерских услуг;
- создание клуба клиентов (предоставление скидок и льгот на услуги предприятий партнеров банка);
- разработка бонусных программ для клиентов;
- обслуживание внешнеэкономической деятельности организаций и осуществление за ними валютного контроля;
- управление финансовыми потоками корпоративных клиентов;
- бюджетирование и прямое управление счетами корпоративных клиентов;
- осуществление документирования экспортных и импортных операций клиентов;
- кредитование субъектов РФ и муниципальных образований;
- создание структурных продуктов (защита капитала, диверсификация рисков, хеджирование рисков корпоративных клиентов);
- проведение консультаций для клиентов по сделкам слияния и поглощения в различных секторах экономики;

- услуги по оценке бизнеса предприятий, входящих в банковскую группу;
- осуществление операций на глобальных финансовых рынках (хеджирование валютных рисков, купля-продажа деривативов, производных инструментов срочных сделок и т.д.);

- осуществление аналитических расчетов, востребованных клиентами.

Перечисленные банковские операции будут еще некоторое время актуальными, но уже сейчас активно замещаются теми, которые основываются на применении искусственного интеллекта в предоставлении сервисных услуг и их перемещении в Интернет-пространство. Самыми конкурентоспособными из них являются следующие:

- электронный банкинг, позволяющий существенно сократить в кредитном учреждении численность работающего персонала за счет его замещения носителями искусственного интеллекта;

- составление программ для отдельных банковских операций;

- блокчейн-сервис;

- создание цифровых активов;

- приобретение объектов интеллектуальной собственности;

- денежные вложения в цифровые активы;

- майнинг криптовалют;

- облачный майнинг;

- накопление (хранение) криптовалют;

- выпуск собственных криптовалют;

- взаимобмен фиатных денег на криптовалюты;

- финансирование создания Интернет вещей и разработки умных контрактов;

- широкое использование в кредитном процессе робототехники, электронных помощников, чат-ботов, CRM-системы взаимодействия с клиентами;

- составление программ для различных банковских операций;

- проецирование спектра предоставляемых услуг на модули, основанные на технологии блокчейн;

- использование в банковских технологиях искусственного интеллекта.

Таким образом, передовые информационно-денежные потоки перемещают привычные банковские продукты и операции в область виртуального пространства. Меняется как сам подход к верификации клиентов, так и порядок проведения расчетов с ними. Использование распределенного реестра записей (блокчейн) позволяет существенно сократить сроки проведения финансовых операций, отказаться от инерционных платежных систем, услуг депозитариев и других многочисленных посредников, что, в свою очередь, способствует резкому снижению себестоимости совершаемых сделок. Это выгодно не только для самих банков, но и для их клиентов.

Одной из наиболее ярких тенденций сегодняшнего этапа развития экономики является акцент на децентрализованные формы управления в бизнесе. Кредитные учреждения, активно привлекая для своих нужд высококвалифицированных производителей программного обеспечения, создают прототипы системы удаленной идентификации пользователей, позволяющие на базе мобильного приложения к телефону создать разветвленную систему пользования разнообразными банковскими продуктами. Это по-

зволяет решить проблему расширения числа лиц, пользующихся услугами банков, ибо личное присутствие клиентов в их офисах превращается в анахронизм. Вполне очевидно, что использование смартфона или компьютера более удобно для клиента, так как пропадает необходимость добираться до офиса банка, стоять в очереди, теряя время и деньги.

Во многих европейских банках уже стало нормой, что клиенты, пройдя процедуру авторизации в одном из них, могут пользоваться услугами других кредитных организаций: открывать расчетные счета, осуществлять перевод электронных денежных средств, производить обмен фиатных финансов на криптовалютные и наоборот. Неудивительно, что многие крупные финансовые организации, такие как Bank of America, City, HSBC, стремительно сокращают свои отделения по всему миру, одновременно расширяя объемы собственных электронных операций в виртуальном пространстве и тем самым увеличивая число постоянных клиентов вследствие создания для них более комфортных условий доступа к банковским продуктам из произвольно выбранного места и в любое время в режиме 24/7.

Для развития этого направления своей деятельности кредитным учреждениям придется решить несколько исключительно сложных технологических вопросов. Например, как обеспечить доступ клиентов в банк из любой точки мира в режиме 24/7 по любому их запросу, ведь необходима надежная удаленная аутентификация субъектов и защита их персональных данных, а сотрудникам не обойтись без специальных офисных приложений для распределенной работы. Пока это не всегда оказывается возможным, хотя даже в России есть лидеры, уверенно встающие на путь перемен. Так, «Тинькофф Банк» полностью отказался от отделений, но при этом нарастил клиентскую базу в России до внушительных 4 млн человек, а его Интернет-банкинг неоднократно признавался в последние годы агентством MarksworldRank & Report одним из самых эффективных в стране.

Важным условием сохранения кредитными институтами своих позиций на рынке является внедрение и использование ими программного обеспечения для получения пользователями всего набора банковских услуг. Эта тенденция отчетливо прослеживается в стремительном развитии Интернет-банков – Тинькоффбанка, Модульбанка, Рокетбанк.ру (Интеркоммерцбанка), Инстабанк.ру (проекта, реализуемого компанией iDAmobile, разрабатывающей мобильные приложения, в том числе и для коммерческих банков, но реализуемого Военно-промышленным банком), Touch bank (ОТПбанка, Бинбанка. Сегодня их в России насчитываются около 30, и их успешная деятельность подтверждает, что, имея хорошее программное обеспечение, кредитные учреждения в состоянии обеспечить всю требуемую рынком линейку банковских услуг.

Таким образом, наиболее дальновидные банки все смелее доверяют цифровым технологиям и постоянно расширяют спектр их использования в своей финансовой деятельности вплоть до перехода на полное самообслуживание клиентов с помощью банкоматов с расширенными функциями и чат-ботов с элементами искусственного интеллекта. В таких кредитных учреждениях решение по кредитным заявкам все чаще принимают специально написанные программы на базе автоматически загружаемых данных (CRM), а финансовые расчеты смещаются в сторону облачных техноло-

гий и сервисов. Все это способствует тому, что современные финансовые институты все больше становятся похожими на IT-компании, которые не могут нормально функционировать без мощных вычислительных центров.

Банк Barclays провел первую торговую сделку с израильским стартапом, используя блокчейн. Обычно в подобных случаях необходимо пользоваться сложной системой документооборота, включающей необходимость пересылки конфиденциальных документов с помощью курьера. На сделку, как правило, уходит месяц – полтора, но с помощью блокчейна все было сделано за 4 ч.

«Блокчейн как сервис» превращается в тренд с потенциально очень широким применением. Крупные производители программного обеспечения предоставляют подобные решения, например, на базе облачных технологий. Ими начинают пользоваться и в России: «Росевробанк» разработал прототип системы удаленной идентификации пользователей на блокчейн. По задумке ее создателей, децентрализованная система позволит клиентам пользоваться услугами и других банков, при этом проводником станет обычное приложение, а идентификацию проведут кредитные организации. Если проект будет успешно реализован, в будущем планируется создание единого окна для использования полного спектра банковских сервисов.

В ходу у банков сегодня все больше самых разнообразных виртуальных помощников, которые, как, например, KPMGEVA (Enlightened Virtual Assistant), уже могут заменить клиентского персонального менеджера. Другие, используя все доступные аналитические данные о клиенте (статистику расходов, историю запросов и поисков в Интернете, сведения о состоянии здоровья, посещениях фитнес-центров, совершенных путешествиях и т.п.), не только в состоянии дать ему необходимые профессиональные рекомендации, но и записать на прием к врачу, в фитнес-центр, в бассейн и даже оплатить эти услуги с помощью имеющейся базы биометрических данных.

Банк будущего можно представить себе как набор программного обеспечения, подобно компьютерному вирусу проникающий во все сферы деятельности человека. Даже с учетом того, что клиент банка останется конечным бенефициаром, дающим разрешение на осуществление любых банковских операций, безобидные на первый взгляд приложения превратятся в агрессивную «шпионскую сеть», автоматически собирая и накапливая все данные на своих пользователей: от состояния банковского счета, истории покупок, размеров заработной платы, объема ежемесячных от нее отчислений, стоимости приобретаемого имущества, объема оплачиваемых налогов, количества автоматически заказанных товаров, величины оплаты коммунальных услуг до биометрических данных.

Очевидно, что усложнение применяемых клиентами бизнес-схем, перемещение большей части предпринимательских проектов в виртуальное пространство, с одной стороны, и развитие искусственного интеллекта, его более широкое применение в наиболее ответственных участках работы в кредитных учреждениях – с другой, приведут к замене большей части сотрудников банков андроидами. В этом направлении двигаются все ключевые игроки банковского сектора как мира, так и России. Скажем, в «Дельтабанке» запустили приложение, которое моментально выдает решение по запросу на кредит и позволяет с высокой степенью вероятности (до 80 %))

узнать приемлемую сумму ипотечного займа. Все операции основаны на самообслуживании, в основе которого лежит CRM, а от клиента требуется лишь загрузка отсканированных документов. «Мы посчитали, если сравнить Сбербанк сегодня и пять лет назад, то примерно 50 % тех решений, которые выносились людьми, сегодня принимаются машинами. А еще через пять лет мы сможем принимать примерно 80 % всех решений автоматически с помощью искусственного интеллекта», – убежден глава Сбербанка Герман Греф.

Активное использование разнообразных компьютерных технологий в ближайшем будущем закономерно и неминуемо приведет к замещению людей во всех имеющихся финансовых институтах носителями искусственного интеллекта, чат-ботами, цифровыми системами и т.д. Именно с использованием ботов связывают серьезные надежды крупные банки не только в России, но и по всему миру. KPMG представил революционную разработку – персонального электронного ассистента под названием EVA (Enlightened Virtual Assistant – «Продвинутый виртуальный помощник»), который использует передовые инструменты аналитики, голосовую аутентификацию, искусственный интеллект, API и облачные технологии. Так, проанализировав расходы клиента на увлечение им фаст-фудом и увязав их величину с текущим состоянием его здоровья, такое приложение может не только посоветовать ему записаться на прием к врачу или почитать определенную медицинскую литературу, но и оплатить эти услуги.

На повестке дня и еще одно новшество: банки и предприятия передовых финансовых технологий будут контактировать по большей части уже не с людьми, а с «умными» предметами Интернета вещей, число которых уже сейчас превышает население планеты. Естественно, клиент будет самостоятельно определять их полномочия, оставаясь конечными бенефициарами процесса, но им его связь с банком по существу исчерпывается. Первопроходцем в создании таких сервисов стала компания Master Card, разработав программу, которая может практически любой гаджет превратить в инструмент оплаты. На выставке CES 2017 Master Card представил совместную с Samsung разработку: приложение Groceries позволяет выбирать и оплачивать продукты прямо на дисплее смарт-холодильника, который еще и отслеживает срок годности пищи и способен делать дополнительные заказы в случае порчи еды.

Сложные технологии идентификации клиентов тоже скоро могут уйти в прошлое. Поскольку сегодня их верификация в большинстве случаев происходит с помощью гаджетов, то банку для совершения необходимых транзакций достаточно связаться с этими устройствами, не тревожа их владельцев. Не только смартфоны, но и умные часы, холодильники, телевизоры могут осуществлять необходимые заказы и производить их оплату, что не только упрощает жизнь современного человека, но и позволяет экономить ему на специальных банковских услугах.

Передовые банки все настойчивее и определеннее отдаляются от архитектуры кредитной системы прошлого века, списывая в архив устаревающие мейнфреймы, на которых основаны информационные системы большинства работающих по стандарту кредитных учреждений. Обслуживание этих систем обходится достаточно дорого, однако для полного отказа

от них необходимо пересмотреть не только практически все конфигурации данных, которые сложились еще полвека назад, но и саму технологию разработки и сопровождения программного обеспечения. Однако игра стоит свеч: революционные цифровые платформы – облачные технологии, микросервисная архитектура, глубокое машинное обучение, хабы для управления Интернетом вещей, блокчейн и коллективная кибербезопасность – дают продвинутым банкам два неоспоримых преимущества перед их конкурентами – резкое увеличение численности клиентов и столь же значительное снижение стоимости оказываемых им услуг.

Каждый банк обладает большим числом созданных за период его активной деятельности программных комплексов, код которых разбухает до сотен тысяч строк, что негативно сказывается на осуществлении разного рода инноваций. Конкуренцию с IT-компаниями кредитное учреждение может выдержать только путем объединения всего своего комплекса сервисов в единую структуру при помощи API и цифрового ядра. Если раньше основой банковских операций был пользовательский интерфейс, но сейчас это во многом изживший себя анахронизм: приоритетом является архитектура API, а фронт-энд – лишь приложение к ней.

API является востребованным продуктом для банков прежде всего для создания ими собственного цифрового ядра и более гибкого взаимодействия с клиентами. Заслуживающий внимания прецедент в этой области продемонстрировал FidorBank, разработав API-платформу, позволяющую пользователям напрямую подключаться к сервисам банка. Это дает возможность его клиентам переводить электронные денежные средства посредством Twitter, осуществлять операции с криптовалютами и на основе имеющихся сервисов оказывать услуги третьим лицам. В Германии создан единый API, пользуясь которым, человек может взаимодействовать с любым банком страны; подобного рода система функционирует также в Польше, где субъект, предварительно идентифицировавшись в одном из кредитных учреждений, может впоследствии открыть счета и в других.

Другой серьезной проблемой является обеспечение бесперебойного функционирования огромного числа устройств из комплекса Интернета вещей. В последние годы получили развитие цифровые технологии создания коллективной безопасности с использованием облаков. Работая в одиночку, банк никогда не может предсказать заранее, какая конкретно угроза будет задействована злоумышленниками. Организационно консолидируясь, кредитные учреждения получают доступ к конфиденциальной информации друг друга, анализ которой способствует созданию эффективных средств общей защиты от хакерских атак. Если кредитные учреждения накапливают большое количество клиентов в облаке и обладают при этом действенными договорами как с крупными компаниями, так и с государственными организациями, то совместными усилиями всех сторон с использованием методов машинного обучения и искусственного интеллекта возможно создание централизованного архива с досье на наиболее агрессивных преступников и подозрительных личностей, что будет налагать своеобразные ограничения на возникновение кибернетических эксцессов.

Как же можно представить себе банк будущего? Он либо полностью прекратит свое существование, либо плавно трансформируется в IT-компанию

или многопрофильный финансовый концерн. Не случайно, кредитные учреждения все настойчивее расширяют спектр предоставляемых от своего имени небанковских услуг, прежде всего, в области страхования. Другим примером такого рода является освоение банками рынка SaaS, на котором они заключают договора с производителями программного обеспечения, у которых имеются хорошо структурированные облачные сервисы, и затем предоставляют их пользователям уже от своего имени. В частности, не так давно Сбербанк заключил соглашение с корпорацией Microsoft, в рамках которого он предоставляет своим корпоративным клиентам, занятым в сфере малого и среднего бизнеса, облачные сервисы Office 365, а Тинькофф Банк, владея разносторонней информацией о своих клиентах, продает ее торговым предприятиям для формирования таргетированных предложений cash-back.

В течение ближайшего времени банковскую систему ожидает серьезная структурная перестройка. Меняется как форма, так и содержание деятельности кредитных учреждений: она, во-первых, стремительно перемещается из реального в виртуальное экономическое пространство, а во-вторых, становится все более многофункциональной: собственно банковские операции занимают все более ограниченное место, а на первый план выходят финансовые спекуляции, страхование, инвестиции в создание ИТ-технологий и разработку Интернета вещей, вложения в цифровую собственность.

Очевидно, что тот денежно-кредитный каркас экономики, который питал развитие традиционных отраслей производства и сферы услуг, а также служил финансовым подспорьем улучшения жизненного уровня населения, уходит в прошлое и становится историей. Объемы кредитования населения, ранее всегда обеспечивавшие безбедное существование коммерческим банкам, будут неуклонно уменьшаться и в скором будущем достигнут нулевой отметки из-за повсеместного вытеснения человеческого труда роботами.

В недалекой перспективе люди, лишившись работы и возможности продавать свою рабочую силу, станут жить на ежемесячное пособие от государства – так называемый ББД (базовый безусловный доход), с выплатой которого уже всюду экспериментируют в течение последних нескольких лет правительства развитых стран. Потребность в кредитах упадет и у юридических лиц, ибо рынки сбыта товаров широкого потребления резко сократятся вследствие их перенасыщения дешевыми аналогами и отсутствия платежеспособного спроса. В результате основной вид деятельности финансовых посредников, веками их надежно кормивший, – кредитование, как и ранее его старший брат ростовщичество, прекратит свое существование.

Мелкие и средние банки, вовремя не распознавшие долговременного характера происходящих конъюнктурных процессов, разорятся и покинут рынок. Другие кредитные учреждения, в основном крупные, сразу сделавшие ставку на широкие возможности, открывавшиеся со сменой технологического уклада общества, будут срачиваться с солидными Интернет-компаниями, производителями искусственного интеллекта, инвестиционными группами и предстанут в виде виртуального финансового холдинга, дистанцирующегося от государственных структур управления.

Держава, еще какое-то время удерживающаяся на плаву во время становления цифрового общества, изменит свою тактику по отношению к

крупному бизнесу (малый его оппонент уйдет в небытие из-за отсутствия условий для существования) и станет облагать его налогом либо на вмененный доход, либо на расходы. Бизнес-пространство существенно сузится и будет представлять собой сферу деятельности небольшой группы финансовых воротил, среди которых окажется и часть бывших банков, ожесточенно конкурирующих между собой. Такое положение сохранится весь переходный период модернизации общественного уклада, который приведет к еще более значительной дифференциации условий и образа жизни людей.

Банк, утративший старые источники дохода, перестанет выполнять функции кредитного учреждения, произведет глобальное сокращение численности своего персонала, осуществит подбор высокопрофессиональных специалистов, обладающих фундаментальными знаниями в области компьютерных технологий и одновременно разбирающихся в финансовых проблемах рыночной экономики, на руководящие должности, оснастит прочие рабочие места дорогостоящими последней модификации роботами и сосредоточится на четырех ключевых направлениях предпринимательской деятельности:

- генерирование различных видов криптовалют, их хранение, обмен по коммерческому курсу, осуществление сложных электронных расчетов;
- осуществление сделок по купле-продаже виртуальных деривативов, операций по страхованию рисков и цифровой собственности;
- инвестирование средств в цифровые активы и технологии, разработку новых поколений Интернета вещей, цифровую собственность;
- финансирование исследований по совершенствованию искусственно-го интеллекта и вложение средств в промышленное производство их носителей.

Этот перечень с течением времени будет существенно расширен, так как технический прогресс не стоит на месте, а осуществляется невиданными ранее темпами. То, что вчера казалось фантастическим, сегодня превратилось в обыденную реальность, поэтому пытаться предвидеть всю гамму цифрового разнообразия будущего – задача заведомо безнадежная, недо-стижимая в принципе.

Таковыми в самых общих чертах представляются последствия начавшейся на наших глазах четвертой индустриальной революции, в результате осуществления которой банки, вынужденные прекратить кредитные операции с населением и малым бизнесом, трансформируются сначала в виртуальный денежный холдинг, осваивающий новые виды спекуляций с криптовалютой и нацеленный на наращивание цифрового капитала и цифровой собственности, а затем – в мультифинансового гиганта, в котором доминирующее положение возможно будет занимать уже не человек, а носитель искусственного интеллекта.

Литература

1. *Борисова О.В.* Рынок финансовых технологий и тенденции его развития // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. Вып. 8. С. 1844–1858.
2. *Беляцкая Т.Н.* Экосистема электронных рынков и факторы, ее определяющие // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10. № 6. С. 9–17.

3. *Добрынин А.П., Черных К.Ю., Куприяновский В.П. и др.* Цифровая экономика – различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, ЮТ, Smart City, BIG DATA и другие) // *International Journal of Open Information Technologies scholar*. 2016. Т. 4. № 1. С. 4–10.
4. *Кроливецкая В.Э.* Трансформация взглядов на сущность и функции денег // *Вестник ИНЖЭКОН*. 2011. Вып. 6 (49). С. 44–50.
5. *Куприяновский В.П., Добрынин А.П., Синягов С.А., Намиот Д.Е.* Целостная модель трансформации в цифровой экономике: как стать цифровыми лидерами // *Журнал International Journal of Open Information Technologies*. 2017. Т. 5. Вып. 1. С. 26–32.
6. *Лохин В.М.* Развитие технологий интеллектуального управления в Институте кибернетики МИРЭА // *Вестник МГТУ МИРЭА*. 2015. Т. 1. № 3.
7. *Миркин Я.М.* Финансы по Гринспену // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2015. № 1 (25). С. 212–217.
8. *Пшеничников В.В., Бабкин А.В.* Электронные деньги как фактор развития цифровой экономики // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2017. Т. 10. № 1. С. 32–42.
9. *Савина Т.Н.* Цифровая экономика как новая парадигма развития: вызовы, возможности и перспективы // *Финансы и кредит*. 2018. Т. 24. Вып. 3. С. 579–590.
10. *Свон М.* Блокчейн. Схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес, 2017. 240 с.
11. *Святловский В.В.* Происхождение денег и денежных знаков / изд. 4-е. М.: КРАСАНД, 2017. 136 с.
12. *Селиванова М.А., Тюнин Д.А., Богданова М.М.* Применение новых технологий в финансовой сфере в современных условиях // *Финансовый бизнес*. 2018. № 6. С. 56–67.
13. *Уорнер М., Витцель М.* Виртуальные организации. Новые формы ведения бизнеса в 21 веке. М.: *Добрая книга*, 2005. 296 с.
14. *Юдина Т.Н.* Осмысление цифровой экономики // *Теоретическая экономика*. 2016. № 3. С. 12–16.
15. *Гринвальд Т.* Искусственный интеллект меняет сферу управления персоналом / пер. Н. Беличенко. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/03/21/682005-iskusstvennii-intellekt-personalom>
16. Доклад всемирного банка «Перспективы получения цифровых дивидендов в Евразийском экономическом союзе». URL: <http://d-russia.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).
17. Искусственный интеллект в цифрах. [Электронный ресурс]. URL: <https://incrussia.ru/understand/5-startapov-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta-o-kotoryh-nado-znat/>
18. Искусственный интеллект (ИИ) / Artificial Intelligence (AI) как ключевой фактор цифровизации глобальной экономики. URL: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=117544>
19. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ac5a34dd7e53e8eb99096d328fba674d066a76b/
20. Тенденции развития безналичных расчетов в РФ. URL: <http://moluch.ru/archive/104/24482/>

Bibliography

1. *Borisova O.V.* Rynok finansovyh tehnologij i tendencii ego razvitija // *Finansy i kredit*. 2018. Т. 24. Вып. 8. Р. 1844–1858.
2. *Beljackaja T.N.* Jekosistema jelektronnyh rynkov i faktory, ee opredel'ajushhie // *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Jekonomicheskie nauki*. 2017. Т. 10. № 6. Р. 9–17.

3. *Dobrynin A.P., Chernyh K.Ju. Kuprijanovskij V.P. i dr.* Cifrovaja jekonomika – razlichnye puti k jeffektivnomu primeneniju tehnologij (BIM, PLM, CAD, JuT, Smart City, BIG DATA i drugie) // International Journal of Open Information Technologies scholar. 2016. T. 4. № 1. P. 4–10.
4. *Kroliveckaja V.Je.* Transformacija vzgljadov na sushhnost' i funkcii deneg // Vestnik INZhJeKON. 2011. Vyp. 6 (49). P. 44–50.
5. *Kuprijanovskij V.P., Dobrynin A.P., Sinjagov S.A., Namiot D.E.* Celostnaja model' transformacii v cifrovoj jekonomike: kak stat' cifrovymi liderami // Zhurnal International Journal of Open Information Technologies. 2017. T. 5. Vyp. 1. P. 26–32.
6. *Lohin V.M.* Razvitie tehnologij intellektual'nogo upravlenija v Institute kibernetiki MIRJeA // Vestnik MGTU MIRJeA. 2015. T. 1. № 3.
7. *Mirkin Ja.M.* Finansy po Grinspenu // Zhurnal Novej jekonomicheskoy asociacii. 2015. № 1 (25). P. 212–217.
8. *Pshenichnikov V.V., Babkin A.V.* Jelektronnye den'gi kak faktor razvitija cifrovoj jekonomiki // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Jekonomicheskie nauki. 2017. T. 10. № 1. P. 32–42.
9. *Savina T.N.* Cifrovaja jekonomika kak novaja paradigma razvitija: vyzovy, vozmozhnosti i perspektivy // Finansy i kredit. 2018. T. 24. Vyp. 3. P. 579–590.
10. *Svon M.* Blokchejn. Shema novej jekonomiki. M.: Olimp-Biznes, 2017. 240 p.
11. *Svjatlovskij V.V.* Proishozhdenie deneg i denezhnyh znakov / izd. 4-e. M.: KRASAND, 2017. 136 p.
12. *Selivanova M.A., Tjunin D.A., Bogdanova M.M.* Primenenie novyh tehnologij v finansovoj sfere v sovremennyh uslovijah // Finansovyj biznes. 2018. № 6. P. 56–67.
13. *Uorner M., Vitcel' M.* Virtual'nye organizacii. Novye formy vedenija biznesa v 21 veke. M.: Dobraja kniga, 2005. 296 p.
14. *Judina T.N.* Osmyslenie cifrovoj jekonomiki // Teoreticheskaja jekonomika. 2016. № 3. P. 12–16.
15. *Grinval'd T.* Iskusstvennyj intellekt menjaet sferu upravlenija personalom / per. N. Belichenko. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/03/21/682005-iskusstvennii-intellekt-personalom>
16. Doklad vseмирnogo banka «Perspektivy poluchenija cifrovych dividendov v Evrazijskom jekonomicheskom sojuze». URL: <http://d-russia.ru/> (data obrashhenija: 22.02.2018).
17. Iskusstvennyj intellekt v cifrah. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://incrossia.ru/understand/5-startapov-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta-o-kotoryh-nado-znat/>
18. Iskusstvennyj intellekt (II) / Artificial Intelligence (AI) kak kljuchevoj faktor cifrovizacii global'noj jekonomiki. URL: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=117544>
19. Strategija razvitija informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ac5a34dd7e53e8eb99096d328fba674d066a76b/
20. Tendencii razvitija beznalichnyh raschetov v RF URL: <http://moluch.ru/archive/104/24482/>

УДК: 33, 343

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Долбня А.А.

Межрегиональное управление Федеральной службы
по финансовому мониторингу по Сибирскому федеральному округу
E-mail: a.a.dolbnya@mail.ru

В данной статье рассматриваются ключевые этапы развития системы финансового мониторинга в Российской Федерации, включая предпосылки его появления, формирование и совершенствование национальной антиотмывочной системы. Также определяются актуальные риски и угрозы в сфере противодействия отмыванию доходов, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения, на основании которых предлагаются основные направления и перспективы дальнейшего развития системы ПОД/ФТ/ФРОМУ.

Ключевые слова: финансовый мониторинг, финансовая разведка, легализация (отмывание) преступных доходов или иного имущества, финансирование терроризма, финансирование распространения оружия массового уничтожения.

THE DEVELOPMENT OF THE FINANCIAL MONITORING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dolbnya A.A.

Siberian Department of the Federal Financial Monitoring Service
E-mail: a.a.dolbnya@mail.ru

This article considers key stages of the development of the financial monitoring system of the Russian Federation, including such questions as preconditions of its establishment, the establishment itself and the development of the national AML system. Moreover, the article covers topical risks and threats in the sphere of combating money laundering, terrorist financing and financing of proliferation of weapons of mass destruction. In addition, the article proposes basic directions and prospects of further development of the AML/CFT system on the basis of topical risks and threats.

Keywords: financial monitoring, financial intelligence, legalization (laundering) of illicit proceeds and other property, terrorism financing, financing of proliferation of weapons of mass destruction.

В 2018 г. Федеральной службе по финансовому мониторингу Российской Федерации исполнилось 17 лет. Оглядываясь на пройденный путь, можно утвердительно сказать, что на этом историческом отрезке на долю нашего государства пришлось немало трудностей и испытаний, регулярно появлялись новые вызовы и угрозы, а общество нуждалось в стабильности и последовательном улучшении уровня жизни.

Развитие экономических отношений, появление новых финансовых инструментов и научно-технический прогресс – одни из многих факторов, которые увеличивают риск вовлечения денежных потоков в теневую экономику и создают условия для их отмывания. Использование легализованных

доходов в финансово-хозяйственной деятельности приводит к деградации национальной экономики, а в ряде случаев создает материальную базу для коррупции и организованной преступности, в том числе и для профессионалов, занимающихся отмыванием доходов (ПЗОД).

В целях противостояния новым вызовам и угрозам 1 ноября 2001 г. образован Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу – финансовая разведка.

ПОНЯТИЕ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В научной литературе и нормативно-правовых актах термины «контроль» и «надзор» все чаще употребляются как синонимы. В настоящее время наблюдается тенденция к сущностному сближению этих видов деятельности, а в трудах некоторых ученых превалирует идея об отсутствии практического смысла разделять контроль и надзор.

М.Н. Кудилинский справедливо полагает, что «сфера внутреннего контроля значительно сузилась вместе с сокращением количества субъектов, находящихся в линейной или функциональной подчиненности органов исполнительной власти, и превратилась в механизм обратной связи внутри системы управления. Внешний же контроль ожидаемо трансформировался в контроль за законностью» [2, с. 52].

Яркой тому иллюстрацией может служить следующее положение статьи 7 Федерального закона № 115-ФЗ: «Контроль за исполнением физическими и юридическими лицами настоящего Федерального закона в части фиксирования, хранения и представления информации об операциях, подлежащих обязательному контролю, за организацией и осуществлением внутреннего контроля, осуществляется соответствующими надзорными органами (в случаях, установленных федеральными законами, учреждениями, подведомственными государственным органам) в соответствии с их компетенцией и в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, а также уполномоченным органом в случае отсутствия указанных надзорных органов или учреждений в сфере деятельности отдельных организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом» [12].

Таким образом, надзор стал рассматриваться как отдельный вид контроля, сохранив за собой традиционное название.

Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель зачастую формулирует ряд полномочий Росфинмониторинга, в том числе и как контроль.

К примеру, Росфинмониторинг осуществляет в соответствии с законодательством Российской Федерации контроль за операциями (сделками) с денежными средствами или иным имуществом [6].

В свою очередь, «финансовый мониторинг как государственная функция уполномоченного органа – это совокупность действий государства посредством издания определенных нормативных актов и создание уполномоченных органов, усилия которых направлены на предотвращение легализации денег, полученных преступным путем, финансирования терроризма, распространения оружия массового уничтожения и незаконных

финансовых операций как в отдельных субъектах Российской Федерации, так и в масштабе всей страны и за ее пределами» [4, с. 131].

В содержании финансового мониторинга выделяются следующие компоненты:

- 1) государственный надзор в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также другим незаконным финансовым операциям;
- 2) финансово-аналитическая разведка;
- 3) координация деятельности надзорных и правоохранительных органов в системе ПОД/ФТ [4, с. 132].

Необходимо отметить, что появлению финансового мониторинга предшествовала контрольно-надзорная деятельность государства, эволюция которой оказала значительное влияние на становление финансовой разведки.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

24 мая 1994 г. Указом Президента Российской Федерации № 1016 утверждена Федеральная программа Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 гг.

В рамках данной программы были определены основные тенденции развития криминальной обстановки в России. В частности, говорится о том, что негативные тенденции в динамике и структуре преступности особо проявились в 1990–1994 г., когда общий ее уровень вырос более чем в два раза [11]. Также отмечается, что преступность становится все более организованной и профессиональной.

Криминогенная обстановка того периода характеризуется стремлением криминальных элементов к проникновению в политическую и экономическую жизнь государства. Во многом это было обусловлено борьбой за сферы влияния, участием в переделе собственности и конкуренцией за контроль над прибыльным бизнесом. В непростых социально-экономических условиях и на общем негативном фоне после распада СССР не приходилось говорить о каком-либо эффективном государственном механизме по установлению происхождения и дальнейшему отслеживанию финансов и капитала.

В то же время процветала экономическая преступность, а доходы криминального мира, полученные в результате осуществления противоправной деятельности, постоянно увеличивались.

Другой предпосылкой появления финансового мониторинга являлось восприятие Российской Федерацией общемирового опыта и вступление в Совет Европы, которое неизбежно влекло за собой приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами.

Кроме того, одной из целей постсоветской России на первоначальном этапе являлось определение собственного положения на международной арене, установление новых межгосударственных связей и интеграция в международные организации.

В 1989 г. была создана межправительственная организация – Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), получение членства в которой было вполне закономерным желанием России в рамках реализации внешнеполитической повестки.

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ АНТИОТМЫВОЧНОЙ СИСТЕМЫ

Формирование российской системы противодействия отмыванию доходов (системы ПОД) случилось не в одночасье. Ее элементы начали формироваться с 1990 г. Именно тогда Верховный Совет СССР ратифицировал Венскую конвенцию ООН о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., которая заложила международно-правовые основы борьбы с отмыванием преступных доходов.

В 1994 г. Президент Российской Федерации утвердил Федеральную программу по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 гг. Как было заявлено, целью программы является создание перелома в деятельности государственной системы борьбы с преступностью, обеспечивающей надежную защиту жизни, здоровья, имущественных и иных прав граждан, общественных и государственных интересов от преступных посягательств в условиях социальной реформы.

Данная программа в качестве одного из направлений государственной политики обозначила необходимость применения мер пресечения коррумпированных связей организованной преступности, обеспечение ответственности за новые виды и формы преступной деятельности и оперативное изъятие преступно нажитых средств и имущества.

В числе первоочередных мер по борьбе с преступностью фигурировала разработка законов: о борьбе с организованной преступностью; о противодействии коррупции; о борьбе с терроризмом и бандитизмом; об ответственности за легализацию преступных доходов и др.

Следует отметить, что важное место отведено разработке системы мер пресечения отмывания незаконно полученных капиталов, ответственности за оказание содействия в этом, оперативного лишения преступных групп и сообществ возможности распоряжаться деньгами с последующей их конфискацией. Также планировалось разработать программу мер предупреждения оттока денежных ресурсов в теневую экономику и финансирования преступных структур.

Справедливо полагать, что таким образом закладывались основы для формирования государственного механизма по отслеживанию преступных доходов и противодействию их легализации.

Необходимо заметить, что на момент появления в Уголовном кодексе РФ в 1996 г. статьи 174, предусматривающей ответственность за отмывание доходов, не существовало единого уполномоченного органа, на который были бы возложены задачи по координации борьбы с преступностью в данной сфере, как не существовало и механизма мониторинга незаконных финансовых операций. В связи с этим у правоприменительных органов возникали определенные трудности, связанные с расследованием уголовных дел данной категории, в частности, при сборе, анализе и оценке сведений о финансовых операциях, направленных на легализацию доходов.

В 1997 г. Россия стала членом Комитета экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег (МАНИВЭЛ). Этот орган представляет собой региональную группу по типу ФАТФ, в задачи которой входит внедрение международных стандартов по борьбе с отмыванием денег на территории Европы.

21 октября 1998 г. после рассмотрения соответствующего законопроекта Государственная Дума Российской Федерации приняла Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем», однако сразу претворить его в жизнь не получилось: Совет Федерации не одобрил закон. Потребовались дополнительные усилия на доработку отдельных положений, в результате чего в июне 1999 г. закон был поочередно одобрен обеими палатами российского парламента. Однако вступление в силу нормативных положений было отложено. Одной из причин явилось то, что в законопроекте не был определен единый национальный орган, ответственный за получение, анализ и передачу компетентным органам финансовой информации.

В 1999 г. Российская Федерация подписала Страсбургскую конвенцию Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» 1990 г.

В 1999 г. при МВД России создан Межведомственный центр по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, в состав которого входили представители МВД России, ГТК России, ФСНП России, ФСБ России, МНС России, Минфина России, Минэкономики России и ВЭК России. Также по двустороннему соглашению в работе Центра принимали участие специалисты Банка России.

Основными задачами Центра являлись: сбор, анализ и предварительная проверка сведений о финансово-экономических операциях с денежными средствами или иным имуществом, имеющих незаконный или экономически нецелесообразный характер; информационно-аналитическое и организационно-методическое обеспечение общероссийских мероприятий по выявлению и пресечению легализации (отмывания) доходов, полученных незаконным путем; организация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по выявлению и пресечению легализации (отмывания) доходов, полученных незаконным путем, и сотрудничество с аналогичными структурами иностранных государств и международными организациями [13].

Появление Центра ознаменовало собой новую веху в истории российской системы ПОД. Впервые было создано специализированное подразделение, наделенное полномочиями для противодействия легализации преступных доходов. Несмотря на важность этого события, необходимо упомянуть о том, что на кредитные учреждения не были возложены обязанности сообщать в уполномоченный орган о совершении их клиентами подозрительных финансовых операций. В данном аспекте Межведомственный центр не мог в полной мере соответствовать требованиям ФАТФ и являться национальным подразделением финансовой разведки.

В 2000 г. по результатам заключения международной комиссии Российская Федерация была включена в «черный» список ФАТФ как страна, законодательство которой не соответствует стандартам в сфере противо-

действия отмыванию преступных доходов. Отсутствие фундаментального профильного закона оказало существенное влияние на принятие решения экспертами ФАТФ.

28 мая 2001 г. Российская Федерация ратифицирует Страсбургскую конвенцию Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности».

7 августа 2001 г. приняты Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» и Федеральный закон № 121-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем”». Таким образом, была создана необходимая законодательная база в сфере борьбы с отмыванием денег. С целью внедрения нормативных положений и во избежание юридических коллизий подверглись изменению и дополнению: Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и Федеральный закон «О банках и банковской деятельности».

Федеральный закон № 115-ФЗ заложил правовые основы для создания системы предупреждения легализации (отмывания) преступных доходов, организации деятельности по борьбе с отмыванием денег, а также участия России в международном сотрудничестве в данной сфере.

В Уголовный кодекс РФ была введена ст. 174.1, предусматривающая ответственность за легализацию денежных средств или иного имущества, полученных лицом в результате совершения им преступления. Статья 174 была сформулирована несколько иначе, а именно: легализуемые денежные средства должны быть приобретены не любым незаконным путем, а лишь преступным.

1 ноября 2001 г. Президент РФ подписал Указ № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем», что ознаменовало создание Комитета РФ по финансовому мониторингу при Минфине России – финансовой разведки.

Основным задачами Комитета РФ по финансовому мониторингу стали:

– сбор, обработка и анализ информации об операциях с денежными средствами или иным имуществом, подлежащих контролю в соответствии с законодательством Российской Федерации;

– создание единой информационной системы и ведение федеральной базы данных в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма;

– направление соответствующей информации в правоохранительные органы в соответствии с их компетенцией при наличии достаточных оснований, свидетельствующих о том, что операция, сделка связаны с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, или финансированием терроризма;

– осуществление в соответствии с международными договорами Российской Федерации взаимодействия и информационного обмена с компетентными органами иностранных государств в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма;

– представление Российской Федерации в международных организациях по вопросам противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [15].

«В целом к 1 февраля 2002 г. (т.е. к установленной дате вступления в силу Федерального закона № 115-ФЗ) были созданы все необходимые правовые и организационные предпосылки для начала функционирования национальной системы ПОД и ее ядра – системы финансового мониторинга», – пишет В.А. Зубков [1, с. 126].

Необходимо отметить, что подразделения финансовых разведок (ПФР) во всех странах мира создаются в соответствии с Рекомендациями ФАТФ, однако в зависимости от специфики национального законодательства и структуры административной системы меняются их роль и функции.

Общепризнанная классификация выделяет 4 типа ПФР:

– административного типа, находящиеся в ведении органов государственного регулирования и контроля (Австралия, Бельгия, Испания и др.);

– правоохранительного типа, являющиеся структурными подразделениями правоохранительных органов общей или специальной компетенции (Германия, Латвия, Финляндия и др.);

– смешанного типа, в которых сочетаются признаки административного и правоохранительного типов (Нидерланды, Дания и др.);

– судебного или прокурорского типа, находящиеся под юрисдикцией органов юстиции или прокуратуры (Кипр, Люксембург).

Российскую финансовую разведку традиционно относят к ПФР административного типа и считают уникальным примером.

Феномен отечественного ПФР заключается в следующем. С учетом огромного размера территории России, в структуре КФМ были образованы территориальные органы – Межрегиональные управления (МРУ) по федеральным округам, которые осуществляют свою деятельность во взаимодействии с аппаратами полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, органами государственной власти субъектов РФ, территориальными органами иных федеральных органов исполнительной власти, территориальными учреждениями Банка России, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями [17].

По совокупности задач, функций и полномочий Межрегиональные управления фактически представляют собой самостоятельные территориальные подразделения финансовой разведки, подчиненные единому центру и интегрированные в федеральную информационную сеть, обладающие всем необходимым для всестороннего и объективного проведения финансовых расследований. Таким образом, центр делегирует полномочия территориальным органам, сохраняя за собой право при необходимости забирать любые расследования в свое производство.

В июне 2002 г. Комитет по финансовому мониторингу стал членом Группы «Эгмонт» – международного объединения подразделений финансовых разведок, целью которого является обеспечение эффективного взаимодействия между ними.

Качественное изменение российского антиотмывочного законодательства не могло остаться незамеченным со стороны ФАТФ. Иностранцами

специалистами было принято решение посетить Российскую Федерацию и оценить произошедшие изменения. В сентябре 2002 г. состоялся визит делегации ФАТФ, в ходе которого было изучено российское законодательство, проинспектирована деятельность Комитета по финансовому мониторингу, правоохранительных органов и Банка России на предмет эффективности борьбы с отмыванием доходов. По результатам международной миссии на пленарном заседании ФАТФ в Париже в 2002 г. было принято решение об исключении Российской Федерации из «черного» списка.

30 октября 2002 г. принят Федеральный закон № 131-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем”», который, помимо прочего, обозначил еще одну цель – противодействие финансированию терроризма. Компетенция Комитета по финансовому мониторингу расширилась за счет включения новых полномочий в данной сфере. Система ПОД стала системой ПОД/ФТ.

В 2003 г. после оценки национального законодательства международными экспертами Российская Федерация стала полноправным членом ФАТФ и приняла участие в разработке новой редакции Рекомендаций ФАТФ. Сложно переоценить значимость этого события для имиджа России на международной арене. Принимая во внимание стремление вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО), значение интеграции в международную антиотмывочную систему выглядит еще более весомым.

В этом же году Комитет по финансовому мониторингу наделен полномочиями принимать решение о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в РФ [16].

В 2004 г. произошло два знаковых события: Россия ратифицировала Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., и по инициативе нашей страны создана ЕАГ – Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Создание Группы позволило более эффективно выстраивать работу на Евразийском пространстве и скоординированно приводить национальные законодательные акты стран-членов в соответствие с международными стандартами. По физическому размеру входящих в ЕАГ юрисдикций она является самой крупной региональной площадкой по типу ФАТФ.

9 марта 2004 г. Президент РФ подписал Указ № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», в соответствии с которым Комитет по финансовому мониторингу был преобразован в Федеральную службу по финансовому мониторингу, подведомственную Минфину России. Концептуально полномочия, цели и задачи ведомства не изменились.

Важнейшим этапом в развитии национальной системы ПОД/ФТ стала разработка Концепции национальной стратегии противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. В подготовке проекта Концепции участвовали не только все заинтересованные министерства и ведомства, но и представители деловых и научных кругов. В документе определялись принципы государственной политики в сфере ПОД/ФТ, стратегические цели и основные направления дальнейшего развития национальной системы, а также задачи по реализации положений.

В октябре 2005 г. создана Межведомственная комиссия по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Целью комиссии, в состав которой вошли представители различных министерств и ведомств, провозглашалась реализация положений Концепции. Председателем был назначен директор Федеральной службы по финансовому мониторингу.

8 марта 2006 г. Россия ратифицировала Меридскую конвенцию ООН против коррупции, принятую в декабре 2003 г. Таким образом, одним из приоритетных направлений деятельности стало противодействие коррупции на всех уровнях государственной власти, в том числе с использованием возможностей финансового мониторинга.

Существенное влияние на развитие российской антиотмывочной системы оказал Указ Президента РФ от 25 сентября 2006 г. «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти». Федеральная служба по финансовому мониторингу получила статус федерального органа исполнительной власти, руководство деятельностью которого осуществляет Правительство РФ.

Ю.А. Чиханчин отмечает, что Президентский указ упрочил статус оперативной самостоятельности финансовой разведки России, как того требует 26-я рекомендация FATF, повысил авторитет Федеральной службы по финансовому мониторингу, усилил роль Службы как центрального звена и координатора общенациональной системы противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма [5].

В 2007 г. Росфинмониторинг определен в качестве компетентного органа Российской Федерации, осуществляющего взаимодействие с Региональной антитеррористической структурой Шанхайской организации сотрудничества [9].

С 2011 г. Росфинмониторинг по согласованию с МИД, МВД, ФСБ и СВР с учетом документов, издаваемых FATF, определяет перечень государств (территорий), которые не выполняют рекомендации указанной Группы.

Указ Президента РФ от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» послужил дальнейшим развитием идеи о самостоятельности Росфинмониторинга, закрепив положение о подчинении Службы непосредственно Президенту РФ. Такой шаг говорит о признании важности и значения деятельности финансовой разведки, осознания места и роли Росфинмониторинга в системе государственных органов, обеспечивающих национальную безопасность.

В феврале 2012 г. были значительно усилены международные стандарты FATF, в результате чего мандат организации пополнился новым направлением – противодействие финансированию распространения оружия массового уничтожения (ФРОМУ).

28 июня 2013 г. принят Федеральный закон № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям». В пояснительной записке к проекту данного закона подчеркивается, что изменения направлены на создание условий для предотвращения, выявления и пресечения финансовых операций, в том числе с использованием фирм-однодневок, и легализации преступных доходов, финансирования терроризма, уклонения

от уплаты налогов и таможенных платежей, а также получения коррупционных доходов.

Принятие закона оказало непосредственное влияние на антиотмывочную систему, расширив перечень организаций, обязанных участвовать в исполнении требований Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Также был актуализирован перечень финансовых операций, подлежащих обязательному контролю.

Важным изменениям подверглись Федеральные законы «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О банках и банковской деятельности». В новых редакциях законов закреплены нормы, предоставляющие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, право в процессе реализации этой деятельности осуществлять на основании решения суда доступ к информации, содержащей банковскую тайну. Практический эффект этих изменений выразился в возможности правоохранительных органов оперативным путем подтверждать сведения о сомнительных финансовых операциях, полученные от Росфинмониторинга, уже на этапе оперативной проверки.

В 2015 г. Росфинмониторингу как уполномоченному органу поручено представлять в Генеральную прокуратуру РФ, а также в Минюст России информацию, полученную от кредитных организаций и некредитных финансовых организаций о фактах отказа в проведении операции с денежными средствами и (или) иным имуществом, одной из сторон которой является иностранная или международная неправительственная организация, включенная в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ [10].

7 июля 2015 г. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», разъяснил некоторые аспекты, связанные с производством по уголовным делам об отмывании доходов.

В частности, раскрывается содержание предмета легализации доходов, понятие финансовых операций и сделок как признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ, определяется момент окончания и конкретизируется цель противоправных деяний, проводится разграничение с составом преступления, предусмотренным ст. 175 УК РФ.

Принятие Постановления Пленума ВС РФ № 32 оказало существенное влияние на деятельность правоохранительных органов по расследованию дел об отмывании преступных доходов, устранило затруднения, возникавшие в процессе доказывания. Следует особо отметить, что детальная регламентация некоторых положений побудила оперативно-следственные органы более тесно взаимодействовать с Росфинмониторингом для подтверждения всех признаков состава преступлений по легализации доходов.

Год от года полномочия Федеральной службы по финансовому мониторингу расширились в ответ на изменение внешнеполитической конъюнктуры и внутриполитических задач. Нагнетание геополитической напряжен-

ности, вызванной кризисом в межгосударственных отношениях, появление на мировой арене квазигосударственных террористических образований и связанные с этим риски послужили основанием для дальнейшего расширения спектра задач финансовой разведки.

Так, с 2015 г. Росфинмониторинг стал формировать Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму [18]. Информация о наличии оснований для включения организаций и (или) физических лиц в Перечень представляется в Росфинмониторинг органами прокуратуры, МВД, Следственного комитета, ФСБ и Минюста.

Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Среди основных угроз государственной и общественной безопасности Стратегия выделяет в частности:

- деятельность террористических и экстремистских организаций;
- деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране;
- преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности;
- коррупцию [14].

В целях обеспечения государственной и общественной безопасности в том числе совершенствуются структура и деятельность федеральных органов исполнительной власти. Это обуславливает дальнейшее расширение полномочий государственных органов, входящих в национальную систему ПОД/ФТ/ФРОМУ.

Одним из приоритетных направлений деятельности Росфинмониторинга становится противодействие финансированию распространения оружия массового уничтожения. Это приобретает особую актуальность в свете предстоящего в 2019 г. четвертого раунда взаимной оценки ФАТФ, в ходе которого законодательство Российской Федерации вновь будет проверено на соответствие международным стандартам.

В настоящее время международное сообщество столкнулось с серьезной угрозой в лице радикалов различного толка, повсеместно вербуемых граждан, пропагандирующих свои разрушительные взгляды и что самое главное осуществляющих террористические акты. Ситуация усугубляется напряженностью в межгосударственных отношениях, оставляющей все меньше возможностей для конструктивного диалога и реализации совместных шагов, направленных на нейтрализацию террористической активности. Вспыхивают новые региональные конфликты, а в ряде стран на протяжении нескольких лет не прекращаются гражданские войны.

Важнейшей задачей на пути к стабилизации мировой обстановки является недопущение распространения оружия массового уничтожения, осо-

бенно среди радикальных элементов. Непринятие мер в равной степени как на международном, так и на национальном уровне поставит под угрозу стратегическую стабильность и мир на планете.

В этой связи Правительство РФ наделило Росфинмониторинг полномочиями по формированию перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к распространению оружия массового уничтожения, и использованию связанной с таким перечнем информации [19].

Как мы видим, история развития системы ПОД/ФТ/ФРОМУ складывалась стремительно и динамично. Государство прикладывает немало усилий, чтобы эта система постоянно совершенствовалась, отвечала современным реалиям, была гибкой и способной оперативно реагировать на новые угрозы.

АКТУАЛЬНЫЕ РИСКИ И УГРОЗЫ В СФЕРЕ ПОД/ФТ/ФРОМУ

Справедливо полагать, что угрозы отличаются от происшествий главным образом тем, что они предвосхищают какое-либо неблагоприятное событие, обозначают лишь вероятность того, что оно может случиться в будущем. В служебной деятельности финансовой разведки для определения такой вероятности принято использовать термин «риск».

Согласно рекомендациям ФАТФ, государства-члены должны применять риск-ориентированный подход, предполагающий оценку рисков совершения операций (сделок) в целях отмыывания доходов и последующее распределение ресурсов, сил и средств органов, организаций и специалистов, входящих в национальную систему противодействия легализации (отмыыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, с учетом результатов такой оценки. Как мы видим, на всем протяжении существования финансового мониторинга угрозы и риски менялись.

30 мая 2018 г. Президент РФ утвердил Концепцию развития национальной системы противодействия легализации (отмыыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [8].

В соответствии с Концепцией основными целями национальной системы являются:

а) повышение эффективности ее функционирования до уровня, при котором будут обеспечены своевременная нейтрализация выявленных рисков совершения операций (сделок) и ликвидация угроз национальной безопасности без привлечения дополнительных ресурсов;

б) соблюдение законодательства о противодействии легализации (отмыыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, и специалистами, входящими в национальную систему;

в) повышение уровня прозрачности экономики, в том числе за счет применения механизма установления бенефициарных владельцев хозяйствующих субъектов;

г) предупреждение нецелевого расходования бюджетных средств и обеспечение повышения эффективности их использования;

д) снижение уровня террористической угрозы и экстремистских проявлений в обществе, обеспечение законности и прозрачности деятельности некоммерческих организаций;

е) дальнейшее укрепление роли Российской Федерации в международной системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Концепция также определила основные риски в сфере отмывания преступных доходов и финансирования терроризма на среднесрочную и долгосрочную перспективу. В частности, признаются риски совершения операций (сделок) в кредитно-финансовой и бюджетной сферах, коррупционные риски, а также риски, связанные с преступлениями, совершаемыми в целях систематического получения крупного дохода, финансированием терроризма, и в сфере международных отношений.

Применение риск-ориентированного подхода позволяет заблаговременно выявить наиболее уязвимые зоны и секторы, а затем разработать и применить меры по недопущению или минимизации неблагоприятных последствий.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПОД/ФТ/ФРОМУ

О направлениях развития системы ПОД/ФТ/ФРОМУ следует говорить, прежде всего, опираясь на положения новой Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Так, в Концепции сформулированы следующие направления развития национальной системы:

а) формирование государственной политики и нормативно-правовой базы в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма;

б) совершенствование механизма участия в деятельности национальной системы организаций, осуществляющих операции с денежными средствами и иным имуществом, и специалистов, входящих в эту систему;

в) снижение уровня преступности, связанной с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, коррупцией, финансированием терроризма и распространения оружия массового уничтожения;

г) расширение участия Российской Федерации в международном сотрудничестве в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма на уровне международных организаций и иных профильных структур, а также на межгосударственном уровне;

д) совершенствование деятельности национальной системы [8].

Также определены и задачи по реализации этих направлений развития.

К примеру, одной из задач является адаптация законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики к рекомендациям Группы ФАТФ с учетом вносимых в них изменений.

Согласно пояснительной записке к Рекомендации 38 ФАТФ, «странам следует рассмотреть возможность создания фонда конфискованных акти-

вов, куда будет помещаться все или часть конфискованного имущества для целей правоохранительной деятельности, здравоохранения, образования и других соответствующих целей» [3, с. 148].

В этом положении заложена очень важная мысль. Социальная сфера имеет ключевое значение в политике любого государства, так как оказывает непосредственное влияние на уровень жизни граждан и устойчивое развитие страны. Вместе с тем преступность наносит существенный урон национальной экономике и препятствует нормальному функционированию всех экономических институтов, вследствие чего бюджеты всех уровней недополучают значительные суммы. Ярким тому примером является уклонение от уплаты налогов. В свою очередь, неполученные денежные средства могли бы быть направлены государством, в том числе и на развитие здравоохранения или образования и выполнение социальных обязательств.

Таким образом, Рекомендация 38 ФАТФ предлагает механизм компенсации ущерба, причиненного государственному развитию в результате совершения преступлений. Представляется, что реализация данного положения в Российской Федерации послужила бы достижению целей Концепции и Стратегии национальной безопасности.

Другой задачей является совершенствование нормативно-правового регулирования сфер деятельности, связанных с использованием современных электронных технологий. Концепция выделяет ряд рисков, связанных с использованием новых финансовых инструментов и технологий, в том числе позволяющих обеспечить анонимность участников финансовой операции.

На сегодняшний день цифровые технологии стремительно развиваются, реализуясь в новых видах и формах. Одной из таких форм стала технология blockchain. Она представляет собой распределенную базу хранения информации в виде транзакций или записей.

Как известно, там, где отсутствует государственный контроль, возникают риски совершения противоправных действий. На территории Российской Федерации неуклонно растет популярность криптовалют.

22 мая 2018 г. Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении принят проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». Проект разработан в соответствии с поручением Президента РФ от 21.10.2017 № Пр-2132 по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере 10 октября 2017 г.

Разработка и принятие этого документа является важным этапом для восполнения пробела законодательства в части закрепления правового статуса и регулирования обращения криптовалют. В пояснительной записке к проекту закона говорится, что целями являются законодательное закрепление в российском правовом поле определений наиболее широко распространенных в настоящее время финансовых активов, создаваемых и/или выпускаемых с использованием цифровых финансовых технологий, к которым законопроект относит распределенный реестр цифровых транзакций, а также создание правовых условий для привлечения российскими юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями инвестиций путем выпуска токенов, являющихся одним из видов цифровых финансовых активов [7].

Кроме того, в законопроекте также уделяется внимание соблюдению требований законодательства о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. С этой целью все сделки должны осуществляться через операторов обмена цифровых финансовых активов, которыми могут быть только юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации и осуществляющие виды деятельности, указанные в статьях 3, 4 и 5 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», или юридические лица, являющиеся организаторами торговли в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах».

Подводя итоги, необходимо отметить, что Россия проделала колоссальную работу на поприще противодействия незаконным финансовым операциям. В сложных внутривнутриполитических реалиях 1990-х гг. удалось заложить фундамент будущей антиотмывочной системы и создать условия для принятия важных законов. В дальнейшем, опираясь на международные стандарты и практику, учитывая собственные национальные особенности, государство последовательно модернизировало и реформировало систему ПОД/ФТ, что укрепило позиции России на мировой арене. На современном этапе возникают новые угрозы и вызовы, перед финансовой разведкой стоят масштабные задачи в сфере обеспечения национальной безопасности. Вне всяких сомнений в настоящее время Росфинмониторинг обладает широкими возможностями для предупреждения и пресечения противоправной, деструктивной деятельности.

Литература

1. *Зубков В.А.* Формирование и развитие системы финансового мониторинга в Российской Федерации: Монография. М.: Университетская книга, 2008.
2. *Кудилинский М.Н.* Контроль как вид государственно-управленческой деятельности. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8.
3. Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / пер. с англ. М.: МУМЦФМ, 2012.
4. Финансовый мониторинг: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры: Т. I / под ред. Ю.А. Чиханчина, А.Г. Братко. М.: Юстицинформ, 2018.
5. *Чиханчин Ю.А.* Антиотмывочная система как фактор, способствующий модернизации экономики // Федеральный справочник. 2010. № 23.
6. Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу (вместе с Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу). [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 13.06.2012 N 808 (ред. от 08.03.2016) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Некоммерческая интернет-версия. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131097/ (дата обращения: 23.11.2018).
7. К проекту Федерального закона «О цифровых финансовых активах». [Электронный ресурс]: Пояснительная записка // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Некоммерческая интернет-версия. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=170085#09605020832580977> (дата обращения: 23.11.2018).
8. Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терро-

- ризма (утв. Президентом РФ 30.05.2018) // Официальный сайт Президента РФ: URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310> (дата обращения: 23.11.2018).
9. О компетентных органах Российской Федерации, осуществляющих взаимодействие с Региональной антитеррористической структурой Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 11.01.2007 № 29 (ред. от 07.12.2016) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Некоммерческая интернет-версия. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=673767#04955149831890231> (дата обращения: 23.11.2018).
 10. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Некоммерческая интернет-версия. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/ (дата обращения: 23.11.2018).
 11. О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы. [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 24.05.1994 № 1016 (ред. от 23.07.2001) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Некоммерческая интернет-версия. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=237153#06375197169000863> (дата обращения: 23.11.2018).
 12. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Некоммерческая интернет-версия. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 23.11.2018).
 13. О создании Межведомственного центра при МВД России по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем. [Электронный ресурс]: Приказ МВД РФ № 335, Минфина РФ № 31н, МНС РФ № ГБ-3-34/133, ГТК РФ № 297, ФСБ РФ № 194, ФСНП РФ № 160, ВЭК РФ № 90, Минэкономики РФ № 244, Минюста РФ № 181 от 14.05.1999 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Некоммерческая интернет-версия. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23582/ (дата обращения: 23.11.2018).
 14. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Некоммерческая интернет-версия. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 23.11.2018).
 15. Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 01.11.2001 № 1263 (ред. от 09.03.2004) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/5168396/paragraph/9216:7>
 16. Об утверждении Положения о принятии решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации и перечня федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных принимать решение о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 07.04.2003 № 199 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Некоммерческая интернет-версия. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41701/ (дата обращения: 23.11.2018).
 17. Об утверждении Положения о территориальных органах КФМ России и схемы их размещения (Зарегистрировано в Минюсте РФ 17.07.2002 № 3588). [Электронный ресурс]: Приказ КФМ РФ от 01.07.2002 № 41 (ред. от 23.10.2003) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Некоммерческая интернет-версия. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37773/ (дата обращения: 23.11.2018).

18. Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей. [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 06.08.2015 № 804 (ред. от 11.09.2018) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Некоммерческая интернет-версия. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184122/ (дата обращения: 23.11.2018).
19. Об утверждении Правил формирования перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к распространению оружия массового уничтожения, и использования связанной с таким перечнем информации. [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 26.10.2018 № 1277 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Некоммерческая интернет-версия. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309974/ (дата обращения: 23.11.2018).

Bibliography

1. *Zubkov V.A.* Formirovanie i razvitie sistemy finansovogo monitoringa v Rossijskoj Federacii: Monografija. M.: Universitetskaja kniga, 2008.
2. *Kudilinskij M.N.* Kontrol' kak vid gosudarstvenno-upravljencheskoj dejatel'nosti. Sootnoshenie ponjatij «kontrol'» i «nadzor» // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 8.
3. Rekomendacii FATE. Mezhdunarodnye standarty po protivodejstviju otmyvaniju deneg, finansirovaniju terrorizma i finansirovaniju rasprostraneniya oruzhija massovogo unichtozhenija / per. s angl. M.: MUMCFM, 2012.
4. Finansovyj monitoring: uchebnoe posobie dlja bakalavriata i magistratury: T. I / pod red. Ju.A. Chihanchina, A.G. Bratko. M.: Justicinform, 2018.
5. *Chihanchin Ju.A.* Antiotmyvochnaja sistema kak faktor, sposobstvujushhij modernizacii jekonomiki // Federal'nyj spravochnik. 2010. № 23.
6. Voprosy Federal'noj sluzhby po finansovomu monitoringu (vmeste s Polozheniem o Federal'noj sluzhbe po finansovomu monitoringu). [Jelektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta RF ot 13.06.2012 № 808 (red. ot 08.03.2016) // Konsul'tantPljus: sprav. pravovaja sistema. Nekommercheskaja internet-versija. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131097/ (data obrashhenija: 23.11.2018).
7. K proektu Federal'nogo zakona «O cifrovyh finansovyh aktivah». [Jelektronnyj resurs]: Pojasnitel'naja zapiska // Konsul'tantPljus: sprav. pravovaja sistema. Nekommercheskaja internet-versija. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=170085#09605020832580977> (data obrashhenija: 23.11.2018).
8. koncepcija razvitija nacional'noj sistemy protivodejstvija legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniju terrorizma (utv. Prezidentom RF 30.05.2018) // Oficial'nyj sajt Prezidenta RF: URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310> (data obrashhenija: 23.11.2018).
9. O kompetentnyh organah Rossijskoj Federacii, osushhestvljajushhij vzaimodejstvie s Regional'noj antiterroristicheskoj strukturoj Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva. [Jelektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta RF ot 11.01.2007 № 29 (red. ot 07.12.2016) // Konsul'tantPljus: sprav. pravovaja sistema. Nekommercheskaja internet-versija. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=673767#04955149831890231> (data obrashhenija: 23.11.2018).
10. O merah vozdejstvija na lic, prichastnyh k narushenijam osnovopolagajushhij prav i svobod cheloveka, prav i svobod grazhdan Rossijskoj Federacii. [Jelektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 28.12.2012 № 272-FZ (red. ot 28.03.2017) // Konsul'tantPljus: sprav. pravovaja sistema. Nekommercheskaja internet-versija. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/ (data obrashhenija: 23.11.2018).

11. O neotlozhnyh merah po realizacii Federal'noj programmy Rossijskoj Federacii po usileniju bor'by s prestupnost'ju na 1994–1995 gody. [Jelektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta RF ot 24.05.1994 № 1016 (red. ot 23.07.2001) // Konsul'tantPljus: sprav. pravovaja sistema. Nekommercheskaja internet-versija. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=237153#06375197169000863> (data obrashhenija: 23.11.2018).
12. O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniju terrorizma. [Jelektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 07.08.2001 № 115-FZ (red. ot 23.04.2018) // Konsul'tantPljus: sprav. pravovaja sistema. Nekommercheskaja internet-versija. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (data obrashhenija: 23.11.2018).
13. O sozdanii Mezhvedomstvennogo centra pri MVD Rossii po protivodejstviju legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh nezakonnym putem. [Jelektronnyj resurs]: Prikaz MVD RF № 335, Minfina RF № 31n, MNS RF № GB-3-34/133, GTK RF № 297, FSB RF № 194, FSNP RF № 160, VJeK RF № 90, Minjekonomiki RF № 244, Minjusta RF № 181 ot 14.05.1999 // Konsul'tantPljus: sprav. pravovaja sistema. Nekommercheskaja internet-versija. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23582/ (data obrashhenija: 23.11.2018).
14. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. [Jelektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 № 683 // Konsul'tantPljus: sprav. pravovaja sistema. Nekommercheskaja internet-versija. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (data obrashhenija: 23.11.2018).
15. Ob upolnomochennom organe po protivodejstviju legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniju terrorizma. [Jelektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta RF ot 01.11.2001 № 1263 (red. ot 09.03.2004) // Garant.ru: informacionno-pravovoj portal. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/5168396/paragraph/9216:7>
16. Ob utverzhenii Polozhenija o prinjatii reshenija o nezhelatel'nosti prebyvanija (prozhivanija) inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii i perechnja federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti, upolnomochennyh prinimat' reshenie o nezhelatel'nosti prebyvanija (prozhivanija) inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii. [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 07.04.2003 № 199 // Konsul'tantPljus: sprav. pravovaja sistema. Nekommercheskaja internet-versija. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41701/ (data obrashhenija: 23.11.2018).
17. Ob utverzhenii Polozhenija o territorial'nyh organah KFM Rossii i shemy ih razmeshhenija (Zaregistrirvano v Minjuste RF 17.07.2002 № 588). [Jelektronnyj resurs]: Prikaz KFM RF ot 01.07.2002 № 41 (red. ot 23.10.2003) // Konsul'tantPljus: sprav. pravovaja sistema. Nekommercheskaja internet-versija. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37773/ (data obrashhenija: 23.11.2018).
18. Ob utverzhenii Pravil opredelenija perechnja organizacij i fizicheskikh lic, v otnoshenii kotoryh imejutsja svedenija ob ih prichastnosti k jekstremistskoj dejatel'nosti ili terrorizmu, i dovedenija jetogo perechnja do svedenija organizacij, osushhestvljajushhih operacii s denezhnymi sredstvami ili inym imushhestvom, i individual'nyh predprinimatelej. [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 06.08.2015 № 804 (red. ot 11.09.2018) // Konsul'tantPljus: sprav. pravovaja sistema. Nekommercheskaja internet-versija. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184122/ (data obrashhenija: 23.11.2018).
19. Ob utverzhenii Pravil formirovanija perechnja organizacij i fizicheskikh lic, v otnoshenii kotoryh imejutsja svedenija ob ih prichastnosti k rasprostraneniju oruzhija massovogo unichtozhenija, i ispol'zovanija svjazannoju s takim perechnem informacii. [Jelektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.10.2018 № 1277 // Konsul'tantPljus: sprav. pravovaja sistema. Nekommercheskaja internet-versija. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309974/ (data obrashhenija: 23.11.2018).

УДК 664

**РАЗВИТИЕ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БОЛГАРИИ
В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ****Лятева М.Г., Карзанова И.В.**Российский университет дружбы народов
E-mail: lyateva@inbox.ru, karzanova-iv@rudn.ru

Статья посвящена рассмотрению проблем развития пищевой промышленности Болгарии в последние 30 лет. Процессы глобализации экономики значительно облегчили доступ ряду стран на международный рынок. Это позволяет странам с относительно ограниченным внутренним спросом, таким как Болгария, развивать производство в секторах, где они имеют природный потенциал и относительные конкурентные преимущества. В статье исследуется роль пищевой промышленности в болгарской экономике, основные тренды ее развития, а также современные рынки сбыта пищевой продукции. В качестве информационной базы использованы данные национального статистического института Болгарии.

Ключевые слова: пищевая промышленность, Болгария, СЭВ, Европейский союз, импорт, экспорт.

**DEVELOPMENT OF THE FOOD INDUSTRY OF BULGARIA
IN THE CONDITIONS OF INTERNATIONAL INTEGRATION****Lyateva M.G., Karzanova I.V.**Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: lyateva@inbox.ru, karzanova-iv@rudn.ru

The article is devoted to the analysis of the problems of the food industry development in Bulgaria in the last 30 years. The processes of economic globalization have facilitated the access of a number of countries to the international market. This allows countries with relatively limited domestic demand, such as Bulgaria, to develop production in sectors where they have natural potential and relative competitive advantages. The article explores the role of the food industry in the Bulgarian economy, the main trends of its development, as well as modern markets for food products.

Keywords: food industry, Bulgaria, CMEA, European Union, import, export.

Процессы глобализации значительно облегчили доступ ряду стран на международный рынок. Они позволили таким странам, как Болгария, с относительно ограниченным внутренним спросом, осуществлять более широкую предпринимательскую деятельность в секторах, где они имеют природные и относительные экономические конкурентные преимущества.

С 2007 г. Болгария является частью Европейского союза, одного из крупнейших платежеспособных рынков мира. Выгодное географическое положение Болгарии способствует развитию экономических связей со странами Европы, Юго-Западной Азии, а также с государствами на Балканах, странами СНГ и Северной Африки [9].

Пищевая промышленность традиционно является одной из ведущих отраслей экономики Болгарии. Болгария имеет благоприятные природные и климатические условия для выращивания различных видов культур и производства разнообразных продовольственных продуктов.

Пищевкусовая промышленность, одна из самых старых отраслей промышленности Болгарии, с середины XIX в. развивалась как основная отрасль промышленности. С 1949 по 1991 г., в период участия Болгарии в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ) стратегия развития экономики страны базировалась на взаимовыгодном участии Болгарии в международном разделении труда социалистических стран. Болгарская продовольственная продукция в больших количествах поставлялась на емкий рынок стран-членов СЭВ. В этот период доля продукции пищевкусовой промышленности Болгарии составляла 23 % промышленной продукции и 21 % товарооборота страны. В период с 1970 по 1988 г. среднегодовой темп прироста продукции пищевкусовой промышленности страны составлял 3,8 %. В пищевкусовой отрасли перерабатывалось около 60 % продукции сельского хозяйства, производимого на территории страны. По данным 1985 г. в пищевкусовой отрасли работали 325 предприятий. Их продукция составляла 24,9 % общего объема всей промышленной продукции [8, с. 141].

До 1989 г. наибольшее значение для болгарской пищевой промышленности имели мясоперерабатывающая и консервная промышленности. Развитие консервной промышленности в Болгарии базировалось на богатой отечественной сырьевой базе (овощи, фрукты, мясо, рыба, молоко) и налаженных рынках сбыта в странах-членах СЭВ. В период с 1970 по 1980 г. консервная промышленность производила около 1 млн т продукции в год, 70 % которой экспортировалось в страны-члены СЭВ. Пик производства был достигнут в 1985–1986 гг., после чего объемы производства консервов стали сокращаться (рис. 1).

Это сокращение объемов продукции пищевкусовой промышленности в 1986–1989 гг. было связано с несколькими причинами, среди которых следует назвать замедление обновления материально-технической базы промышленности вследствие концентрации основной части капиталовложений в тяжелой промышленности; замедление развития сельского хозяйства, сокращение сбора фруктов и овощей [8, с. 134].

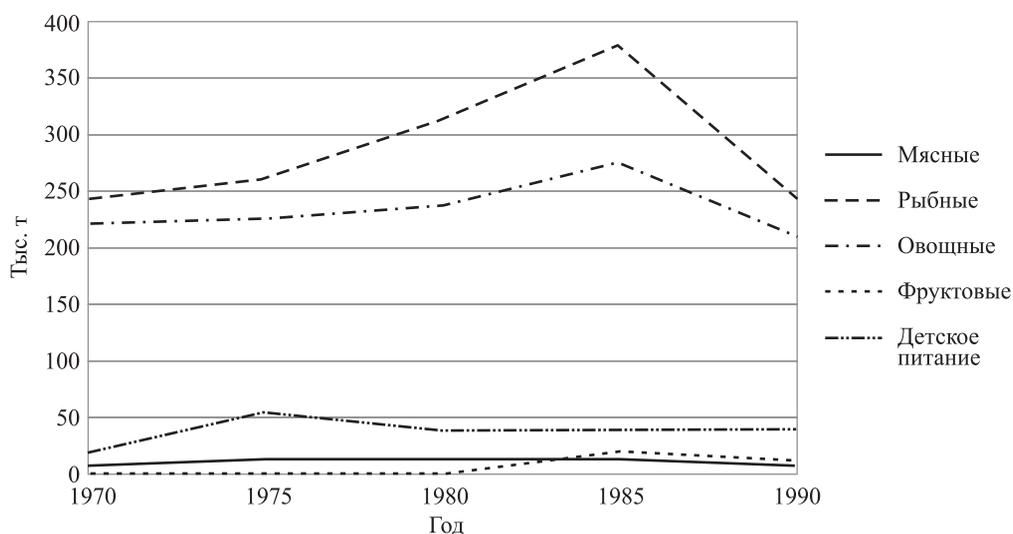

Рис. 1. Основная продукция консервной промышленности Болгарии (1970–1990 гг.).

Источник: составлено авторами по материалам: сайт <http://geografia.kabinata.com/27.htm>

После распада экономической интеграционной группировки социалистических стран СЭВ в 1991 г. и начала перехода Болгарии к рыночной экономике в стране существенно сократилось как сельскохозяйственное производство, так и выпуск продукции консервной промышленности. Началась ликвидация колхозов, многие предприятия в промышленности были приватизированы (уже с конца 1999 г. большинство предприятий находилось в частной собственности), а потеря емкого рынка социалистических стран ускорила сокращение производства пищевкусовой продукции в стране. Экономика пищевой индустрии была отброшена на 30–40 лет назад.

В период с 1989 до 1998 г. доля подотрасли производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий в структуре промышленного производства страны составляла около 20 % (в 1991 г. – 27,1 %, в 1992 г. – 25,1 %), а в 2006 г. снизилась до 14,3 % [2, с. 47].

Наиболее важными по величине стоимости продукции подотраслями пищевой промышленности в 2006 г. являлись производство хлебобулочных изделий (28 % от общей стоимости продукции), производство мяса (21 %), производство напитков (20 %), производство молока и молочных продуктов (8,2 %), переработка и консервирование фруктов и овощей (около 7,5 %) [2, с. 48]. В 2011 г. производство хлебобулочных изделий и производство мяса составило в стоимостном выражении около 50 % пищевкусовой продукции [5, с. 12].

После вступления Болгарии в 2007 г. в Европейский союз происходит радикальная переориентация экономики страны на рынки Евросоюза, который становится основным торговым партнером Болгарии. В процессе подготовки Болгарии к вступлению в ЕС и в первые годы после вступления в стране осуществлялись процессы реструктуризации и модернизации предприятий пищевой промышленности, что привело к увеличению концентрации производства почти во всех секторах этой отрасли. В период с 2003 по 2006 г. количество предприятий в отрасли сократилось, так как более 60 % из них не смогли выполнить требования Европейских стандартов о безопасности пищевых продуктов и были закрыты по требованию Национальной ветеринарно-медицинской службы Болгарии. В основном закрывались микропредприятия с занятостью до 10 человек.

В своих попытках выполнить требования ЕС болгарские производители столкнулись с серьезными трудностями, такими как блокировка субсидии для модернизации предприятий в индустрии по Европейской программе САПАРД (Special Accession Programme for Agriculture and Rural Development, Европейская программа развития сельского хозяйства и сельских территорий для стран-кандидатов из Центральной и Восточной Европы по подготовке к вступлению в ЕС) и принятие новых гигиенических правил. Многие производители, прежде всего в подсекторах молоко и молочные продукты, производство мяса и консервов, были обязаны внедрить стандарты управления качеством ISO 9000 и стандарт безопасности пищевых продуктов [5, с. 6].

Благодаря членству Болгарии в ЕС перед пищевой промышленностью страны открылись как новые возможности, так и возникли серьезные вызовы. Улучшились бизнес-среда и доступ к единому европейскому рынку, выросла конкуренция и на внутреннем рынке. Ускорился процесс концен-

трации производства, повысилась производительность труда. В период с 2005 по 2010 г. во всех подотраслях пищевой промышленности Болгарии, кроме производства овощных и фруктовых консервов, отмечался рост производства. Самый большой рост наблюдался в производстве фуража – в 2 раза и в производстве рыбных консервов – около 1,7 раз [5, с. 10].

Развитие пищевой промышленности поддерживалось быстрым развитием земледелия. В 2010 г. общая добавленная стоимость в сельском хозяйстве составила 5,2 % ВВП Болгарии (1,876 млн евро в 2010 г.). Болгария входит в число первых восьми стран-членов в ЕС по росту средней доходности сельского хозяйства. В 2010 г. этот показатель Болгарии вырос на 23 %, а в странах ЕС-27 рост составил 12,3 %. В стоимости сельскохозяйственной продукции в 2010 г. самая большая доля приходилась на следующие товары: зерновые культуры – 19,6 % (755 млн евро); продукция животноводства – 16,7 % (640 млн евро), технические культуры – 15,8 % (593 млн евро); кормовые культуры – 5,9 % (млн евро); овощи – 5 % (191 млн евро) [7, с. 24–25].

Зерновые культуры занимают важное место в национальной продовольственной безопасности Болгарии. Ведущей культурой в стране является пшеница. В 2014 г. в Болгарии было выращено 5 347,1 тыс. т. пшеницы, 3 137,5 тыс. т. кукурузы на зерно и 852,2 тыс. т. ячменя. Доля пшеницы и ячменя в структуре зерновых культур уменьшается соответственно с 66 % в 2000 г. на 57,3 % в 2014 г. и 12,3 % в 2000 г. на 9,1 % в 2014 г. Однако доля кукурузы на зерно увеличивается с 21,4 на 33,6 % в тот же самый период (рис. 2) [6, с. 58].

В 2014 г. стоимость продукции пищевкусовой отрасли составляла 10,3 млрд лв., в том числе: пищевые продукты – 7,1 млрд лв. и напитки – 1,6 млрд лв. Ее доля в общей стоимости промышленной продукции стра-

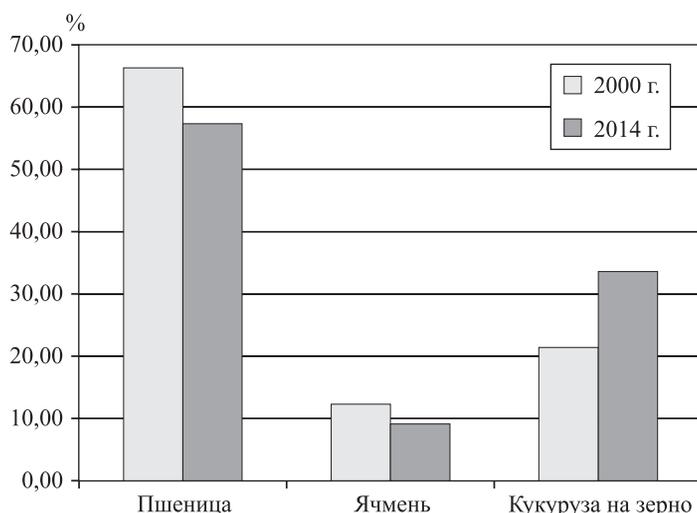

Рис. 2. Доля пшеницы, ячменя и кукурузы на зерно в 2000–2014 гг.

Источник: составлено авторами по материалам: Предпоставки за интегриране на селскостопанската и продоволствената политика. Българска академия на науките. София, 2017

ны по сравнению с 2006 г. увеличилась с 13,6 до 19,4 %. По данным Национального статистического института, Болгария в 2016 г. произвела 97 793 т колбасы, 11 208 т рыбы и рыбных продуктов (переработанных или консервированных), 28 081 т шоколада и изделий из шоколада, 162 042 тыс. л виноградного вина и 515 217 тыс. л пива [4, с. 33].

Открытие болгарского рынка в 2007 г. для стран Европейского союза сказалось положительно на импорте и экспорте пищевых продуктов. В период 2007–2010 гг. наблюдалась тенденция к увеличению импорта всех пищевых продуктов, кроме сахара и изделий из него. Ввоз напитков увеличился в 2,5 раза, а продуктов питания – в 2,1 раз. При этом и экспорт пищевых товаров увеличится более чем в 2,4 раза [3, с. 188].

За десять лет членства Болгарии в Европейском союзе его доля в экспорте сельскохозяйственной продукции из страны составила 65,3 %, а в импорте – 78 %. За первое полугодие 2017 г. товарооборот увеличился на 5,7 % (табл. 1). В товарообороте продовольственной продукции с третьими странами наблюдается незначительный рост – на 1,2 %: рост торговли со странами Балканского региона (14,3 %) и арабских стран (на 6,3 %); снижение товарооборота со странами ОЭСР (на 7,5 %) и СНГ (на 4,2 %).

За период с января по июнь 2017 г. товарооборот продуктов пищевой промышленности со странами ЕС составил 2 268 млн евро, или 71,5 % общего товарооборота страны. Основными торговыми партнерами Болгарии из стран ЕС являются Греция, Румыния, Германия, Польша, Нидерланды,

Таблица 1

Импорт и экспорт продовольственных товаров в 2017 г., млн евро

Торговые зоны	Январь–июнь 2017 г.				
	Экспорт		Импорт		Сальдо
	млн евро	%	млн евро	%	
Все страны	1 615	100	1 555	100	60
В том числе:					
Европейский союз	1 055	65,3	1 213	78,0	-158
ЕАСТ*	6	0,4	2	0,1	4
ОИСР** без стран ЕС и ЕАСТ	94	12,0	90	5,8	104
В том числе США	26	1,6	14	0,9	12
Балканский регион, без Турции и стран ЕС***	60	3,7	84	5,4	-24
СНГ	22	1,4	24	1,5	-2
В том числе Россия	16	1,0	4	0,3	12
Арабские государства (Лига арабских государств)	192	11,9	10	0,6	182
Другие	86	5,3	132	8,5	-46

* Включаются: Исландия, Княжество Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария.

** Включаются: Австралия, Канада, Новая Зеландия, США, Турция, Япония, Республика Корея, Мексика, Чили и Израиль.

*** Включаются: Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Черногория и Косово.

Источник: данные Национального статистического института, Анализ аграрной торговли Болгарии в периоде январь–июнь 2017 г.

Таблица 2

Основные торговые партнеры Болгарии в 2017 г., тыс. евро

Страна	Январь–июнь 2017 г.				
	Экспорт		Импорт		Сальдо тыс. евро
	тыс. евро	%	тыс. евро	%	
Германия	100 857	9,6	157 584	13,0	-56 727
Греция	269 621	25,6	159 749	13,2	109 872
Испания	43 361	4,1	69 709	5,7	-26 348
Италия	54 261	5,1	81 424	6,7	-27 162
Нидерланды	53 736	5,1	99 451	8,2	-45 714
Польша	46 617	4,4	124 031	10,2	-77 414
Румыния	191 050	18,1	207 448	17,1	-16 397
Франция	66 264	6,3	62 966	5,2	3 298

Источник: данные Национального статистического института, Анализ аграрной торговли Болгарии в период январь–июнь 2017 г.

Италия, Франция и Испания. Наибольшая доля поставок продовольствия в стоимостном выражении приходится на Грецию – 25,6 %, Румынию – 18,1, Германию – 9,6 и Польшу – 10,2 %. Экспорт в Грецию и Турцию из Болгарии значительно превысил импорт из этих стран (табл. 2).

Наибольшая доля в структуре сельскохозяйственного экспорта страны приходится на экспорт зерновых и масличных культур – 14,3 и 13,1 % соответственно. Далее следует экспорт табачных и переработанных заменителей табака; жиров и масел растительного или животного происхождения. Другие более значимые группы экспортируемых продуктов – молоко и молочные продукты, яйца, натуральный мед; фрукты и овощи; различные виды пищевых продуктов, безалкогольные и алкогольные напитки, уксус. Снижение наблюдается в экспорте мяса, готовых кормов для животных (рис. 3).

В первом полугодии 2017 г. наблюдалось увеличение импорта таких продуктов, как мясо и потроха (почти на 15 % и составило 11,3 % от общего объема сельскохозяйственного импорта за этот период); молоко и молочные продукты; яйца, натуральный мед; овощи; фрукты; сахар и кондитерские изделия; кофе, чай, мате и специи; продукты питания, приготовленные из зерновых культур и др. Импорт зерновых культур вырос более чем в два раза по сравнению с 2016 г., а импорт масличных культур на 46 % [1] (рис. 4).

Таким образом, после открытия национального рынка Болгарии для стран Европейского союза в 2007 г. наблюдается тенденция к увеличению товарооборота пищевой индустрии. В период с 2007 по 2017 г. наблюдалась устойчивая тенденция к росту импорта продуктов из стран ЕС, которая опережает экспорт продукции в эти страны. При этом экспорт продовольственных товаров увеличивается в два раза быстрее, чем экспорт напитков и табачных изделий.

В условиях евроинтеграции и сильной конкуренции пищевая промышленность достигла относительно стабильного и динамического развития, что делает ее одной из важнейших отраслей национальной экономики Болгарии.

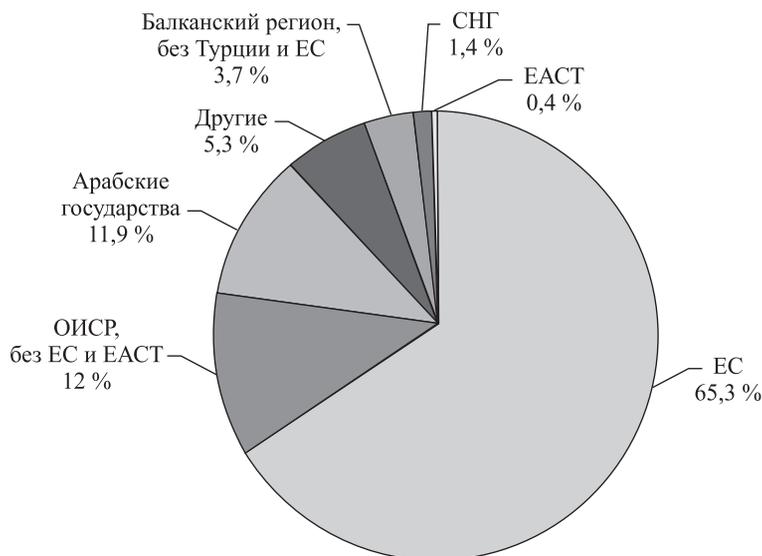

Рис. 3. Географическая структура аграрного экспорта Болгарии в январе–июне 2017 г.

Источник: Национальный статистический институт, Анализ аграрной торговли Болгарии в период январь–июнь 2017 г.

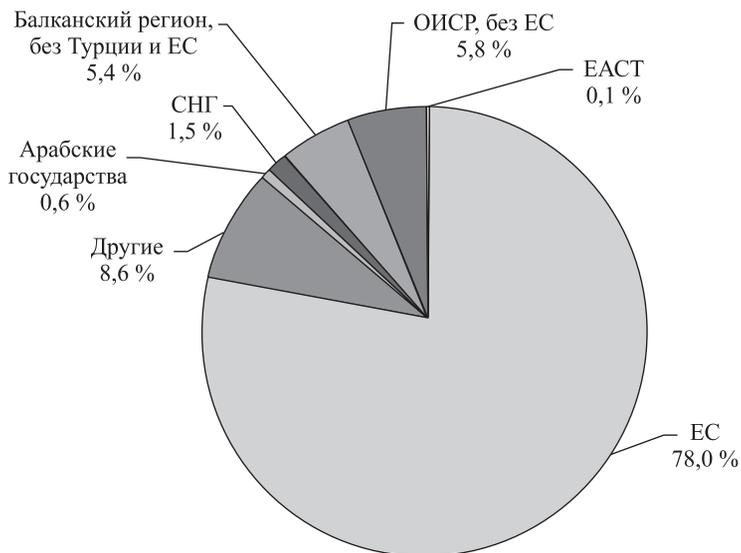

Рис. 4. Географическая структура аграрного импорта в Болгарию в январе–июне 2017 г., %

Источник: Национальный статистический институт, Анализ аграрной торговли Болгарии в период январь–июнь 2017 г.

Основная задача в настоящее время, стоящая перед экономикой Болгарии, – это поиск наиболее эффективных форм участия в системе разделения труда в Европейском союзе и ускоренное развитие тех отраслей промышленности и сельского хозяйства страны, которые имеют относительные конкурентные преимущества, в частности, пищевкусовой промышленности.

Литература

1. Анализ на аграрната търговия на България през периода януари–юни 2017 г., Национален статистически институт. 10 с.
2. Икономически и социални ефекти от внедряването на европейските стандарти за качество и безопасност на храните в България, Софийски университет «Св. Климент Охридски», стопански факултет. София, 2009. С. 47–48.
3. Мястото на хранително-вкусовата промишленост на България в рамките на ЕС – състояние и перспективи, Управление и образование. Т. III (I). 2012, Светла Бонева.
4. Национален статистически институт. Статистически годишник. 2017. 85 изд.
5. Организационно, производствено и пазарно реструктуриране на ХВП, Нона Маламова, Петър Кировски. София, 2014. С. 6–12.
6. Предпоставки за интегриране на селскостопанската и продоволствената политика, Българска академия на науките, Саша Грозданова, Петко Тодоров, Дарина Русчева, Огнян Божуклиев. София, 2017.
7. Продукты питания в Болгарии. InvestBulgaria Agency, 2010.
8. Развитие на ХВИ в България (1878–2016), проф. Камен Луканов, изд. ИМН Пловдив, 2017.
9. Сайт Конфедерации независимых синдикатов Болгарии URL: <http://www.knsb-bg.org/index.php/%D0%B2%D1%81%D0%B8%D1%87%D0%BA%D0%B8-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B8/member-news/457-novini-federatziya-na-nezavisimite-sindikalni-organizatii-ot-hranitelnata-promishlenost/3189-siviyat-sektor-narastva-v-hranitelno-vkusoviya-otrasal-02-10-2014> (5 март 2018).
10. <http://geografia.kabinata.com/27.htm> (7 март 2018).

Bibliography

1. Analiz na agrarnata t#rgovija na B#lgarija prez perioda januari–juni 2017 g., Nacionalen statisticheski institut. 10 p.
2. Ikonomicheski i socialni efekti ot vnedrjavaneto na evropejskite standarti za kachestvo i bezopasnost na hranite v B#lgarija, Sofijski universitet «Sv. Kliment Ohridski», stopanski fakultet. Sofija, 2009. P. 47–48.
3. Mjastoto na hranitelno-vkusovata promishlenost na B#lgarija v ramkite na ES – s#stojanie i perspektivi, Upravlenie i obrazovanie. T. III (I). 2012, Svetla Boneva.
4. Nacionalen statisticheski institute. Statisticheski godishnik. 2017. 85 izd.
5. Organizacionno, proizvodstveno i pazarno prestrukturirane na HVP, Nona Malamova, Pet#r Kirovski. Sofija, 2014. P. 6–12.
6. Predpostavki za integrirane na selskostopanskata i prodovolstvenata politika, B#lgarska akademija na naukite, Sasha Grozdanova, Petko Todorov, Darina Ruscheva, Ognjan Bojukliev. Sofija, 2017.
7. Produkty pitaniya v Bolgarii. InvestBulgaria Agency, 2010.
8. Razvitie na HVI v B#lgarija (1878–2016), prof. Kamen Lukanov, izd. IMN Plovdiv, 2017.
9. Sajt Konfederacii nezavisimyh sindikatov Bolgarii URL: <http://www.knsb-bg.org/index.php/%D0%B2%D1%81%D0%B8%D1%87%D0%BA%D0%B8-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B8/member-news/457-novini-federatziya-na-nezavisimite-sindikalni-organizatii-ot-hranitelnata-promishlenost/3189-siviyat-sektor-narastva-v-hranitelno-vkusoviya-otrasal-02-10-2014> (5 marta 2018).
10. <http://geografia.kabinata.com/27.htm> (7 marta 2018).

УДК 311.33

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА
И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Румянцев А.С.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: alexandr130990@gmail.com

Актуальность данной статьи обусловлена наличием на современном этапе социально-экономического развития России пространственных деформаций на региональном уровне. В статье предложены мероприятия по совершенствованию прикладных инструментальных средств диагностики и мониторинга уровня социально-экономического неравенства и региональных диспропорций развития регионов России. Представлен комплексный интегрированный экономико-математический инструментарий оценки и анализа региональной дифференциации социально-экономических показателей на основе прикладного статистического и эконометрического анализа. Использование предложенных мероприятий позволит выявить узкие места и сформировать обоснованные управленческие решения, направленные на разработку тактических и стратегических мер по выравниванию территориальных разногласий, обеспечит повышение уровня устойчивости, безопасности развития и снижения социально-экономической напряженности.

Ключевые слова: неравенство, диспропорции, региональное развитие, статистический анализ, макроэкономические показатели.

**REGIONAL DIFFERENTIATION
OF SOCIO-ECONOMIC INDICATORS ON THE EXAMPLE
OF THE SIBIRIAN FEDERAL DISTRICT
AND NOVOSIBIRSK REGION**

Rumyantsev A.S.

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: alexandr130990@gmail.com

The relevance of this article is due to the presence at the present stage of Russia's socio-economic development of spatial deformations at the regional level. The article suggests measures to improve the applied diagnostic tools and monitoring of the level of socio-economic inequality and regional disparities in the development of Russian regions. A comprehensive integrated economic and mathematical tools for assessing and analyzing regional differentiation of socio-economic indicators based on applied statistical and econometric analysis is presented. The use of the proposed measures will identify bottlenecks and form informed management decisions aimed at developing tactical and strategic measures to level out territorial differences, will increase the level of sustainability, security of development and reduce socio-economic tensions.

Keywords: inequality, disproportions, regional development, statistical analysis, macro-economic indicators.

Введение. Современный этап социально-экономического развития России характеризуется наличием пространственных деформаций на региональном и внутрирегиональном уровнях. Однако если проблема асимметричности региональных трендов развития широко освещается [1, 4–7], а на ее преодоление направлены механизмы государственной региональной политики, то вопрос региональных социально-экономических диспропорций остается недостаточно исследованным. В то же время именно на региональном уровне дифференциация по ряду показателей экономического и социального развития значительно превышает межрегиональные значения. Такая ситуация обуславливает существование разорванности и фрагментарности социально-экономического пространства регионов, расширение ареалов депрессивности, что связано с концентрированием финансовых ресурсов в центрах развития регионов (в частности крупных городах), усиление разрыва между городскими и сельскими территориями, углубление проблем территориальной разбалансированности на внутрирегиональном уровне.

Указанные проблемы особенно актуальны в контексте реализации административно-финансовой децентрализации, основным принципом которой является развитие за счет эффективного использования эндогенного экономического потенциала [8]. Риском такого подхода является углубление дифференциации по уровню финансовой состоятельности и, соответственно, экономическому потенциалу в пределах региона. Преодоление определенных угроз требует усиления роли инструментов оценки дифференциации для дальнейшего регулирования территориального развития, которые реализуются на региональном уровне.

Основная часть. Проблематике пространственной дифференциации и асимметричности социально-экономического развития регионов уделено значительное внимание как в теоретических, так и в прикладных исследованиях. Среди ученых, уделявших особое внимание проблемам разработки механизмов регулирования территориальных диспропорций, можно назвать Р. Барро, К. Эрроу, Дж.Р. Хикса, Г. Мюрдаля, Р. Солоу, А.Г. Аганбегяна, Н.Н. Некрасова, А.Г. Гранберга, Р. Гринберга, В. Леонтьева и др. В то же время ряд проблем теоретического и методологического характера, связанных с оценкой региональной дифференциации социально-экономического развития на примере Сибирского федерального округа и Новосибирской области, выработка новых подходов к стимулированию экономической активности территорий и использования собственного потенциала в различных сферах деятельности, требуют дальнейшего изучения.

Данное исследование базируется на признании пространственной неравномерности и социально-экономической асимметрии как одной из закономерностей развития экономики мирового, национального, регионально-го уровня. Неравномерное размещение на территории страны или региона субъектов различных видов экономической деятельности является следствием территориального разделения труда, концентрации и специализации производства, усиления процессов урбанизации, изменений в системе расселения и т.п. [9]. При этом неравномерность социально-экономического развития территории не должна рассматриваться исключительно как

негативное явление, поскольку может служить источником формирования импульсов развития регионов в точках концентрации экономической активности, которые в дальнейшем будут распространяться на другие территории, обеспечивая при этом положительную динамику социально-экономического развития регионов [4, 11–13].

С другой стороны, все это обуславливает необходимость решения на государственном уровне ряда задач [2, 10]:

- построение комплексной системы диагностики уровня регионального развития и степени диспропорций на макро-, мезо- и микроуровне, в основу которой будут положены следующие функции: определение фактического уровня неравномерности развития территорий, проведение комплексного анализа состояния основных макроэкономических показателей, оценка влияния и взаимосвязь показателей;

- построение системы мониторинга исследования социально-экономических показателей для оценки региональных диспропорций, статистическая оценка, изучение показателей неравномерности в динамическом и сравнительном разрезе;

- формирование нормативно-законодательной базы по сбору, хранению и обработке исходной информации для возможности всесторонней комплексной оценки региональной дифференциации на любом уровне управления и расчета показателей, которые характеризуют уровень диспропорций и их пороговые значения.

Полагаем, что в такой ситуации наиболее действенными являются статистический инструментарий оценки и мониторинга социально-экономических показателей регионов России и страны в целом, который имеет особо важное значение для современного кризисного экономического состояния, социально-политической нестабильности в государстве, масштабной криминализации, что способствует неоднозначной оценке показателей, характеризующих указанные процессы [3].

Целью настоящего исследования является оценка региональной дифференциации регионов в Сибирском федеральном округе (далее – СФО) и России в целом. Следует отметить, что весьма важным социально-экономическим показателем являются денежные доходы населения, анализ статистических данных демонстрирует ежегодное увеличение данного показателя, но это связано, прежде всего, с инфляционными процессами. В то же время существует негативная тенденция снижения денежных доходов населения в СФО в 2018 г. по сравнению с другими федеральными округами. Так, данный показатель в августе 2018 г. находился на самом низком уровне среди всех округов и составляет 23 052 руб. (в Новосибирской области 23 707). По округам следующим идет Приволжский – 26 226 руб., лидирует Центральный федеральный округ со значением в 38 377 руб. (в г. Москве – 53 568 руб.) [15]. На рис. 1 представлен сравнительный анализ данного показателя по регионам СФО.

Как видим, денежные доходы на душу населения в Новосибирской области выше, чем доходы только в Республиках Бурятия и Хакасии, что является весьма негативной тенденцией, поскольку Новосибирская область обладает высоким экономическим потенциалом. Для уточнения возмож-

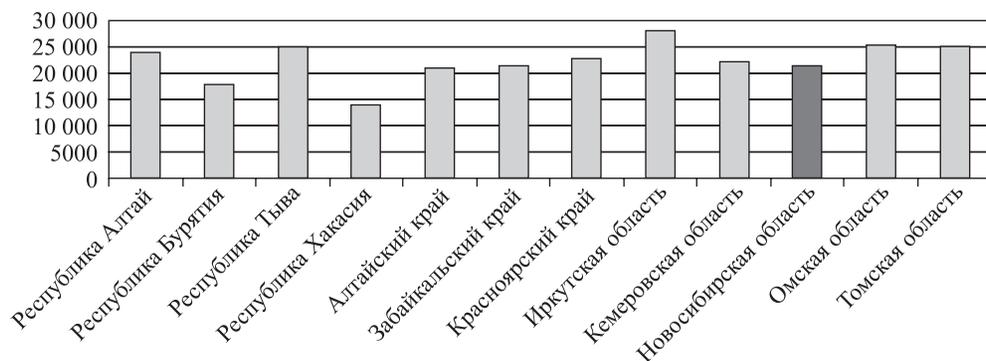

Рис. 1. Показатель денежных доходов на душу населения в регионах СФО (авторское обобщение по данным [14])

ности решения проблемы дифференциации регионов России мы провели их кластеризацию по уровню доходов населения по разработанной нами методике.

1. Выбор цели исследования – выделение регионов в группы по уровню дифференциации по показателю/показателям.

2. Выбор социально-экономического показателя – денежные доходы населения.

3. Сортировка списка регионов по выбранному показателю в порядке убывания.

4. Подсчет итоговой суммы показателя по полному списку регионов.

5. Вычисление удельного веса показателя каждого региона из списка в итоговой сумме по формуле:

$$(\text{Показатель}) / (\text{Сумма показателей}) \cdot 100 \%$$

6. Вычисление для каждого региона из списка удельный вес нарастающим итогом (для пятого региона: (удельный вес 1-го региона) + (удельный вес 2-го региона) + ... + (удельный вес 5-го региона). Для последнего региона удельный вес нарастающим итогом будет равен 100 %.

7. Разделение регионов на группы.

8. Выработка инструментов и механизмов государственной политики для нивелирования последствий имеющейся дифференциации для разных групп регионов.

Получилось пять групп регионов, которые представлены в табл. 1.

Новосибирская область попала в третью группу от 35 700 до 42 200, что говорит о необходимости проведения регулирующих мероприятий. Также мы провели изучение значений динамики исследуемого показателя. По результатам видно, что средние темпы роста коэффициентов неравномерности для регионов СФО и России имеют похожую колебательную тенденцию. Больше всего отличаются темпы роста по показателю денежных доходов населения, что подчеркивает наличие значительных различий в оплате труда в субъектах Российской Федерации. Коэффициенты вариации и диспропорции по показателю денежные доходы населения имеют неодинаковые темпы роста, что объясняется неодинаково стабильной экономической ситуацией и инфляционными процессами в России (рис. 2).

Таблица 1

**Кластеризация регионов России по показателю денежных доходов
на душу населения (авторский расчет по данным [15, 16])**

Группа	Перечень регионов
1	Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Республика Тыва, Республика Мордовия, Чувашская Республика – Чувашия, Республика Марий Эл, Республика Хакасия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай, Курганская обл., Саратовская обл., Кемеровская обл., Республика Крым, Пензенская обл., Кировская обл., Оренбургская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Волгоградская обл., Костромская обл., Челябинская обл., Удмуртская Республика, Чеченская Республика, Ульяновская обл., Иркутская обл., Астраханская обл.
2	Ставропольский край, Псковская обл., Вологодская обл., Владимирская обл., Омская обл., Еврейская автономная обл., Орловская обл., Забайкальский край, Республика Северная Осетия – Алания, Ивановская обл., Республика Бурятия, Липецкая обл., Брянская обл., Смоленская обл., Томская обл., Ярославская обл., Тульская обл., Новгородская обл., Республика Адыгея (Адыгея), Алтайский край
3	Город федерального значения Севастополь, Новосибирская обл., Рязанская обл., Ленинградская обл., Самарская обл., Тамбовская обл., Республика Башкортостан, Республика Карелия, Курская обл., Калининградская обл., Калужская обл., Ростовская обл., Пермский край, Нижегородская обл., Воронежская обл., Красноярский край, Тюменская обл. (без АО), Тюменская обл. (кроме Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа)
4	Архангельская обл. (кроме Ненецкого автономного округа), Белгородская обл., Республика Коми, Республика Татарстан (Татарстан), Амурская обл., Архангельская обл., Приморский край, Краснодарский край, Свердловская обл., Республика Дагестан, Хабаровский край, Тюменская обл., Камчатский край, Московская обл.
5	Республика Саха (Якутия), Санкт-Петербург – город федерального значения, Магаданская обл., Мурманская обл., Сахалинская обл., Москва – столица Российской Федерации, город федерального значения, Ненецкий автономный округ (Архангельская обл.), Ямало-Ненецкий автономный округ (Тюменская обл.), Чукотский автономный округ

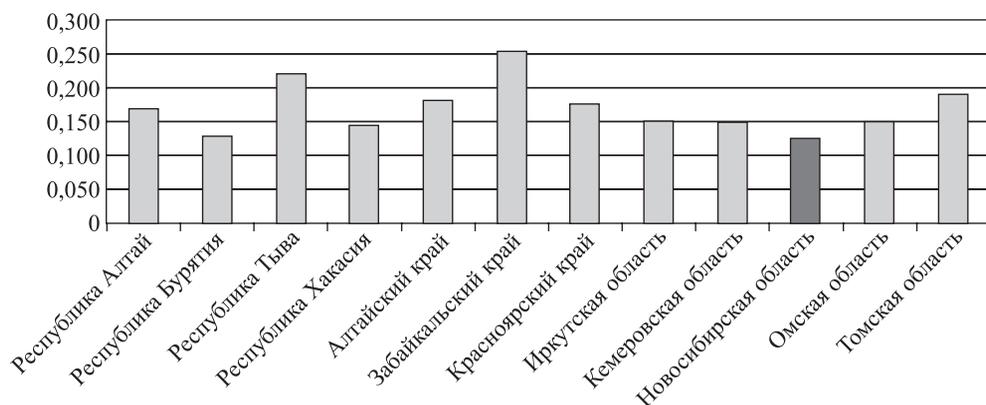

Рис. 2. Коэффициент вариации в регионах СФО
(авторское обобщение по данным [14])

В то же время в Новосибирской области коэффициент вариации небольшой, что позволяет сделать вывод о незначительных отклонениях. Наибольшая неравномерность рассеяния наблюдается по показателю средней заработной платы и индексом потребительских цен, что обусловлено разным уровнем развития регионов, их уникальностью и инвестиционной привлекательностью, однако в целом наблюдается схожая тенденция в динамике между исследуемыми коэффициентами. Основной проблемой является рост регионального неравенства, что создает ряд проблем для государства: замедление социально-экономического роста, обусловленное необходимостью направлять часть ресурсов на региональное выравнивание, а не на стимулирование развития; повышение социальной напряженности.

Проводя исследования, мы выделили факторы региональной дифференциации. Перечень основных региональных факторов включает: уровень накопленного экономического (в том числе производственно-технического и инновационного) потенциала территорий, степень развития в регионе рыночной, производственной и социальной инфраструктуры, размещения и социально-экономический потенциал городов областного значения в регионе, степень доминирования регионального центра и особенности системы расселения, уровень развития сектора информационных и коммуникационных услуг, уровень диверсификации структуры экономики региона, степень завершенности в регионе структурных и институциональных рыночных реформ, менталитет населения и власти и др. К числу важнейших внешних факторов мы отнесли: состояние нормативно-правовой базы государственного регулирования территориального развития, действующую систему межбюджетных отношений в пределах государства, рост экономической (по формам собственности и секторам экономики) и социальной (по группам населения) дифференциации.

Для понимания взаимосвязи динамики денежных доходов населения от различных факторов, мы использовали коэффициент множественной корреляции R , который является основным показателем плотности корреляционной связи обобщенного показателя с факторами: если значение R близко к 1, то взаимосвязь между показателем и факторами считается плотной. Множественный коэффициент корреляции R является основной характеристикой тесноты взаимосвязи между результативным признаком и совокупностью факторных признаков. В табл. 2 представлены результаты расчета.

Наибольшее влияние на денежные доходы населения оказывают следующие факторные признаки: ВРП, плотность автомобильных дорог, среднемесячная начисленная заработная плата, внутренние затраты на научные исследования и разработки, потребительские расходы, объем услуг связи, оборот розничной торговли, общая площадь жилых помещений на одного жителя, мощность амбулаторно-поликлинических организаций. То есть на данный показатель оказывает влияние как экономическая сфера, так и социальная.

Таким образом, мы полагаем, что необходима реализация комплекса моделей прикладного статистического и эконометрического анализа исследования неравномерности и территориальных диспропорций, который состоит из следующих взаимосвязанных этапов.

Первый этап. Пространственно-сравнительная динамическая статистическая оценка неравномерности социально-экономического развития регионов России.

Таблица 2

Коэффициент корреляции денежных доходов населения в зависимости от различных факторных признаков (авторский расчет по данным [15, 16])

Факторные признаки	R
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	0,919
ВРП	0,983
Инвестиции в основной капитал на душу населения	0,578
Оборот розничной торговли	0,943
Отправлено грузов, млн т	0,067
Отправлено пассажиров, тыс. человек	0,030
Плотность автомобильных дорог общего пользования	0,979
Объем услуг связи, оказанных населению, на одного жителя	0,948
Внутренние затраты на научные исследования и разработки	0,966
Индексы потребительских цен	0,400
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	0,975
Потребительские расходы в среднем на душу населения	0,954
Мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10 000 человек населения, посещений в смену	0,914
Продукция сельского хозяйства	0,890
Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство»	0,820

Второй этап. Пространственно-сравнительная динамическая статистическая оценка неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований регионов России.

Третий этап. Диагностика и мониторинг диспропорций и общих тенденций в социально-экономическом развитии отраслевой структуры и инфраструктуры территории.

Четвертый этап. Разработка тактических и стратегических мер государственной политики по выравниванию территориальных неравенств и региональных диспропорций развития.

Закключение. Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что анализ теоретических концепций регулирования территориальных диспропорций доказывает, что несмотря на то, что некоторые концепции (в частности неоклассические) признают возможность естественного регулирования темпов экономического развития территорий, все же подавляющее большинство ученых придерживаются мнения о необходимости внешнего вмешательства в процессы регулирования внутрирегиональной дифференциации и ее нивелирования.

Полагаем, что в механизме формирования и реализации стратегии равномерного социально-экономического развития государства должны быть учтены территориальные диспропорции. При этом регулирование региональной социально-экономической дифференциации должно осуществляться по двум направлениям: экономические цели достигаются методами политики поляризованного развития, а социальные – преимущественно уравнительной (компенсационной).

Литература

1. *Бадмаева Н.Г., Цыренов Д.Д.* Дифференциация денежных доходов населения Республики Бурятия: Проблемы и перспективы // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2016. № 3. С. 35–43.
2. *Балдынова Е.В., Малютина С.А.* Сравнительный анализ среднемесячной реальной заработной платы работников организаций в разрезе городов Иркутской области // Известия БГУ. 2017. № 4. С. 607–617.
3. *Варвус С.А.* В поисках оптимального уровня дифференциации доходов населения в России // Мир новой экономики. 2016. № 2. С. 95–102.
4. *Глинский В.В., Серга Л.К., Булкина А.М.* Дифференциация муниципальных образований как фактор экономического развития территорий // Вопросы статистики. 2016. № 8. С. 46–52.
5. *Глинский В.В., Серга Л.К.* К вопросу о перспективах развития малого предпринимательства в России // Сибирская финансовая школа. 2008. № 6. С. 3–6.
6. *Глинский В.В., Серга Л.К., Хван М.С., Филатов С.А.* Разработка методики статистической оценки уровня устойчивого развития социально-экономических систем // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1. № 3. С. 48–56.
7. *Груздева М.А.* Неравномерность развития региональных подсистем регионов Северо-Запада: возможности и угрозы // Проблемы развития территории. 2017. № 6 (92). С. 108–120.
8. *Зандер Е.В., Лобкова Е.В., Смирнова Т.А.* Оценка диспропорций территориального развития России как инструмент формирования региональной политики // ПСЭ. 2014. № 4 (52). С. 190–193.
9. *Малкина М.Ю.* Исследование взаимосвязи уровня развития и степени неравенства доходов в регионах Российской Федерации // Экономика региона. 2014. № 2. С. 238–248.
10. *Мартьянов А.П.* Статистическая характеристика дифференциации населения Оренбургской области по уровню доходов // Известия ОГАУ. 2016. № 3 (59). С. 230–233.
11. *Стукаленко Е.А.* Дифференциация доходов населения: причины и последствия // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2014. № 1. С. 183–187.
12. *Glinskiy V., Serga L., Khvan M.* Assessment of Environmental Parameters Impact on the Level of Sustainable Development of Territories, *Procedia CIRP*, 40 (2016). P. 626–631.
13. *Glinskiy V., Serga L., Chemezova E., Zaykov K.* Clusterization economy as a way to build sustainable development of the region, *Procedia CIRP*, 40 (2016). P. 324–328.
14. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/ru/statistics
15. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm
16. Показатели социально-экономического развития электронной базы ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/>

Bibliography

1. *Badmaeva N.G., Cyrenov D.D.* Differenciacija denezhnyh dohodov naselenija Respubliki Burjatija: Problemy i perspektivy // Vestnik BGU. Jekonomika i menedzhment. 2016. № 3. P. 35–43.
2. *Baldynova E.V., Maljutina S.A.* Sravnitel'nyj analiz srednemesjachnoj real'noj zarabotnoj platy rabotnikov organizacij v razreze gorodov Irkutskoj oblasti // Izvestija BGU. 2017. № 4. P. 607–617.
3. *Varvus S.A.* V poiskah optimal'nogo urovnja differenciacii dohodov naselenija v Rossii // Mir novoj jekonomiki. 2016. № 2. P. 95–102.

4. *Glinskij V.V., Serga L.K., Bulkina A.M.* Differenciacija municipal'nyh obrazovanij kak faktor jekonomicheskogo razvitija territorij // *Voprosy statistiki*. 2016. № 8. P. 46–52.
5. *Glinskij V.V., Serga L.K.* K voprosu o perspektivah razvitija malogo predprinimatel'stva v Rossii // *Sibirskaja finansovaja shkola*. 2008. № 6. P. 3–6.
6. *Glinskij V.V., Serga L.K., Hvan M.S., Filatov S.A.* Razrabotka metodiki statisticheskoi ocenki urovnja ustojchivogo razvitija social'no-jekonomicheskikh sistem // *Idei i idealy*. 2013. T. 1. № 3. P. 48–56.
7. *Gruzdeva M.A.* Neravnomernost' razvitija regional'nyh podsistem regionov Severo-Zapada: vozmozhnosti i ugrozy // *Problemy razvitija territorii*. 2017. № 6 (92). P. 108–120.
8. *Zander E.V., Lobkova E.V., Smirnova T.A.* Ocenka disproporcij territorial'nogo razvitija Rossii kak instrument formirovanija regional'noj politiki // *PSJe*. 2014. № 4 (52). P. 190–193.
9. *Malkina M.Ju.* Issledovanie vzaimosvjazi urovnja razvitija i stepeni neravenstva dohodov v regionah Rossijskoj Federacii // *Jekonomika regiona*. 2014. № 2. P. 238–248.
10. *Martynov A.P.* Statisticheskaja karakteristika differenciacii naselenija Orenburgskoj oblasti po urovnju dohodov // *Izvestija OGAU*. 2016. № 3 (59). P. 230–233.
11. *Stukalenko E.A.* Differenciacija dohodov naselenija: prichiny i posledstvija // *Vestnik OmGU. Serija: Jekonomika*. 2014. № 1. P. 183–187.
12. *Glinskiy V., Serga L., Khvan M.* Assessment of Environmental Parameters Impact on the Level of Sustainable Development of Territories, *Procedia CIRP*, 40 (2016). P. 626–631.
13. *Glinskiy V., Serga L., Chemezova E., Zaykov K.* Clusterization economy as a way to build sustainable development of the region, *Procedia CIRP*, 40 (2016). P. 324–328.
14. Oficial'nyj sajt Territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Novosibirskoj oblasti. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/ru/statistics
15. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm
16. Pokazateli social'no-jekonomicheskogo razvitija jelektronnoj bazy EMISS. URL: <https://fedstat.ru/indicator/>

БИЗНЕС-ИНФОРМАТИКА

УДК 685.5.012.011:511.8:6.87

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЫ ПРОДАЖИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МАШИНЫ НА РЫНКЕ ОБОРУДОВАНИЯ С ПОЗИЦИИ ПОКУПАТЕЛЯ

Пестунов А.И., Ковалев В.А.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: pestunov@gmail.com

Маркетинговые исследования на рынках технологических машин (ТМ) проводят как их изготовители, так и потребители. При этом анализ технических характеристик, качества и эффективности ТМ в реальных или моделируемых условиях эксплуатации, объявленной цены продажи осуществляется на основе дескриптивных (описательных) методик, базирующихся на опыте эксперта, аналогиях. В данной работе рассматривается разработка модели формализованного решения задачи выбора варианта ТМ и ее поставщика при анализе объявленной цены продажи. Формализация основана на методах теории выбора и принятия решений, в частности, на бинарных отношениях выгоды сделки и строгих предпочтений покупателя и поставщика в зависимости от показателей технических характеристик ТМ. Практическая значимость определения критической цены продажи ТМ заключается в повышении уровня надежности принимаемых решений при их покупке за счет формализованной оценки величины потенциально возможных уступок поставщика по цене.

Ключевые слова: технологическая машина, выбор, модель формализованного решения, объявленная цена продажи, критическая цена продажи, выгода сделки, бинарные отношения предпочтений покупателя и поставщика.

ESTIMATING THE CRITICAL SELLING PRICE OF A TECHNOLOGICAL DEVICE AT THE EQUIPMENT MARKET FROM A BUYER POSITION

Pestunov A.I., Kovalev V.A.

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: pestunov@gmail.com

Marketing research at the technological devices markets are carried out both by manufacturers and customers. At that, analysis of the technological devices features, their quality, efficiency and the declared selling price exploits descriptive methods based on human expertise and analogies. In this paper, we develop a formal solution model for the problem of a device and a supplier choice by analyzing the declared selling price. Our formalization

is based on the methods of the choice theory and decision-making, and, in particular, on binary preferences relations between the seller and the buyer depending on the technical device features. Practical significance of the results consists in the fact that they allow to improve the decisions reliability by formal evaluation of potential price concessions of the seller.

Keywords: technological device, choice, critical selling price, declared selling price, gain of a deal, formal solution model, binary preferences relations between a seller and a buyer.

Известно, что оптимально сбалансированная по составу и параметрам технологических машин (ТМ) система оборудования предприятия, выпускающего серийно материальную продукцию, является одним из необходимых факторов гибкости производства в отношении решения задач расширения номенклатуры и ассортимента изделий и обеспечения стабильности их качества [4–6]. Маркетинговые принципы организации деятельности предприятия обуславливают повышение значимости вопросов аналитической оценки эффективности ТМ как в условиях реализации существующих, так и моделируемых (перспективных) технологических процессов.

Необходимость аналитической оценки ТМ возникает, вообще говоря, всегда при их выборе [1, 7]. При этом выбор ТМ как результат их сравнения осуществляется при решении различного класса задач, в частности: целесообразности снятия ТМ с эксплуатации и приобретения новых; анализе эффективности и качества изготовления данного изделия на данном оборудовании; анализе и составлении комплексов машин применительно к реальным или моделируемым технологическим процессам; составлении заданий на проектирование вариантов технических решений машин и устройств и других задач [2, 5].

В производственной практике покупки ТМ, на этапе анализа предложений, имеющих на рынке соответствующего оборудования, задача покупателя – выбор варианта и поставщика ТМ. Специалисты предприятия при обосновании выбора используют, по существу, эвристический принцип по типу «лучше-хуже», «годен-не годен». Однако подобный подход базирующийся, прежде всего, на опыте эксперта, аналогиях, рекламном воздействии, во многом субъективен, слабо учитывает конкурентные действия изготовителей и продавцов ТМ и, как следствие, нередко приводит к ошибкам, последствия которых для предприятия могут быть очень весомы. В условиях рыночных отношений руководителю предприятия для принятия решения о заключении сделки на покупку ТМ необходима дополнительная информация, уменьшающая влияние личных мотиваций и субъективных оценок и позволяющая повысить аргументированность и объективность формирования предпочтений при выборе ТМ и их поставщиков. В этой связи актуальна постановка задач формализации оценки и выбора ТМ одновременно с различных точек зрения, учитывая экономические, технологические, технические аспекты реальных и вероятных условий их эксплуатации [7, 9].

Цены, объявленные на рынке при продаже ТМ, являются для покупателя, с одной стороны, основным критерием, определяющим выбор варианта и поставщика, а с другой – предметом переговоров и выработки возможного компромисса с поставщиками по цене и условиям сделки. Однако

интересы сторон в таких переговорах строго противоположны, а уступки конкретного поставщика возможны лишь при конкуренции на рынке ТМ, превышении предложений над спросом, стремлении поставщиков расширить сеть клиентов и т.д., что характерно для рынка технологического оборудования. Для достижения компромисса в ситуации, когда стороны равноправны, руководствуются чисто коммерческими интересами и идут на заключение сделки, если считают ее выгодной для себя, покупателю необходимо тщательно и правильно построить схемы переговоров с поставщиками. Ослабить позиции последних можно, в частности, на основе информации о величинах критических (минимальных) цен, по которым поставщики потенциально еще могли бы выгодно для себя продать ТМ. Такая информация для покупателей закрыта и поставщиками тщательно скрывается. Вместе с тем возможность получить достаточно надежные оценки критических цен поставщиков (КЦП) для однотипных по назначению ТМ позволяют методы и формальные структуры теории выбора и принятия решений.

Процесс формализации всегда предполагает известное принуждение [8–10, 12], так что применяющий полученные результаты считает, что его лишают свободы решения. Однако именно в конкретных случаях выбора, адекватная формализация позволяет получить высокий уровень надежности принимаемого решения. Это обусловлено, прежде всего, тем, что критериальная оценка и выбор ТМ равносильны (если отвлечься от конкретных технических решений) установлению формальным способом какого-либо предпочтения на множестве альтернативных объектов [3, 11]. Такие задачи классифицируются на задачи с неопределенностью и задачи с риском, обязательными условиями оптимального решения которых являются правильное назначение критериев и разработка процедуры выстраивания объектов сравнения в определенную последовательность в соответствии с функцией их относительного предпочтения.

В данной работе задача оценки величин КЦП технологического оборудования рассмотрена в формализованной постановке применительно к этапу анализа предложений на рынке однотипных по назначению вариантов ТМ, когда объявленные цены продажи (ОЦП) являются для покупателя величинами заданными и постоянными.

Допустим, на рынке технологического оборудования имеется некоторое множество $\{N\}$ однотипных по назначению вариантов технических решений ТМ. Любой вариант, например, $B \in \{N\}$ может быть представлен в виде вектора (множества) показателей его характеристик, информация о которых доступна для покупателя:

$$\bar{k}^B = (k_1^B, \dots, k_i^B), \quad i = \{1, n\}; \quad B = \{1, N\}.$$

Таким образом каждая ТМ может быть интерпретирована точкой в n -мерном пространстве показателей E^n .

Предположим, что в пространстве E^n существуют варианты ТМ, отличающиеся значениями некоторых (или всех) показателей, и покупатель осуществляет сравнительную оценку и выбор варианта по одному из важных для себя условий предпочтения, например, при $k_i^B \succ \dots \succ k_i^N$ вариант $B \in \{N\}$ наиболее предпочтительный.

В случае, если $k_i^B = \dots = k_i^N$, то предпочтительнее вариант ТМ, у которого $k_{i+1}^B \succ \dots \succ k_{i+1}^N$ или $k_{i+2}^B \succ \dots \succ k_{i+2}^N$ и т.д. Тогда отношение покупателя к вариантам ТМ адекватно формализуется бинарным отношением строгого предпочтения, обладающим свойствами транзитивности, рефлексивности и симметричности, вида:

$$BR_{\Pi}N \leftrightarrow k_i^B \succ k_i^N, \quad i = \{1, n\}.$$

Будем полагать, что для каждого варианта $B \in \{N\}$ существует цена покупки, при которой сделка еще выгодна как покупателю, так и поставщику. Выгодность сделки покупатель определяет как разность между ОЦП данного варианта ТМ и ценой $S_{\Pi}(k_i^B)$, за которую он готов его купить. В формализованном виде выгодность для покупателя определяется функцией, линейной по цене $S_{\Pi}(k_i^B)$:

$$D_{\Pi}(\bar{k}^B) = S_{\circ}^B - S_{\Pi}(k_i^B), \quad i = \{1, n\}; \quad B = \{1, N\}, \quad (1)$$

где $D_{\Pi}(\bar{k}^B)$ – величина выгоды сделки для покупателя по варианту $B \in \{N\}$ при сравнительной оценке ТМ по значениям k_i -го показателя характеристики; S_{\circ}^B – величина ОЦП поставщика для варианта B ; $S_{\Pi}(k_i^B)$ – максимальная цена, по которой покупатель еще готов его купить. При этом величина $S_{\Pi}(k_i^B)$ определяется (назначается) покупателем по результатам сравнительного анализа вариантов ТМ из следующих условий:

1. Если значения k_i -го показателя характеристики ТМ, например, для $(B - 1)$ и B вариантов, имеют вид $k_i^B \succ k_i^{B-1}$, то покупатель устанавливает следующее соотношение цен: $S_{\Pi}(k_i^B) - S_{\Pi}(k_i^{B-1}) = \Delta S_{\Pi}^B \succ 0$ и, наоборот, при $k_i^B \prec k_i^{B-1}$, $\Delta S_{\Pi}^B \prec 0$.

2. При постепенном увеличении значений k_i -го показателя, т.е. $k_i^B \prec \dots \prec k_i^N$ при $\Delta k_i^B \succ \dots \succ \Delta k_i^N$, покупатель уменьшает приращение цены, т.е.

$$\Delta S_{\Pi}(k_i^B) \succ \dots \succ \Delta S_{\Pi}(k_i^N) \quad \text{при} \quad S_{\Pi}(k_i^B) \prec \dots \prec S_{\Pi}(k_i^N).$$

Причем для любого варианта ТМ всегда сохраняется неравенство $S_{\Pi}^B \prec S_{\circ}^B$.

Таким образом, предпочтения покупателя на множестве $\{N\}$ формализуются по значениям величины выгоды сделки в виде бинарного отношения строгого предпочтения:

$$BR_{\Pi}N \leftrightarrow D_{\Pi}(\bar{k}^B) \succ D_{\Pi}(\bar{k}^N), \quad B = \{1, N\}, \quad (2)$$

где \bar{k}^B, \bar{k}^N – векторы (множества) показателей характеристики для соответствующих вариантов ТМ. Бинарное отношение (2) обладает свойствами транзитивности, рефлексивности и симметричности, что позволяет рассчитать по функции (1) численные значения оценок выгоды сделки для покупателя, семейство которых определяет структуру его предпочтений на множестве $\{N\}$.

Формально структура предпочтений покупателя интерпретируется критической поверхностью безразличия выпукло-возрастающего типа:

$$F_{\Pi}^{\circ} = \{ \bar{k}^B \in \{N\} \mid D_{\Pi}(\bar{k}^B) = 0; B = \{N\} \}.$$

Поставщики, при прочих равных условиях предпочитают представить на рынок и заключить сделки по вариантам ТМ из условий получения наибольшей выгоды. С этой позиции предпочтения конкретного поставщика формализуются по значениям величины выгоды сделки в виде бинарного отношения строгого предпочтения, также обладающего свойствами транзитивности, рефлексивности и симметричности:

$$BR_p N \leftrightarrow D_p(\bar{k}^B) \succ D_p(\bar{k}^N), \quad B = \{1, N\}, \quad (3)$$

где $D_p(\bar{k}^B), D_p(\bar{k}^N)$ – выгода сделки для поставщика соответственно по вариантам B и N при допущении возможности уступок с его стороны по цене ТМ в процессе торга.

При заключении сделки по цене, предлагаемой покупателем, значение величины выгоды для поставщика, например, по варианту B определится по функции, линейной относительно цены $S_{\Pi}(k_i^B)$:

$$D_p(\bar{k}^B) = S_{\Pi}(k_i^B) - S_p(k_i^B); \quad i = \{1, n\}, \quad (4)$$

где $S_p(k_i^B)$ – критическая цена поставщика (минимальная цена ТМ, сделка по которой уже не приносит выгоды поставщику), т.е. $D_p(\bar{k}^B) = 0$ при $S_p(k_i^B) = \text{const}$ – с позиции покупателя на этапе анализа предложений на рынке ТМ (до процесса торга по цене).

Отношение (3) и функция (4) определяют семейство численных оценок выгоды для поставщика и структуру его предпочтений при заключении сделок, которая формально интерпретируется критической поверхностью безразличия (симметричной относительно поверхности F_{Π}°) вогнуто-убывающего типа:

$$F_p^{\circ} = \{\bar{k}^B \in \{N\} \mid D_p(\bar{k}^B) = 0; B = \{N\}\}.$$

Поверхность F_p° делит множество $\{N\}$ вариантов ТМ в зависимости от значений показателей $k_i, i = \{1, n\}$ на выгодные и невыгодные поставщику при заключении сделок по ценам, которые предлагаются покупателем при переговорах и торге.

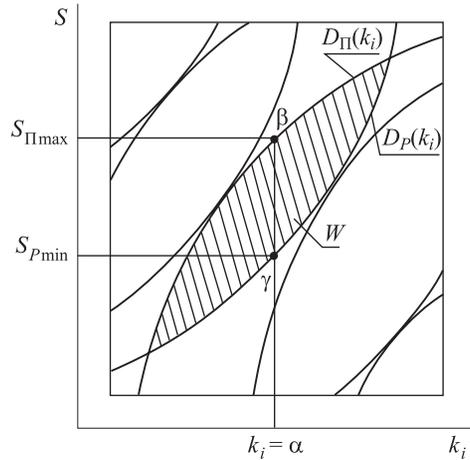
Функции (1) и (4) контрмонотонны по приращениям величин $D_{\Pi}(\bar{k}^B)$ и $D_p(\bar{k}^B)$, симметричны и эквивалентны по значениям $S_p(k_i^B)$.

По функции (1) с учетом свойств отношения (2) рассчитывается семейство численных значений $D_{\Pi}(\bar{k}^B)$ и строится поверхность F_{Π}° , определяющая предпочтения покупателя на множестве $\{N\}$ вариантов ТМ. Поверхность F_p° строится как контрмонотонная, симметричная и эквивалентная по отношению к F_{Π}° .

Графики функций $D_p(\bar{k}^B)$ на поверхности F_p° определяют выгодные и невыгодные для поставщика сделки по вариантам ТМ и ценам, которые предлагаются покупателем. Для любого значения показателя $k_i \in E^n, i = \{1, n\}$ точки на поверхностях F_{Π}° и F_p° соответствуют значениям величин $S_{\Pi}(k_i^B)$ и $S_p(k_i^B)$, а разность последних определяет величину потенциально возможной уступки поставщика по цене продажи данного варианта ТМ (см. рисунок).

Множество компромиссов, когда цена выгодна и покупателю, и продавцу.

$S_{\Pi \max}$ $S_{P \min}$ – цена ТМ, при которой сделка еще выгодна покупателю и поставщику; $D_{\Pi}(k_i)$, $D_P(k_i)$ – линии выгодности соответственно покупателя и поставщика ТМ; W – множество компромиссов по цене ТМ при различных значениях k_i -го показателя; $(\gamma\beta)$ – рабочий участок линии контрактов при значении показателя характеристики $k_i = \alpha$

Для практических целей, в случае большой размерности пространства E^n показателей характеристики ТМ, вместо построения сложных поверхностей F_{Π}° и F_P° достаточно построить семейства контрмонотонных структур предпочтений покупателя и поставщика в пространстве двух параметров (S_{Π}^B, k_i^B) , (S_P^B, k_i^B) , $i = \{1, n\}$; $B = \{1, N\}$.

На рисунке показан пример структур предпочтений и линии выгодности сторон, построенные по значениям одного k_i -го показателя характеристики ТМ. Графики функций $D_{\Pi}(k_i)$, $D_P(k_i)$ соответствуют линиям на критических поверхностях F_{Π}° и F_P° , делят множество модификаций ТМ (т.е. $k_i^B \neq \dots \neq k_i^N$) на выгодные и невыгодные покупателю и поставщику для заключения сделки. Пересечение линий $D_{\Pi}(k_i)$, $D_P(k_i)$ образует множество компромиссов W , обозначенное на рисунке штриховкой. Стороны могут прийти к соглашению лишь в том случае, если множество W не пусто. Например, для модификации ТМ с показателем $k_i = \alpha$ в заштрихованной зоне показан отрезок $(\gamma\beta)$ линии контрактов, параллельный оси цен, определяющий границы компромиссных цен $S_{P \min}$ и $S_{\Pi \max}$, которые еще выгодны соответственно поставщику и покупателю.

Заключение. Таким образом, при определенных допущениях использование бинарных отношений предпочтения для попарного сравнения вариантов ТМ позволяет получить оценки потенциально возможных уступок поставщиков по цене продажи и значение выгодности покупателя при заключении сделки на покупку конкретного варианта. Кроме того, практическая значимость заключается также в возможности снижения коммерческого риска при заключении сделок с конкретным поставщиком, в возможности повышения аргументированности решений, принимаемых при обосновании и реализации задач модернизации оборудования и технологии предприятия.

Литература

1. Авдошин С.М., Лифшиц А.А. Формирование портфеля проектов на основе нечеткой модели многокритериальной оптимизации // Бизнес-информатика. 2014. № 1 (27). С. 14–22.
2. Алтунин А.Е., Семухин М.В. Модели и алгоритмы принятия решений в нечетких условиях. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2000. 352 с.

3. Багутдинова А.И., Гадасина Л.В., Иванова В.В., Лезина Т.А. Анализ формальных подходов к проблеме управления данными // Маркетинг и менеджмент в цифровой экономике. 2016. № 2 (2). С. 64–68.
4. Ваганов А.С. Методологические аспекты оценки конкурентоспособности товаров промышленного назначения в условиях современного рынка // Маркетинг и анализ рынка / Сборник научных трудов. М.: Диалог МГУ, 1998. С. 25–29.
5. Гарькушев А.Ю., Шалковский А.Г., Рубан В.Е. Формализация задачи выбора варианта структурного построения информационного комплекса управления многоуровневой иерархической системой в условиях конкуренции // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2012. № 5-6. С. 100–103.
6. Коданова Ш.К., Алекешова С.Б., Аманбаева Ж.Ш., Кусмолдина Ж.О. Формализация и математическая постановка задач принятия решений по выбору оптимального режима работы технологических объектов нефтепереработки // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 2-3. С. 50–55.
7. Литвак Б.Г. Разработка управленческого решения. М.: Изд-во «Дело», 2004. 392 с.
8. Мушик Э., Мюллер П. Методы принятия технических решений. М.: Мир, 1990. 208 с.
9. Орлов А.И. Принятие решений. Теория и методы разработки управленческих решений. М.: МарТ, 2005. 496 с.
10. Орлов А.И. Теория принятия решений. М.: Изд-во «Экзамен», 2005. 656 с.
11. Подиновский В.В., Ногин В.Д. Парето-оптимальные решения многокритериальных задач. М.: Наука, 1982. 256 с.
12. Макаров И.М., Виноградская Т.М., Рубчинский А.А., Соколов В.Б. Теория выбора и принятия решений. М.: Наука, 1982. 328 с.

Bibliography

1. Avdoshin S.M., Lifshic A.A. Formirovanie portfelja proektov na osnove nechetkoj modeli mnogokriterial'noj optimizacii // Biznes-informatika. 2014. № 1 (27). P. 14–22.
2. Altunin A.E., Semuhin M.V. Modeli i algoritmy prinjatija reshenij v nechetkih uslovijah. Tjumen': Izd-vo TGU, 2000. 352 p.
3. Bagutdinova A.I., Gadasina L.V., Ivanova V.V., Lezina T.A. Analiz formal'nyh podhodov k probleme upravlenija dannymi // Marketing i menedzhment v cifrovoj jekonomike. 2016. № 2 (2). P. 64–68.
4. Vaganov A.S. Metodologicheskie aspekty ocenki konkurentosposobnosti tovarov promyshlennogo naznacheniya v uslovijah sovremennogo rynka // Marketing i analiz rynka / Sbornik nauchnyh trudov. M.: Dialog MGU, 1998. P. 25–29.
5. Gar'kushev A.Ju., Shalkovskij A.G., Ruban V.E. Formalizacija zadachi vybora varianta strukturnogo postroeniya informacionnogo kompleksa upravlenija mnogourovnevoj ierarhicheskoj sistemoj v uslovijah konkurencii // Voprosy oboronnoj tehniki. Serija 16: Tehnicheskie sredstva protivodejstvija terrorizmu. 2012. № 5-6. P. 100–103.
6. Kodanova Sh.K., Alekeshova S.B., Amanbaeva Zh.Sh., Kusmoldina Zh.O. Formalizacija i matematicheskaja postanovka zadach prinjatija reshenij po vyboru optimal'nogo rezhima raboty tehnologicheskikh ob#ektov neftepererabotki // Sovremennye tendencii razvitija nauki i tehnologij. 2016. № 2-3. P. 50–55.
7. Litvak B.G. Razrabotka upravlencheskogo reshenija. M.: Izd-vo «Delo», 2004. 392 p.
8. Mushik Je., Mjuller P. Metody prinjatija tehniceskikh reshenij. M.: Mir, 1990. 208 p.
9. Orlov A.I. Prinjatje reshenij. Teorija i metody razrabotki upravlencheskich reshenij. M.: MarT, 2005. 496 p.
10. Orlov A.I. Teorija prinjatija reshenij. M.: Izd-vo «Jekzamen», 2005. 656 p.
11. Podinovskij V.V., Nogin V.D. Pareto-optimal'nye reshenija mnogokriterial'nyh zadach. M.: Nauka, 1982. 256 p.
12. Makarov I.M., Vinogradskaja T.M., Rubchinskij A.A., Sokolov V.B. Teorija vybora i prinjatija reshenij. M.: Nauka, 1982. 328 p.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.422

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕНСИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ

Блохин В.Н.

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия
E-mail: vik-1987@bk.ru

Проблемы сельских сообществ и возможности их преодоления анализируются на примере российско-белорусского приграничья. Одним из компонентов интенсификации социально-экономического развития сельских сообществ является повышение активности и мотивации сельских жителей к трудовой деятельности. В целях стимулирования социально-экономической мотивации сельчан предложена трехуровневая модель, включающая уровень государственного, организационного и личностного воздействия на поведение сельского населения. В статье использованы результаты социологических исследований автора, а также данные социологических центров Республики Беларусь.

Ключевые слова: сельские сообщества, социально-экономическое развитие, возможности интенсификации, российско-белорусское пригранижье, мотивация.

POSSIBILITIES OF INTENSIFICATION OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RURAL COMMUNITIES

Blokhin V. N.

Belarusian State Agricultural Academy
E-mail: vik-1987@bk.ru

The problems of rural communities and the possibilities of overcoming them are analyzed on the example of the Russian-Belarusian border area. One of the components of the intensification of socio-economic development of rural communities is to increase the activity and motivation of rural residents to work. In order to stimulate the socio-economic motivation of villagers, a three-tier model has been proposed, including the level of state, organizational, and personal influence on the behavior of the rural population. The article uses the results of sociological research of the author, as well as data from sociological centers of the Republic of Belarus.

Keywords: rural communities, socio-economic development, opportunities for intensification, Russian-Belarusian border areas, motivation.

Многие постсоветские республики столкнулись с проблемами быстрого сокращения сельского населения, распада сельской поселенческой сети, деградации локальной инженерной и социальной инфраструктуры и, как следствие, формированием в общественном сознании непривлекательности сельского образа жизни. Продолжающиеся процессы урбанизации имеют глобальный масштаб, в среднесрочной перспективе рост населения городов продолжится, однако важно стабилизировать численность сельского населения, сохранить или создать возможности комфортного проживания и приложения труда в деревне. Без выработки комплексного подхода и интенсификации социально-экономического развития сельских сообществ под угрозой окажется продовольственная безопасность и контроль над освоенными агроландшафтами, что является социально-политической проблемой.

Для понимания причин трансформаций, происходящих в сельских сообществах, необходимо отказаться от исключительно экономических подходов, важно учитывать социальный аспект сельского развития. До сих пор многие политики и ученые подвержены влиянию экономического детерминизма, в результате управленческие и научные усилия концентрируются лишь на учете экономических показателей. Однако развитие местной экономики не является гарантией решения социокультурных и демографических проблем.

Цель исследования заключается в выявлении возможностей интенсификации социально-экономического развития сельских сообществ.

Объектом исследования являются жители сельских населенных пунктов приграничных районов России и Беларуси.

В статье использованы результаты социологических исследований, проведенных автором опросов сельских жителей российского и белорусского приграничья в 2015 г., а также данные, полученные в 2016–2017 гг. в ходе социологического наблюдения за сельским сообществом агрогородка Ходосы (Мстиславский район, Могилевская область, Беларусь); результаты социологических исследований Института социологии Республики Беларусь и Могилевского института региональных социально-политических исследований.

Проблемы и особенности развития сельских сообществ нашли свое отражение в работах классиков социологической мысли. Так, Г. Зиммель утверждал, что для городов характерна «повышенная нервность жизни», в то время как деревня отличается медленным и равномерным темпом жизни [15]. По мнению Ф. Тенниса, в сельских сообществах сохраняются элементы общинности, разделение труда тесно связано с родственными связями, большое значение для сельчан имеет взаимопомощь, образ жизни сильно зависит от природных циклов.

Особенности организации сельской жизни нашли свое отражение в работах М. Вебера. Немецкий социолог обращал внимание на роль неформальных социальных институтов (традиции, обычаи, религиозные верования, семейно-брачные и соседские отношения) в развитии сельских сообществ. В условиях сельского образа жизни неформальные социальные институты часто обуславливают поведение индивида, который исходит не

из экономической целесообразности или прагматических целей, а из стремления поступать так, как предписывают местные правила. Нарушение сложившихся традиций и индивидуализация влечет конфликт с близким социальным окружением, чего пытаются избежать любой представитель сельского сообщества [2, с. 7–22].

Концепция К. Поланьи, акцентирует внимание на зависимости экономической деятельности людей от их социальных связей. Основной стимул активности индивида – стремление обеспечить свой социальный, а не экономический статус, права и свободы. Свобода понимается К. Поланьи как отсутствие зависимости от материальных факторов. Наиболее динамичному социально-экономическому развитию способствуют эффективно работающие социальные институты, которые соответствуют текущему состоянию социума [3]. Таким образом, важной управленческой задачей является определение социальных ресурсов и факторов, влияющих на жизненный выбор, профессиональное, семейное, миграционное поведение сельчан.

А.В. Чаянов, Э.П. Томпсон, Дж. Скотт при рассмотрении социально-экономического поведения сельских жителей применяют понятие «моральная экономика», под которым понимается особая роль традиций и ценностных ориентаций в экономическом поведении сельчан. Система традиционных ценностей предписывает демонстрировать социально поощряемые качества: бескорыстие, щедрость, сопереживание, взаимопомощь, солидарность, коллективизм. Обычно эти личностные качества ставятся выше возможности получения материальной выгоды. Сельские жители с настороженностью и скепсисом относятся к инновациям, не приветствуется риск, повседневное поведение подчинено стремлению гарантировать удовлетворение базовых потребностей [12, с. 3–5].

По мнению Дж. Скотта, в локальных сообществах существует так называемая «metis», т.е. особая система местного практического знания. Такой тип знания основан на практицизме, который преобладает над научным объяснением. Местное знание уникально, оно характеризуется способностью к усовершенствованию и обновлению, формируется только в определенном социальном контексте. Быстрое изменение социального контекста приводит к исчезновению уникальной системы локальных знаний [9, с. 253]. Данная концепция соотносится с современной ситуацией в сельских сообществах России и Беларуси, которые пытаются приспособиться к постсоветским социально-экономическим трансформациям. Относительно быстрые изменения традиционного образа жизни, исчезновение сельских населенных пунктов, миграционный отток в города приводят к потере местных знаний, что ускоряет процесс угасания сельских сообществ.

Чтобы получить наиболее объективные представления о происходящих социальных трансформациях, как считает А. Радклифф-Браун, необходимо сочетать изучение отдельных обществ (структурных систем, сложившихся в конкретных сообществах) с систематическим сравнением других обществ (структурных систем различных типов) [17]. Поэтому целесообразно сопоставление социально-экономических изменений в сельских сообществах России и Беларуси на примере ситуации в сельских сообществах российско-белорусского приграничья.

Для понимания причин сложившейся социально-экономической, демографической и социокультурной ситуации в сельских сообществах необходимо выявить факторы, которые формируют региональную специфику сельского приграничья России и Беларуси, оказывают воздействие на индивидуальный выбор личности, процессы социализации, возможности повышения социального статуса.

До распада СССР в регионе современного российско-белорусского приграничья сложился похожий уклад жизни, сельские сообщества были очень близки в социально-экономическом и социокультурном отношении. Возникновение границы привело к формированию различных экономических и политических систем, несмотря на фактическую ликвидацию границы в 1995 г. интенсивность взаимодействия жителей приграничья серьезно снизилась. Значительные отличия в масштабах и темпах проведения рыночных преобразований – радикальные реформы в России и постепенные преобразования в Беларуси привели к возникновению еще более существенных различий в настроениях и экономическом поведении сельчан. Однако несмотря на различия в подходах к реформированию перейти к устойчивому развитию сельских сообществ не удалось ни России, ни Беларуси.

В научной среде остается дискуссионным вопрос создания новой стратегии социально-экономического развития сельских сообществ. Многие социологи поддерживают отказ от отраслевого подхода к сельскому развитию, который ориентирован исключительно на интересы аграрного сектора, необходим переход к территориальному развитию, которое предполагает диверсификацию социально-экономической сферы села как места проживания населения, представляющего широкие социальные слои. Создание рабочих мест в альтернативных сельскому хозяйству отраслях будет способствовать формированию в сельских сообществах широкого среднего класса, который традиционно обеспечивает стабильность социума как на региональном, так и на общегосударственном уровне.

Сложность представляет определение социальной базы для формирования будущего среднего класса, что связано с обострением демографической проблемы. В сельском приграничье возник феномен демографической ловушки, т.е. темпы уменьшения численности трудоспособного населения стали выше, чем темпы сокращения сельского населения вообще. Даже увеличение государственного финансирования сельских сообществ не гарантирует в такой ситуации положительной динамики. По прогнозам экспертов Института аграрных проблем РАН, к 2040 г. численность сельского населения России уменьшится до 30–32 млн человек, а трудоспособное население составит не более 19 млн человек [1, с. 25–27].

Расчеты Научно-исследовательского экономического института Министрства экономики Беларуси показывают, что численность сельского населения страны за 2013–2030 гг. сократится примерно на 400 тыс. человек и составит в 2030 г. не более 1,85 млн человек [14].

В соответствии с подходом З.И. Калугиной Псковская, Смоленская и Брянская области составляют особый кластер, для которого характерна давняя освоенность сельских регионов, самый низкий удельный вес молодежи (15 %) и самая высокая доля людей старше трудоспособного

возраста (28 %). Уровень смертности в приграничных областях является наиболее высоким (19 промилле), миграционный отток замедляется, что связано с исчерпанием потенциала наиболее активных сельчан, многие из которых покинули деревню еще во времена СССР. Оставшееся сельское население часто отличается слабым развитием человеческого капитала, низкий уровень образования и профессиональных навыков не оставляет надежд на востребованность и конкурентоспособность в городских условиях. В сельских сообществах российского приграничья на 1000 человек в возрасте от 15 лет и старше приходится 126 человек с высшим образованием, в то время как в Московской, Ленинградской областях этот показатель составляет 182. Доля трудоспособного населения Псковской, Смоленской и Брянской областей составляет 57 %, что также ниже среднероссийского уровня [7].

В течение последнего десятилетия в России и Беларуси произошли некоторые позитивные демографические изменения (увеличение рождаемости и продолжительности жизни). Однако в сельских сообществах российско-белорусского приграничья наблюдаются системные трансформации, трудоспособное население достигло максимальных значений и начало сокращаться. Сельские сообщества прошли этот пик в начале 2000-х гг., а современные тенденции являются нисходящими [1, с. 27–28]. Обозначенные проблемы находятся в тесной связи с трансформацией семейно-брачного поведения сельских жителей. Сельский брак и семья активно переходит от патриархальности к эгалитарности, воспринимаются городские черты, получила закрепление норма малодетности, увеличилось количество разводов и сожительства без регистрации брака.

Изменение репродуктивного поведения сельчан в сторону малодетности связано не только с низким уровнем доходов, а в первую очередь с трансформацией жизненных ценностей молодого поколения. Расширение доступности информации, развитие компьютерно-коммуникационных технологий формирует цели и идеалы молодых сельчан, получает все большую популярность желание переезда в город и более позднего вступления в брак, что ведет к закономерному снижению рождаемости. Малодетность также связана с ухудшением здоровья населения вследствие распространения девиантного поведения (вредные привычки), физических перегрузок, недоступности качественного здравоохранения, последствиями катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Исследования Могилевского института региональных социально-политических исследований выявили рост семейной конфликтности. Так, в соответствии с опросом сельских жителей Могилевской области (исследование проводилось Н.Е. Лихачевым в 2010 г.) примерно 55 % респондентов заявили, что в их семьях конфликты редки, в то время как у каждой третьей семьи случаются ссоры с использованием физического насилия. Главной причиной конфликтов в семьях и разводов является пьянство одного из супругов, значимым фактором, провоцирующим разногласия, выступает нехватка денежных средств (35 %) и усталость после тяжелой работы (28 %) [8, с. 58–59]. Исследования по теме семейно-брачных отношений, проведенные в рамках проекта «Формирование семьи, стабильность семейных отно-

шений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» в 2017 г., показывают сохранение описанной ситуации с небольшой тенденцией к ухудшению [13].

Демографическая проблема представляет собой серьезную угрозу для реализации программ устойчивого развития сельских сообществ, приводит к дефициту рабочей силы, что требует от государственной и местной власти разработки комплекса мер. Управленческое воздействие должно быть направлено на изменение жизненных ценностей сельчан в пользу модели семьи с несколькими детьми, что исторически характерно для сельских жителей [1, с. 27–28]. Для повышения уверенности сельчан в возможности содержать несколько детей важно реализовывать следующие социально-экономические меры:

- интенсификация производства (необходимо сокращение объемов тяжелого физического труда во всех категориях хозяйств и в иных сферах сельской экономики);

- специализация (в условиях глобализации и международной системы разделения труда необходимы поиски наиболее перспективных видов деятельности);

- развитие инфраструктуры (государство в любых условиях должно финансировать поддержание минимальных жизненных стандартов местного населения).

Реализация обозначенных мер возможна в случае достаточной мотивации сельчан, необходимы стимулы социальной активности [5, с. 10–22].

Ведущие факторы, воздействующие на мотивацию сельчан, можно разделить на две группы:

- социально-психологические (социальные нормы, ценности, образцы поведения, особенности коммуникации, общественное признание и уважение трудовой деятельности, взаимоотношения в трудовом коллективе и т.д.);

- социально-экономические (размер заработной платы, действующие финансово-кредитные механизмы, отношения собственности, условия труда и т.д.).

Формирование эффективной социально-экономической системы в сельских сообществах возможно при условии учета мотивов поведения сельчан. Сельская мотивирующая среда имеет специфику, что связано с особенностями социальной структуры (семейно-брачные, родственные, соседские, хозяйственные отношения), влиянием природной среды и климатических циклов, относительной замкнутостью деревень, низкой степенью готовности сельских жителей к интенсивным социальным взаимодействиям [10, с. 169].

Мотивирование сельских жителей к высокоэффективному труду слабо подлежит унификации, что связано со значительными национальными, региональными, социокультурными особенностями. Поэтому вряд ли возможно выработать единую модель повышения мотивации сельчан [16].

В соответствии с подходом Т.М. Полушкиной существует три основных группы проблем, которые вызывают неудовлетворенность сельчан качеством жизни, снижают мотивацию их труда:

- экономические проблемы: дороговизна жизни, бедность, безработица;

– состояние социальной инфраструктуры и социокультурного обеспечения: жилищные проблемы, неразвитость системы профессионального образования и центров досуга, неудовлетворительное состояние дорожной сети и средств связи, проблемы с медицинским обслуживанием;

– социальные патологии и деградация социальных сообществ: пьянство и алкоголизм, распространение преступности [10, с. 169].

По мнению Ж.Т. Тощенко, анализ социальных компонентов макро-, мезо- и микроуровня помогает достичь более объективного понимания сложившейся ситуации, что дает возможность выработать наиболее эффективные подходы к решению актуальных проблем. Данный подход является базисом концепции, получившей название «социология жизни». Макросреда включает процессы, характерные для всего социума, они опосредуют сознание и поведение людей как граждан. Мезосреда влияет на сознание и поведение людей как членов территориального сообщества, в котором они трудятся, отдыхают, проводят свободное время. Микросреду составляет уровень развития личности и социальное окружение, с которым человек непосредственно взаимодействует [11, с. 114].

Учитывая подходы экспертов к оценке социально-экономической ситуации в локальных сообществах, а также сложность в создании универсальных концепций, для развития мотивации сельских жителей российско-белорусского приграничья представляется целесообразным предложить трехуровневую модель (она может быть эффективна для большинства сельских сообществ России и Беларуси) (см. таблицу).

Разработанная модель включает уровень государства, уровень предприятия и уровень личности. Каждый уровень состоит из пяти компонентов, хотя их число может быть увеличено.

В настоящее время не завершена адаптация жителей российско-белорусского приграничья к рыночной экономике. Данное обстоятельство радикально изменило жизнь крестьянства на всем постсоветском пространстве, но в условиях белорусской действительности этот фактор в силу постепенного воздействия не привел к резким изменениям экономического сознания и поведения сельчан.

Проведенные в 2009 г. Институтом социологии НАН Беларуси социологические исследования свидетельствуют о преобладании у белорусских сельчан срединных экономических установок. Так, для преодоления материальных проблем сельские жители в основном руководствуются принципом: «жить не хуже и не лучше других», «жить как все». Лишь чуть более 4 % респондентов отличаются уверенным стремлением к лидерству и богатству, выступающему как самоцель. Около 66 % участников опроса оценивают свое материальное положение как среднее, только 19 % заняты дополнительными подработками. В случае необходимости большинство сельчан ждут выплаты заработной платы или одалживают деньги (78 %). Продукты, производимые в личном хозяйстве, как правило, предназначены для внутрисемейного потребления [18]. В соответствии с результатами социологического исследования «Социально-экономическая динамика сельских сообществ Могилевской области» в 2015 г. 89 % респондентов были не удовлетворены уровнем своего дохода, при этом лишь 12 % подрабатывали.

Модель повышения социально-экономической мотивации сельских жителей

Уровень государства	Уровень организации	Уровень личности
<p>1. Разработка государственной концепции развития сельских сообществ не только на пятилетие, но и на долгосрочную перспективу</p> <p>2. Финансовая поддержка и кредитование только перспективных, платежеспособных организаций всех форм собственности; стимулирование создания и развития частного бизнеса</p> <p>3. Социальное развитие села – поддержка и модернизация транспортной, образовательной, медицинской инфраструктуры; расширение доступа к различным источникам связи и информации</p> <p>4. Перераспределение финансовых и административных полномочий в пользу местной власти</p> <p>5. Проведение широкой информационной кампании о возможностях и преимуществах жизни и работы в сельской местности, повышение привлекательности сельского образа жизни в общественном сознании</p>	<p>1. Установление зависимости уровня зарплата работников от количества и качества труда, устранение верхних пределов заработной платы</p> <p>2. Оказание помощи работникам в строительстве и обустройстве жилья путем предоставления кредитов, расрочки, технических средств и т.д.</p> <p>3. Обеспечение достойных условий труда (санитарно-гигиенический контроль, обеспечение исправности и обновления средств труда, ремонт помещений, соблюдение трудовых прав, оздоровление сотрудников и иные мероприятия стимулирующего характера)</p> <p>4. Создание морально-психологического комфорта в трудовых коллективах (поддержка и поощрение инициативы, инновационных подходов со стороны сотрудников; обеспечение карьерного роста в зависимости от профессиональных успехов; содействие дополнительному обучению и повышению квалификации)</p> <p>5. Развитие корпоративной культуры (поддержка социокультурного развития сотрудников; организация общих досуговых мероприятий; создание условий для совместного занятия спортом или творчеством в свободное от работы время)</p>	<p>1. Воздействие на социализацию сельской молодежи (воспитание привязанности, чувства гордости за свою малую Родину, популяризация краеведения; сохранение и возрождение местной духовной и материальной культуры)</p> <p>2. Создание стимулов для учебы и возвращения молодежи в сельскую местность (информационно-разъяснительная работа со школьниками и их родителями; проведение консультаций о возможностях местного трудоустройства и создания новых рабочих мест, в том числе о возможности организации частного дела)</p> <p>3. Противоводействие социальным отклонениям (популяризация здорового образа жизни, традиционных семейно-брачных и религиозных ценностей, патриотизма)</p> <p>4. Развитие экологического сознания (воспитание чувства общности с природой, рациональное использование ограниченных ресурсов, раздельный сбор и безопасная утилизация бытовых отходов)</p> <p>5. Поощрение гражданской активности (переход личности к активному участию в обсуждении и решении местных проблем, проявление инициативы и новаторства для достижения лучшего качества жизни, повышение политической осведомленности, развитие межрегиональных контактов, участие в деятельности некоммерческих организаций)</p>

Сельские жители Беларуси оценивают труд как один из смыслов жизни. Так, 62 % респондентов нравится их работа. Несмотря на то, что 44 % опрошенных считают свою работу тяжелой, 34 % – монотонной и однообразной, все же почти четверть респондентов называют ее интересной, а 5 % – творческой. Для сельских жителей трудовая деятельность играет огромную роль, однако в отношении к работе преобладает гедонизм, абсолютное большинство не приемлют перегрузок и высоких темпов в работе. Так, 44 % респондентов считают, что постсоветские реформы сделали труд более сложным (32 %) несмотря на технический прогресс [18].

Результаты социологических опросов подтверждают, что сфера сознания меняется медленно и несмотря на важность заработка для жителей села богатство не представляется самоцелью и смыслом жизни. Базовыми ценностями являются здоровье, достаток в доме, семья и дети. Дисбаланса сознания и поведения сельских жителей не наблюдается, а рыночная активность повышается относительно медленно, часто вынужденно, что связано с необходимостью адаптации к рыночным условиям.

Эффективность хозяйствования во многом определяется уровнем удовлетворенности работников условиями труда. Проведенное нами исследование показывает наличие высокого уровня недовольства белорусских сельчан (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов белорусских респондентов на вопрос «В какой мере Вы удовлетворены условиями Вашего труда?» (в % от числа опрошенных)

Более 50 % респондентов не удовлетворены условиями труда, что можно объяснить нехваткой средств у большинства предприятий и организаций, работающих в сельской местности. Дефицит оборотных средств ведет к экономии на создании достойных условий труда, техническому отставанию, сохранению больших объемов ручного труда. Практически любая деятельность в сельской местности отличается большими трудозатратами в сравнении с городом. Однако уровень недовольности условиями труда неодинаков в сельской местности (в агрогородках – ниже, в традиционных деревнях – выше).

Исследование определило главные причины недовольности респондентов условиями труда (рис. 2).

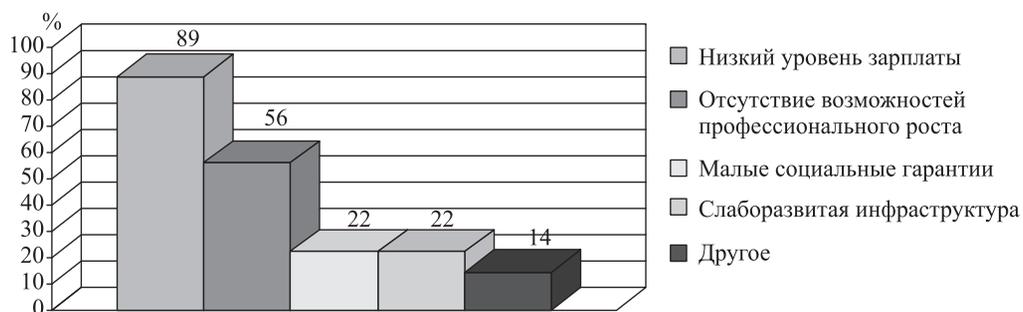

Рис. 2. Распределение ответов белорусских респондентов на вопрос «Если Вы полностью не удовлетворены или скорее не удовлетворены условиями труда, то почему?» (в % от числа опрошенных)

Абсолютное большинство белорусских сельчан недовольны заработной платой, что естественно, так как доходы в сельской местности серьезно отстают от городского уровня. Более половины респондентов не видят возможностей профессионального роста, что можно объяснить недостаточным уровнем образования и низкой квалификацией, кроме того, многие молодые специалисты надеются на быстрый карьерный рост, однако это далеко не всегда случается, что приводит к разочарованию. В категории «другое» 14 % респондентов указывали на игнорирование их мнения со стороны руководства, отсутствие помощи в трудных жизненных ситуациях, были жалобы на низкое качество предоставляемого жилья. Вопрос об удовлетворенности условиями труда выявил еще более сложную ситуацию в Смоленской области (рис. 3).

Ответы российских сельчан показали больший уровень недовольства условиями труда по сравнению с ситуацией в белорусском приграничье. Количество российских сельчан, удовлетворенных условиями труда, оказалось ниже почти в два раза в сравнении с белорусскими респондентами. Такую ситуацию можно объяснить реализацией в Беларуси Государственных программ развития села, значительно более высоким уровнем государственных субсидий организациям АПК, что позволяет обновлять технику, заниматься строительством и улучшением сельской инфраструктуры.

Рис. 3. Распределение ответов российских респондентов на вопрос «В какой мере Вы удовлетворены условиями вашего труда?» (в % от числа опрошенных)

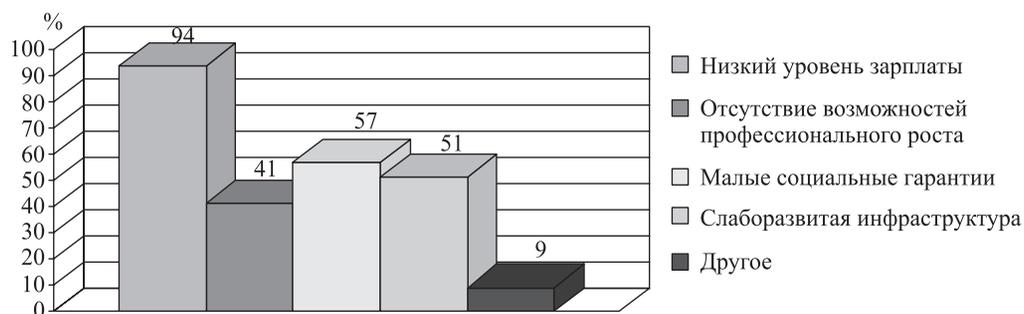

Рис. 4. Распределение ответов российских респондентов на вопрос «Если Вы полностью не удовлетворены или скорее не удовлетворены условиями труда, то почему?» (в % от числа опрошенных)

Данные меры положительно отражаются на настроениях людей, хотя незначительно сказываются на росте личных доходов.

Причины неудовлетворенности условиями труда российских сельчан отражены на рис. 4.

Российские респонденты проявили редкое единодушие, на первом месте оказалась проблема низких доходов. В белорусском приграничье этот вариант ответа также был наиболее популярным (89 %). Российские респонденты в значительно большей степени недовольны малыми социальными гарантиями и слаборазвитой инфраструктурой. В категории «другое» (9 %), участники опроса обратили внимание на игнорирование их мнения со стороны руководства и проблему коррупции, что негативно влияет на трудовые отношения.

Учитывая результаты исследований, становится возможным сформулировать управленческие принципы, которые могут способствовать интенсификации социально-экономического развития сельских сообществ России и Беларуси:

- поддержка частной инициативы (не только в сфере сельского хозяйства), оказание консультационной и, по возможности, ресурсной поддержки заинтересованным местным жителям;

- расширение финансовых и административных полномочий местной власти, изучение мнения сельчан по средствам опросов (голосования) по наиболее важным региональным проблемам;

- развитие взаимодействия с некоммерческими организациями, делегирование в их пользу части административных полномочий для решения проблем, входящих в компетенцию экспертов НКО;

- охрана природы, развитие экологического сознания сельских жителей.

Обозначенные управленческие принципы зависят от качества человеческого капитала. По мнению Н.М. Римашевской, методология оценки качественных характеристик населения основывается на трех важнейших компонентах:

- физическое, психическое и социальное здоровье;

- профессиональные способности и уровень образования людей, обеспечивающие их интеллектуальный потенциал;

- культурно-нравственные ценности и социокультурное развитие [6, с. 140–145].

Негативное влияние на развитие человеческого капитала в сельских сообществах оказывает сокращение местной инфраструктуры – закрытие школ, фельдшерских пунктов, отделений почты, торговых объектов. Недоразвитая инфраструктура вынуждает сельских жителей все чаще посещать города. Социологические исследования, проведенные представителями Саратовского аграрного университета и Поволжской академии госслужбы, выявили соотношение причин посещения городов жителями села. В более чем 40 % случаев это связано с необходимостью получения медицинских услуг. Более 30 % посещений приходится на визиты в государственные учреждения. Как показало социологическое наблюдение за сельским сообществом агрогородка Ходосы (Мстиславский район, Могилевская область, Беларусь), в российско-белорусском приграничье наблюдается схожая ситуация. Сложившуюся ситуацию можно изменить и найти инструменты экономии средств и времени сельчан. Так, в России и Беларуси в рамках программы административной реформы сформулирована концепция электронного правительства, что создает условия для упрощения контактов населения и власти. Важно приступить к практической реализации этой концепции.

Около 1/4 сельских жителей посещает города в связи с учебой. Развитие дистанционных технологий и сети Интернет может снизить необходимость регулярного посещения городов в связи с учебой [4, с. 115].

В ближайшие годы ключевым направлением совместной работы приграничных властей России и Беларуси должна стать поддержка самоорганизации населения для решения проблем на местном уровне, что будет способствовать повышению экономической активности граждан и устойчивому развитию.

Достижение обозначенных целей возможно при соблюдении ряда условий:

- проведение комплексных исследований и оценки социально-экономического состояния сельских сообществ российско-белорусского приграничья;
- выявление наиболее перспективных видов хозяйственной деятельности, которые будут способствовать устойчивому региональному развитию;
- повышение уровня образования и технических навыков (использование возможностей компьютерно-коммуникационных технологий) сельчан на базе местных учреждений образования;
- использование международного опыта для расширения экономических возможностей в сельской местности, ориентация на местные ресурсы.

Для сельских сообществ российско-белорусского приграничья необходима разработка межгосударственных и международных проектов и программ в области территориально-ориентированного развития. Некоторые сельские сообщества Беларуси уже получили опыт участия в международных программах технической помощи: «Содействие развитию на местном уровне в Республике Беларусь» (проект ЕС/ПРООН, 2013 г.), «Расширение экономических возможностей в сельской Беларуси» (проект Агентства США по международному развитию USAID, 2014 г.) и др.

Проекты технической помощи направлены на повышение осведомленности общественности о путях и механизмах управления территориальным

развитием, основанным на широком вовлечении заинтересованных сторон и приобретении опыта участия в решении насущных проблем местного уровня, планировании развития населенных пунктов и реализации соответствующих инициатив.

Таким образом, интенсификация социально-экономического развития сельских сообществ возможна на основе использования многочисленных социальных механизмов, которые стимулируют активность местного населения, повышают мотивацию к трудовой деятельности. Для преодоления или минимизации социально-экономических и демографических проблем в сельских сообществах необходимо использование социоэколого-экономического подхода к рассмотрению и оценке перспектив развития конкретных сообществ. Расширение полномочий местной власти и местных жителей, вовлечение сельчан в деятельность некоммерческих организаций, развитие экологического сознания, стимулирование сельского предпринимательства позволит создать широкий средний класс – основу для развития устойчивого типа.

Литература

1. *Блинова Т.В.* Социально-демографические факторы развития аграрного сектора России // Труды вольного экономического общества России. 2013. Т. 170. С. 25–41.
2. *Вебер М.* История хозяйства. Город / пер. с нем.; под ред. И. Гревса; Комментар. Н. Саркитова, Г. Кучкова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 576 с.
3. «Великая трансформация» Карла Поляни: прошлое, настоящее, будущее / Р.М. Нуреев и др. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. 321 с.
4. *Виноградский В. Г., Яковлев Л. С.* Адаптивные руральные структуры в контексте системного понимания глобализации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII. № 2 (47). С. 113–130.
5. *Гусаков В.Г.* Факторы и механизмы устойчивого экономического развития сельского хозяйства // Вестник НАН Беларуси. 2013. № 3. С. 9–29.
6. *Иванов О.И.* Человеческий потенциал современной российской экономики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 1 (60). С. 140–156.
7. *Калугина З.И., Фадеева О.П., Братющенко С.В.* Социально-демографический потенциал развития сельских территорий России // ЭКО. 2015. № 7. С. 127–135.
8. *Лихачев Н.Е.* Современная сельская семья: социологический портрет (на материалах исследований в Могилевской области) // Вестник МГУ им. А.А. Кулешова. 2010. № 2 (36). С. 56–68.
9. *Никулин А.М., Скотт Дж.* С государственной точки зрения: как потерпели крах надежные модели совершенствования человечества. Нью Хейвен: Йель Университи Пресс, 1998. 445 с.: рецензия // Социологический журнал. 1999. № 3/4. С. 250–254.
10. *Полушкина Т.М.* Мотивация к эффективному труду как фактор устойчивого развития сельских территорий // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 12. С. 167–172.
11. *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни как теоретическая концепция // Социс. 2015. № 1. С. 106–116.
12. *Scott J.C.* The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and subsistence in Southeast Asia. New Haven and London: Yale University Press, 1976. 254 p.
13. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Материалы для обсуждения. Предварительные результаты исследования. [Электронный ресурс]. URL: https://belarus.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Digest%20GGs%20_ru.pdf. (30.01.2019).

14. *Заяц Д.* Институт Минэкономки: численность населения Беларуси к 2030 году сократится на 211 тысяч человек. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tut.by/society/374298.html> (01.02.2019).
15. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim-pr.html> (02.02.2019).
16. *Латышева А.И., Разумов А.И., Назарова А.В.* Формирование механизмов мотивации труда в сельской местности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 8 (август). С. 26–30. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-koncept.ru/2015/15262.htm> (01.02.2019).
17. *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / пер. с англ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с. [Электронный ресурс]. URL: http://socioline.ru/files/5/47/radklif_braun_copy.pdf (29.01.2019).
18. *Смирнова Р.А.* Белорусское крестьянство в условиях реформирования АПК. [Электронный ресурс]. URL: <http://socio.bas-net.by/publ.php?th=re>. (29.01.2019).

Bibliography

1. *Blinova T.V.* Social'no-demograficheskie faktory razvitija agrarnogo sektora Rossii // Trudy vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2013. T. 170. P. 25–41.
2. *Veber M.* Istorija hozjajstva. Gorod / per. s nem.; pod red. I. Grevsja; Komment. N. Sarkitova, G. Kuchkova. M.: «KANON-press-C», «Kuchkovo pole», 2001. 576 p.
3. «Velikaja transformacija» Karla Polan'i: proshloe, nastojashhee, budushhee / R.M. Nureev i dr. M.: GU-VShJe, 2007. 321 p.
4. *Vinogradskij V.G., Jakovlev L.S.* Adaptivnye rural'nye struktury v kontekste sistemnogo ponimaniya globalizacii // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2009. T. XII. № 2 (47). P. 113–130.
5. *Gusakov V.G.* Faktory i mehanizmy ustojchivogo jekonomicheskogo razvitija sel'skogo hozjajstva // Vestnik NAN Belarusi. 2013. № 3. P. 9–29.
6. *Ivanov O.I.* Chelovecheskij potencial sovremennoj rossijskoj jekonomiki // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2012. T. XV. № 1 (60). P. 140–156.
7. *Kalugina Z.I., Fadeeva O.P., Bratjushhenko S.V.* Social'no-demograficheskij potencial razvitija sel'skih territorij Rossii // JeKO. 2015. № 7. P. 127–135.
8. *Lihachjov N.E.* Sovremennaja sel'skaja sem'ja: sociologicheskij portret (na materialah issledovanij v Mogiljovskoj oblasti) // Vestnik MGU im. A.A. Kuleshova. 2010. № 2 (36). P. 56–68.
9. *Nikulin A.M., Skott Dzh.* S gosudarstvennoj tochki zrenija: kak poterpeli krah nadezhnye modeli sovershenstvovanija chelovechestva. N'ju Hejven: Jel' Juniversiti Press, 1998. 445 p.: recenzija // Sociologicheskij zhurnal. 1999. № 3/4. P. 250–254.
10. *Polushkina T.M.* Motivacija k jeffektivnomu trudu kak faktor ustojchivogo razvitija sel'skih territorij // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Innovacionnaja nauka». 2016. № 12. P. 167–172.
11. *Toshhenko Zh.T.* Sociologija zhizni kak teoreticheskaja koncepcija // Socis. 2015. № 1. P. 106–116.
12. *Scott J.C.* The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and subsistence in Southeast Asia. New Haven and London: Yale University Press, 1976. 254 p.
13. Belarus': struktura sem'i, semejnye otnoshenija, reproduktivnoe povedenie. Materialy dlja obsuzhdenija. Predvaritel'nye rezul'taty issledovanija. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://belarus.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Digest%20GGS%20_ru.pdf. (30.01.2019).
14. *Zajac D.* Institut Minjekonomiki: chislennost' naselenija Belarusi k 2030 godu sokratitsja na 211 tysjach chelovek. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://news.tut.by/society/374298.html> (01.02.2019).

15. *Zimmel' G.* Bol'shie goroda i duhovnaja zhizn' // Logos. 2002. № 3–4. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim-pr.html> (02.02.2019).
16. *Latysheva A.I., Razumov A.I., Nazarova A.V.* Formirovanie mehanizmov motivacii truda v sel'skoj mestnosti // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2015. № 8 (avgust). P.26–30. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://e-koncept.ru/2015/15262.htm> (01.02.2019).
17. *Rjedkliff-Braun A.R.* Struktura i funkcija v primitivnom obshhestve. Ocherki i lekcii / per. s ang. M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 2001. 304 p. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://socioline.ru/files/5/47/radklif_braun_copy.pdf (29.01.2019).
18. *Smirnova R.A.* Belorusskoe krest'janstvo v uslovijah reformirovanija APK. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://socio.bas-net.by/publ.php?th=re>. (29.01.2019).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

УДК 332.1

МОНОПРОФИЛЬНОЕ МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (МОНОГОРОД): ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

Кулай С.В.

Прокопьевский филиал Кузбасского государственного
технического университета им. Т.Ф. Горбачева
E-mail: osv-07@mail.ru

В данной статье исследована и обсуждается проблема отсутствия в нормативно-правовой базе четкого определения категории «моnogород» в условиях достаточно широкой распространенности в Российской Федерации моногородов. Анализируются современные научные подходы к определению «моnogород», рассматриваются его существенные характеристики. Приводятся синонимичные категории, используемые в России и в зарубежных странах. Общепринятых подходов к определению выявлено не было, вместе с тем удалось выделить основные элементы дефиниции. На основе данного исследования сформирована универсальная интерпретация понятия монопрофильного муниципального образования (моnogорода), выделены основные признаки моnogорода.

Ключевые слова: моnogород, монопрофильное муниципальное образование, моноотраслевой город, градообразующее предприятие, рынок труда, зависимость экономики, признаки моnogорода.

MONOPROFILE MUNICIPAL FORMATION (MONOCITY): SPECIFICS OF THE RUSSIAN AND FOREIGN CONCEPTUAL FRAMEWORK

Kulay S.V.

Prokopievsk branch of T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University
E-mail: osv-07@mail.ru

The article studies and discusses the issue of absence of clear definition of the 'monocity' category in the normative legal base in the conditions of fairly commonness of monocities in the Russian Federation. Modern scientific approaches to the definition of 'monocity' are analyzed, its essential characteristics are considered. Synonymic categories used in Russia and abroad are presented. No generally accepted approaches to the definition were revealed, however the main elements of the definition were marked out. A universal interpretation of the concept of monoprofile municipal formation (monocity) was formed on the basis of the research; the main signs of monocity were marked out.

Keywords: monocity, monoprofile municipal formation, monoindustrial city, city-forming enterprise, labor market, dependence of economy, signs of monocity.

Современная Российская Федерация представлена достаточно дифференцированным административно-территориальным устройством, где особое место занимают моногорода. Во времена плановой экономики пристальное внимание уделялось проблеме размещения производительных сил и территориальному развитию достаточно длительное время, благодаря чему исследования территориально-производственных комплексов носили фундаментальный характер, получили масштабное практическое применение по всему Советскому Союзу [2, 5, 9, 16, 21, 24].

Однако после распада СССР рыночные реформы не учли наследственную особенность российской индустриализации и урбанизации – наличие узкоспециализированных городов по всей стране [11], передали промышленные центры в частную собственность, вследствие чего ТПК раздробились на отдельные предприятия или неконкурентоспособные объединения. В результате территориально-производственные комплексы как государственный инструмент регионального развития утратили свою силу, а моногорода остались практически без поддержки социальной сферы, формально принадлежащей в то время к функциям органов местного самоуправления. На рубеже тысячелетия началась интеграция градообразующих предприятий, при которой была сделана попытка переложить социальную ответственность на крупные корпорации. Таким образом, благополучие населения в моногородах напрямую зависит от конкурентоспособности и финансового состояния предприятия, корпорации и отрасли в целом, что особо остро проявляется в кризисные периоды.

Первый удар российским моногородам нанес кризис 1990-х гг., когда большинство градообразующих предприятий оказались в сложной экономической ситуации или обанкротились вовсе, а на всей территории страны появились депрессивные города и поселки со сложнейшими социально-экономическими проблемами. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. стал следующей волной обострения проблем узкоспециализированных городов: спад производства градообразующих предприятий, финансовые трудности, возникшие на фоне слабого управления муниципалитетом, – все это привело к высокой социальной напряженности, особенно на рынке труда, к увеличению структурной безработицы, к росту дефицита бюджета [18].

Именно по этим причинам термин «моногород» приобрел распространение в России сначала в общественной жизни, а потом уже в научной. В данное время нет четкого официального общепризнанного определения термина «моногород» (или «монопрофильное муниципальное образование»), современное понимание раскрывает широкий диапазон близких по значению категорий в научных трудах. Однако в ряде работ прослеживаются разночтения относительно критериев отнесения к моногородам. В связи с чем для дальнейшего изучения сущности моногородов и инструментов их развития считаем необходимым уточнить понятийный аппарат и устранить разноречивые мнения. На основе исследования и теоретического обобщения используемых в научной литературе понятий моногорода необходимо установить сущностные характеристики с целью уточнения определения экономической категории «моногород». Используются методы теоретического исследования: анализ и синтез, сравнение и обобщение результатов.

Возникновение первых монопрофильных поселений связано с давним периодом стремительного роста городов Руси (с XI в.), Сольвычегодск – первый монопромышленный город – появился к концу XV в., следующая волна соответствует периоду правления Петра I, а индустриализация Советского Союза стала последним крупномасштабным проектом размещения производительных сил и расселения на монопрофильных территориях. Следовательно, факт существования таких территорий известен с давних времен, однако в российский лексикон их специфическая терминология попала относительно недавно.

Минфином России была заказана исследовательская работа специалистам научно-просветительского фонда «Экспертный институт» под руководством Е.Г. Ясина, где моногород рассматривается как поселение, организации или жители которого не способны своими силами компенсировать риски внешней экономической среды, исключающие возможность устойчивого развития этого населенного пункта [14].

В исследовании под руководством И.В. Липсица ученые определяют моногорода как муниципальное образование на базе градообразующего предприятия [15].

Согласно А.Г. Гранбергу «моногород – это город, на территории которого функционирует одно градообразующее предприятие» [7, с.35].

Е.Г. Анимица в своих трудах при первом упоминании моногорода проводил параллель с моноцентричным городом и во главу угла ставил сферу занятости трудоспособного населения [3]. Далее ученый концентрируется на понятии «город-завод», отмечая существенную связь между деятельностью крупного предприятия и социально-экономическим состоянием городского поселения, на территории которого оно расположено [4, с.11].

Минрегионразвития РФ использовало в своем докладе термин «моногород» как поселение (городской округ), организации и жители которого не способны своими силами компенсировать риски внешней экономической среды, исключающие возможность устойчивого развития этого населенного пункта, как правило, имеющее градообразующее предприятие, на котором занято не менее 25 % трудоспособного населения этого населенного пункта [4, с. 10].

Е.М. Петрикова в своем исследовании считает синонимичными понятия «моногород» и «город-завод», где последнее предполагает существование теснейшей связи между функционированием городского поселения и предприятием, достаточно крупным, чтобы влиять на основные аспекты жизни города – «градообразующего предприятия» [18, с. 81].

М.А. Гуреева считает, что «моногород или монопрофильное поселение – это поселение (город, поселок), в котором настолько тесная связь между функционированием крупного (градообразующего) предприятия и экономико-социальными аспектами жизни самого поселения, что рыночные перспективы предприятия существенно влияют на судьбу этого поселения как такового» [8, с 39].

Любая поисковая система сети Интернет при запросе термина «моногород» в первую очередь ссылается на интернет-ресурс Cyclowiki, который определяет его как «населенный пункт, экономическая деятельность в ко-

тором тесно связана с единственным предприятием или группой тесно интегрированных между собой предприятий» [38].

Союз российских городов предлагает рассматривать моногорода как «поселения, в которых жизнь и благополучие людей находятся в тесной зависимости от деятельности одного предприятия либо группы предприятий, связанных единой производственной цепочкой или обслуживающих один и тот же рынок, на которых занято более четверти экономически активного населения» [39].

Кроме основного термина «моногород», который чаще встречается в разговорном и публицистическом стиле, существует многообразие альтернативных определений, присущих законодательной и научной сфере: город-завод, монопрофильный, моноотраслевой, моноспециализированный, моноцентричный, монопромышленный, монопроизводственный, моноструктурный, монофункциональный город/поселок.

Т.А. Коновалова предлагает употреблять термин «монопромышленный город», характеризуя его как особый тип города, в отраслевой структуре которого существенным образом доминирует одна отрасль либо в отдельных случаях несколько технологически сопряженных отраслей [10, с. 234].

По мнению А.Н. Масловой, монопромышленный город отличается узкоспециализированной экономической базой [13, с. 162].

И.Д. Тургель отмечает низкий уровень диверсификации отраслевой структуры производства и занятости в моноспециализированных городах [37], предлагая три формы «моноспециализации»: монофункциональный, моноотраслевой и моноцентричный город.

С точки зрения И.Д. Тургель, более универсальной является дефиниция «монофункциональный город (территория)», который характеризуется ограниченным числом внешних городских функций, низкой диверсификацией структур экономики и занятости, реализацией городских внешних функций ограниченным числом предприятий [23]. Категория «функция города» определяется взаимосвязями города с другими городами, хозяйственными объектами и местными организациями, функционирующими на городской территории. Монофункциональный город концентрирует какую-то одну отрасль хозяйства или деятельности: промышленность, транспортные услуги, оздоровительные учреждения. Некоторые города обслуживают только одно предприятие [7, с. 52].

По словам Г.П. Лаппо, монофункциональный город – это город, существующий на основе какой-либо одной функции [35].

Российские ученые в коллективном научном труде «Развитие моногородов России» под редакцией И.Н. Ильиной отмечают «монофункциональный город, содержащий ограниченное число предприятий, которые обеспечивают его существование и развитие. При этом моноспециализация может возникать и при наличии нескольких предприятий, которые формально относятся к разным отраслям, но взаимосвязаны единой производственной цепочкой или обслуживают один и тот же рынок». Кроме этого приводят значение моноцентричного города, в котором функционирует единственное предприятие [19, с. 10].

Совершенно иное толкование дает М. Вебер моноцентричному городу – это город, в котором экономическая и производственная деятельность

сконцентрирована в центральном городском узле или ядре. Городской центр (ядро) подчиняет поселения пригородных зон, превосходит их размером и экономическим потенциалом, имеет центральный транспортный узел [6, с. 337].

По утверждению ученых О.В. Терещенко [22], Е.Н. Перцика [17, с. 112], в моноотраслевом городе функционирует несколько предприятий ведущей отрасли, для которого характерно одностороннее промышленное развитие и небольшие размеры территории.

Г.А. Агранат считает зависимость города от базовой отрасли экономики ключевым элементом моноотраслевого города [1].

Кроме этого в научной литературе и источниках нормативно-правового характера встречается термин «монопрофильное поселение» [12]. Монопрофильность трактуется через доминирование одной отрасли промышленности в специализации экономической базы города. Так, в монопрофильном городе именно градообразующая организация определяет почти все социально-экономические процессы на данной территории [40].

Результаты проведенного анализа терминологии в российской практике представлены в табл. 1.

Анализ трудов ведущих зарубежных ученых в рамках исследуемого вопроса показал, что общепринятого понятия «моногород» в современных условиях не существует и в международной практике (табл. 2).

Как показал анализ различных определений дефиниции «моногород», универсального подхода выявлено не было. Авторы при формулировке термина концентрировали внимание локально, на конкретных элементах, являющихся объектом исследования у ученых или возникшей острой проблемой у представителей государственной власти. Однако все синонимы термина «моногород» содержат также первую часть слова «моно» (от греч. Μονος – один, единый, единственный [36]), что характеризует их как территорию с определенным ограничением или с зависимостью от чего-либо.

На основе проведенного анализа терминологии при изучения моногородов были выделены основные элементы, раскрывающие сущность и содержание дефиниции. В российской практике единственным субъектом, присутствующим на территории моногорода может быть:

- градообразующее предприятие;
- отрасль;
- рынок/производственная цепь;
- функция;
- промышленность.

Функционирование вышеперечисленных субъектов оказывает непосредственное влияние на местную структуру экономики, благополучие населения/социально-экономические процессы, рынок труда.

В аналогичной зарубежной терминологии особенностью является выделение не только определенной отрасли или типа промышленности/деятельности, а компании как конкретного юридического лица, которой «принадлежит город» (дословный перевод термина «companytown»).

Таким образом, формирование изучаемой дефиниции моногорода построено на следующих принципах: во-первых, наличие единственного на-

Таблица 1

**Сравнительный анализ составных (условных) частей определения «моногород»
и синонимичных ему категорий (составлено автором)**

Термин	Автор/ источник	Составные части (условные) определения моногород						
		наличие				зависимость/ влияние		
		градообразующее предприятие	отрасль	рынок/производственная цель	функция	промышленность	местная структура экономики	благополучие населения/ социально-экономические процессы
Моногород	Е.Г. Ясин						+	
	И.В. Липсиц	+						
	А.Г. Гранберг	+						
	Е.Г. Анимица	+					+	+
	А.И. Татаркин (Минрегион- развития РФ)	+					+	+
	Е.М. Петрикова	+					+	
	М.А. Гуреева	+					+	
	Союз российских городов	+		+			+	+
Suslowiki (интернет-ресурс)	+					+		
Монопромышленный город	А.Н. Маслова					+		
	Т.А. Коновалова		+			+		
Моноструктурный город	Минтруда РФ					+		
Моноспециализиро- ванный город	И.Д. Тургель	+	+					
	И.Н. Ильина			+				
Монофункциональный город	Г.П. Лаппо				+			
	И.Н. Ильина	+					+	
	И.Д. Тургель	+			+	+		+
Моноцентричный город	И.Н. Ильина	+						
	М. Вебер				+			
Моноотраслевой город	О.В. Терещенко, Е.Н. Перцик		+			+		
	Г.А. Агранат		+				+	
Монопрофильный город	Аналитическое агентство RWAY	+					+	
	Г.Ю. Кузнецова		+				+	

Таблица 2

Варианты утолщения термина «моногород» за рубежом [составлено автором по данным 20, 21, 25-34]

Термин	Содержание	Страна	Составные части (условные) определения				
			отрасль	компания	промышленность	добыча полезных ископаемых	конкретный вид деятельности
Single-Industry Town, One-Industry Town	Город, в котором промышленные предприятия принадлежат единственной отрасли; город одной отрасли; город с одной промышленностью, монопромышленный город	Канада (Эллинг-Лейк), США (Питтсбург, Смелтергаун), Великобритания (Бирмингем)	+		+		
Company Town	Город одной компании; город, в котором инфраструктура находится в собственности компании	США, Великобритания, Европа, Япония (Тойота-Сити), Индия (Джамшедпур), Австралия, Латинская Америка, Иран (Абадан)		+			
Factory Town, Mill Town	Город при промышленном предприятии; «город-завод»	США, Великобритания (Манчестер), Европа		+	+		
Mining Town, Resource Town	Город, специализирующийся на добыче полезных ископаемых; поселение, обеспечивающее деятельность шахты; поселение при добывающем предприятии	США, Австралия (Теннант-Крик), Канада (Новая Шотландия – Глейс-Бэй, Сэндон, Ферни), Норвегия		+		+	
Coal town	Город, специализирующийся на добыче угля	Канада, США (Лансфор, Хейлтон)	+			+	+
Gold-mining town	Город, где градостроительная отрасль – добыча золота	Канада (Доусон, Уайтхорс)	+			+	+
Railroad town, Railway Town	Город, с железнодорожной градостроительной отраслью	США (Атланта, Денвер), Канада	+				+
Fishing town, Fishing village	Город, в котором развивается рыбная промышленность; «рыбачий город»; рыбацкая деревня	Южная Африка (Стилбаай)			+		+
Lumber town, forestry town	Город, специализирующийся на производстве древесины, моногород лесной промышленности	Канада, США (О-Клар, Марилоза, Маскигон)			+		+
Textile town	Город, специализирующийся на текстильной промышленности	Великобритания (Бредфорд), США (Огаста), Бельгия (Дейнзе, Ронсе, Аалст, Гент)			+		+

Таблица 3

**Использование термина «моногород» (и близких по значению)
в официальных документах РФ**

Год	Термин	Документ
1996	Город с монопрофильной структурой хозяйства	Постановление Правительства РФ от 3 августа 1996 г. № 928 «О реализации Комплексной программы по созданию и сохранению рабочих мест на 1996–2000 гг.»
1997	Город с монопроизводственной структурой	Постановление Правительства РФ от 26 февраля 1997 г. № 222 «О Программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 годов»
1998	Монопромышленный город	Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 1998–1999 гг.
2001	Город с моноэкономической структурой	Постановление Минтруда РФ от 22 января 2001 г. № 11 «О мониторинге городов и других населенных пунктов с моноэкономической структурой и высоким уровнем безработицы»
2003	Отсутствует	Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»
2004	Отсутствует	Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ
2014	Монопрофильное муниципальное образование (моногород)	Постановление Правительства РФ от 29.07.2014 № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения»
		Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»

правления деятельности организаций, во-вторых, влияние результатов деятельности субъектов хозяйствования на развитие территории.

Анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации также свидетельствует о наличии многообразия определений понятия «моногород» и синонимичных ему дефиниций (табл. 3).

Тем не менее на сегодняшний день общепринятая категория отсутствует в законодательно-нормативной базе РФ, к примеру, в Градостроительном кодексе РФ (ФЗ от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ) и Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131).

Правительство РФ выбирает категорию «монопрофильное муниципальное образование» в Постановлении Правительства РФ «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения»

(от 29.07.2014 № 709), в Федеральном законе «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (от 29.12.2014 № 473-ФЗ), однако не раскрывает сущность и содержание дефиниции.

Выявление сущностных характеристик моногорода, установление его основных составляющих позволило сформировать авторскую интерпретацию понятия.

В силу отсутствия общепринятого определения в нормативно-правовой базе РФ, а также масштабности проблемы моногородов для страны и наличия разнообразных моногородов по типологическим признакам, автором предлагается более универсальный вариант определения моногорода, подходящий для всех монопрофильных муниципальных образований РФ. *Монопрофильное муниципальное образование (моногород)* – это муниципальное образование, имеющее на своей территории единственное градообразующее предприятие (отрасль/рынок/производственную цепь/функцию/промышленность), от результатов деятельности которой прямо зависит социально-экономическая ситуация в городе или поселке, в том числе рынок труда, местный бюджет и благополучие населения (уровень и качество жизни).

На основе проведенного анализа выявлены *основные признаки моногорода*:

- 1) наличие одного или нескольких предприятий единственной отрасли, рынка, технологии, производственного процесса, функции – градообразующей организации;
- 2) ограниченное число внешних функций;
- 3) обслуживание местного рынка оставшимися организациями;
- 4) низкая диверсификация структуры экономики населенного пункта;
- 5) зависимость муниципального бюджета от деятельности градообразующего предприятия;
- 6) географическая удаленность от альтернативных рынков занятости;
- 7) сложные климатические условия;
- 8) низкая диверсификация сфер занятости населения;
- 9) отсутствие развитой инфраструктуры;
- 10) зависимость социально-экономической ситуации поселения от результатов деятельности градообразующего предприятия;
- 11) отсутствие способности компенсировать риски внешней экономической среды внутренними силами территории.

Наличие конкретных количественных критериев отнесения территории к монопрофильным муниципальным образованиям при формировании перечня моногородов вносит ряд проблем. Во-первых, появляются территории «почти» моногорода, которые полностью обладают вышеприведенными признаками, но не попадают в перечень, следовательно, не имеют права пользоваться инструментами поддержки моногородов. Во-вторых, некоторые территории вовсе исключили из списка моногородов («бывшие» моногорода), первоочередно получившие удар от монопрофильной зависимости территории, пережившие без какой-либо господдержки банкротство градообразующего предприятия и другие острые социальные проблемы во время разработки нормативно-правовой базы, а в результате

пересмотра перечня поселение уже не подходило под утвержденные критерии. Формирование универсальной дефиниции «моногород» может послужить основой расширения перечня моногородов с целью работы на опережение риска, контроля и поддержки нуждающихся территорий, имеющих какие-либо признаки монопрофильной территории.

Литература

1. *Агранат Г.А.* Возможности и реальности освоения Севера: Глобальные уроки. М.: ВИНТИ, 1992. 162 с.
2. *Алаев Э.Б.* Эффективность комплексного развития экономического района. М.: Наука, 1965. С. 112.
3. *Анимица Е.Г., Медведева И.А., Сухих В.А.* Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследования: Монография / Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург, 2003.
4. *Анимица Е.Г., Бочко В.С., Пешина Э.В., Анимица П.Е.* Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / под ред. А.И. Татаркина, М.В. Федорова. Екатеринбург: УрГЭУ, 2010. 81 с.
5. *Бандман М.К., Ларина Н.И., Черевикова М.Ю. и др.* Территориально-производственные комплексы: планирование и управление / отв. ред. А.Г. Аганбегян; ИЭОПП СО АН СССР. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 246 с.
6. *Вебер М.* История хозяйства. Город / пер. с нем.; под ред. И. Гревса; коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 576 с.
7. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 495 с.
8. *Гуреева М.А.* Экономические проблемы моногородов в условиях мирового финансового кризиса // Вестник Российского Нового университета. 2011. С. 37–45.
9. *Колосовский Н.Н.* Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. С. 142–143.
10. *Коновалова Т.А.* Монопромышленные города стратегического значения: типы и особенности функционирования // Молодой ученый. 2013. № 3. С. 234–239.
11. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Е.Г. Анимица (рук. авт. колл.), В.С. Бочко, Э.В. Пешина, П.Е. Анимица; под науч. ред. А.И. Татаркина, М.В. Федорова; Урал. гос. экон. ун-т, Ин-т экономики УрО РАН. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.
12. *Кузнецова Г.Ю.* Географическое исследование монопрофильных поселений России: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2003. 260 с.
13. *Маслова А.Н.* Экономическая база монопромышленных городов: особенности, конкурентоспособность, потенциал // Международная Интернет-конференция «Актуальные вопросы современной науки»: Сборник научных трудов. М.: Издательство «Спутник+», 2008. С. 160–164.
14. Монопрофильные города и градообразующие предприятия / Проект Экспертного института. М.: Изд-во Информационного пресс-центра «Экспертиза», 1999. С. 48.
15. Монопрофильные города и градообразующие предприятия: база данных о градообразующих предприятиях и моногородах России / под ред. канд. экон. наук И.В. Липсица. М.: Издательский дом Хроникер, 2000. С. 254–262.
16. Общая методика разработки Генеральной схемы развития и размещения производительных сил СССР на 1971–1980 гг. М.: Экономика, 1966. 83 с.
17. *Перцик Е.Н.* География городов (геоурбанистика). М., 1991. 319 с.
18. *Петрикова Е.М.* Комплексная инвестиционная программа моногорода // Территория и планирование. 2011. № 2 (32). С. 80–89.
19. Развитие моногородов России: монография / колл. авт. под ред. д-ра экон. наук, проф. И.Н. Ильиной. М.: Финансовый университет, 2013. 168 с.

20. *Растворцева С.Н., Манаева И.В.* Социально-экономическое развитие моногородов Центрально-Черноземного района России: проблемы и пути решения: Монография. М.: Экон-информ, 2013. 140 с.
21. *Саушкин Ю.Г.* Комплексное развитие народного хозяйства СССР М., 1966.
22. *Терещенко О.В.* Потенциал городов (Методы стратегического изучения). Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 176 с.
23. *Тургель И.Д.* Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург: Российская акад. гос. Службы при Президенте Российской Федерации, Уральская акад. гос. службы, 2010. 519 с.
24. *Шарыгин М.Д.* Дробное экономическое районирование и локальные территориально-производственные комплексы: курс лекций. Пермь, 1975.
25. *Barry Levy.* Town born: the political economy of New England from its founding to the Revolution. 2009. 354 p.
26. *Carlson L.* Company Towns of the Pacific Northwest. University of Washington Press, 2003. 286 p.
27. Crabb Tony Company town syndrome Australian CPA // ProquestAbl. 2002. № 8. 28 p.
28. *Dale B.* An institutional approach to local restructuring – the case of four Norwegian mining towns European Urban and Regional Studies. 2002. 9 (1). P. 5–20.
29. *Ehsani K.* Social engineering and the contradictions of modernization in Khuzestan's company towns: a look at Abadan and Masjed-Soleyman, International Review of Social History. 2003. № 3. P. 361–399.
30. *John S. Garner* The Company Town: Architecture and Society in the Early Industrial Age. 1992. 245 p.
31. *Leadbeater D.* Mining towns and the new Hinterland crisis, Canadian Dimension, Dimension Publications Inc. 2004. № 5. P. 41–44.
32. *Mary Louise McAllister.* Governing ourselves?: the politics of Canadian communities. 2004. 333 p.
33. *Nel E.L., Christian M.R.* Local economic development in the developing world: the experience of Southern Africa. 2005. 352 p.
34. *Oliver J. Dinius, Angela Vergara.* Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-Class Communities. 2011. 236 p.
35. *Ланно Г.П.* Закрытые города. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xserver.ru/user/zakrg/> (дата обращения: 08.02.2019).
36. Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935–1940. [Электронный ресурс] Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/863030> (дата обращения: 04.04.2018).
37. *Тургель И.Д.* Феномен городской моноспециализации: содержание, генезис, тенденции развития // Чиновник. 2003. № 1 (23). [Электронный ресурс]. URL: <http://chinovnik.uara.ru/ru/issue/2003/01/04/> (дата обращения: 04.01.2019).
38. Интернет-ресурс Cyclopedia. URL: <http://cyclopedia.org/wiki/Моногород> (дата обращения: 15.08.2017).
39. Официальный сайт Союза российских городов. URL: <http://urc.ru/index.php?page=35> (дата обращения: 28.04.2016).
40. Сайт аналитического агентства RWAY Россия. URL: <http://rway.ru/russia/articles/39/> (дата обращения: 25.03.2017).

Bibliography

1. *Agranat G.A.* Vozmozhnosti i real'nosti osvoenija Severa: Global'nye uroki. М.: VINITI, 1992. 162 p.
2. *Alaev Je.B.* Jefferktivnost' kompleksnogo razvitija jekonomicheskogo rajona. М.: Nauka, 1965. P. 112.
3. *Animica E.G., Medvedeva I.A., Suhih V.A.* Malye i srednie goroda: nauchno-teoreticheskie aspekty issledovanija: Monografija / Ural.gos. jekon. un-t. Ekaterinburg, 2003.

4. *Animica E.G., Bochko V.S., Peshina Je.V., Animica P.E.* Konceptual'nye podhody k razrabotke strategii razvitija monopro-fil'nogo goroda / pod red. A.I. Tatarkina, M.V. Fedorova. Ekaterinburg: UrGJeU, 2010. 81 p.
5. *Bandman M.K., Larina N.I., Cherevikina M.Ju. i dr.* Territorial'no-proizvodstvennye komplekсы: planirovanie i upravlenie / otv. red. A.G. Aganbe-gjan; IJeOPP SO AN SSSR. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1984. 246 p.
6. *Veber M.* Istorija hozjajstva. Gorod / per. s nem.; pod red. I. Grevsa; komment. N. Sarkitova, G. Kuchkova. M.: «KANON-press-C», «Kuchkovo pole», 2001. 576 p.
7. *Granberg A.G.* Osnovy regional'noj jekonomiki. M.: GU VShJe, 2001. 495 p.
8. *Gureeva M.A.* Jekonomicheskie problemy monogorodov v uslovijah mirovogo finansovogo krizisa // Vestnik Rossijskogo Novogo universiteta. 2011. P. 37–45.
9. *Kolosovskij N.N.* Teorija jekonomicheskogo rajonirovanija. M.: Mysl', 1969. P. 142–143.
10. *Konovalova T.A.* Monopromyshlennye goroda strategicheskogo znachenija: tipy i osobennosti funkcionirovanija // Molodoj uchenyj. 2013. № 3. P. 234–239.
11. Konceptual'nye podhody k razrabotke strategii razvitija monoprofil'nogo goroda / E.G. Animica (ruk. avt. koll.), V.S. Bochko, Je.V. Peshina, P.E. Animica; pod nauch. red. A.I. Tatarkina, M.V. Fjodorova; Ural. gos. jekon. un-t, In-t jekonomiki UrO RAN. Ekaterinburg: Izd-vo UrGJeU, 2010. 81 p.
12. *Kuznecova G.Ju.* Geograficheskoe issledovanie monoprofil'nyh poselenij Rossii: dis. ... kand. geogr. nauk: 25.00.24. M., 2003. 260 p.
13. *Maslova A.N.* Jekonomicheskaja baza monopromyshlennyh gorodov: osobennosti, konkurentosposobnost', potencial // Mezhdunarodnaja Internet-konferencija «Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki»: Sbornik nauchnyh trudov. M.: Izdatel'stvo «Sputnik+», 2008. P. 160–164.
14. Monoprofil'nye goroda i gradoobrazujushhie predpriyatija / Proekt Jekspertnogo instituta. M.: Izd-vo Informacionnogo press-centra «Jekspertiza», 1999. P. 48.
15. Monoprofil'nye goroda i gradoobrazujushhie predpriyatija: baza dannyh o gradoobrazujushhij predpriyatijah i monogorodah Rossii / pod red. kand. jekon. nauk I.V. Lipsica. M.: Izdatel'skij dom Hroniker, 2000. P. 254–262.
16. Obshhaja metodika razrabotki General'noj shemy razvitija i razmeshhenija proizvoditel'nyh sil SSSR na 1971–1980 gg. M.: Jekonomika, 1966. 83 p.
17. *Percik E.N.* Geografija gorodov (geourbanistika). M., 1991. 319 p.
18. *Petrikova E.M.* Kompleksnaja investicionnaja programma monogoroda // Territorija i planirovanie. 2011. № 2 (32). P. 80–89.
19. Razvitie monogorodov Rossii: monografija / koll. avt. pod red. d-ra jekon. nauk, prof. I.N. Il'inoj. M.: Finansovyj universitet, 2013. 168 p.
20. *Rasvorceva S.N., Manaeva I.V.* Social'no-jekonomicheskoe razvitie monogorodov Central'no-Chernozemnogo rajona Rossii: problemy i puti reshenija: Monografija. M.: Jekon-inform, 2013. 140 p.
21. *Saushkin Ju.G.* Kompleksnoe razvitie narodnogo hozjajstva SSSR. M., 1966.
22. *Tereshhenko O.V.* Potencial gorodov (Metody strategicheskogo izuchenija). Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1991. 176 p.
23. *Turgel' I.D.* Monofunktional'nye goroda Rossii: ot vyzhivaniya k ustojchivomu razvitiyu. Ekaterinburg: Rossijskaja akad. gos. Sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii, Ural'skaja akad. gos. sluzhby, 2010. 519 p.
24. *Sharygin M.D.* Drobnoe jekonomicheskoe rajonirovanie i lokal'nye territorial'no-proizvodstvennye komplekсы: kurs lekcij. Perm', 1975.
25. *Barry Levy.* Town born: the political economy of New England from its founding to the Revolution. 2009. 354 p.
26. *Carlson L.* Company Towns of the Pacific Northwest. University of Washington Press, 2003. 286 p.
27. Crabb Tony Company town syndrome Australian CPA // ProquestAbl. 2002. № 8. 28 p.
28. *Dale B.* An institutional approach to local restructuring – the case of four Norwegian mining towns European Urban and Regional Studies. 2002. 9 (1). P. 5–20.

29. *Ehsani K.* Social engineering and the contradictions of modernization in Khuzestan's company towns: a look at Abadan and Masjed-Soleyman, *International Review of Social History*. 2003. № 3. P. 361–399.
30. *John S. Garner* *The Company Town: Architecture and Society in the Early Industrial Age*. 1992. 245 p.
31. *Leadbeater D.* Mining towns and the new Hinterland crisis, *Canadian Dimension*, Dimension Publications Inc. 2004. № 5. P. 41–44.
32. *Mary Louise McAllister.* *Governing ourselves?: the politics of Canadian communities*. 2004. 333 p.
33. *Nel E.L., Christian M.R.* *Local economic development in the developing world: the experience of Southern Africa*. 2005. 352 p.
34. *Oliver J. Dinius, Angela Vergara.* *Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-Class Communities*. 2011. 236 p.
35. *Lappo G.P.* *Zakrytie goroda*. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.xserver.ru/user/zakrg/> (data obrashhenija: 08.02.2019).
36. *Tolkovyj slovar' Ushakova. D.N. Ushakov. 1935–1940.* [Elektronnyj resurs] Akademik. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/863030> (data obrashhenija: 04.04.2018).
37. *Turgel' I.D.* Fenomen gorodskoj monospecializacii: sodержanie, genezis, tendencii razvitiija // *Chinovnik*. 2003. № 1 (23). [Elektronnyj resurs]. URL: <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2003/01/04/> (data obrashhenija: 04.01.2019).
38. Internet-resurs *Cyclowiki*. URL: <http://cyclowiki.org/wiki/Monogorod> (data obrashhenija: 15.08.2017).
39. Oficial'nyj sajt Sojuza rossijskih gorodov. URL: <http://urc.ru/index.php?page=35> (data obrashhenija: 28.04.2016).
40. Sajt analiticheskogo agentstva RWAY Rossija. URL: <http://rway.ru/russia/articles/39/> (data obrashhenija: 25.03.2017).

УДК 338.48 –53:001895

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ПЛАНИРОВОЧНЫХ
РЕШЕНИЙ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
С УЧЕТОМ ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ****Рындач М.А.**

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского
федерального университета им. В.И. Вернадского
E-mail: rindach@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы нормативно-правовых документов, регламентирующих проектирование пространственно-планировочных решений в сфере туризма и рекреации. Рассмотрены виды и функциональные критерии различных территорий. Особое внимание в статье уделяется композиционной комплементарности и эстетичности архитектурно-планировочных решений на урбанизированных территориях. При формировании рекреационных учреждений и территорий должны учитываться требования к формированию доступной среды, которая создает возможность путешествовать и отдыхать людям с ограниченными возможностями. Этому аспекту уделяется особое внимание как при создании новых современных туристско-рекреационных комплексов, маршрутов, так и для объектов кратковременного, ежедневного отдыха.

Ключевые слова: проектирование, рекреация, пространственно-планировочные решения, социальный туризм, доступная среда.

**DESIGN OF THE SPATIAL AND PLANNING DECISIONS
OF TOURISM AND RECREATION ACTIVITIES ADJUSTED
FOR ACCESSIBLE ENVIRONMENT****Ryndach M.A.**

Humanitarian and Pedagogical Academy (branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University
E-mail: rindach@mail.ru

The article considers the issues of the normative legal documents regulating the design of the spatial and planning decisions in the field of tourism and recreation. The types and functional criteria of various territories were considered. Special attention is given to composition complementarity and aesthetics of architectural and planning decisions at urbanized territories. When forming recreation formations and territories it is necessary to consider the requirements to formation of the accessible environment which creates an opportunity to travel and rest for disabled people. Special attention is given to this aspect when creating not only new modern touristic and recreational complexes and routes but also brief and daily rest facilities.

Keywords: design, recreation, spatial and planning decisions, social tourism, accessible environment.

Проектирование в сфере туризма приобретает все большее значение и популярность. В зависимости от временных циклов туристско-рекреационная деятельность зачастую концентрируется вокруг городов, в так называемой буферной зоне, и в самих городах. Это особенно важно для ежедневной и еженедельной рекреации. В современных условиях урбанизированных

территорий наблюдается хаотичность и определенная безвкусица при проектировании в градостроительных сооружениях, что повлияло и на проектирование в сфере туризма. Зачастую пространственно-планировочные решения в туристско-рекреационной деятельности нарушают существующие правила и нормы застройки как в городах, так и в сельских поселениях.

Основными нормативными документами для проектирования пространственно-планировочной среды туристско-рекреационной деятельности являются Правила землепользования и застройки территорий сельских и городских поселений, Градостроительный регламент РФ, Земельный кодекс, СНиП РК 3.01-01–2008 «Градостроительство Планировка и застройка городских и сельских населенных пунктов», СНиП 2.07.01–89 «Градостроительство. планировка и застройка городских и сельских поселений», СП (строительные правила) 42.13330.2011, которые являются обновленной редакцией СНиП 2.07.01–89. Проектирование пространственно-планировочной среды в городских поселениях основано на Правилах землепользования и застройки (ПЗЗ) территорий сельских и городских поселений. Правила точно определяют возможность использования земельных участков в отличие от генерального плана территорий. Основная цель правил землепользования и застройки – систематизировать решение вопросов разрешенного использования земельных участков в отношении юридической (правовой) корректировки градостроительных регламентов.

В соответствии со статьей 36 Градостроительного кодекса РФ Градостроительным регламентом определяется правовой режим земельных участков, равно как всего, что находится над и под поверхностью земельных участков и используется в процессе их застройки и последующей эксплуатации объектов капитального строительства.

По Земельному кодексу РФ существует 7 видов целевого назначения (категорий) земельных объектов: земли сельскохозяйственного назначения, земли населенных пунктов, земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения, земли особо охраняемых территорий и объектов, земли лесного фонда, земли водного фонда, земли запаса [4].

Согласно Земельному кодексу РФ участки в составе категории «земли населенных пунктов» могут быть отнесены к следующим зонам: жилым, общественно-деловым, производственным, инженерных и транспортных структур, рекреационным, сельскохозяйственного использования, специального назначения, военным объектам, иным территориальным зонам [4].

Архитектурно-планировочные решения в сфере туризма должны быть эстетичными, оригинальными, также нести четко разработанные и спланированные функциональные решения.

Планировочная организация территории рекреационной зоны определяется функциональными и архитектурно-строительными критериями.

Функциональные критерии направлены на отдых и восстановление жизненных сил, психологического и физического здоровья людей. Функциональные критерии архитектурно-планировочных решений в сфере туризма имеют несколько направлений – рекреационное, культурно-историческое, этническое, аттракционное, экологическое, спортивное. Эти направления

могут иметь самостоятельную реализацию, а также быть комбинированными. Именно комбинированные решения в большей степени отвечают современным потребностям в сфере туристско-рекреационной деятельности. Так, например, спортивный комплекс должен сочетать в себе как спортивную направленность, так и экологическую, рекреационную, также интересное архитектурное решение, что может повлиять на сохранение или обновление культурно-исторического аспекта выбранной территории застройки.

Функциональные критерии определяют типологию застройки (полифункциональная или монофункциональная); количество и виды подзон территории застройки. Функциональные критерии учитывают:

- территорию основной застройки;
- подзону центра обслуживания;
- подзону лечебно-оздоровительного центра;
- территорию оздоровительных и спортивных сооружений.

Состав, архитектурно-планировочное решение рекреационной зоны зависит от градостроительных условий ее размещения:

- в составе рекреационного района;
- автономное размещение (например, в буферной зоне урбанизированных поселений);
- в спальной зоне промышленного города;
- в спальной зоне малых городов;
- в историческом центре города;
- в деловом центре промышленного города;
- в производственной зоне промышленного города;
- в зоне сельских поселений;
- в природных зонах с различными климатическими условиями.

По *архитектурно-строительным критериям* все рекреационные зоны можно разделить на территории застройки и территории природного рекреационного ландшафта [3, с. 180].

Городские и сельские населенные пункты в зависимости от проектной численности населения на расчетный срок подразделяются на группы в соответствии с табл. 1.

Согласно СНиП 2.07.01–89 «Градостроительство, планировка и застройка городских и сельских поселений» с учетом преимущественного функционального использования территория города подразделяется на селитебную, производственную и ландшафтно-рекреационную.

Селитебная территория предназначена для жилищного строительства, общественных зданий и сооружений, инфраструктурного обеспечения городов, в том числе устройства путей внутригородского сообщения, улиц, площадей, парков, садов, бульваров и других мест общего пользования.

Производственная территория предназначена для размещения заводов и фабрик, а также связанных с ними инфраструктурных сооружений, научных организаций с их опытно-производственными базами, коммунально-складских объектов, транспортных сооружений, внегородского и пригородного путей сообщений.

Ландшафтно-рекреационная территория включает леса, лесопарки, лесозащитные зоны, различные водоемы, земли сельскохозяйственного назначения, которые совместно с рекреационными зонами, размещаемыми

Таблица 1

Группы населенных пунктов в соответствии с их численностью

Группы населенных пунктов	Население, тыс. чел.
Города	
Крупнейшие, в том числе города республиканского значения	Свыше 1000
Крупные, в том числе города областного значения	От 500 до 1000
	От 250 до 500
Большие, в том числе города областного значения	От 100 до 250
Средние, в том числе города областного значения	От 50 до 100
Малые*, в том числе города районного значения	От 20 до 50
	От 10 до 20
	Меньше 10
Сельские населенные пункты	
Крупные (поселки)	Свыше 3
Большие (расположены в местности, имеющей лечебное значение)	От 1 до 3
Средние	От 0,2 до 1
Малые (аул, село, крестьянские и иные поселения)	Меньше 0,2

* В группу малых городов включаются поселки, находящиеся на территории их административной подчиненности.

на селитебной территории, такими как парковые зоны, скверы и прогулочные аллеи, сады и бульвары, формируют систему рекреационных зеленых пространств.

В пределах этих территорий выделяются зоны различного функционального назначения: промышленные зоны, зоны жилой застройки, научные и социально-общественные центры, промышленные, научно-производственные, коммунально-складские, транспортные предприятия, территории массового отдыха, курортные (в городах и поселках, имеющих лечебные ресурсы), охраняемые ландшафты [5, п. 4.1].

При выделении вышеуказанных функциональных территорий необходимо формировать пространственно-планировочную среду города так, чтобы город был узнаваем, чтобы имел свой почерк, свою неповторимую идентичность, колорит. Например, достаточно одной фотографии, чтобы узнать Париж, Барселону, Санкт Петербург, Суздаль, Новгород, Ялту, Севастополь. Именно архитектурные решения и создание рекреационных территорий позволили городам значительно преобразиться, приобрести неповторимый облик. В этом отношении следует вспомнить Сингапур с его современной высотной архитектурой. В Майами (Флорида) были использованы методы арт-декора с геометрическими узорами и пастельным решением цвета. В результате получился оригинальный дизайн, созвучный с природой и туристской тематикой города. В архитектуре Барселоны (Испания) великий А. Гауди отобразил в бетоне и керамике природные обтекаемые линии и неповторимые пространственно-планировочные решения. Дубай (Арабские Эмираты) преобразился буквально за 10 лет, в значительной мере благодаря инновационным решениям талантливых современных архитекторов, таких как З. Хадид и Р. Комхас.

Анализ теоретических исследований и практического опыта российского и зарубежного градостроительства по пространственно-планировочной организации зон отдыха и туризма в городской и пригородной зоне крупного города показал, что наиболее приемлем вариант секторный, т.е. включение рекреационных сегментов в территории промышленной и селитебной зон.

Следует выделить основные принципы проектирования пространственно-планировочной среды туристско-рекреационной деятельности:

– принцип зонирования городской территории – заключается в делении на зоны по функциональному назначению: селитебную, производственную и ландшафтно-рекреационную;

– принцип сбалансированности – организационно-планировочные решения урбанизированных территорий должны быть сбалансированы с естественной динамикой развития природного ландшафта, жилищного и производственного развития;

– принцип комплексности – принцип увязки различных видов туристско-рекреационной деятельности с различными направлениями деятельности общества: экономической, политической, социальной, экологической и т.д.;

– принцип развития – совершенствования пространственно-планировочных решений туристско-рекреационной деятельности в направлении достижения целей развития и преобразования городских территорий;

– принцип устойчивого экологического развития – приверженность целям развития городских поселений и целям сохранения и улучшения состояния экологической среды;

– принцип эластичности – гибкий подход к пространственно-планировочным решениям городских территорий, учитывая задачи развития туристско-рекреационной деятельности, удовлетворение потребностей туристов и местных жителей в инновационных решениях;

– принцип взаимодействия – принцип направлен на функциональную совместимость и эстетическое восприятие природных ландшафтов, архитектурных сооружений и рекреационных образований.

Рекреационные образования представляют собой функциональную совокупность рекреационной природной и урбанизированной среды, с включенными территориями для различных видов рекреации по фактору времени и пространства. Это может быть как кратковременный отдых (ежедневной, week end), так и долговременный (отпуск, каникулы). Рекреационная среда является результатом взаимодействия трех взаимодополняющих факторов: рекреационных ресурсов, рекреационных образований, рекреационной деятельности.

Для проектирования пространственно-планировочных решений туристской деятельности на различных территориях необходимо проанализировать рекреационные ресурсы города и его пригородных территорий.

Рекреационные ресурсы создают благоприятные возможности для различных видов отдыха и рекреации. Рекреационную деятельность можно подразделить на отдых, лечение, оздоровление, туризм, физическую рекреацию. Каждое из этих направлений требует инклюзивного подхода с учетом окружающей среды и потребностей людей, живущих в городах и сельской местности.

Следует отметить большую важность наличия тех или иных туристских ресурсов, которые создают профиль определенного ландшафта и основу для туристско-рекреационной деятельности. Условия развития городских территорий, экономические, инфраструктурные и технические факторы развития ландшафта и охраны природы создают базу для конкретного вида туристско-рекреационной деятельности, способствуют его преобразованию, освоению и развитию, формируются в различные планировочные структуры.

Следует рассмотреть виды планировочных структур. Планировочные структуры могут быть:

- зональными – пространственное сосредоточение туристских ресурсов;
- точечными – планировочные центры, населенные пункты, выполняющие роль туристских центров, крупные туристские комплексы;
- линейными – планировочные оси (ландшафтно-маршрутные коридоры или трассы туризма, включающие дороги, прилегающие ландшафты, зоны отдыха, речные долины, побережья морей, озер, водохранилищ) [3, с. 152].

Можно выделить следующие виды рекреационных систем:

1) урбанизованные – расположены в крупных центрах и обеспечивают ежедневную рекреацию (жилища, сады, парки, улицы);

2) рекреационно урбанизованные – расположены в зоне влияния крупного города, обеспечивающие еженедельный кратковременный и длительный загородный отдых;

3) неурбанизованные – расположены вне зоны активного влияния городов, обеспечивающие реализацию длительного отдыха.

Развитая инфраструктура, наличие водоснабжения, канализации, энергоснабжения, дорожно-транспортной сети являются одним из критериев уровня освоенности и степени подготовленности территории к полноценному рекреационному использованию.

Тенденцией конца прошлого века является соединение рекреационных и урбанизованных систем. Примером является Большая Ялта, Большая Алушта.

Такие системы исключают поляризацию городской и природной среды, естественно переходя от систем поляризованного ландшафта к экополисам в системах расселения [3, с. 157]. Современной тенденцией является увеличение нагрузки в городских территориях, наличие транспортных проблем. Перегруженность на работе и нехватка времени на отдых. Современная тенденция носит локальный, точечный характер и зачастую имеет во многом коммерческую направленность, располагаясь в торговых центрах. Это печальная тенденция, которая может быть преодолена, если городские власти будут заказывать и принимать такие генеральные планы, в которых найдется место реконструкции и созданию новых скверов, парков, дворцов спорта, дворцов юношеского и детского творчества, а детские спортивные секции уйдут из приспособленных подвалов и непригодных помещений.

Туристско-рекреационная деятельность должна удовлетворять потребности человека, такие как питание, сон, отдых, рекреация, оздоровление, приобретение различных навыков (например, освоения народных ремесел), общение, повышение культурного уровня, познание. Одним из основных ресурсов туристско-рекреационной деятельности являются памятники

истории, культуры и искусства, без которых невозможно создать объекты показа в сфере туризма. Сохранение стилевых решений в планах развития городов, включающих разнообразные памятники истории, культуры, архитектуры, может быть основано на традиционной культуре, а также быть эклектикой стилей. Этот выбор зависит от генерального плана города, в котором должно отражаться веление времени и наследие прошлых лет, сохранение уникальных ландшафтов, памятников истории, искусства, культуры, архитектуры.

Наиболее яркими примерами туристско-рекреационного планирования является Суздаль, Ростов Великий, Новгород, Светлогорск (Россия), Мцхета (Грузия), Таллин (Эстония), Стокгольм (Швеция). Проектирование пространственно-планировочной среды туристско-рекреационной деятельности включает сохранение аутентичности «старого города» как туристского центра, памятников искусства и культуры и объектов обслуживания. К объектам обслуживания в данном контексте можно отнести средства размещения, объекты питания, сувенирные и ремесленные ряды, музеи, концертные залы, театры и транспортное обеспечение.

Для реализации принципа развития пространственно-планировочной среды необходимо проводить анализ планировочной структуры всех функциональных зон городских поселений с целью выявления проблем и их последующей корректировки в перспективном генеральном плане города с учетом изменения социально-экономических, экологических и технических условий.

При проектировании пространственно-планировочной среды туристско-рекреационной зоны как на территории города, так и в буферной зоне целесообразно сочетать разные виды отдыха и туризма, рассчитанные на различные виды рекреационного времени.

Выделяют следующие виды рекреационного времени:

- инклюзивное (в течение рабочего дня) 4 % рекреационного времени за жизненный цикл человека,
- ежедневное (после работы) 40 %,
- уик-энд (в конце рабочей недели) 34,8 %,
- отпускное 8 %,
- пенсионное 13,2 % [2].

Учитывая такие виды рекреационного времени, следует включать в архитектурно-планировочные решения урбанизированных территорий разнообразные объекты рекреационной деятельности для удовлетворения людей в рекреации. Такой подход обеспечит интерес различных групп населения, местных жителей и туристов, повысит конкурентоспособность города как центра туризма, а также даст возможность жителям полноценно использовать свободное время для восстановления жизненных сил, укрепления физического и психического здоровья.

Рассмотрим основные нормы и правила проектирования пространственно-планировочной среды города, относящиеся к организации туристско-рекреационной деятельности.

Согласно СНиП 2.07.01–89:4 «Ландшафтная рекреационная территория» в городах и сельских поселениях необходимо предусматривать, как правило, непрерывную систему озелененных территорий и других откры-

тых пространств. Удельный вес озелененных территорий различного назначения в пределах застройки городов (уровень озелененности территории застройки) должен быть не менее 40 %, а в границах территории жилого района не менее 25 % (включая суммарную площадь озелененной территории микрорайона). Это принесет в «спальные» районы как архитектурную привлекательность, так и функциональную значимость в реализации рекреационных потребностей.

В крупнейших, крупных и больших городах существующие массивы городских лесов следует преобразовывать в городские лесопарки и относить их дополнительно к указанным в табл. 2 озелененным территориям общего пользования исходя из расчета не более 5 м²/чел. [5, п. 4.1].

Таблица 2

Нормы площади озелененных территорий [5, п. 4.1]

Озелененные территории общего пользования	Площадь озеленения территорий, м ² /чел.			
	Крупнейших, крупных и больших городов	Средних городов	Малых городов	Сельских поселений
Общегородские	10	7	8	12
Жилых районов	6	6	–	–

Пространственно-планировочные решения могут затрагивать территории не только одного, но и нескольких муниципальных образований и охватывать несколько видов туристско-рекреационной деятельности. В то же время на территории одного муниципального образования могут располагаться несколько туристско-рекреационных зон разных видов.

При проектировании пространственно-планировочных решений и развитии туристско-рекреационной деятельности учитывается рекреационная емкость природных ландшафтов. Сохранение и развитие природных ландшафтов, увеличение площади озелененных территорий является важной задачей при проектировании туристской и рекреационной деятельности.

В средних, малых городах и сельских поселениях, расположенных в окружении лесов, в прибрежных зонах крупных рек и водоемов, площадь озелененных территорий общего пользования допускается уменьшать, но не более чем на 20 % [5, п. 4.2].

В структуре озеленения территорий общего пользования крупные парки и лесопарки шириной 0,5 км и более должны составлять не менее 10 % от общей площади территории. Время доступности городских парков должно быть не более 20 мин, а парков планировочных районов – не более 15 мин.

При проектировании озелененных территорий надо исходить из того, что расчетное число единовременных посетителей территории парков, лесопарков, лесов, зеленых зон принимается не более: для городских парков 100 чел./га; для парков зон отдыха 70 чел./га; для парков курортов 50 чел./га; для лесопарков (лугопарков, гидропарков) 10 чел./га; для лесов 1–3 чел./га [5, п. 4.4].

Важным элементом проектирования пространственно-планировочных решений в городах являются элементы специализированной туристской инфраструктуры, к которым относятся детские, спортивные, зоологиче-

ские, выставочные парки, ботанические сады, детские площадки, спортивные сооружения и др., обеспечивающие развитость туристско-рекреационной деятельности.

В крупнейших, крупных и больших городах наряду с парками городского и районного значения необходимо предусматривать специализированные – детские, спортивные, выставочные, зоологические и др., ботанические сады, размеры которых следует принимать по заданию на проектирование. Ориентировочные размеры детских парков допускается принимать из расчета 0,5 м²/чел., включая площадки и спортивные сооружения. При размещении парков и садов следует максимально сохранять участки с существующими насаждениями и водоемами. Современная тенденция хаотичности возникновения детских парков и площадок приводит к тому, что они часто располагаются вблизи транспортных коммуникаций. В результате, увеличивая количество рекреационных объектов, забывается об их качестве и нарушается принцип экологичности.

Площадь территории парков, садов и скверов принимается не менее: городских парков – 15 га, парков планировочных районов – 10 га, садов жилых районов – 3 га, скверов – 0,5 га: для условий реконструкции площадь скверов может быть меньших размеров. В общем балансе территории парков и садов площадь озелененных территорий следует принимать не менее 70 % [5, п. 4.4, 4.5].

Природные и культурные ландшафты часто являются главными факторами привлечения туристов в места отдыха. Однако следует учитывать, что способность к сохранению и самовосстановлению природных комплексов рекреационных местностей прежде всего связана с допустимыми нормами антропогенных нагрузок. Главной формой рекреационного оборудования леса должны быть пешеходные дорожки. Представляется целесообразным при планировании размещения учреждений отдыха, кемпингов, дорожно-тропиночной сети проводить исследование почв на устойчивость. Все массовые и шумовые формы рекреации необходимо вынести за пределы леса [2, с. 91].

На бульварах и пешеходных аллеях следует предусматривать площадки для кратковременного отдыха. Ширину бульваров с одной продольной пешеходной аллеей следует принимать не менее размещаемых: по оси улиц 18 м, с одной стороны улицы между проезжей частью и застройкой 10 м.

Озелененные территории общего пользования должны быть благоустроены и оборудованы малыми архитектурными формами: фонтанами и бассейнами, лестницами, пандусами, подпорными стенками, беседками, светильниками и др. Число светильников следует определять по нормам освещенности территорий [5, п. 4.9, 4.10].

Важное значение в пространственно-планировочном проектировании в муниципальных образованиях имеет место размещение зон массового кратковременного отдыха. В структуре рекреационного времени этот вид отдыха занимает значительную часть времени и доходит до 40 %, или более 200 тыс. ч. К местам кратковременного отдыха относятся скверы, фонтаны, площади с развитой инфраструктурой, живописными куртинами из зеленых насаждений, оригинальными скульптурными композициями и пр.

Важное значение сейчас уделяется доступности рекреационных территорий для всех категорий жителей. Доступность, прежде всего, определяется возможностью отдыха для людей с ограниченными возможностями. Все больше муниципальных образований уделяет этому вопросу значения. Хорошим примером в плане доступности городской среды являются такие города, как Сочи и Саки. Пандусы, сглаженные тротуарные парапеты, поручни, низкие ступеньки. Звуковые сигналы и другие необходимые приспособления для удобства людей с ограниченными возможностями не внесут диссонанса в планировочные решения городских территорий, а только украсят их как физически, так и нравственно.

Право на отдых закреплено в Основном Законе Конституции РФ, в статье 37. Так как Россия является государством, поддерживающим социальную политику, необходимо отметить то, что данная политика, как правило, имеет определение деятельности государства, направленной на удовлетворение социальных нужд населения. Данная политика позиционируется как способ обеспечения лучшей жизни населения, а также она должна способствовать достижению согласия в обществе.

В статье 37 Конституции Российской Федерации указывается то, что каждый гражданин имеет право на отдых, в том числе наиболее незащищенные слои населения, которые пользуются поддержкой государства и различных фондов для путешествий, восстановления здоровья и рекреации. Такие путешествия относятся к социальному туризму. Наше государство имеет целевую программу на Федеральном уровне «Доступная среда» (ФЦП). Она утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. В основу ее разработки была положена Конвенция о правах инвалидов от 13.12.2006 г., являющаяся базой и точкой отсчета для этой программы.

Анализируя нормативно-правовую базу социального туризма, можно сделать вывод о том, что социальный туризм хоть и считается приоритетным направлением в политике России, но не имеет своей конкретной нормативно-правовой базы, на которой мог бы осуществляться в полной мере. Но несмотря на отсутствие регулирования социального туризма на государственном уровне, есть также негосударственные организации, осуществляющие свою деятельность по пропаганде и развитию социального туризма в нашей стране.

Сегодня одной из действующих организаций, которые профессионально занимаются проблемами развития социального туризма, является Всероссийское народное туристское общество (ВНТО). Это общество считается добровольным, самоуправляемым некоммерческим обществом, оно было создано по инициативе граждан и юридических лиц.

Главная задача ВНТО – восстановление и развитие туристского пространства в нашей стране. Помимо этого ВНТО имеет ряд направлений, например, расширение сферы социального туризма, в основе которого – доступный отдых, свободное передвижение, рациональный досуг, познавательная деятельность трудящихся, слабо защищенных слоев населения.

Таким образом, Россия как социальное государство должна использовать все ресурсы для обеспечения отдыха и реабилитации тех слоев насе-

ления, которые относятся к социальным туристам. Как уже отмечалось, социальными туристами являются по сути люди с ограниченными возможностями. То есть необходимо понимать, что отдых для социальных туристов должен иметь все необходимые условия для того, чтобы турист мог почувствовать себя полноценным человеком.

Стоит отметить, что единых рекомендаций или положений об организации социального туризма на данный момент не существует. Каждый туроператор, который формирует подобные туры, самостоятельно формирует все условия, необходимые для социального туризма.

Поскольку социальные туристы делятся на разные категории, их физические возможности также имеют различия и организация отдыха для каждого типа ведется индивидуально. Например, стоит понимать, что для инвалидов, которые передвигаются на колясках, необходима доступная среда, включающая в себя спуски и подъемы не только на территории отеля, но и вовремя экскурсий. Для пожилых людей тур стоит формировать с приоритетом на отдых, а экскурсии включать простые в прохождении и в небольшом количестве. Для детей-инвалидов отдых должен быть в первую очередь оздоровительным и развлекательным, с учетом их физических возможностей и т.д.

Если говорить о более масштабных проблемах социального туризма, то следует отметить саму систему ее развития. Это касается конкретно российской системы, которая практически неспособна развить данный вид туризма согласно его приоритетности. Данная проблема должна решаться на государственном уровне, иначе развитие социального туризма может быть осуществлено лишь частично, как это и происходит в настоящее время. То есть фактически под социальным туризмом можно понимать любой вид туризма (познавательный, курортный, зеленый и экологический, сельский и т.д.), расходы на который полностью или частично осуществляются за счет средств государства, предназначенных социальному туристу. Помимо этого социальный туризм имеет несколько отличительных особенностей:

- право на такой отдых имеют лишь представители льготных категорий, имеющих определенные документы, подтверждающие его причастность к данной категории;

- социальный турист не может выбирать место и продолжительность своего отдыха. Все путевки формируются государственными органами с учетом всех необходимых элементов отдыха для каждой категории социального туриста;

- количество путевок, выделяемых государством, всегда ограничено. Для каждой категории социального туриста выделяется то количество путевок, которое было запланировано государственными органами.

Как уже упоминалось, социальный туризм рассматривается в большинстве законов различных государств как экономическая категория, в том числе и в Российской Федерации. Зачастую данный вид туризма причисляется к приоритетным. В нашей стране социальному туризму закон дает третью степень приоритетности. Первую и вторую степень имеют внутренний и въездной туризм.

В российской системе можно наблюдать, что социальный туризм доступен для тех, кто имеет какие-либо льготы. Виды социального туриста

в Российской Федерации подразделяются на детско-юношеский, самостоятельный (имеется в виду спортивно-оздоровительный), лечебно-оздоровительный; экологический и культурно-познавательный, семейные путешествия, туризм для молодежи и ветеранов, инвалидный (доступный) туризм, туристские поездки по России зарубежных соотечественников, международные обмены по линии социального туризма.

Проблемой низкого развития социального туризма, прежде всего, является его экономический фактор. Это естественно, что большинство предпринимателей ставят своей целью получение прибыли. В случае с социальным туризмом прибыль занимает отнюдь не первое место. Так, со стороны экономики развитие социального туризма практически не приносит доход, а лишь требует финансовых вложений для реализации. Более того, для качественного развития данного направления необходимы сверхвложения, которые для любого другого вида туризма не всегда необходимы. Имеется в виду, прежде всего, инфраструктура, а в случае с социальным туризмом – это доступная среда. Организация доступной среды довольно сложна в производстве, особенно на территориях с плохо развитой инфраструктурой.

Если говорить о более масштабных проблемах социального туризма, то следует отметить саму систему ее развития. Это касается конкретно отечественной системы, которая практически неспособна развить данный вид туризма согласно его приоритетности. Данная проблема должна решаться на государственном уровне, иначе развитие социального туризма может быть осуществлено лишь частично, как это и происходит в настоящее время.

Проблемами развития социального туризма выступают инфраструктура и предприятия, способные организовать данный отдых, т.е. туроператоры и турагенты, специализирующиеся на социальном туризме или хотя бы отдающие ему часть своей деятельности. Помимо турфирм в развитии данного направления могут принять участие благотворительные организации, которые имеют опыт и навыки работы с туристами, некоммерческие и др. То есть помимо доступной среды, которую в принципе можно организовать частично (конкретно там, где турист отдыхает), существует такая проблема, как отсутствие предприятий, способных дать социальный туристский продукт. Имеются в виду предприятия, которые могли бы реализовать полный комплекс необходимых услуг для социального туриста, а также сопровождать его на протяжении всего отдыха. На данный момент в Крыму не функционирует ни одно предприятие, способное осуществить данный проект, и именно поэтому социальный туризм развивается очень слабо.

По данным на 2017 г. в Российской Федерации под категорию социальных туристов попадают около 32 млн человек. Однако санаторно-курортную реабилитацию получают лишь 5 % из них, т.е. порядка 1,6 млн. Ежегодно порядка 120 тыс. льготников по факту отправляются на отдых за счет субсидированных путевок. Как правило, путевки получают те льготники, которые находятся в составе организаций, принадлежность которой зависит от категории социального обеспечения – ветераны войны, инвалиды, пенсионеры, дети и т.д. Если у человека, находящегося в составе данной организации, также имеются все необходимые документы с соответствующими датами и подходящими ко всем обязательным правилам, то он имеет

право на получение бесплатной или частично оплаченной путевки в санаторно-курортный комплекс. Отсюда одной из причин такой разницы между количеством льготников и их социальным обеспечением отдыха является то, что много людей просто не зарегистрированы в организациях, не имеют соответствующих документов, таким образом, не могут получить путевку. Другая причина заключается в недостаточном финансировании, малом количестве социальных проектов, а также в больших очередях на получение данной путевки.

Хотя социальный туризм во многих странах, в том числе и в России, относится к числу приоритетных, его основная проблема заключается в финансировании и в доступности, оборудовании и инфраструктуре.

Так, социальный туризм может существовать при наличии следующих факторов:

1. Доступная среда. Большинство потребителей социального туризма – люди с ограниченными возможностями, пенсионеры и школьники. Для организации отдыха им необходима подходящая среда. Поэтому существует необходимость в создании благоприятных условий, позволяющих осуществить отдых в полной мере, соответствующей базовым стандартам.

2. Организаторы. Помимо государственной поддержки, для создания нормальных условий функционирования социального туризма на приемлемом уровне есть необходимость создания организаций, способных в полной мере осуществить запланированный отдых. Сюда относятся негосударственные благотворительные организации, турфирмы, специализация которых направлена на социальный туризм и т.д.

3. Источники финансирования. Самый главный фактор в развитии социального туризма. Источниками финансирования также могут быть различные благотворительные организации, государственная поддержка и т.д.

Таким образом, социальный туризм понимается как сектор туристского рынка, где покупатели получают субсидии из средств, выделяемых государством на социальные нужды, или иных источников покрытия, в целях создания условий для путешествий и отдыха школьникам, работающей и учащейся молодежи из малообеспеченных семей, пенсионерам, ветеранам и инвалидам, т.е. лицам, которым государственные и иные организации оказывают социальную поддержку.

Необходимо создание уникального туристского продукта, который будет отвечать всем требованиям социальных туристов для их качественного и полноценного отдыха. Это необходимо, поскольку соц. туристы нуждаются в повышенном внимании и пренебрежение данным пунктом может стать толчком для неудачи развития данного проекта.

В турпакет, помимо основных услуг (перелет, проживание и питание), должно быть включено:

Встреча и трансфер. Данная услуга рекомендована к включению в турпакет, поскольку большое количество социальных туристов являются инвалидами или же пожилыми людьми. Здесь ключевую роль играет человеческий фактор: люди могут заблудиться или плохо ориентироваться в пространстве. Данная услуга предполагает то, что туриста встретят на месте прибытия и привезут в санаторий.

Экскурсии. Помимо лечения, которое предоставляется в виде бесплатной услуги от санатория (как правило, несколько процедур), туристу необходимо просто отдохнуть, рекомендуется включить в тур хотя бы одну-две экскурсионные программы. Эти программы должны быть не слишком насыщенными, поскольку турист может устать.

Сопровождение. Здесь имеется в виду, что необходим персонал, который будет каждый день находиться на территории санатория для помощи и ответов на все вопросы, возникающие у туриста. То есть это должен быть своего рода отельный гид. Данная услуга необходима, поскольку социальные туристы нуждаются в повышенном внимании.

Для качественно организованного отдыха социальных туристов необходимо взаимодействие двух звеньев: организации, которая сможет спроектировать и обеспечить туриста необходимыми услугами безвозмездно, а также гостиничное предприятие, способное дать туристу минимум услуг, таких как проживание и питание. Такой проект позволит туристам получить полноценный отдых. Помимо этого существует необходимость заключения договоров с поставщиками таких услуг, как экскурсии. Чаще всего – это туроператоры, которые выделяют экскурсионный транспорт и экскурсоводов.

В числе будущих проектов, которые разрабатываются, числится создание центра комплексной реабилитации конкретно для той группы населения, которая относится к категории социального туриста. Социальный туризм на данный момент является новым направлением в деятельности работы многих туристских организаций, однако эти компании уже имеют опыт работы с социальным туристом. Так, например АНО «МАТГиРБ» (г. Севастополь) в 2017 г. совместно с правительством Российской Федерации, турагентством «ИнваТур» осуществляло проект реабилитации Ветеранов Афганистана, который проходил с апреля по октябрь. Этот проект включал в себя реабилитацию около двух тысяч человек. Данный проект можно назвать уникальным, поскольку его организовали на должном уровне, с учетом всех человеческих факторов. Категории социальных туристов, получивших реабилитацию, указаны в табл. 3.

Таблица 3

Социальные туристы, участвовавшие в проекте АНО «МАТГиРБ» в 2017 г.

Категория соц. туризма	Принадлежность к гос. организациям	Количество отдохнувших, чел.
Ветераны боевых действий	Российский Союз Ветеранов Афганистана	873
	Боевое братство (Союз Десантников)	727
Семьи погибших в боевых действиях	Российский Союз Ветеранов Афганистана	432
	Боевое Братство (Союз Десантников)	79
Итого		2 111

Немаловажным является найм квалифицированного персонала, так как на данный момент в турфирмах практически нет специалистов в области проектирования и организации социального туризма. В качестве сопровождающих можно принимать людей с образованием и опытом работы с инвалидами и людьми с ограниченными возможностями. В качестве менеджеров вполне можно принять специалистов области управления в туризме, аналогично и работников контакт-центра.

Как правило, те услуги, которые необходимо проектировать для реабилитации социальных туристов, оплачиваются дополнительно. Это доказывает, что санаторий, который обычно используют или перепрофилируют для организации реабилитационных мероприятий, не может создать качественный и правильный социальный турпродукт. Именно поэтому существует необходимость того, чтобы задействовать в таких проектах посреднические организации, которые в свою очередь смогут обеспечить качественный отдых социальному туристу.

Таким образом, можно определить проблематику направления социального туризма в турфирмах:

- отсутствие четкой системы работы над социальными турами и проектами;
- отсутствие отдела, управляющего данным направлением;
- недостаток персонала в данном направлении;
- отсутствие курсов по повышению квалификации персонала по этой теме.

Организация социального туризма несет в себе огромное количество особенностей, которые должны быть учтены при разработке социального тура. Социальный турист нуждается в повышенном внимании, поэтому нельзя игнорировать рекомендации по безопасности и качеству его отдыха. Так как единого регламента осуществления социального тура не существует, следует придерживаться стандартных процедур организации обычных туров, но с учетом всех особенностей, присущих формированию отдыха в сфере доступного туризма. Это относится как к длительным турам, экскурсиям, так и к кратковременному отдыху.

Размещение зон массового кратковременного отдыха следует предусматривать с учетом доступности этих зон на общественном транспорте, как правило, не более 1,5 ч. Размеры территорий зон отдыха следует принимать из расчета 500–1000 м на одного посетителя, в том числе интенсивно используемая ее часть для активных видов отдыха должна составлять не менее 100 м на одного посетителя. Площадь участка зоны массового кратковременного отдыха следует принимать не менее 50 га, в зоне пустынь и полупустынь – не менее 30 га [5, п. 4.14].

При проектировании пространственно-планировочной среды туристско-рекреационной деятельности необходимо предусматривать перспективные планы развития города. Расчетным сроком использования и развития градостроительной архитектуры, инженерно-транспортной инфраструктуры по нормативам считается период в 20 лет, градостроительный прогноз может доходить до 40 лет. Но современный мир быстро развивается, стремительно несет технические, экологические, социальные и поли-

тические изменения. Поэтому прогнозный период можно уменьшить как минимум вдвое, не нарушая основополагающих тенденций в развитии городов или внося коррективы в направления улучшения, соблюдения неповторимого облика всего города и его районов.

В проектах планировки и застройки городских и сельских поселений следует соблюдать требования законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры Российской Федерации.

При этом следует устанавливать зоны охраны памятников истории и культуры, зоны регулирования застройки и зоны охраняемого природного ландшафта. Зоны охраны памятников истории и культуры предусматриваются для отдельных зданий и сооружений, их ансамблей и комплексов, а также других ценных историко-культурных градостроительных элементов.

Проекты планировки и застройки городских и сельских поселений не должны предусматривать снос, перемещение или другие изменения состояния памятников истории и культуры. В исключительных случаях предложения по изменению состояния памятников следует представлять в соответствии с действующим законодательством.

Охрану ценной исторической среды «старых» районов сложившейся застройки следует обеспечивать методами комплексной реконструкции. В проектах реконструкции предусматриваются и проводятся одновременно работы по реставрации зданий, имеющих архитектурную и культурную ценность, по реконструкции, модернизации и капитальному строительству существующих зданий, новому строительству, выбирая такие архитектурно-планировочные решения, которые не нарушают характер среды, способствуют развитию систем инфраструктурного обеспечения и благоустройству территории.

Расстояние от памятников истории и культуры до транспортных и инженерных коммуникаций принимается не менее следующих нормативов: до проезжих частей магистралей, линий метрополитена неглубокого заложения: в условиях сложного рельефа 100 м, на плоском рельефе 50 м, до сетей водопровода, канализации и теплоснабжения (кроме разводящих) 15 м, до других подземных инженерных сетей 5 м.

В условиях реконструкции указанные расстояния до инженерных сетей допускается сокращать, но принимать в размере не менее следующих нормативов: до водонесущих сетей – 5 м; неводонесущих – 2 м. При этом необходимо обеспечивать проведение специальных технических мероприятий при производстве строительных работ [5, п. 9.20–9.22].

Таким образом, следует отметить, что при проектировании туристско-рекреационной деятельности необходимо не только воплощать замысел инвестора и проектировщика, но учитывать неповторимый образ городов и «старых» районов, не нарушать целостной картины восприятия города. При этом следует точно соблюдать требования нормативно-правовой и строительной документации. Важное значение имеет вопрос обустройства доступной среды, которая необходима как для развития социального туризма, так и корректного планирования туристско-рекреационной деятельности для различных слоев населения.

Литература

1. *Зорин И.В., Квартальнов В.А.* Энциклопедия туризма. М.: Финансы и статистика, 2003. 368 с.
2. *Кусков А.С., Понукалина О.В., Одинцова О.В.* Рекреационная география // Основы науки. Саратов, 2003. 260 с.
3. *Лукьянова Г.Д., Цибух В.И.* Рекреационные комплексы. Киев: Вища школа, 2004. 345 с.
4. Земельный кодекс РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zemkodeks.ru/>
5. Строительные нормы и правила СНиП 2.07.01–89* «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений». [Электронный ресурс]. URL: http://ohranatruda.ru/ot_biblio/normativ/data_normativ/1/1900/

Bibliography

1. *Zorin I.V., Kvartal'nov V.A.* Jenciklopedija turizma. M.: Finansy i statistika, 2003. 368 p.
2. *Kuskov A.S., Ponukalina O.V., Odincova O.V.* Rekreacionnaja geografija // Osnovy nauki. Saratov, 2003. 260 p.
3. *Luk'janova G.D., Cibuh V.I.* Rekreacionnye kompleksy. Kiev: Vishha shkola, 2004. 345 p.
4. Zemel'nyj kodeks RF [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.zemkodeks.ru/>
5. Stroitel'nye normy i pravila SNIp 2.07.01–89* «Gradostroitel'stvo. Planirovka i za-strojka gorodskih i sel'skih poselenij. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://ohranatruda.ru/ot_biblio/normativ/data_normativ/1/1900/

ОБ АВТОРАХ

Амельченко Александр Васильевич, доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра менеджмента и систем качества, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: awamelchenko@mail.ru

Анохин Николай Валентинович, кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансового рынка и финансовых институтов, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Руководитель Сибирского отделения Московской биржи, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: n.v.anohin@nsuem.ru

Баликоев Владимир Заурбекович, доктор экономических наук, профессор, кафедра финансового рынка и финансовых институтов, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: Balikoev1941@yandex.ru

Блохин Виктор Николаевич, старший преподаватель, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, Минск, Республика Беларусь. E-mail: vik-1987@bk.ru

Борцов Дмитрий Борисович, аспирант, кафедра бухгалтерского учета и налогообложения, руководитель группы по формированию бухгалтерской отчетности ПАО СК «Росгосстрах», Академия труда и социальных отношений, Москва, Российская Федерация. E-mail: DEEMA909@yandex.ru

Васильева Нина Сергеевна, старший преподаватель, кафедра корпоративного управления и финансов, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: vasilekns@mail.ru,

Долбня Андрей Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент, руководитель Межрегионального управления Федеральной службы по финансовому мониторингу по Сибирскому федеральному округу, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: a.a.dolbnya@mail.ru

Зайков Кирилл Алексеевич, старший преподаватель, кафедра статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: k.a.zajkov@nsuem.ru

Карзанова Ирина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра национальной экономики, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация. E-mail: karzanova-iv@rudn.ru

Кацина Жанна Евгеньевна, аспирантка, кафедра статистики, учета и аудита, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: z.kaschina@lsg.spb.ru

Ковалев Виталий Алексеевич, кафедра информационных технологий, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: pestunov@gmail.com

Корешков Владислав Григорьевич, старший преподаватель, кафедра экономики, финансов и кредита, Алтайский государственный технический университет, Барнаул, Российская Федерация. E-mail: v.g.koreshkov@mail.ru

Кулай Светлана Владимировна, старший преподаватель, кафедра естественно-научных и экономических дисциплин, Филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева в г. Прокопьевске, Прокопьевск, Российская Федерация. E-mail: osv-07@mail.ru

- Лятева Мария Георгиевна**, аспирант, кафедра национальной экономики, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация. E-mail: lyateva@inbox.ru
- Михайлов Юрий Иванович**, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и систем качества, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: yuim@yandex.ru
- Пестунов Андрей Игоревич**, кандидат физико-математических наук, доцент, кафедра информационных технологий, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: pestunov@gmail.com
- Попова Тамара Александровна**, кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансового рынка и финансовых институтов, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: popova.tamara1985@gmail.com
- Протас Нина Геннадьевна**, кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансового рынка и финансовых институтов, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: n.protas@mail.ru
- Пятов Михаил Львович**, доктор экономических наук, профессор, кафедра статистики, учета и аудита, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: m.pyatov@spbu.ru
- Румянцев Александр Сергеевич**, аспирант, кафедра статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: alexandr130990@gmail.com
- Рындач Марина Алексеевна**, доцент, кафедра менеджмента и туристского бизнеса, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация. E-mail: rindach@mail.ru
- Свистунов Андрей Валерьевич**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, Муромский институт (филиал), Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Муром, Российская Федерация. E-mail: svistunov-murom@yandex.ru
- Скоробогатов Андрей Сергеевич**, аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: skorobogatov.andrei@yandex.ru
- Сумская Татьяна Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru
- Сунцова Наталья Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики, финансов и кредита, Алтайский государственный технический университет, Барнаул, Российская Федерация. E-mail: sunsova.n@mail.ru
- Татарникова Валерия Владимировна**, аспирант, Школа инженерного предпринимательства, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Российская Федерация. E-mail: tvv0907@yandex.ru
- Чистякова Наталья Олеговна**, кандидат экономических наук, доцент, Школа инженерного предпринимательства, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Российская Федерация. E-mail: worldperson@mail.ru
- Швецов Юрий Геннадьевич**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики, финансов и кредита, Алтайский государственный технический университет, Барнаул, Российская Федерация. E-mail: yu.shvetsov@mail.ru

OUR AUTHORS

- Amelchenko Aleksander V.**, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Department of Management and Quality Systems, Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI» named after V.I. Uljanov (Lenin), St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: awamelchenko@mail.ru
- Anokhin Nikolai V.**, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Financial Market and Financial Institutions, Novosibirsk State University of Economics and Management, Head of the Siberian Branch of the Moscow Exchange, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: n.v.anohin@nsuem.ru
- Balikoiev Vladimir Z.**, Doctor of Economics, Professor, Department of Financial Market and Financial Institutions, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Balikoiev1941@yandex.ru
- Blokhin Victor N.**, Senior Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Belarusian State Agricultural Academy, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: vik-1987@bk.ru
- Bortsov Dmitriy B.**, Graduate Student, Department of Accounting and Taxation, Head of Group on Formation of Accounting Reports of Rosgosstrakh, Academy of Work and Social Relations, Moscow, Russian Federation. E-mail: DEEMA909@yandex.ru
- Vasilyeva Nina S.**, Senior Lecturer, Department of Corporate Governance and Finance, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: vasilekns@mail.ru.
- Dolbnya Andrey A.**, PhD in Economics, Associate Professor, Head of the Siberian Department of the Federal Financial Monitoring Service, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: a.a.dolbnya@mail.ru
- Zaykov Kirill A.**, Senior Lecturer, Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: k.a.zajkov@nsuem.ru
- Karzanova Irina V.**, PhD in Economics, Associate Professor, Department of National Economy, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation. E-mail: karzanova-iv@rudn.ru
- Kashchina Zhanna E.**, Graduate Student, Department of Statistics, Accounting and Audit, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation. E-mail: z.kashchina@lsg.spb.ru
- Kovalev Vitaliy A.**, Department of Information Technology, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: pestunov@gmail.com
- Koreshkov Vladislav G.**, Senior Lecturer, Department of Economics, Finance and Credit, Altai State Technical University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: v.g.koreshkov@mail.ru
- Kulay Svetlana V.**, Senior Lecturer, Department of Natural Sciences and Economics, Prokopyevsk branch, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Prokopyevsk, Russian Federation. E-mail: osv-07@mail.ru
- Lyateva Mariya G.**, Graduate Student, Department of National Economy, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation. E-mail: lyateva@inbox.ru
- Mikhailov Yuri I.**, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Department of Management and Quality Systems, Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI» named after V.I. Uljanov (Lenin), St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: yuim@yandex.ru

- Pestunov Andrey I.**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Department of Information Technology, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: pestunov@gmail.com
- Popova Tamara A.**, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Financial Market and Financial Institutions, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: popova.tamara1985@gmail.com
- Protas Nina G.**, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Financial Market and Financial Institutions, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: n.protas@mail.ru
- Pyatov Mikhail L.**, Doctor of Economics, Professor, Department of Statistics, Accounting and Audit, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: m.pyatov@spbu.ru
- Rumyantsev Aleksander S.**, Graduate Student, Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: alexandr130990@gmail.com
- Ryndach Marina A.**, Associate Professor, Department of Management and Tourism Business, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch), VI. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation. E-mail rindach@mail.ru
- Svistunov Andrey V.**, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Economics, Murom Institute (branch), Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov, Murom, Russian Federation. E-mail: svistunov-murom@yandex.ru
- Skorobogatov Andrey S.**, Graduate Student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: skorobogatov.andrei@yandex.ru
- Sumskaya Tatyana V.**, PhD in Economics, Associate Professor, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru
- Suntsova Natalya V.**, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics, Finance and Credit, Altai State Technical University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: sunsova.n@mail.ru
- Tatarnikova Valeriya V.**, Graduate Student, School of Engineering Entrepreneurship, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: tvv0907@yandex.ru
- Chistyakova Natalya O.**, PhD in Economics, Associate Professor, School of Engineering Entrepreneurship, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: worldperson@mail.ru
- Shvetsov Yuri G.**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics, Finance and Credit, Altai State Technical University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: yu.shvetsov@mail.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК НГУЭУ»

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, научные сообщения, соответствующие тематике журнала.

2. В редакцию следует направлять авторские материалы, включающие следующие элементы: индекс УДК, название публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова, текст публикуемого материала, список литературы. Название публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова необходимо представлять в редакцию на русском и английском языках. Объем авторского оригинала не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами). Вместе с оригиналом статьи автор должен представить заявление-анкету.

3. Требования к оформлению статьи.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Word. Шрифт Times New Roman, размер 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный, гарнитура нормальная. Поле верхнее – 2, нижнее – 2, левое – 3, правое – 1. Если статья содержит графические иллюстрации, то они должны быть дополнительно представлены в виде отдельных графических файлов формата JPEG. Статья должна быть сверстана в виде единого целого, чтобы при необходимости была возможна распечатка файла статьи. Страницы статьи не должны быть пронумерованы.

Аннотация (500–600 знаков) предшествует основному тексту статьи и представляется в текстовом редакторе Word. Шрифт Times New Roman, размер 10 пунктов. Аннотация сопровождается ключевыми словами (5–6 слов).

Ссылки на источники в тексте статьи даются только в квадратных скобках (без цитирования [12], при цитировании или пересказе авторского текста [12, с. 29]). Нумерация ссылок в статье производится по порядковому номеру источника в пристатейном списке литературы. Первыми в списке даются источники на русском языке, затем на иностранных языках и последними – источники электронные и удаленного доступа. Каждая группа выстраивается в алфавитном порядке.

При использовании в статье источников из электронных ресурсов или удаленного доступа (Интернета) в списке литературы приводится библиографическая запись источника и ссылка на сетевой ресурс с полным сетевым адресом в Интернете (см. Образец оформления статьи). Также необходимо указывать дату обращения к ресурсу.

Перед аннотацией приводятся инициалы и фамилия автора, полное название места его работы и электронный адрес.

Использованная литература приводится на последней странице текста статьи. Оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1–2003. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.

4. Регистрация авторов и отправка электронной версии статьи в редакцию осуществляется через он-лайн систему <http://nsuem.elpub.ru>. Статьи, не зарегистрированные в программе, не рассматриваются.

5. Принятые материалы публикуются бесплатно.

УДК 332.1

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Сумская Т.В.

Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
E-mail: sumscay@ieie.nsc.ru

Рассмотрены противоречия, обусловленные организационно-правовой моделью местного самоуправления в России, определены особенности формирования и направления использования средств местных бюджетов в зависимости от типов муниципальных образований. Выявлены недостатки преобразований, проводимых в сфере местного самоуправления, и показано, что развитие межбюджетных отношений в части региональных и местных бюджетов должно опираться на прочную финансовую базу, которая во многом определяется соответствующим законодательством, закрепляющим правовые гарантии финансовой самостоятельности местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, местный бюджет, текущие нужды муниципальных образований, дифференциация социально-экономического развития, механизм регулирования межбюджетных отношений.

PROBLEMS OF FORMING LOCAL SELF-GOVERNMENT BUDGETS

Sumskay T.V.

Institute of Economics and Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the RAS
E-mail: sumscay@ieie.nsc.ru

The article considers contradictions of organizational and legal model of local self-government in Russia, peculiarities of forming of intergovernmental fiscal relations model in Russia. The ways of formation of local governments' budgets corresponded to the types of municipality are described. Weaknesses of local self-government reforms are discovered. The author has shown, that the development of intergovernmental fiscal relations should rely on fundamental financial base. This base is determined by the law, which guarantees financial independence of local self-government.

Keywords: local self-government, local budget, intergovernmental fiscal relations.

Муниципальное образование, в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, – это городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения. В бюджетной системе страны, как главной финансовой базе деятельности и государственных органов власти, и органов местного самоуправления, связанной с экономическим и социальным развитием соответствующих территорий, местные бюджеты – самые многочисленные. К настоящему времени проблема их формирования и укрепления остается одной из наиболее острых и насущных в межбюджетных отношениях, что требует охвата процессами реформирования взаимоотношений не только Центра и субъектов Федерации, но и внутри субъектов РФ. Это возможно при условии выработки единой стратегии оздоровления всей системы общественных финансов...

При этом нельзя отрицать необходимости выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований «сверху» путем привлечения средств вышестоящих бюджетов. Однако во избежание формирования иждивенчества со стороны территорий федеральная помощь должна оказываться лишь при условии недостаточности налогового потенциала на подведомственной территории, в основе которой лежат объективные причины. В целом лишь опора на собственные силы представляется надежным залогом повышения эффективности механизма регулирования межбюджетных отношений, достижения действительной самостоятельности местных бюджетов.

Литература

1. Бухвальд Е. Проблемы переходного периода муниципальной реформы и пути ее решения // Федерализм. 2007. № 3. С. 95–110.
2. Гельман В. От местного самоуправления к вертикали власти // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 6–18.
3. Завьялов Д. Ю. Доходы муниципальных образований в аспекте межбюджетных отношений // Финансы. 2007. № 3. С. 22–25.
4. Киреева Е. В. О финансовых основах местного самоуправления // Финансы. 2005. № 12. С. 66–68.
5. Лобкин А. И. Бюджетное и налоговое регулирование экономики муниципальных территориальных образований // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 6 (45). С. 124–131.

ЗАЯВЛЕНИЕ-АНКЕТА

В журнал «Вестник НГУЭУ» от автора

Направляю Вам подготовленную мной статью _____

(название статьи)

для рассмотрения и публикации.

С условиями публикации согласен (а). Статья ранее не публиковалась. Против воспроизведения данной статьи в других средствах массовой информации (включая электронные) не возражаю.

В случае публикации статьи авторский экземпляр журнала прошу выслать по адресу: _____

(почтовый индекс, адрес)

АНКЕТА (СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ)

1. Фамилия, имя, отчество _____

2. Телефон: домашний _____ Рабочий _____
мобильный _____ E-mail _____

3. Место работы (учебы) _____

4. Должность _____

5. Ученая степень, звание _____

6. Страна, населенный пункт _____

Автор: _____ (подпись) _____ (фамилия и инициалы)

« _____ » _____ 20__ г.

Научный журнал
«ВЕСТНИК НГУЭУ»
2019 • № 1

Подписано в печать 06.03.2019. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70×108/16.
Усл. п. л. 19,5. Тираж 500 экз.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56.
Тел. 243-95-34